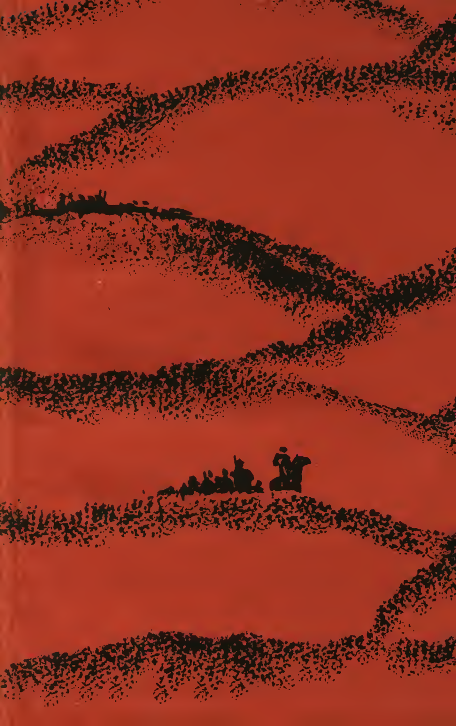
ОТНИКОВ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА УРАЛЕ

Средне- ельство,



[illegible]

Вперед, на защиту
Урала!

О. А. ВАСЬКОВСКИЙ, М. А. МОЛОДЦЫГИН,
Я. Л. НИРЕНБУРГ, И. Ф. ПЛОТНИКОВ, В. С. СКРОБОВ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА УРАЛЕ

Краеведческому отделу библиотеки.
Профессор Плотников — автор книги — И. Плотников
20/IV-2009 г.

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, СВЕРДЛОВСК, 1969

Эта книга посвящена историческим победам Красной Армии над белогвардейцами и интервентами на Урале, одержанным полвека тому назад. В книге широко использованы ленинские произведения, показана огромная заслуга вождя советского народа в организации отпора контрреволюции на Востоке страны.

Главное внимание авторы уделяют руководящей роли Коммунистической партии в мобилизации трудящихся масс Урала на защиту Советской власти, в создании, укреплении и политическом просвещении регулярных частей Красной Армии. Большое место отведено в книге организации обороны городов, заводских поселков, перестройке работы партийного, советского и хозяйственного аппарата на военный лад, мобилизации экономики для обслуживания нужд фронта. Авторы воспользовались тем богатейшим фактическим материалом, который собран в опубликованных источниках и литературе. Вместе с тем они используют новые архивные документы, дающие возможность более полно и правильно раскрыть закономерности гражданской войны, ее причины, движущие силы, характер, социально-экономические и политические последствия.

Книга написана коллективом научных сотрудников — преподавателей кафедр общественных наук высших учеб-

ных заведений Свердловска. Социально-экономические отношения, расстановка классовых сил и политических партий, организация советского тыла, ход военных действий с осени 1918 до весны 1919 года, положение трудящихся масс на оккупированной территории исследованы доктором исторических наук О. А. Васьковским. Им же написаны введение и частично заключение. Вопросами военного строительства занимался кандидат исторических наук М. А. Молодцыгин. Создание и деятельность партийно-политического аппарата в армии, боевые действия добровольческих отрядов трудящихся летом 1918 года освещены кандидатом исторических наук В. С. Скробовым. Доктор исторических наук И. Ф. Плотников — автор истории большевистского подполья и партизанского движения в тылу оккупантов. Заключительная глава написана в основном кандидатом исторических наук Я. Л. Ниренбургом в соавторстве с В. С. Скробовым и И. Ф. Плотниковым. Я. Л. Ниренбург принимал участие в написании заключения.

Научное редактирование книги принадлежит доктору исторических наук О. А. Васьковскому.

ИСТОРИЯ ИСТОРИИ

(вместо введения)

Гражданская война, борьба с иностранной интервенцией — один из самых значительных этапов истории нашего государства. В ходе героических сражений с контрреволюцией рожденный Октябрем советский общественный строй впервые показал свои огромные преимущества и непреоборимость. «Никогда не победят того народа, — говорил в то время великий Ленин, — в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда» [1].

В событиях, развернувшихся в результате вооруженного выступления белогвардейцев и интервентов против Советской власти, важное место занимал Урал. Именно в восточных районах страны, в том числе и на Урале, империалисты впервые осуществили в широких масштабах фа-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315.

ктическое объединение сил внутренней и внешней контрреволюции, начав серьезную и длительную войну против Советов. На Урале и на Волге дважды за время войны решалась судьба социалистической революции. Здесь был создан первый фронт гражданской войны — Восточный, прикрывший жизненно важные центры страны. Здесь накапливался опыт советского военного искусства, оперативного и политического руководства войсками. Больше года на всем протяжении огромного фронта кипели ожесточенные сражения. В них участвовали с обеих сторон сотни тысяч людей. В кровопролитной борьбе — сначала с дутовцами и белоказаками, затем с мятежными чехословаками и кулацкими бандами, с многочисленными полчищами адмирала Колчака, рабочий класс и ведомое им беднейшее крестьянство и трудовое казачество Урала показали великолепные образцы массового героизма и самоотверженной преданности делу социалистической революции. Опыт гражданской войны на Урале имел важное значение для выработки партией правильной классовой политики, предопределившей окончательную победу Советского государства над силами империалистической реакции, а также для разработки важнейших вопросов советского военного строительства.

Не удивительно, что история борьбы с вооруженным сопротивлением контрреволюции на Урале издавна вызывала живейший интерес историков, краеведов, публицистов, писателей.

Советские исследователи, осмысливая события гражданской войны, всегда обращаются к произведениям великого Ленина. Ленинское идейное наследие составляет методологическую базу нашей исторической науки и вместе с тем ее важнейший первоисточник. Исключительно важное теоретическое значение имеют высказывания В. И. Ленина о причинах, характере и движущих силах гражданской войны, о ее основных этапах, о путях создания и укрепления союза рабочего класса с трудящимся крестьянством в условиях войны, о социальной природе Красной Армии как армии нового типа, о неразрывной связи военной организации с экономическим и политическим строем советского общества, об источниках наших выдающихся побед над интервентами и белогвардейцами. Произведения В. И. Ленина дают ключ к пониманию особенностей борьбы за упрочение Советской власти на Урале.

Конкретное изучение истории гражданской войны началось по свежим следам событий. В течение 20-х — начала 30-х годов были достигнуты заметные успехи в собирательской, научно-исследовательской и публикаторской работе, комплектовании партийных, военных и государственных архивов, подготовке кадров историков. В то время руководящим центром в разработке историко-революционной тематики являлась образованная в 1920 году комиссия по изучению истории Октябрьской революции и истории РКП(б) — Истпарт. Видную роль сыграло также Военно-научное общество при Академии Генерального штаба Красной Армии. Первоначально литература по истории гражданской войны была представлена главным образом комбинированными сборниками, состоявшими из воспоминаний, документов и небольших статей. Некоторые из таких сборников отразили события, происходившие на Урале и в Сибири в период борьбы с колчаковщиной [1]. С середины 20-х годов по мере накопления источников стали создаваться исследовательские произведения.

Исключительно важное значение для разработки методологии и проблематики истории гражданской войны имели труды выдающихся военных деятелей и теоретиков А. С. Бубнова, С. И. Гусева, М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевского, С. С. Каменева [2]. Известный познавательный интерес представляли популярные очерки, посвященные истории создания и боевой деятельности Красной Армии [3]. В работах И. Петухова, Н. Савко, Н. Мищенко, А. Геронимуса рассматривались вопросы партийно-политической работы в советских войсках [4]. Крупным вкладом в разви-

[1] Пятьдесят первая Перекопская дивизия. История боевой и мирной жизни за 5 лет (1919—1924). М., 1925; Борьба за Урал и Сибирь. М.— Л., 1926; Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., 1930.

[2] А. С. Бубнов. Гражданская война, партия и военное дело. Сб. статей. М., 1928; С. И. Гусев. Гражданская война и Красная Армия. Сб. военно-теоретических и военно-политических статей (1918—1924 гг.). М., 1925; М. В. Фрунзе. Ленин и Красная Армия. Сб. «Статьи и речи». М., 1925; М. Н. Тухачевский. Война классов. Статьи 1919—1920 гг. М., 1921; С. С. Каменев. Очередные военные задачи. М., 1922.

[3] А. Городиев. Очерки Красной Армии. М., 1924; Б. Таль. История Красной Армии. Краткий общедоступный очерк. М.— Л., 1924; А. Король. История Красной Армии и гражданской войны. Пособие для политзанятий с красноармейцами. Киев, 1925.

[4] И. Петухов. Партийная организация и партийная работа в РККА. М.— Л., 1928; Н. Савко. Очерки по истории партийных

тие советской историографии явились произведения известных военных историков А. Анишева и Н. Какурина, а также трехтомное исследование по истории гражданской войны, выполненное под редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана[1]. Значительное место в литературе 20-х годов отводилось истории иностранной военной интервенции, связям внешней и внутренней контрреволюции. Специально эти вопросы исследовались в работах В. Керженцева, М. Павловича (М. В. Вельтмана), И. Майского, М. Левидова, Н. Какурина, И. Субботовского, Л. Иванова[2]. Работы историков И. Майского, В. Владимировой и В. Шмераль были посвящены разоблачению антинародной политики мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров[3].

Опираясь на теоретическое наследие В. И. Ленина, ведущие военные историки конкретно разработали важнейшие положения созданной им научной концепции истории гражданской войны и иностранной интервенции. Они правильно определили классовый характер войны, выяснили особенности ее основных этапов, показали роль внутренней и внешней контрреволюции, дали принципиальную оценку деятельности различных политических партий. В их трудах были проанализированы организационные, политические и идеологические принципы строительства Красной Армии, подчеркнуто огромное значение морального един-

---

организаций в Красной Армии 1918—1923 гг. М.— Л., 1928; А. Геронимус. ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б). М., 1928; Н. Мищенко. Партийно-политическая работа в Красной Армии. М.— Л., 1929.

[1] А. Анишев. Очерки истории гражданской войны 1917—1920 гг. Л., 1925; Н. Какурин. Как сражалась революция, т. I, II, М.— Л., 1925, 1926; Гражданская война 1918—1921 гг., т. I, II, III, М., 1928, 1930.

[2] В. Керженцев. Союзники и Россия. М., 1918; М. Павлович (М. В. Вельтман). РСФСР в империалистическом окружении. Вып. 1, 2, 3. М., 1922; И. Майский. Внешняя политика РСФСР. 1917—1922. М., 1923; М. Левидов. К истории союзной интервенции. Л., 1925; Н. Какурин. Роль держав Антанты в военной экономике белых правительств во время гражданской войны. В кн.: Кто должник? Сборник. М., 1926; И. Субботовский. Союзники, русские реакционеры и контрреволюция. Л., 1926; Л. Иванов. СССР и империалистическое окружение. М., 1928.

[3] И. Майский. Демократическая контрреволюция. М.— Л., 1923; В. Владимирова. Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. М.— Л., 1927; В. Шмераль. Чехословаки и эсеры. М., 1922.

ства советского фронта и тыла. В общих трудах по истории гражданской войны в той или иной мере нашла отражение и борьба с контрреволюцией на Восточном фронте. Отдельные аспекты этой темы были специально исследованы в работах Г. Гая, С. Белицкого, Д. Рыбина, Н. Какурина, В. Шорина [1].

Творчество ведущих советских историков явилось крупным вкладом в историографию. Оно оказало большое влияние на формирование исследовательской мысли на местах. История Октябрьской революции и гражданской войны в отдельных районах нашей страны разрабатывалась преимущественно местными истпартами. Благодаря активной поддержке партийных организаций, истпарты превратились в центры собирательской и научно-исследовательской работы. Они сыграли решающую роль в создании партийных архивов, историко-революционных музеев, в публикации источников и различной литературы. Это в полной мере относится к деятельности Уральского бюро истпарта, образованного в Екатеринбурге в 1921 году.

Первое время Уралистпарт собирал и публиковал преимущественно воспоминания. В 1921 году он выпустил сборник «Рабочая революция на Урале» [2], в который вошли воспоминания участников гражданской войны П. М. Быкова, Р. И. Берзина, И. Шепелева, А. Брагинского и некоторые документы по истории колчаковщины. Затем издаются мемуары В. Быкова, М. Голубых, И. Онуфриева, А. Герасимова [3]. Наиболее значительной работой истпарта был сборник статей, воспоминаний и документов под названием «Колчаковщина» [4].

---

[1] Г. Д. Гай. Первый удар по Колчаку. Военно-исторический очерк. М., 1926; С. Белицкий. Златоустовская операция. В кн.: Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. Кн. IV. М., 1928; Д. Рыбин. Уфимская операция 1919 г. Там же: Н. Какурин. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. М.— Л., 1928; В. Шорин. Борьба за Урал. (Из боевой жизни 2-й армии). В кн.: Гражданская война 1918—1921 гг. М., 1928.

[2] Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. 1917—1921. Екатеринбург, 1921.

[3] В. Быков. Подполье. Екатеринбург, 1923; М. Голубых. Уральские партизаны. Екатеринбург, 1924; И. Онуфриев. Мои воспоминания из гражданской войны на Урале. Екатеринбург, 1922; Он же. Гражданская война на Урале. Воспоминания бывшего комбрига. Свердловск, 1925; А. Герасимов. Год в колчаковском застенке. Екатеринбург, 1923.

[4] Колчаковщина. Сборник. Екатеринбург, 1924.

Постепенно характер литературы меняется. Наряду со сборниками большое место в ней начинают занимать популярные исторические очерки и исследовательские работы. В 1926—1930 годах Уралистпарт опубликовал брошюры П. М. Быкова, А. Ослоновского и А. Орлова, К. Просветова, А. Баранова, А. Таняева[1]. Из источников наиболее интересной была документальная публикация «Колчаковщина на Урале»[2]. Помимо Свердловска, различная литература по истории Октябрьской революции и гражданской войны в крае была издана и в других городах Уральской области[3].

Воспоминания участников событий, документы, исследовательские произведения, опубликованные центральными и местными издательствами за данный период, ввели в оборот обширный фактический материал, осветили ряд важных проблем в историографии гражданской войны на Урале. В первую очередь исследованию подвергалась проблема военного строительства. Историки пытались показать роль партийных организаций Урала в мобилизации революционных сил на борьбу с белогвардейцами и интервентами, в создании добровольческих отрядов трудящихся и регулярных частей Красной Армии. В общих чертах были охарактеризованы мероприятия партии по созданию и укреплению Восточного фронта, а также важнейшие операции первого этапа войны. Но представление о жизни и

[1] П. М. Быков. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926. Он же. Красная Армия в борьбе за Урал (по материалам Уралистпарта). Свердловск, 1928; А. Ослоновский, А. Орлов. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. Свердловск, 1927; К. Просветов. Уральский комсомол в борьбе за Октябрь. Свердловск, 1928; А. Баранов. Октябрь и начало гражданской войны на Урале. Свердловск, 1928; Он же. Гражданская война на Урале. Пособие для лекторов. Свердловск, 1928; А. Таняев. Колчаковщина на Урале (1918—1919 гг.). Свердловск — Москва, 1930.

[2] Колчаковщина на Урале. 1918—1919 гг. В документах и материалах. Свердловск, 1929.

[3] Т. Корушин. Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917—1926). Ишим, 1926; Ижевск в огне гражданской войны. Из истории революционного движения ижевских рабочих в 1917—1918 гг. Ижевск, 1927; Пройденный путь. Из истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Вып. I. Уфа, 1927; Десять лет Советской власти в Ишимском округе. Ишим, 1927; Октябрь на Южном Урале. Златоуст, 1927; М. С. Кашеваров. Красная страничка из истории 4-го Уральского полка. Шадринск, 1928; Он же. Борьба за Советы на Урале. В кн.: Исетский край. Шадринск, 1931; И. Туракаев. Башкирские части в гражданскую войну. Уфа, 1929.

боевой деятельности Красной Армии на Урале было недостаточно полным и конкретным. Особенно слабо освещалась работа партийно-политического аппарата, местных органов военного управления.

Важное место в литературе занимала проблема расстановки классовых сил и политических партий на Урале в ходе гражданской войны. Некоторые исследователи, в частности А. Таняев, высказали убедительные соображения о причинах колебаний среднего крестьянства в сторону контрреволюции. Однако в оценке роли рабочего класса была допущена серьезная ошибка. В литературе утвердился антинаучный либерально-народнический тезис о мелкобуржуазной природе уральского рабочего. Этим фактически отрицалась авангардная роль пролетариата в Октябрьской социалистической революции и гражданской войне на Урале. Большое внимание исследователи уделили разоблачению контрреволюционной деятельности соглашательских партий. Характеризуя начальный период белогвардейской оккупации, когда у власти находилось так называемое Временное областное правительство Урала, возглавляемое меньшевиками и эсерами, исследователи показали, что политика соглашательства с буржуазией неизбежно вела к реставрации эксплуататорского строя. К сожалению, характеристика этой политики ограничивалась лишь сферой экономических отношений, точнее — рабочим вопросам.

Центральное место в перечисленных выше трудах занимает история борьбы с колчаковщиной. Ее важные аспекты освещены в целом правильно, но недостаточно конкретно. Особенно привлекает правильная трактовка ведущими историками Н. Какуриным и А. Анишевым событий под Пермью в декабре 1918 года, а также военных и политических мероприятий партии и правительства, предпринятых в целях разгрома армий Колчака весной и летом 1919 года. Что касается экономической и социальной программы белогвардейских оккупантов в период колчаковской диктатуры, то ее исследовали далеко не во всех направлениях. В частности, историки почти совсем не затронули политики колчаковщины по отношению к крестьянству. Очень поверхностно показывалась героическая деятельность большевистского подполья по разложению вражеского тыла и руководству массовым движением сопротивления, ускорившим военный крах колчаковщины.

Становление советской исторической науки происходило в обстановке непримиримой борьбы с влиянием буржуазной идеологии. Это влияние ощущалось и в области историографии гражданской войны. Так, работы К. Буревого, И. Подшивалова, М. Муртазина в корне расходятся с ленинской концепцией в оценке движущих сил революции и контрреволюции на Урале [1]. Эти работы искажают классовый характер гражданской войны. Объективно они служили тому, чтобы оправдать предательскую политику мелкобуржуазных и националистических партий, снять с них тяжелую ответственность за активное сотрудничество с империалистами. Наряду с такой откровенной апологией соглашательства влияние чуждой марксизму идеологии сказывалось в отступлении от общих принципов большевистской партийности при освещении событий гражданской войны. Многие исследователи, в особенности на местах, еще не были подлинными марксистами. Они не видели насущной необходимости вести упорную борьбу за чистоту исторической науки против буржуазных фальсификаторов истории. Для повышения теоретического уровня исследовательской работы по истории Октябрьской революции и гражданской войны большое значение имел идейный и организационный разгром антипартийных оппортунистических группировок, в первую очередь троцкизма. Были приняты меры по улучшению идеологической и профессиональной подготовки кадров историков. В начале 30-х годов Уралистпарт пополнился квалифицированными исследователями. С помощью партийных организаций и широкой общественности уральские историки успешно преодолевали объективистские ошибки в трактовке некоторых принципиальных вопросов истории гражданской войны.

Следующий этап развития историографии гражданской войны продолжался с начала 30-х до середины 50-х годов. Его важнейшей вехой явилось постановление Центрального Комитета партии от 30 июля 1931 года «Об издании истории гражданской войны», которое нацеливало на разработку наиболее актуальных социально-политических и военных проблем. Создание подобного рода фундаментального обобщающего труда было возможно лишь в резуль-

[1] К. Буревой. Колчаковщииа. М., 1919; И. Подшивалов. Граждаиская борьба иа Урале. 1917—1918 гг. М., 1925; М. Л. Муртазии. Башкирия и башкирские войска в граждаискую войну. М., 1927.

тате предшествующего развития советской исторической науки, окончательного утверждения марксистско-ленинской методологии и методики исследования. В свою очередь, постановление ЦК ВКП(б) вызвало дальнейший подъем собирательской, научно-исследовательской, публикаторской и пропагандистской работы по истории гражданской войны. Большую роль в развитии источниковедческой базы сыграли архивные документы и материалы, которые стали широко вовлекаться в научный оборот. В начале 40-х годов появились первые крупные документальные публикации [1]. Особенно важное значение имело завершение второго и третьего изданий сочинений В. И. Ленина, а также выпуск отдельными сборниками его военной переписки [2]. Качественные сдвиги, наметившиеся к этому времени в теоретическом и фактическом освещении темы, отразились на трудах первой половины 30-х годов, особенно в монографии А. Голубева [3].

В подготовке многотомной истории гражданской войны участвовала широкая общественность. На местах эту работу возглавили истпарты и созданные при них специальные комиссии или комитеты содействия. Уралистпарт и его местные отделения развернули энергичную деятельность по собиранию воспоминаний, документов и других материалов. Группа исследователей приступила к написанию трехтомной истории гражданской войны на Урале. Намечено было опубликовать серию исторических очерков о Красной гвардии и наиболее прославленных частях Красной Армии. Вся эта работа осуществлялась под знаком дальнейшего повышения теоретического уровня научных исследований, решительного наступления на рецидивы буржуазной идеологии.

В течение первой половины 30-х годов на Урале было издано несколько монографий, сборников воспоминаний и

---

[1] Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I. М., 1940; Профсоюзы СССР в создании Красной Армии. 1918—1920. М., 1940; М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов. М., 1941; Листовки гражданской войны в СССР (1918—1922 гг.). М., 1942; Организация Красной Армии. 1917—1918. Сборник документов и материалов. М., 1943.

[2] В. И. Ленин. Из эпохи гражданской войны. Письма, документы, распоряжения. М., 1934; В. И. Ленин. Военная переписка. 1917—1920. М., 1943.

[3] А. Голубев. Гражданская война. 1918—1920 гг. М., 1932.

документов[1]. Большинство из них посвящалось созданию и боевой деятельности частей и соединений Красной Армии. Другой важной темой была гражданская война в национальных районах Урала. В отношении Башкирии эта тема рассматривалась преимущественно в плане военного строительства. Удмуртские историки впервые исследовали на конкретном фактическом материале целый комплекс сложнейших социальных и политических проблем. Наиболее убедительно это удалось сделать Ф. П. Макарову.

Несмотря на наличие субъективистских наслоений, историческая наука в 30—40-е годы продолжала развиваться. Велась разработка отдельных проблем истории гражданской войны. Вышла целая серия книг, посвященных боевым действиям на Восточном фронте, главным образом борьбе с колчаковщиной[2]. Авторы этих книг придерживались в основном утвердившейся тогда в историографии схемы «Краткого курса истории ВКП(б)», которая принижала решающую роль Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, В. И. Ленина в разгроме армий Колчака. Но вместе с тем авторы ввели в оборот большое количество новых архивных документов, детально характеризующих развитие боевых действий, стратегические и оперативно-тактические планы сторон, состав, численность, вооружение и расположение войск, военно-политические итоги наиболее крупных операций. Особенно глубокому исследованию все эти вопросы подвергались в монографиях Ф. Огородникова, А. Федорова и Е. Болтина.

[1] Гражданская война в Башкирии. Сборник воспоминаний. Уфа, 1932; Н. Недолин. Рейд Блюхера. Уфа, 1932; Ф. П. Макаров. Октябрь и гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1932; Г. Рычкова. Красная гвардия на Урале. Свердловск — Москва, 1933; В. А. Максимов. Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание (1918). Ижевск, 1933; П. Бажов. Бойцы первого призыва. Свердловск, 1934; К боевой биографии В. М. Азина (Материалы и документы). Ижевск, 1935; П. Бажов. Формирование на ходу. К истории Камышловского 254-го 29-й дивизии полка. Свердловск, 1936.

[2] Ф. Огородников. Удар по Колчаку. М., 1938; Ф. В. Воробьев. Оборона Оренбурга (апрель — май 1919 г.). М., 1938; А. Федоров. Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. М., 1939; А. И. Гуковский. Ликвидация Пермской катастрофы. М., 1939; В. В. Хрулев. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940; П. П. Пылаев. Сталин на Восточном фронте. Свердловск, 1940; П. Софинов. Сталин и Дзержинский на Восточном фронте. Киров, 1940; Е. А. Болтин. Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака. М., 1949.

Важное значение имели обобщающие работы по истории организации и политического просвещения Красной Армии в годы гражданской войны [1]. Крупным достижением советской историографии явилось всестороннее исследование внешнеполитических аспектов истории гражданской войны. В произведениях А. Е. Куниной, А. Березкина, А. Гулыги и А. Геронимуса, Ф. Д. Волкова и других историков были собраны многочисленные факты, разоблачавшие агрессивную политику иностранных империалистов по отношению к нашей стране [2].

В изучении военно-исторической тематики на местах результаты были весьма скромные. Но и здесь исследовательская работа не прекратилась. За период с конца 30-х до середины 50-х годов вышло несколько брошюр, сборников, статей, документов и воспоминаний [3]. Их содержание касалось вопросов военного строительства, деятельности уральских партийных организаций, направленной на упрочение Советской власти и мобилизацию трудящихся масс на борьбу с контрреволюцией. Началось конкретное изучение истории большевистского подполья. Большое познавательное значение имела работа А. И. Устькачкинцевой.

[1] Н. И. Шатагин. Организация и строительство Советской Армии в 1918—1920 гг. М., 1954; Ю. П. Петров. Строительство партийно-политического аппарата Советской Армии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1952.

[2] А. Е. Кунина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1918—1920 гг. М., 1951; А. Березкин. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). М., 1952; А. Гулыга, А. Геронимус. Крах антисоветской интервенции США в 1918—1920 гг. М., 1952; Ф. Д. Волков. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917—1924 гг.). М., 1954; В. Краль. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. М., 1955.

[3] Ю. Бессонов. На фронте и в тылу. Рабочие Верх-Исетского завода в 1918—1920 гг. Свердловск, 1937; А. Медведев. По долинам и по взгорьям. Боевые походы Краснознаменного полка им. Малышева. Свердловск, 1939; Разгром колчаковщины на Урале. Сборник. Свердловск, 1939; К двадцатилетию освобождения Удмуртии от колчаковщины. Материалы и документы. Ижевск, 1939; Гражданская война в Оренбургском крае. По воспоминаниям участников гражданской войны и документам. Чкалов, 1939; За власть Советов! Челябинск, 1941; Г. Гужвенко. Башкирия в борьбе за Октябрь. Краткий исторический очерк. Уфа, 1941; К. Н. Андреев. Борьба Пермской большевистской организации за ликвидацию последствий колчаковщины. Пермь, 1951; А. И. Устькачкинцева. Пермская партийная организация в борьбе за упрочение Советской власти (1918 год). Пермь, 1953.

Автор первым поставил и конкретно исследовал целый комплекс вопросов, связанных с развертыванием социалистической революции в уральской деревне и с политическими событиями начального периода гражданской войны. Местные историки продолжали также изучение особенностей борьбы с контрреволюцией в национальных районах Урала. Но, несмотря на наличие некоторых успехов в разработке конкретного содержания истории гражданской войны, исследователи еще не смогли на данном этапе глубоко проанализировать соотношение классовых сил и политических партий. Больше того, общая трактовка хода военных событий на Восточном фронте, утвердившаяся в литературе, была во многом ошибочной, поскольку она игнорировала действие объективных факторов, не учитывала особенностей социально-экономического развития Урала.

Наиболее крупные успехи в изучении проблематики истории гражданской войны были достигнуты на современном этапе, который начался после XX съезда КПСС. Прежде всего, исследователи получили неограниченный доступ к источникам. В результате в научный оборот было введено огромное количество документов, извлеченных из партийных, советских, военных и различных ведомственных архивов в центре и на местах. В полной мере были использованы имевшиеся документальные сборники, воспоминания, специальные исследования, а кроме того, центральная и местная периодическая печать, переводная литература, источники, изданные на иностранных языках. Особенно много стало выходить воспоминаний участников гражданской войны. В мемуарной литературе ярко отображена руководящая роль Коммунистической партии в обороне Урала от интервентов и белогвардейцев, показана ее повседневная политико-воспитательная и организаторская работа с массами [1]. Было издано много общих и тематических

---

[1] В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов — участников Октябрьской революции и гражданской войны на Урале. Свердловск, 1957; Под Красным знаменем. Сб. воспоминаний. Пермь, 1957; За власть Советов. Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов, 1957; За власть Советов. Воспоминания участников гражданской войны на территории Коми-Пермяцкого края. Кудымкар, 1957; На Южном Урале. Воспоминания участников гражданской войны. М., 1958; А. И. Медведев. По долинам и по взгорьям. Свердловск, 1958; П. П. Бажов. Бойцы первого призыва. Свердловск, 1958; Легендарный рейд. Сб. воспоминаний о походе

публикаций по истории гражданской войны в стране, а также несколько специальных сборников, освещающих ход военных событий на Урале [1]. Огромное влияние на развитие теоретической и источниковедческой базы исследования оказала дальнейшая разработка ленинского идейного наследия, выход в свет полного собрания сочинений В. И. Ленина и переиздание его военной переписки.

В вышедшей за последние годы весьма обширной и разнообразной исторической литературе с позиций марксистско-ленинской методологии и на основе огромного документального материала рассматриваются важнейшие аспекты данной темы. Обогащение фактического содержания и заметное повышение теоретического уровня литературной продукции были обусловлены не только более благоприятными объективными возможностями для развития науки, но и наличием достаточно многочисленных кадров историков, имеющих специальную подготовку и большой опыт творческой работы, свободно владеющих

южноуральских партизан под командованием В. К. Блюхера. М., 1959; В боях и походах. Воспоминания участников гражданской войны на Урале. Свердловск, 1959; С. Пичугов. Неизведанными путями. М., 1958; Ф. И. Голиков. Красные орлы. М., 1959; Страницы героического прошлого. Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны на Южном Урале. Челябинск, 1959; В пороховом дыму. Воспоминания участников гражданской войны. Пермь, 1961; Ф. Копытов. В боях на Северном Урале. Свердловск, 1965.

[1] Боевые подвиги частей Красной Армии (1918—1922 гг.). Сборник документов. М., 1957; Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). Документы и материалы. М., 1957; Гражданская война в Оренбуржье (1917—1919 гг.). Документы и материалы. Оренбург, 1958; Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Сборник документов, ч. 1. Ижевск, 1960; Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов в трех томах. М., 1960—1961; Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). Документы и материалы. М., 1962; Гражданская война на Южном Урале (1918—1919 гг.). Сборник документов и материалов. Челябинск, 1962; Южное Зауралье в период гражданской войны (1918—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Курган, 1963; Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата. Сборник документов и материалов. М., 1964; Партийно-политическая работа в Красной Армии (апрель 1918 г.— февраль 1919 г.). Документы, 1961; Партийно-политическая работа в Красной Армии (март 1919—1920 гг.). Документы. М., 1964; Упрочение Советской власти в Пермской губернии. Документы и материалы. Пермь, 1966; Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920 гг.). Сборник документальных материалов. Свердловск, 1967.

научной методологией и методикой исторического исследования.

В настоящее время изучением истории гражданской войны занимаются специалисты — работники высших учебных заведений, научно-исследовательских и архивных учреждений, краеведческих музеев и различных культурно-просветительных организаций. Главным центром исследовательской и публикаторской работы в этой области является Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Коллектив ученых ИМЛ занимает ведущее место в изучении общих теоретических вопросов темы, публикации источников и монографической литературы. Его большой заслугой является завершение в 1960 году издания пятитомной «Истории гражданской войны в СССР». Помимо того, было подготовлено и издано несколько отдельных сборников статей и монографий обобщающего характера [1]. Из них особый интерес представляет третий том фундаментальной «Истории Коммунистической партии Советского Союза», в котором на современном научном уровне раскрыты все стороны деятельности нашей партии в период борьбы за упрочение Советской власти.

Преимущественное внимание исследователи уделяли, естественно, изучению руководящей роли Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, местных организаций, лично В. И. Ленина и его выдающихся соратников в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Наиболее плодотворно над этой темой работает Ю. П. Петров — автор специальных книг и статей [2]. Значительным вкладом в развитие историографии темы явилась также работа Н. Ф. Кузьмина о военной деятельности В. И. Ленина, возглавлявшего в 1918—1920 годах

[1] Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г. Сб. статей. М., 1959; Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г. Сб. статей. М., 1960; Г. Г. Алахвердов, Н. Ф. Кузьмин, М. В. Рыбаков, Л. М. Спирин, Н. И. Шатагин. Краткая история гражданской войны в СССР. М., 1960; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Коммунистическая партия— организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции и обороны Советской республики. Книга вторая (март 1918—1920 гг.). М., 1968.

[2] Ю. П. Петров. Военные комиссары в годы гражданской войны. М., 1956; Он же. Партийные мобилизации в Красиую Армию 1918—1920 гг. М., 1956; Он же. КПСС — руководитель и воспитатель Красной Армии (1918—1920 гг.). М., 1961.

оборону Советского государства[1]. История строительства Красной Армии и борьбы с контрреволюцией на Восточном фронте исследована в работах Л. М. Спирина[2]. Популярную книгу о Третьей армии написал А. Спасский[3].

В изучении темы или ее отдельных аспектов приняли активное участие научные сотрудники Института истории Академии наук СССР. Из литературы, изданной Институтом истории, следует в первую очередь назвать монографию С. М. Кляцкина «На защите Октября»[4], которая наиболее полно освещает вопросы организации и строительства Красной Армии в период Октябрьской революции и гражданской войны. Крупным исследованием обобщающего характера является седьмой том капитальной двенадцатитомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», издаваемой Институтом истории[5].

Значительные силы исследователей, занимающихся, в частности, историей гражданской войны и иностранной интервенции, группируются вокруг Военного издательства Министерства обороны СССР. Издательство систематически выпускает мемуарную литературу, которая служит богатейшим источником фактического материала. Из монографических произведений общего или тематического характера, опубликованных за последние годы, заслуживают внимания работы Д. М. Гринишина, Г. В. Кузьмина, А. С. Умнова, Д. А. Стефанкова, Г. Х. Эйхе, Н. К. Лисовкого[6]. Несомненный интерес представляют книги по

[1] Н. Ф. Кузьмин. В. И. Ленин во главе обороны Советской страны (1918—1920 гг.). М., 1958.

[2] Л. М. Спирин. Участие трудящнхся Урала в строительстве Красной Армии (1918). В сб. статей «Из историн борьбы советского народа против иностранной военной интервенцин и внутренней контрреволюцнн в 1918 г.»; Он же. Разгром армии Колчака. М., 1957.

[3] А. Спасский. Третья армня. Пермь, 1958.

[4] С. М. Кляцкий. На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республнке. 1917—1920. М., 1965.

[5] История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия вторая. Том VII. Великая Октябрьская социалистнческая революция и гражданская война в СССР. 1917—1920 гг. М., 1967.

[6] Д. Грииишин. Военная деятельность В. И. Леннна. М., 1957; Г. В. Кузьмин. Гражданская война и военная ннтервенция в СССР. М., 1958; А. С. Умнов. Гражданская война и среднее крестьянство. М., 1959; Д. А. Стефанков. Коммунистическая партня — организатор разгрома объедниенного похода Антанты (март — август 1919 г.). М., 1960; Г. Х. Эйхе. Уфимская авантюра Колчака, М., 1960; Он же. Опрокннутый тыл. М., 1966; Н. К. Лисовский. Разгром дутовщнны (1917—1919 гг.). М., 1964.

истории входивших в состав Третьей армии Восточного фронта знаменитого полка «Красных орлов» и не менее прославленной Особой бригады[1].

Несколько работ, имеющих косвенное или непосредственное отношение к военным и политическим событиям на Восточном фронте, опубликовали и другие центральные издательства[2].

Большая исследовательская работа в области истории гражданской войны развернулась на местах. В настоящее время периферия располагает достаточно квалифицированными кадрами историков, способных решать на высоком теоретическом уровне актуальные проблемы науки. Главная роль в изучении революционного прошлого Урала принадлежит сейчас кафедрам общественных наук высших учебных заведений. Ученые не только сами успешно разрабатывают военно-историческую проблематику, но и оказывают систематическую помощь архивам, музеям, библиотекам, краеведческим обществам, книжным издательствам в обобщении материалов и публикации разного рода литературной продукции.

Местные историки и краеведы внесли существенный вклад в развитие современной историографии гражданской войны на Урале, создав целый ряд монографических произведений, научных статей и популярных книг. Первой крупной работой обобщающего характера явилась коллективная монография «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», подготовленная институтом истории партии при Свердловском обкоме КПСС с участием преподавателей Уральского государственного университета[3]. Авторы попытались осветить все основные проблемы, связанные

---

[1] Н. Бажеиов, Л. Дудии, А. Мясииков, А. Полуяхтов. Под зиамеием ВЦИК. Краткая боевая история полка «Красиых орлов». М., 1963; С. П. Кесарев, А. Н. Королев, С. Г. Пичугов. Особая бригада (исторический очерк). М., 1962.

[2] Ю. Поляков и Д. Шелестов. Боевой восемиадцатый год. М., 1958; Б. Б. Душеиькии. От солдата до маршала. Жизиь и боевой путь Маршала Советского Союза В. К. Блюхера. Изд. 2-е дополиеииое и исправлеииое. М., 1961; К. Гусев. Крах партии левых эсеров. М., 1963; И. Ф. Плотииков. Десять тысяч героев (Легеидариый рейд уральских партизаи во главе с В. К. Блюхером). М., 1967; И. Ф. Плотииков. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы граждаиской войиы (1918—1920). М., 1968.

[3] Коммунисты Урала в годы граждаиской войиы. Свердловск, 1959.

с деятельностью партийиых оргаиизаций Урала по упрочеиию и защите Советской власти за период с октября 1917 по 1920 год. Несколько раиьше вышла киига преподавателя Магиитогорского педагогического ииститута П. С. Лучевникова о граждаиской войие иа Южиом Урале [1]. Наиболее подробно в ией исследована на иовых архивиых материалах борьба трудящихся масс во главе с большевиками-подпольщиками против белогвардейских оккупаитов. Из тематических публикаций того же автора можно иазвать издаиную в Челябииске брошюру «Карабашские партизаиы» [2]. Событиям граждаиской войиы иа Южиом Урале посвящеиа также работа преподавателя Оренбургского педагогического иистиута В. И. Аиаиьева [3]. Автор собрал и обобщил материалы о боевой деятельиости интериациоиальиых частей Красиой Армии в период граждаиской войны. К числу локальиых исследований отиосится книга Е. И. Рябухииа, в которой отражено участие трудящихся Вятской губериии в вооружеииой защите Советской власти и оказаиии всемериой помощи Восточному фронту в 1918—1919 годах [4]. Пермские историки посвятили эпохе граждаиской войиы сборник «На фроите и в тылу» [5]. В ием представлеиы статьи К. Н. Аидреева, Н. Ф. Пазиикова, Н. И. Попова и других авторов, освещающие трудовую и политическую активиость трудящихся Урала, а также мероприятия Коммуиистической партии по разгрому колчаковщииы. Крупным вкладом в современную историографию граждаиской войны явилась моиография преподавателя Тюменского педагогического института П. И. Рощевского [6]. На обшириом документальиом материале автор попытался решить целый комплекс сложиых вопросов, определявших специфику борьбы с виутреииией и виешней коитрреволюцией на территории Зауралья. Серьезным иаучиым исследоваиием является моиография «Октябрьская

[1] П. С. Лучевников. Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919 гг. Челябинск, 1958.

[2] П. С. Лучевников. Карабашскне партизаны. Страннцы истории. Челябинск, 1966.

[3] В. И. Ананьев. В борьбе рожденное братство. Челябинск, 1966.

[4] Е. И. Рябухин. В борьбе с контрреволюцией. Киров, 1959.

[5] На фронте и в тылу. Из истории гражданской войны и укрепления Советской власти на Урале. Сборннк. Пермь, 1959.

[6] П. И. Рощевскнй. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966.

социалистическая революция и гражданская война в Башкирии», написанная доцентом кафедры истории СССР Башкирского государственного университета З. А. Аминевым[1]. В ней на большом фактическом материале показано участие трудовых масс башкирского народа, возглавляемых рабочим классом и его большевистской партией, в борьбе за установление и упрочение Советской власти. Несколько произведений исследовательского характера создано ветеранами гражданской войны[2]. Некоторые проблемы темы нашли отражение в популярной книге по истории военного строительства на Урале за 50 лет Советской власти[3]. Помимо монографических работ, местные историки опубликовали ряд обобщающих и тематических статей по истории гражданской войны на Урале в целом или в отдельных его районах в различных сборниках материалов научных конференций, «Ученых записках» и «Трудах», издаваемых кафедрами общественных наук высших учебных заведений и краеведческими музеями Урала.

Какие же конкретные достижения имеются в разработке историографии гражданской войны на Урале за тот период, который прошел после XX съезда КПСС?

Прежде всего, мы имеем теперь несравненно более объективное, полное и конкретное описание самого хода вооруженной борьбы с контрреволюцией на Урале, представление о ее основных этапах, характере и особенностях. Подробнее всего изучены вопросы военного строительства. В современной литературе достаточно хорошо прослеживается история создания и боевого пути многих частей и соединений Красной Армии на Урале за все время гражданской войны, начиная с мятежа чехословацкого корпуса и кончая разгромом колчаковщины. Впервые по-настоящему изучен начальный период войны, когда на Волге и Урале решалась судьба социалистической революции и в ходе ожесточенных боев с превосходящими силами врага формировалась, мужала и крепла регулярная Красная Армия. Совершенно иначе выглядит теперь содержание второго периода гражданской войны, начавшегося после

[1] З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). Уфа, 1966.

[2] М. Н. Коковихин. Миньярское подполье. Челябинск. 1957; А. Н. Королев. Кизеловский полк. Пермь, 1959; П. Попов, Ю. Буранов, И. Шакинко. По приказу революции. Свердловск, 1966.

[3] Уральцы бьются здорово. Свердловск, 1968.

колчаковского переворота. Отбросив надуманную версию о пермской катастрофе, исследователи сумели показать подлинное значение той напряженной борьбы, которая развернулась на Урале зимой 1918—1919 годов. Неудача войск Третьей армии под Пермью рассматривается в связи с положением всего Восточного фронта, которое, в общем, определялось успешными наступательными операциями других соединений Красной Армии. Написана заново с привлечением большого фактического материала также история военного разгрома колчаковщины и освобождения Урала от белогвардейских оккупантов. Она насыщена массой боевых эпизодов, конкретно характеризующих замечательные боевые подвиги советских воинов, высокое полководческое мастерство и отвагу их командиров и комиссаров.

Важнейшим достижением современной историографии является правдивое освещение решающей роли Коммунистической партии в организации отпора контрреволюции на Восточном фронте. В литературе весьма обстоятельно проанализированы мероприятия Центрального Комитета партии и Советского правительства, предпринятые для мобилизации революционных сил на защиту промышленного Урала. При этом глубоко раскрыта выдающаяся роль В. И. Ленина, который принимал самое непосредственное участие в разрешении вопросов, связанных с обороной Волги и Урала, с комплектованием, вооружением, обеспечением и политическим просвещением советских войск Восточного фронта. Вообще проблема партийного руководства массами в гражданской войне на Урале исследуется теперь на совершенно конкретной фактической основе. Дело не ограничивается только пересказом и комментированием соответствующих директив, указаний и постановлений партийных органов, как это обычно практиковалось раньше. Историки стремятся представить военную политику партии в действии, показать практические дела коммунистов, их личные заслуги в общенародной борьбе с белогвардейцами и интервентами. Историки начали разрабатывать такой новый аспект проблемы партийного руководства, как деятельность партийно-политического аппарата, военных комиссаров и партийных ячеек в советских войсках на Урале в период гражданской войны. Сейчас достаточно хорошо известно значение партийного руководства в строительстве регулярной армии нового

типа, спаянной единством классовых интересов и железной пролетарской дисциплиной, проникнутой духом высокой идейности и политической сознательности, связанной неразрывными узами с народом. Наконец, по достоинству оценен вклад в оборону Урала местных организаций РКП(б). Во многих новых материалах отражено участие уральских коммунистов в проведении добровольческих мобилизаций трудящихся, формировании регулярных частей Красной Армии, воспитании командных и политических кадров, развертывании массовой и культурно-просветительной работы на фронте и в прифронтовой полосе.

Крупным сдвигом в развитии историографии гражданской войны на Урале явилась постановка социальных и экономических проблем. Историки приступили к конкретному изучению особенностей хозяйственного, советского и партийного строительства в прифронтовых районах Урала, попытались показать перестройку работы тыла на военный лад, патриотическую помощь рабочего класса и трудящегося крестьянства армиям Восточного фронта. Преимущественное внимание уделено крестьянству. Более или менее подробно разработаны такие вопросы, как деятельность комитетов деревенской бедноты и борьба с кулачеством, создание первых коллективных хозяйств, организаторская и политико-массовая работа партии в деревне.

Однако глубинные процессы, которые вызвала в деревне гражданская война, остались пока слабо изученными. Историки еще не располагают необходимым статистическим и другим документальным материалом, чтобы конкретно судить о соотношении классовых сил в уральской деревне на разных этапах войны. Недостаточная изученность источников по этому вопросу приводит к декларативности, упрощенчеству, схематизму. Особенно неубедительно показана борьба большевиков с влиянием мелкобуржуазных партий на массы трудящегося крестьянства. Что касается рабочего класса Урала, то его роль в жизни тыла выглядит еще схематичнее. Приведенные в литературе факты об участии рабочих в борьбе с контрреволюцией, налаживании оборонного производства, развитии социалистической революции в деревне, решении других важнейших военно-хозяйственных и политических задач представляют, конечно, немалый интерес. Но они не дают основания для широких научных обобщений.

Глубже, конкретнее рассмотрено соотношение классовых

сил во время белогвардейской оккупации Урала. В литературе правильно определены те социально-экономические и политические причины, которые вызвали окончательный поворот трудящихся масс на сторону Советской власти. Исследователи особо отметили тяжелое положение крестьянских масс под властью белогвардейцев. Опираясь на труды В. И. Ленина, они справедливо заключили, что уроки гражданской войны, в особенности уроки колчаковщины, провели четкий водораздел между трудовыми и эксплуататорскими элементами деревни, резко сузили социальную базу белогвардейщины. Этот процесс был ускорен и направлен в революционное русло благодаря умелому руководству Коммунистической партии. Героическая деятельность подпольных большевистских организаций, возглавлявших всенародное движение сопротивления в тылу врага, получила в современной историографии наиболее всестороннее и правильное освещение. Однако некоторые вопросы, связанные с политикой белогвардейских оккупантов, нуждаются в детализации.

НАЧАЛО БОРЬБЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. В преддверии грозных испытаний

25 октября 1917 года. На весь мир прозвучали с трибуны Петроградского Совета ленинские слова: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась... Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма» [1].

Великая Октябрьская социалистическая революция свергла строй эксплуатации и угнетения. Пролетариат стал хозяином заводов и фабрик. Трудовое крестьянство получило помещичью землю. Одним из первых декретов Советской власти был долгожданный декрет о мире. Родился новый общественный и государственный строй — социализм. В нем народы всех стран обрели надежный оплот в борьбе за мир, демократию, социальный прогресс. В истории человечества началась новая эра.

Победа вооруженного восстания в Петрограде положила начало триумфальному шествию Советской власти по всей стране, в том числе на

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 2.

Урале. В октябре-ноябре 1917 года Советы взяли власть в Екатеринбурге и Уфе, Челябинске и Мотовилихе, Надеждинске и Каслях, на Усть-Катавском и Миньярском заводах и в других городах и крупных промышленных центрах. А к марту 1918 года над всем Уралом реяло Красное знамя.

На большей части территории Урала Советская власть установилась мирным путем. Но в ряде мест контрреволюция пыталась помешать этому, потребовалось применять вооруженную силу. Верной вооруженной опорой большевиков в революции были отряды Красной гвардии, общая численность которых на Урале в октябре 1917 года превышала 5 тысяч человек [1]. С помощью отрядов Красной гвардии была установлена Советская власть в таких уездных городах, как Златоуст, Ирбит, Камышлов, Оса, Оханск, Чердынь, Шадринск.

Особенно ожесточенным сопротивление контрреволюции было на юге Урала, в Оренбургской губернии. Пролетариат составлял здесь незначительную часть населения — вместе с семьями всего несколько процентов — причем, был распылен по мелким кустарным предприятиям. Большую силу представляло оренбургское казачество, служившее военной опорой эксплуататорских классов, имевшее лучшие земли и многие привилегии. Вместе с зажиточным крестьянством оно явилось базой вспыхнувшего в ноябре 1917 года антисоветского мятежа, который возглавил бывший царский полковник — атаман Оренбургского казачьего войска Дутов. Мятежники захватили ряд южноуральских городов, угрожая промышленным и продовольственным районам Среднего Урала, Поволжья. Основную тяжесть первых боев с дутовцами вынесли местные красногвардейские отряды. Но положение становилось все более серьезным. Потребовалось вмешательство ЦК партии большевиков, Совнаркома, Ленина.

Совет Народных Комиссаров обращается к трудящимся с призывом: пресечь контрреволюционные действия мятежников. Чрезвычайным комиссаром по борьбе с дутовщиной Совнарком назначает старого большевика Петра Алексеевича Кобозева. Он помогает уральским большевикам мобилизовать все силы на борьбу с врагом. Прибыва-

---

[1] Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. 1967, стр. 402.

ют красногвардейские отряды и из других районов — в частности Самарский — во главе с В. К. Блюхером и В. К. Садлуцким. Но имевшихся сил было недостаточно, чтобы разгромить дутовцев.

26 ноября Ильич принимает делегацию уральцев. Внимательно выслушав их рассказ, он пишет записку:

«В штаб (Подвойскому или Антонову). Податели — товарищи железнодорожники из Оренбурга. Требуется *экстренная* военная помощь против Дутова. Прошу обсудить и решить *практически* поскорее. А мне черкнуть, как решите.

Ленин» [1].

Вопросы организации разгрома мятежа южноуральских белоказаков в декабре 1917 года четыре раза обсуждались на заседаниях Совнаркома. По настоянию В. И. Ленина, уральцы получили серьезное подкрепление. Сюда направляются из Петрограда 600 матросов и революционно настроенный 17-й Сибирский полк, объединенные в Северный летучий отряд во главе с мичманом С. Д. Павловым. Вместе с уральскими красногвардейцами бойцы отряда в канун нового 1918 года выбили дутовцев из Троицка, а в январе освободили Оренбург.

Солдаты 17-го Сибирского полка участвовали в боях с контрреволюционерами еще несколько месяцев. Данный факт явился наглядным подтверждением возможности при определенных условиях временно использовать части старой армии в интересах диктатуры пролетариата. Это не противоречило марксистско-ленинскому учению о необходимости слома буржуазной армии как части старого государства, защитницы эксплуататорского строя. Но ленинский план слома старой армии учитывал конкретную обстановку — состояние войны с Германией. Он предусматривал поэтому не механический, единовременный роспуск старой армии, а полную ее демократизацию, уничтожение всех контрреволюционных и недемократических учреждений и постепенную демобилизацию личного состава с последующим роспуском частей. Выполнением этого плана на местах занимались Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

На Урале в конце 1917 года располагалось большое количество войск старой армии. Только в запасных частях

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 10.

на 15 октября 1917 года числилось по списку 156 068 человек, из которых налицо имелось 83 711 [1]. Остальные находились в командировках и госпиталях, а большая часть не вернулась из отпусков на летние полевые работы, были в самовольных отлучках. Процесс разложения старой армии, обессиленной четырехлетней бессмысленной бойней, коснулся и тыловых частей.

Как только в крупных уральских городах Советы брали власть в свои руки, они заявляли о распространении этой власти на войска старой армии и немедленно направляли в воинские части своих представителей для разъяснения существа происшедшего переворота. Под влиянием большевиков массовые солдатские митинги и собрания принимали резолюции в поддержку Советов. На выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 года голосовали за большевистских кандидатов в Перми — 53,6 процента избирателей-военнослужащих [2], а в Челябинске — свыше 72 процентов [3]. Эти данные подтверждают ленинский вывод о том, насколько сильно было влияние большевистских лозунгов в солдатских массах [4].

Опираясь на поддержку масс, Советы Урала постепенно переходили к управлению всеми военными делами. Так, 27 октября 1917 г. Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов совместно с областным крестьянским Советом назначил прапорщиков Зайд, Архангельского и солдата Доброклонского комиссарами при начальнике гарнизона. Комиссары наблюдали, чтобы начальник гарнизона и его аппарат действовали строго в интересах Советской власти. Однако эсерам и меньшевикам удалось добиться создания из представителей всех так называемых социалистических партий объединенного революционного комитета, надеясь с его помощью лишить Совет власти. Начальник гарнизона полковник Марковец также поспешил воспользоваться этим, отказался выполнять указания Совета и объявил в приказе по гарнизону, что приветствует создание ревкома и готов подчиняться только ему [5].

---

[1] Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 1720, оп. 15, д. 746, л. 402 об. 435. Подсч. авт.

[2] «Пролетарское знамя». Орган Пермского окружного комитета РСДРП(б). Пермь, 19 ноября 1917 г.

[3] «Известия Челябинского военно-революционного комитета», Челябинск 2 декабря 1917 г.

[4] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 9.

[5] ЦГВИА, ф. 1720, оп. 1, д. 97, л. 181.

Но враги революции просчитались. Ревком под давлением масс очень скоро превратился не в орган над Советами, а в исполнительный орган Совета. В екатеринбургских полках прошли бурные собрания, на которых солдаты обсудили приказ начальника гарнизона и заявили о своем полном доверии Совету и готовности выполнять приказы только за подписью его комиссаров [1]. Начальник гарнизона вынужден был 7 ноября отменить прежний приказ и заявить, что «независимо от отношения к политическим взглядам нынешнего большинства Совета» он будет «по-прежнему работать в контакте с Советом и его исполнительным комитетом» [2].

Для непосредственного решения военных вопросов в составе исполнительного комитета Совета был создан военный отдел. Вскоре коалиционный ревком прекратил свое существование, и Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов стал снова единственной властью в городе. Укрепляя свое положение, Совет 24 ноября 1917 года принял постановление, что его военный отдел вступает в управление всеми делами Екатеринбургского гарнизона. На другой день был объявлен состав коллегии по управлению гарнизоном. Возглавил эту коллегию большевик Я. М. Юровский — впоследствии видный партийный и советский деятель на Урале. 4 декабря 1917 года военный отдел в приказе № 1 обратился к солдатам и офицерам с призывом выполнять все его указания и изложил свои ближайшие задачи, главными из которых были: последовательное проведение демократизации и демобилизации, забота о быте солдат, реорганизация гарнизона и координация деятельности частей, упорядочение несения караульной службы [3].

Военные отделы Советов или подобные им органы образовывались сразу или вскоре после установления Советской власти и в других уральских городах, где имелись большие гарнизоны старой армии: в Уфе и Вятке, Перми, Ирбите и Камышлове, Челябинске и Оренбурге. Базой для их образования служили солдатские секции Советов, постепенно приобретавшие исполнительно-распорядительные функции и выделявшие специальные органы управления.

1 «Уральский рабочий», 2, 3, 5, 7 и 8 ноября 1917 г.

2 Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 62, оп. 1, д. 739, л. 226.

3 ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 739, л. 246.

На долю военных отделов Советов в первые месяцы после победы революции и выпало практическое осуществление демократизации старой армии, выполнение декретов Совнаркома «Об уравнении всех военнослужащих в правах», «О выборном начале и об организации власти в армии», а также проведение последовательной демобилизации и расформирования старых частей. В уральских гарнизонах были отменены чины, звания, знаки различия, произведены выборы командного состава, обновлен состав солдатских комитетов и расширены их функции, произведена реорганизация полков. Демократизация позволила временно использовать части старой армии для решения задач, стоявших перед Советами. Личный состав уральских частей нес караульную службу по охране государственных и военных объектов, складов оружия и боеприпасов, обмундирования и продовольствия. Несмотря на колоссальные трудности демобилизации и реорганизации, большинство караулов в городах Урала в ноябре 1917 — феврале 1918 года комплектовалось подразделениями старой армии и лишь наиболее важные — Красной гвардией. Солдат старой армии привлекали для сопровождения и охраны военных и других грузов, например, эшелонов с хлебом, отправлявшихся в Москву и Петроград [1], для борьбы с мешочниками и спекулянтами [2]. Из революционно настроенных солдат формировались отряды для борьбы с контрреволюцией, а затем и первые подразделения добровольческой Красной Армии.

Большую помощь в демократизации и демобилизации старой армии, временном использовании ее частей в интересах трудящихся оказывали военным отделам партийные организации Урала, а также все члены Советов, их исполкомы. Ход работы военных отделов часто обсуждался на заседаниях исполкомов и даже на общих собраниях Советов. Местные партийные органы направляли для работы в военных органах видных партийных работников. Так, в Екатеринбургском военном отделе после Я. М. Юровского представителем комитета РСДРП(б) был А. И. Парамонов; в Шадринске заместителем председателя комитета по охране города работал А. А. Жданов.

По мере надобности комитеты РСДРП(б) посылали в

[1] Упрочение Советской власти в Пермской губернии. Документы и материалы. Пермь, 1966, стр. 193—194.

[2] ЦГВИА, ф. 1720, оп. 1, д. 59, л. 163, 176; д. 67, л. 18—18 об.

воинские части армии опытных активных работников для выступлений перед солдатами. В Перми, например, большую работу среди солдат вел замечательный оратор и организатор, активный член Пермской военной организации РСДРП(б) А. И. Решетников. Старый коммунист К. И. Лякишев вспоминает, как Решетников «...ходил из казармы в казарму, с митинга на митинг, проводил собрания с утра до вечера...» [1]. 10 декабря 1917 года после очередного обсуждения состояния дел в гарнизоне Уральский областной комитет РСДРП(б) предложил двум своим членам «посвятить себя исключительно работе среди солдат» [2]. Выполняя это ответственное поручение обкома, они выступали в воинских частях, помогли наладить работу военной организации РСДРП(б) в гарнизоне. Все это способствовало лучшему исполнению солдатами обязанностей, возлагаемых на них Советами.

Но как ни было важно временное использование частей старой армии, главную военную силу Советской власти, ее вооруженный оплот составляла в первые месяцы Красная гвардия. «Вооруженные рабочие,— писал В. И. Ленин в конце 1918 г., — были зачатком *новой* армии, организационной ячейкой *нового* общественного строя» [3]. И готовясь к отражению вооруженных наступлений контрреволюции, уральские большевики основную ставку делали на расширение и укрепление Красной гвардии.

В начале января 1918 года III Уральская областная конференция РСДРП(б) приняла решение о созыве съезда представителей Красной гвардии Урала, перед которым ставилась задача «объединить существующие единицы, увеличить, расширить и централизовать всю рабочую гвардию в боевую единицу — Уральский областной корпус Красной гвардии» [4]. Выделенная конференцией специальная секция разработала «Проект организации вооруженной силы на Урале» [5]. Этот документ свидетельствовал о серьезном подходе уральских большевиков к вопросам военного

---

[1] Государствеиный архив Пермской области (ГАПО), ф. 732, оп. 1, д. 10, л. 10.

[2] «Уральский рабочий», 14 декабря 1917 г.

[3] В. И. Леиии. Поли. собр. соч., т. 37, стр. 295.

[4] Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1957, стр. 278.

[5] Партийный архив Свердловского обкома КПСС (ПАСО), ф. 41, оп. 1, д. 707, л. 91.

строительства: в документе впервые намечался общий план строительства вооруженных сил на всей территории Урала применительно к задачам перехода к всеобщему вооружению народа через расширение Красной гвардии; предусматривалось создание единой системы управления красногвардейскими отрядами с помощью выборных штабов, подчиненных органам власти — Советам, то есть утверждался принцип демократического централизма в местном военном управлении. Проект был одобрен конференцией и должен был обсуждаться на 1-м Уральском областном съезде Красной гвардии.

На Урале тогда еще не знали, что курс большевистской партии в вопросах военного строительства изменился: не отказываясь от идеи создания в будущем милиционной армии, но исходя из конкретной сложившейся обстановки, партия начинала на добровольческом принципе строительство постоянной регулярной армии, необходимой для защиты страны от вражеского нашествия. В середине января 1918 года вышел ленинский декрет о создании рабоче-крестьянской Красной Армии. В связи с этим, естественно, отпала необходимость в обсуждении «Проекта». Некоторые его идеи об общей структуре вооруженных сил на Урале были использованы впоследствии Уральским областным военным комиссариатом.

Уральский обком РСДРП(б) придавал большое значение съезду Красной гвардии. В его подготовке и проведении участвовал член обкома Ф. И. Голощекин. О начале съезда было доложено Центральному Комитету партии [1]. Съезд в приветственной телеграмме Совету Народных Комиссаров указал, что «находит необходимым скорейшее создание социалистической армии» и одобрил декрет от 15 января 1918 года [2]. Съезду предстояло решить вопрос, который стоял тогда повсеместно: определить роль и место Красной гвардии в условиях строительства постоянной Красной Армии. Немедленно распустить Красную гвардию было нельзя, так как армия еще не создалась. С другой стороны, было бы неверно и зачислить автоматически всех красногвардейцев в Красную Армию — ведь Красная гвардия строилась на милиционных началах, как иррегулярное войско; к тому же нельзя было передать в армию

[1] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 4, д. 85, л. 4.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 771, л. 9.

сразу всех квалифицированных рабочих, необходимых для производства.

Уральские большевики нашли оригинальное решение: областной съезд Красной гвардии постановил зачислить все дружины и отряды Красной гвардии в резерв вновь создаваемой армии. Было разработано и принято Положение о резерве и Устав дружины резерва РККА. Все дружины выполняли свои обязанности и занимались военной подготовкой в основном без отрыва от работы. Если же требовала обстановка, дружины резерва переводились на положение регулярных войск РККА, выполняли боевые задания Советов. В таких случаях они получали не только полное обеспечение, но и компенсацию за потерянное рабочее время. Создание резерва расширяло возможности комплектования частей Красной Армии подготовленными в военном отношении людьми. Однако это название — резерв Красной Армии — привилось далеко не везде, а лишь в районах Среднего Урала.

Бойцам резерва — уральским красногвардейцам — не раз приходилось вступать в ожесточенные схватки с противником. В марте 1918 года опять поднял голову атаман Дутов. Ему удалось снова собрать антисоветски настроенную часть казачества, белогвардейское офицерство, заручиться поддержкой татарских и башкирских буржуазных националистов. Захватив Верхнеуральск, Дутов создал угрозу городам и заводам Южного Урала.

Подготовкой и отправкой отрядов Красной гвардии на дутовский фронт непосредственно занимались Уральский областной комитет РСДРП(б) и Уральский областной совет. На этот раз уральские большевики учли опыт прежних боев и больше внимания уделили военной подготовке бойцов. Во главе отрядов и дружин стояли испытанные большевики П. З. Ермаков, Н. Д. и И. Д. Каширины, М. В. Калмыков, А. М. Чеверев, политической работой среди красноармейцев занимались видные партийные работники С. Я. Елькин, И. М. Малышев, Н. Г. Толмачев, П. В. Точисский, С. М. Цвиллинг. Общее руководство отрядами областной комитет партии возложил на В. К. Блюхера. Его отряды действовали со стороны Челябинска и Троицка. Из района Белорецка против дутовцев выступили красногвардейские отряды под общим командованием М. С. Кадомцева. Основу этих отрядов составляли созданные в Уфимской губернии Боевые органи-

зации народного вооружения (БОНВ), унаследовавшие такое название от «боевиков» периода первой русской революции и являвшиеся одной из развитых форм Красной гвардии. В ходе боев красногвардейцы снова проявили отвагу и решительность. В апреле основные силы дутовцев были рассеяны. Дутов бежал в Тургайские степи. Начавшаяся распутица и отсутствие должного количества конницы помешали довершить полный разгром белогвардейских банд.

Красногвардейские подразделения сохранялись на Урале до лета 1918 года, составляя здесь около 40 процентов всех вооруженных сил Советов. Так, на 10 мая 1918 года в красногвардейские и заводские отряды, партийные дружины входило 11 837 из 29 588 человек личного состава уральских войск [1]. Многие отряды и дружины Красной гвардии в полном составе влились в Красную Армию и явились прочной основой ее добровольческих частей: красногвардейцы были наиболее сознательными и преданными делу революции бойцами. Отдельные небольшие красногвардейские подразделения в районных центрах и на селе зачастую выполняли функции советской милиции по охране общественного порядка, борьбе с хулиганством, с самогоноварением, помогали органам Всероссийской чрезвычайной комиссии в борьбе с контрреволюцией. Что касается созданных на местах штабов Красной гвардии, то некоторые из них положили начало органам охраны общественного порядка, а большинство слилось с местными советскими органами военного управления, занимавшимися строительством Красной Армии.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия должна была обеспечить в грядущих боях отпор силам международной и внутренней контрреволюции, защиту завоеваний Октября. По ленинскому декрету от 15 января 1918 года она создавалась на добровольческих началах из наиболее сознательных представителей трудящихся классов. Строительство Красной Армии на Урале происходило в трудных условиях. Почти не прекращались вооруженные схватки с контрреволюцией, о которых речь шла выше. Большой упадок переживало народное хозяйство. Все это усугублялось сложностью социально-политической обстановки, несовер-

---

[1] Уральцы бьются здорово. Свердловск, 1968, стр. 16.

шеиством органов власти и управления, борьбой мелкобуржуазных партий.

Народное хозяйство Урала, как и всей страны, испытывало на себе трудности военного времени: многие предприятия работали с недогрузкой, не хватало топлива, транспорт не мог обеспечить самых минимальных потребностей экономики. В 1917 году по сравнению с 1913 годом добыча каменного угля сократилась на 14 процентов, железной руды — на 22 процента, асбеста — на 75 процентов; выплавка чугуна уменьшилась на 22 процента, меди — на 33 процента [1].

Сложность социально-политической обстановки обусловливалась серьезными изменениями в составе рабочего класса: за годы войны около 30 процентов уральских рабочих ушло в армию. На их место пришли женщины и подростки (свыше 40 тыс.), военнопленные (свыше 50 тыс.), завербованные (свыше 8 тыс.). Это снижало общий уровень классовой сознательности, хотя и не могло изменить сущности уральского пролетариата, основное ядро которого сохранилось [2]. В национальных районах положение осложнялось тем, что многие жители находились под влиянием националистических взглядов, были темными и отсталыми.

Против создания вооруженных сил пролетариата выступали меньшевики и эсеры. Играя на усталости народа от империалистической войны, они клеветнически обвиняли большевиков в стремлении развязать братоубийственную гражданскую войну и уверяли, что все вопросы можно решить мирно — путем соглашения партий и всех слоев населения. «Мы не верим в пулеметы» — писала меньшевистская газета [3]. «...Сила не в организации Красной гвардии, не в штыках и пулеметах, но в сплоченности народных масс» [4] — вторили правые эсеры. «Не путем штыков и насилий, а работой своих избранников установит народ нужные порядки» [5]. По существу это была проповедь

[1] Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959, стр. 19.

[2] Победа Октябрьской социалистической революции на Урале, стр. 56—58.

[3] «Уральская рабочая газета», орган Уральского областного и Пермского комитетов РСДРП (меньшевиков), 9 января 1918 г.

[4] «Социалист-революционер», орган Пермского городского комитета партии социалистов-революционеров, 17 января 1918 г.

[5] «Народная мысль», орган Шадринского городского комитета партии правых эсеров, 17 декабря 1917 г.

классового мира, реформизма, отказа от вооруженных методов борьбы за установление и упрочение диктатуры пролетариата. Практически это отвлекало трудящиеся массы от решения задачи строительства Красной Армии. Особенно широкую агитацию против ее создания развили эсеры в деревне.

В таких условиях требовалась огромная, поистине титаническая организаторская и идеологическая работа большевистской партийной организации Урала. К началу 1918 года в составе парторганизации насчитывалось 35 069 членов [1], из которых примерно две трети входили в Пермскую губернскую организацию. Уральская организация РСДРП(б), выполняя указания Центрального Комитета партии и В. И. Ленина, возглавила осуществление всех социалистических преобразований на территории края, в том числе руководство созданием Красной Армии.

24—29 января 1918 года в Екатеринбурге состоялся III Уральский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Большинство делегатов съезда (119 из 148) были членами РСДРП(б). Прослушав сообщение о работе III Всероссийского съезда Советов, делегаты единодушно одобрили его решения, внутреннюю и внешнюю политику Советского правительства. По докладу члена Уралобкома РСДРП(б) И. М. Малышева съезд принял решение об объединении Пермской, Уфимской, Вятской и Оренбургской губерний в Уральскую область и конституировании областных органов власти и управления. В докладе другого члена Уралобкома большевистской партии — Ф. И. Голощекина подчеркивалось, что в тех условиях одной из важнейших задач являлось «создание социалистической армии» — армии Советской власти [2]. Съезд записал в резолюции, что решать эту задачу могут только Советы рабочих, солдат и крестьян. В составе областного Совета комиссаров был образован военный отдел или комиссариат по военным делам во главе с коллегией из трех лиц: Ф. И. Голощекина, Н. И. Уфимцева и П. Д. Хохрякова (впоследствии его заменил прибывший из Москвы С. А. Анучин). В феврале 1918 года областной военный отдел (комиссариат) начал свою деятельность.

Создание областного военного органа было одобрено

[1] Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 20.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 285, л. 69.

Центром. По времени оно совпадало с выходом инструкции Всероссийской коллегии по организации и управлению РККА о необходимости образования военных отделов во всех Советах. Такое решение было не случайным. В. И. Ленин еще до революции обосновал роль Советов как органов диктатуры пролетариата, которые возьмут в свои руки и управление всеми революционными вооруженными силами[1]. А практический опыт военных отделов, ведавших демократизацией и использованием частей старой армии, показал, что в ходе своей деятельности они приобретали некоторые черты органов военного управления и обнаружили возможность обеспечить формирование новой армии.

Первое время новые органы имели разную структуру, разные названия (военные отделы, штабы, коллегии, комиссариаты и др.) Но все они создавались в составе Советов, работали под их непосредственным руководством по строительству Красной Армии.

Следом за областным на Урале образуются губернские и уездные военные отделы, или, как их здесь часто называли, комиссариаты. 15 (2) февраля 1918 года состоялось первое заседание Вятского губернского комиссариата; из одиннадцати уездов губернии военные отделы Советов были образованы до 1 марта — в четырех, до 1 апреля — еще в четырех и в апреле — в остальных трех. Военный отдел Пермского губернского объединенного исполкома был создан 21 января 1918 года. Из 12 уездов губернии военные отделы образовались до 1 марта в восьми уездных центрах и до 1 апреля — еще в трех. В Уфе губернский штаб Красной Армии и «отдел по организации Красной Армии» образовались в середине марта 1918 года. При уездных Советах Уфимской губернии создавались уездные штабы БОНВ, которые с конца марта 1918 года преобразовывались в военные отделы, или комиссариаты. В Оренбургской губернии, где постоянно шли бои с контрреволюционными мятежниками, в марте 1918 года был создан губернский военно-революционный штаб по формированию Красной Армии, который фактически выполнял функции военного отдела. Из пяти уездов Оренбургской губернии органы военного управления весной были

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 91, 114; т. 34, стр. 304.

созданы в трех уездах: Челябинском, Троицком и Оренбургском. Характерно, что на Урале военные отделы по созданию Красной Армии были образованы также в ряде Советов горных округов (Кыштымском, Гороблагодатском), заводов (Комбарском, Нижнеуткинском, Нижнесергинском и др.), а также волостей (Шайтанской, Верхнеуфалейской, Авзяно-Перовской, Арх-Пашийской и др.)[1].

По мере того как формировались военные отделы Советов, происходил слом старых местных органов военного управления. При этом большевистская партия и Советы, во-первых, решительно ликвидировали все то, что делало данные органы аппаратом классового угнетения; во-вторых, максимально контролируя и демократизируя эти органы, использовали ту их часть, которая осуществляла учетно-распределительные функции; в-третьих, стремились не допустить, чтобы эти органы были использованы реакционными элементами во вред Советской власти.

Сразу после победы революции Советы направили в местные военные органы своих комиссаров и очистили аппарат от контрреволюционных элементов. А во второй половине января 1918 года вышли документы Центра о ликвидации старых местных военных органов. В первую очередь были упразднены управления местных бригад, ставшие совершенно лишним органом, так как управление местными войсками осуществляли военные отделы Советов. Так называемые губернские и уездные присутствия по воинской повинности были ликвидированы на Урале в феврале-марте 1918 года, дела по пенсионному обеспечению семей воинов и инвалидов войны были переданы в отделы призрения местных Советов. Наиболее важными сведениями о военнообязанных обладали управления уездных воинских начальников. Их включили в состав уездных Советов и переименовали в учетные отделы. Это обеспечило сохранение и необходимых данных, и специалистов. Старые органы рекрутчины и солдатчины фактически ликвидировались — только их учетно-распределительная часть ассимилировалась Советами. Осуществлено это было на Урале в основном в марте-апреле 1918 года.

Военные отделы Советов сразу же приступали к набору добровольцев в Красную Армию. Этого требовала

---

[1] Урал и оборона Советской страны. Материалы научной конференции вузов Урала. Свердловск, 1968.

обстановка. Во второй половине февраля 1918 года германское командование вероломно нарушило условия перемирия и бросило крупные силы в наступление против Советской Республики. «Социалистическое отечество в опасности!» — так называлось воззвание Совнаркома, написанное В. И. Лениным 21 февраля 1918 года. В нем содержалась конкретная программа действий Советов и пламенный призыв к народу. В ответ на воззвание партии и правительства по всей стране началась мобилизация революционных сил на защиту социалистического отечества. 22 и особенно 23 февраля в Петрограде, Москве, Екатеринбурге, Челябинске и других городах с огромным подъемом прошли митинги рабочих, на которых принимались решения о вступлении в ряды Красной Армии и партизанские отряды. На фронте молодые красноармейские части героической борьбой приостановили продвижение немецких войск под Псковом и Нарвой. В ознаменование массового подъема народа на защиту социалистического отечества и мужественного сопротивления отрядов Красной Армии германским захватчикам 23 февраля ежегодно отмечается как всенародный праздник — день рождения Красной Армии[1].

Однако разлагавшиеся части старой армии в период немецкого наступления показали свою неспособность и нежелание вести боевые действия. Геройское сопротивление малочисленных добровольческих красноармейских частей совместно с отрядами Красной гвардии не могло удержать врага. В. И. Ленин и многие его верные сторонники — большевики видели это и, несмотря на возражения ратовавших за «революционную войну» «левых коммунистов» и троцкистов, принимали все меры к заключению мира с Германией. Командование немецких войск, убедившись в невозможности покончить с Советами одним ударом, пошло на возобновление переговоров. 3 марта 1918 года в Брест-Литовске мирный договор был подписан. 6—8 марта проходил VII съезд партии. Уральскую партийную организацию представляли на съезде Я. М. Свердлов, Ф. И. Голощекин, Н. Н. Крестинский и другие. После бурного обсуждения, вопреки политике троцкистов и «левых коммунистов», съезд принял ленинскую резолюцию о мире. Вскоре Брестский мирный договор был ратифици-

[1] 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, стр. 30—31.

рован IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов. Страна получила возможность мобилизовать все силы на упрочение Советской власти и социалистическое строительство.

В решении этих проблем большевистские организации Урала руководствовались ленинским планом строительства основ социализма, разработанным им в программном труде «Очередные задачи Советской власти». На партийных собраниях, на страницах партийной печати систематически ставились и обсуждались вопросы борьбы с хозяйственной разрухой, с расхлябанностью и недисциплинированностью на производстве, за повышение производительности труда. Усилилось привлечение рабочих к контролю за выполнением заданий правительства национализированными предприятиями. Ряд крупных заводов — Мотовилихинский, Кушвинский, Златоустовский, Миасский и другие — переводились на производство мирной продукции. Рабочие Урала помогали осуществлению социалистических преобразований в деревне. Весной 1918 года на Урале — особенно в Уфимской и Пермской губерниях — начинает развиваться коллективное землепользование, образуется ряд производственных кооперативов, главным образом, коммуны: в Новоселовской волости Уфимского уезда, в Насадской волости Пермского уезда и другие.

Конкретные задачи уральских коммунистов в борьбе за упрочение Советской власти и социалистическое строительство, за подъем экономики и создание Красной Армии были определены на состоявшейся в конце апреля 1918 года IV областной партийной конференции. Конференция заслушала доклад об итогах работы VII съезда партии, сделанный Ф. И. Голощекиным, доклады с мест, отчет обкома партии, обсудила вопрос «О задачах партии в настоящий момент», рассмотрела текущие дела и избрала новый состав Уралобкома РКП(б).

Важно отметить, что по вопросам военного строительства на Урале в тот период IV Уральская областная партийная конференция приняла решения, отвечавшие требованиям VII съезда РКП(б) и учитывавшие всю сложность обстановки в связи с заключением Брестского мира.

Подписание Брестского договора не могло не наложить известного отпечатка на формы советского военного строительства. Договор обязывал нашу страну «незамедлитель-

но» произвести «полную демобилизацию своей армии, включая и войсковые части, вновь сформированные теперешним правительством»[1]. Подписав договор, Советское правительство стремилось не давать повода Германии обвинить нас в его нарушении. В официальных документах Советского правительства марта-апреля 1918 года, естественно, не выдвигались на первый план вопросы об увеличении численности Красной Армии, количества ее частей, повышении их технической оснащенности и т. д. Наоборот, в соответствии с договором были приняты постановления СНК о разоружении военных судов Балтийского флота, об учреждении совещания для разрешения вопросов, связанных с мирным договором, о разоружении войск, переходящих на территорию пограничных с Украиной губерний[2]. Ускоряется демобилизация личного состава и роспуск частей старой армии.

С другой стороны, в предвидении нашествий империалистов нужно было принимать срочные действенные меры по повышению военного могущества страны, готовности к вооруженному отпору контрреволюции, изыскивая для этого удобоприемлемые формы[3]. Такими формами могли быть, в частности, организация всеобуча, создание образцовых партийных формирований, усиление Красной гвардии и другие, не противоречащие букве Брестского договора. В использовании данных форм большая роль принадлежала партийным организациям. Это подчеркивалось на VII съезде РКП(б). Партия должна была в тот момент не только осуществлять руководство, а непосредственно практически заниматься созданием мощных вооруженных сил пролетариата. Существо этого вынужденного положения разъяснил Я. М. Свердлов в докладе об итогах съезда на Нижегородской партийной конференции 23 марта 1918 года: «Правда, что наша партийная организация за все действия настоящего правительства несет ответственность, но только моральную, а не юридическую. Правительство же не может нести ответственность за все шаги партии. Конечно, немцы в конце концов хватятся и разобла-

---

[1] Седьмой экстренный съезд РКП(б). Стенографич. отчет. М., 1962, стр. 288, приложения.
[2] Декреты Советской власти, т. II. М., 1959, стр. 60, 102—103, 123—124.
[3] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 76.

чат всю нашу механику, в этом нет никакого сомнения, но пока что суд да дело, а мы обязаны работать»[1].

Уральские большевики правильно понимали свою роль в создании партийных формирований и всеобщего военного обучения трудящихся.

На Урале уже имелся некоторый опыт в этом деле. В Уфимской губернии 87 партийных комитетов создали боевые организации народного вооружения, через которые на специальных пунктах должны были пройти военное обучение 120 тысяч человек. Поэтому областная конференция рекомендовала всем партийным комитетам «использовать опыт строительства боевых организаций в Уфимской губернии».

На Северном и Среднем Урале — в Пермской губернии — широко развертывается создание партийных формирований. Еще в апреле 1918 г. при городском комитете РКП(б) была образована Пермская партийная резервная боевая дружина под командованием В. Таракапова. Принимали туда членов партии со стажем не менее 6 месяцев или по рекомендации десяти уже оформленных дружинников[2]. Численность их достигла трехсот человек. Затем создаются партийные дружины на станции Пермь-II под командованием С. Петухова, Пермская городская — под командованием А. Серебренникова, Пролетарской слободы — В. Емшанова и другие. По подсчетам участника гражданской войны, пермского краеведа К. А. Морзо-Морозова, за два месяца в Пермской губернии возникло 23 партийные дружины, а всего их число за лето 1918 года достигло семидесяти.

Но было бы неверным полагать, что заключение Брестского мира вовсе остановило создание регулярных частей Красной Армии из числа добровольцев.

В своем выступлении на VII съезде РКП(б) В. И. Ленин говорил: «...я стою за подготовку армии — пусть в самом отдаленном тылу, где лечат сейчас теперешнюю демобилизованную больную армию»[3]. Поэтому строительство добровольческой Красной Армии на Урале в период мирной передышки приобретало особое значение. Если в пограничных с Германией губерниях Советское правительство

[1] Я. М. Свердлов. Избранные произведения, т. 2, М., 1959, стр. 154.

[2] «Известия Пермского губисполкома». 21 апреля 1918 г.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 24.

вынуждено было идти даже на разоружение войск, то в тыловых районах в это время должна была в полной мере развернуться подготовка боевых резервов на случай нового нашествия империалистов.

В резолюции IV Уральской областной партконференции «О вооруженной борьбе с мировым империализмом» указывалось на необходимость немедленного развертывания «широкой агитации среди трудящихся масс, принятия всех мер, способствующих вступлению в Красную Армию сознательных рабочих и крестьян» и борьбе «против заполнения рядов Красной Армии несознательными и неспособными к усвоению железной революционной дисциплины элементами» [1]. Особый пункт резолюции посвящался решению проблемы командных кадров путем подготовки партийных товарищей в различных военно-учебных заведениях и на курсах, а также привлечения старых военных специалистов. Конференция потребовала создания в каждой части Красной Армии «крепких партийных групп», а также проведения «в широком размере» военного обучения рабочей молодежи. Решения конференции исходили из общих установок В. И. Ленина и Коммунистической партии, учитывали имевшийся некоторый опыт военного строительства на Урале и явились программой дальнейших действий по наиболее важным военным вопросам.

В создании Красной Армии на Урале большую роль сыграла деятельность областного военного комиссариата, работавшего под непосредственным руководством Уральского областного комитета партии. Дважды, в марте и апреле, облвоенкомат собирал съезды работников местных военных отделов — военных комиссаров губерний и уездов Уральской области — для обсуждения вопросов набора добровольцев, комплектования частей, обеспечения их всем необходимым, выработки единых форм военного строительства. В решениях съездов подтверждалось, что Красная Армия создается из двух частей — кадра и резерва, который в случае необходимости переводится на положение кадра. Были определены органы управления войсками кадра и резерва на местах, единая схема построения частей и подразделений, порядок их финансирования и снабжения, основы создания крепкой воинской дисциплины, единая форма одежды для уральских красноармейцев.

---

[1] «Уральский рабочий», 1 мая 1918 г.

Облвоенкомат составил план формирования частей Красной Армии, по которому предусматривалось создать четыре уральских корпуса — в Екатеринбурге, Перми, Челябинске и Вятке, две отдельные уральские дивизии — в Уфе и Оренбурге. В общей сложности это составляло тридцать стрелковых полков численностью 45 360 человек, 6 конно-стрелковых полков, 12 артиллерийских дивизионов, 5 самолетных отрядов и 5 бронедивизионов. О наличии этого плана и развернувшейся работе по его выполнению участники апрельского съезда военных комиссаров Уральской области сообщили в специальной телеграмме на имя В. И. Ленина.

Для обеспечения успешного набора добровольцев в Красную Армию Уральский областной военкомат, губернские, уездные и даже некоторые волостные Советы выпустили воззвания, в которых разъясняли ленинский декрет о создании РККА и призывали население вступать в ряды красноармейцев. «Товарищи солдаты, рабочие и крестьяне,— писал, например, Шадринский Совет,— к вам обращаемся с горячим призывом: кому из вас дорога Октябрьская революция, кто готов встать на защиту пролетариата и беднейшего крестьянства, записывайтесь в эту новую социалистическую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию» [1]. По городам и селам, заводам и деревням разъезжались десятки агитаторов, командируемых партийными, советскими и военными органами. Зачастую им приходилось на местах не только вести запись добровольцев, но и организовывать Советскую власть, создавать партийные ячейки, производственные кооперативы. Для подготовки агитаторов при Вятском губернском военном отделе открылись специальные курсы, на которых прошли подготовку 60 человек, ставших пламенными проводниками партийных идей.

Наибольшей интенсивности набор добровольцев на Урале достиг во второй половине марта — начале апреля, когда ежедневная запись составляла несколько сот человек. К концу мая в Красную Армию записалось свыше двадцати тысяч добровольцев-уральцев. Из четырех губерний Урала лучше всего шел набор в Пермской — здесь была больше развита промышленность и выше прослойка рабочего класса. Причем три четверти всех записавшихся — из

[1] Установление Советской власти на территории Курганской области (март 1917 — июнь 1918 гг.). Сборник документов и материалов. Курган, 1957, стр. 163.

таких городов, как Пермь, Екатеринбург, Красноуфимск. Подобное положение было и в Оренбургской губернии. Не случайно добровольческие части станут впоследствии надежным костяком создания массовой армии на основе всеобщей воинской обязанности.

Записавшиеся добровольцы поступали в команды при местных военных отделах, а оттуда — в формируемые части, где сразу же начиналась горячая боевая учеба: строевая подготовка, изучение уставов и оружия, стрельба, выходы в поле. Вместе с тем бойцы несли караульную службу, привлекались к охране агитаторов и уполномоченных партийных и советских органов, выезжавших в глубинные районы, к борьбе с контрреволюционными выступлениями.

Первой регулярной частью Красной Армии на Урале по праву считается 1-й Уральский стрелковый полк РККА, начавший формироваться в Екатеринбурге во второй половине февраля 1918 года и закончивший формирование к началу апреля. В мае полк уже убыл на фронт — в южные районы Урала, где в это время снова поднялись недобитые мятежники — белоказаки Дутова. Вместе с несколькими другими армейскими подразделениями и красногвардейскими дружинами, входившими в сводный отряд В. К. Блюхера, полк 23 мая прорвал заслоны врага и вступил в Оренбург.

Кроме этого полка к концу мая из тридцати намеченных планом Уралоблвоенкомата три полка заканчивали формирование: 2-й Уральский — в Екатеринбурге — имел 1269 человек личного состава, 7-й Уральский — в Перми — 2347 человек, 17-й Уральский — в Троицке — 1444 человека. Более половины бойцов было в 19-м Уральском стрелковом полку, дислоцировавшемся в Вятке. В остальных начавших формироваться тридцати стрелковых и одном конно-стрелковом полку имелось по 3—4 роты и даже меньше. Во всех этих частях на 1 июня насчитывалось 11 893 человека. В это число не входит личный состав подразделений (рот, отрядов, дружин), которые создавались при военных отделах и комиссариатах, и тех, которые еще не были обращены на формирование частей. С их учетом общая численность регулярных войск Красной Армии на Урале к концу добровольческого периода немного превышала 20 тысяч человек. Из этого количества примерно треть не была вооружена, более половины — не обучена

или слабо обучена военному делу. Таковы были реальные силы регулярной Красной Армии Урала к моменту начала чехословацкого мятежа.

Образование первых частей и подразделений Красной Армии на Урале, необходимость обучения военному делу красноармейцев и трудящегося населения требовали подготовки командных и инструкторских кадров. Главным источником таких кадров были бывшие солдаты и младшие командиры, а также отдельные офицеры старой армии, добровольно вставшие на сторону Советов и прошедшие испытание выборами солдатских масс. Большую роль в строительстве Красной Армии на Урале сыграли С. А. Анучин, И. С. Павлищев, В. К. Блюхер, И. М. Малышев, А. М. Чеверов, ставшие крупными военными или военно-политическими работниками. На должности командиров, инструкторов и их заместителей в первые красноармейские подразделения были назначены солдаты и унтерофицеры старой армии А. Глухих, А. Кочетков, Г. Коняев, А. Дорожников и другие.

Коммунистическая партия проявляла заботу о подготовке кадров красных командиров из рабочих и крестьян. В стране открываются курсы, готовившие инструкторов — специалистов военного дела. По инициативе уральских большевиков в Екатеринбурге в апреле открылись артиллерийские, а в мае — пулеметные курсы. Уральский областной комитет партии принял непосредственное участие в комплектовании курсов. Он заблаговременно разослал письма во все партийные организации Урала с просьбой прислать на курсы возможно большее число членов нашей партии [1]. Тогда же открылись школа военных инструкторов в Оренбурге и школа красных командиров в Уфе. А в мае здесь начала действовать инструкторская пулеметная школа.

На Урале была сделана попытка приспособить для подготовки командно-штабных кадров Красной Армии одно из крупных военно-учебных заведений старой армии — так называемую Николаевскую военную академию (Академию Генерального штаба), эвакуированную в Екатеринбург. В начале апреля 1918 года в академию был назначен комиссар от Уральского областного Совета В. Матвеев. Вскоре начались занятия на старшем курсе. Уральский област-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 85, л. 12.

ной военкомат разработал положение об ускоренных курсах подготовки командиров и работников штабов при академии, а также о приеме на первый курс. Принимались только военнослужащие, имевшие рекомендации от организаций, «стоявших на платформе Советской власти». С середины мая в Екатеринбург стали прибывать кандидаты в слушатели. А когда началась борьба с чехословацкими мятежниками, многие из слушателей были направлены на фронт. Старшекурсники, поступившие еще до революции из представителей тех слоев населения, которые были враждебны Советской власти, во многих случаях перешли на сторону врага, как и большинство профессорско-преподавательского состава. Что касается поступивших заново, они в подавляющем большинстве проявили себя преданными Советской власти людьми, занимали впоследствии ответственные посты, многие погибли в боях с врагами (Р. П. Вайвьяи, Ю. Ю. Аплок и другие) [1].

Поскольку потребность в командных кадрах — особенно высокой квалификации — все возрастала, местные военные органы вынуждены были широко привлекать старых военных специалистов. В начале марта была открыта добровольная запись инструкторов, а затем проведена регистрация всех бывших офицеров в губерниях Урала. 11 мая Уральский облвоенкомат опубликовал в печати первый список кандидатов на командные должности, а через неделю — второй. Среди кандидатов были заслуженные опытные офицеры, которые впоследствии честно служили Советам — например, бывший полковник Н. Г. Осипов, ставший начальником Екатеринбургского гарнизона, и другие.

Формирования Красной Армии нужно было обеспечить всем необходимым: деньгами, продовольствием, обмундированием и снаряжением, хозяйственным и военным имуществом, оружием и боеприпасами. Первое время потребность в имуществе покрывалась за счет имевшихся запасов. К концу мая на военных складах Уральской области еще оставалось 84 400 полных комплектов обмундирования, 43 206 винтовок разных типов, большое количество патронов, ручных гранат. Сложнее обстояло дело с денежными средствами. Местным военным органам приходилось проявлять максимум находчивости в изыскании источников

[1] ЦГВИА, ф. 544, оп. 1, д. 1643, л. 7—8.

для их получения. Важнейшим источником было обложение имущих классов на нужды Красной Армии в Екатеринбурге на 10 млн. рублей, в Перми — на 8 млн., в Оренбурге — на 5 млн., и т. д.[1]. Кроме этого у имущих классов реквизировалось оружие, продовольствие, отдельные виды хозяйственного имущества, лошади.

Для создания родной Красной Армии трудящиеся вносили добровольные пожертвования из личных сбережений, а также отчисляли часть заработка. Рабочие Усть-Боровского солеваренного завода постановили, например, отчислить в фонд Красной Армии однодневный заработок и впредь ежемесячно отчислять один процент с жалованья[2]. Так в первые месяцы Советской власти зарождалась славная традиция, отражающая нерушимое единство народа и его армии.

Определенное финансирование на военные нужды шло из Центра. С возрастанием угрозы наступления японских войск на Сибирь и Урал были значительно увеличены ассигнования ряду городских Советов. За этим персонально следил В. И. Ленин. 23 апреля 1918 года, отвечая ЦИКу Советов Сибири, он, в частности, указывал, что Челябинску за одну неделю ассигновалось 15 млн. рублей[3].

Добровольческие части Красной Армии могли быть боеспособными только при условии высокой политической сознательности бойцов, четко представлявших себе цели борьбы, преданных делу Октября. Чтобы добиться этого, требовалась повседневная воспитательная работа в их среде.

Первое время в добровольческой Красной Армии не было специальных политических органов, которые бы всецело занимались партийно-политической работой. Прообразом будущих политотделов явились создаваемые в местных военных органах агитационно-организационные отделы и секции, в обязанность которых по инструкции входило, помимо записи добровольцев, ведение агитации среди населения и «удовлетворение культурно-просветительных потребностей красноармейских частей», т. е. устройство для

[1] «Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и армейских депутатов» («Известия Уралоблсовета»). Екатеринбург, 28 февраля, 2 марта, 25 мая 1918 г.

[2] «Известия Усольского Совета», Усолье, 4 апреля 1918 г.

[3] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 65.

красноармейцев лекций, организация клубов и библиотек. Эти положения вошли в решения съездов военных комиссаров Уральской области весной 1918 года.

1 мая 1918 года был создан агитационно-организационный отдел Уральского областного военного комиссариата. Он рассылал своих работников для организации подобных отделов в губерниях и уездах и оказания помощи их работникам, разработал ряд инструкций, определявших содержание, задачи и формы работы агитотделов и агитаторов. Характерно, что им рекомендовалось разъяснять трудящимся и красноармейцам такие вопросы: как формировалась старая армия, могла ли она воевать, как изменилась после революции, для чего нужна Красная Армия, почему нужно поддерживать Советскую власть и т. д.[1]. Большое внимание уделялось разъяснению сущности советской военной дисциплины.

Агитотделы уральских военных органов работали в тесном контакте с местными партийными организациями. Перед бойцами Красной Армии часто выступали члены Уральского областного комитета партии: Ф. И. Голощекин, И. А. Акулов, В. Ф. Сивков, С. М. Цвиллинг, а также работники губернских и уездных партийных комитетов. В политическом воспитании трудящихся и красноармейцев широко использовалось все многообразие форм: лекции, доклады и беседы, митинги и собраиия, средства культпросветработы, печатные издания. Большое внимание уделялось созданию во всех частях партийных ячеек, которые входили в местные парторганизации и работали под их руководством. 18—23 мая 1918 года в Перми состоялась 2-я городская конференция Пермского гарнизона. Проведение таких мероприятий было одной из форм привлечения массы представителей бойцов для обсуждения и решения многих вопросов жизни и деятельности воинских частей. На конференции говорилось и о создании в ротах партийных коллективов. В принятом решении обосновывалась необходимость иметь такие коллективы во всех частях и подразделениях, ибо только в этом случае можно добиться высокой сознательности каждого красноармейца. Резолюция конференции обязывала коммунистов-красноармейцев строго соблюдать партийную дисциплину, участвовать во всех партийных мероприятиях. Определялись

[1] ГАПО, ф. 793р, оп. 1, д. 1, л. 96.

обязанности президиума партколлектива: руководство всей жизнью организации, проведение собраний, бесед на политические темы во время занятий, распространение литературы. Вырабатывая примерный распорядок дня воинской части, конференция рекомендовала ежедневно выделять время для проведения с бойцами политических бесед [1].

Бесспорно, положительным фактом в деятельности уральских партийных и военных органов было введение института политических комиссаров в некоторых первых добровольческих формированиях Красной Армии. Уже в феврале-марте 1918 года, формируя отряды для борьбы с Дутовым, Уралобком партии большевиков направлял туда активных партийных работников в качестве комиссаров. Одним из первых комиссаров был член обкома И. М. Малышев. Он был направлен в дружину, которой командовал П. З. Ермаков — коммунист, рабочий Верх-Исетского завода, для оказания всемерной помощи. По мере того как на командные должности привлекали все больше старых военных специалистов, институт военных комиссаров становился настоятельно необходимым для контроля за их деятельностью. Это и было определено приказом Народного комиссариата по военным делам от 6 апреля 1918 года о функциях военных комиссаров и членов Военных советов. Но в положении о политических комиссарах, разработанном Уралоблвоенкоматом и объявленном в конце апреля, их функции сводились лишь к политическому воспитанию. Исправлено это упущение было только 1 июня 1918 года.

Таким образом, в преддверии грозных испытаний, которым подверглась молодая Советская республика в результате нашествия внешней и внутренней контрреволюции, на Урале, как и по всей стране, в числе мероприятий по упрочению Советской власти и социалистическому строительству серьезное внимание уделялось созданию Красной Армии, способной отстоять завоевания революции. Под руководством и с помощью большевистских комитетов при активном участии профсоюзных и молодежных организаций военные отделы (комиссариаты) Урала провели большую работу по набору добровольцев, обучению трудящихся и красноармейцев военному делу, формиро-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 111, л. 44—44 об.

ванию первых частей и подразделений, обеспечению их всем необходимым, подбору и подготовке командных кадров, организации политического воспитания. Это позволило создать ядро регулярных частей для оказания первого сопротивления врагу.

Добровольческий период явился объективно необходимым начальным этапом в строительстве Советских Вооруженных Сил. Однако добровольческая Красная Армия была малочисленной, состояла из отдельных разрозненных подразделений, личный состав которых имел слабую военную выучку и дисциплину. Эти общие недостатки в полной мере относились к формированиям добровольческой Красной Армии на Урале.

Для того чтобы обеспечить возможность успешной борьбы с армиями интервентов и внутренней контрреволюции, В. И. Ленин, партия и правительство считали необходимым создание массовой постоянной регулярной армии, которая должна комплектоваться на основе всеобщей воинской повинности. Проводимые весной 1918 года мероприятия должны были в конечном счете подготовить переход к такой армии. Одним из важнейших условий этого перехода было создание новой системы местных органов военного управления. Существовавшие военные отделы Советов не могли выполнить задачи создания мощной армии, проведения всеобщей воинской повинности, организации массового военного обучения и снабжения частей. Эти органы были малочисленны, не имели необходимых специалистов, не обладали данными учета и решали все вопросы, исходя лишь из местных нужд.

8 апреля 1918 года Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина рассмотрел и принял декрет об учреждении в волостях, уездах, губерниях и военных округах комиссариатов по военным делам. На эти органы возлагались задачи учета годного к военной службе населения, проведение призывов, формирование частей и снабжение их всем необходимым, управление войсками, предназначенными для обслуживания местных нужд, организация всеобщего военного обучения трудящихся, агитационная работа среди населения и личного состава подчиненных частей. В соответствии с общими задачами в декрете четко определялись конкретные обязанности волостных, уездных, губернских и окружных военных комиссариатов.

Создание военкоматов позволяло перейти к всеобщей воинской обязанности, обеспечивало известную самостоятельность местным военным органам, которая необходима в силу большой специфики их работы, устанавливало систему централизованного управления военными учреждениями и войсками, обеспечивало условия для усиления партийно-политической работы. Местные военные органы возглавляли представители Коммунистической партии — военкомы. Этим утверждался ленинский принцип руководства партии всем делом строительства Красной Армии.

Но на местах, в том числе на Урале, не сразу было понято все значение данного декрета, и выполнение его затянулось. Уральское областное партийное и советское руководство просило оставить областной военный орган, помещающийся в Екатеринбурге, а не в Уфе, как это предполагалось Высшим военным советом, настаивало на назначении только тех комиссаров, которые предлагались облсоветом [1].

4 мая 1918 года декретом Совнаркома за подписью В. И. Ленина в числе других округов был образован и Уральский, включавший Вятскую, Пермскую, Уфимскую, Оренбургскую и Казанскую губернии с центром в Екатеринбурге. На этой территории создавалась сеть военных комиссариатов, войсковых частей, учреждений, учебных заведений, объединенных общими задачами и единым командованием в лице Уральского окружного военного комиссариата. Образование на Урале такого крупного войскового объединения во главе с органом, подчиненным непосредственно Народному комиссариату по военным делам, способствовало успешному решению задач строительства массовой регулярной армии.

Для того чтобы ускорить создание военных комиссариатов в губерниях, уездах и волостях, 18 мая 1918 года всем местным Советам была направлена директива, подписанная В. И. Лениным и Я. М. Свердловым, в которой разъяснялась важность повсеместной быстрой организации военных комиссариатов. «Центральный Исполнительный Комитет, — говорилось в документе, — предписал Народ-

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР (ЦГАОР СССР), ф. 1235, оп. 93, д. 558, л. 3—4; Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 1, оп. 1, д. 50, л. 164, 174 об; д. 183, л. 20; ф. 3, оп. 1, д. 47, л. 174, 262.

ному комиссариату по военным делам приложить все силы к созданию крепкой, строго организованной и внутренне сплоченной Красной Армии, способной отстоять Советскую Республику от внешних и внутренних врагов. Создание вооруженной силы требует в качестве первого условия наличности хорошо налаженного аппарата военного управления на местах». Без местных органов военного управления, подчеркивалось в директиве, «работа над формированием Красной Армии по единому плану абсолютно не выполнима». ВЦИК и Совнарком обязывали местные Советы в недельный срок провести в жизнь все требования декрета от 8 апреля [1].

После такого категорического требования создание военных комиссариатов или реорганизация существовавших ранее органов по типу военкоматов значительно ускорились. К концу мая 1918 года были в основном укомплектованы управления и отделы Уральского окружного военного комиссариата и 29 мая подписан первый приказ по округу. Летом 1918 года на Урале функционировали губернские и уездные военкоматы, а осенью они действовали во многих волостях.

При создании военных комиссариатов приходилось преодолевать сопротивление представителей эксплуататорских классов, а также соглашательских партий. Особенно ожесточенная борьба развернулась вокруг создания волостных военных комиссариатов. Волвоенкоматы, создававшиеся одновременно с комбедами и партийными ячейками на селе, становились вместе с ними опорными пунктами диктатуры пролетариата в деревне, способствовали осуществлению задач социалистической революции, укреплению союза рабочего класса с крестьянством. Поэтому кулаки в борьбе против образования и деятельности военкоматов использовали любые средства — от агитации до террора.

Осуществлять декрет об учреждении военкоматов мешало и отрицательное отношение со стороны левых эсеров. Выступая против строительства регулярной Красной Армии на основе всеобщей воинской повинности, против централизма и дисциплины, против привлечения старых военных специалистов, левые эсеры всячески противились созданию военных комиссариатов. Так, на состоявшемся в Екатеринбурге 24—26 мая 3-м Уральском област-

[1] Декреты Советской власти, т. II, М., 1959, стр. 287.

ном съезде партии левых эсеров была принята резолюция, в которой большевиков упрекали в «возрождении оборончества», о чем якобы свидетельствует «культивирование гибельного для революции централизма, привлечение николаевских генералов и установление черносотенных штабов». В заключении резолюции указывалось, что для отстаивания революции необходимо проведение «трудового народного восстания», а «не создание и организация военного, неминуемо практикующего элементы милитаризма, аппарата...»[1]. Борьбу против создания комиссариатов уральские левые эсеры провели на заседании Екатеринбургского Совета 29 мая, где их глава Хотимский выступил с лозунгом: «Долой комиссародержавие!»[2]. Но как на этом заседании, так и во многих других случаях левым эсерам не удалось провести свою линию. Коммунисты дали им достойный отпор. Так было не только на Урале, но и по всей стране. Окончательный удар по антимарксистским, партизанским взглядам левых эсеров был нанесен выступлениями В. И. Ленина и решениями V Всероссийского съезда Советов.

Придавая большое значение созданию местных органов военного управления, Коммунистическая партия направляла на работу в военные комиссариаты испытанные партийные кадры. Филипп Исаевич Голощекин, возглавлявший окружной военный комиссариат, был членом партии с 1903 года, активным работником Центрального, Петроградского и Московского комитетов партии, перед революцией — секретарем Пермского губернского и Уральского областного комитетов РСДРП(б). Другой военный комиссар — Сергей Андреевич Анучин — один из организаторов работы большевиков среди солдат старой армии. В Лысьвенском районе из 45 военных работников было 37 коммунистов и им сочувствующих. Правда, такой высокой партийной прослойки удавалось добиваться не везде — особенно, когда начались военные действия и коммунисты первыми пошли на фронт.

В переходе от добровольчества к массовой регулярной армии серьезную роль сыграли такие документы Советского правительства, как декрет о порядке замещения должностей, ликвидировавший выборность командиров и устано-

---

[1] «Известия Уралоблсовета», 1 июня 1918 г.
[2] «Уральская жизнь», 1 июня 1918 г.

вивший принцип их назначения, — этим создавались лучшие условия для привлечения военных специалистов, повышалась ответственность руководящих органов за подбор командиров, укреплялась воинская дисциплина. Большое значение имел такой документ, как декрет о шестимесячном сроке службы добровольцев, который упорядочивал комплектование, несколько стабилизировал кадры, уменьшал текучесть. Введение единого текста военной присяги способствовало улучшению качества набора добровольцев, дало единый критерий необходимых моральнобоевых качеств бойцов Красной Армии. Создание по всей армии института военных комиссаров соединений и частей усиливало влияние партии на красноармейцев и обеспечивало лучшие возможности для проведения партийно-политической работы, поднятия морального духа частей. Наконец, трудно переоценить значение декрета ВЦИК от 22 апреля 1918 года «Об обязательном военном обучении». Всеобщее военное обучение явилось важным условием массовой подготовки резервов для Красной Армии. Все эти декреты проводились в жизнь уральскими партийными, советскими и военными органами. Успешно организовали работу по всевобучу Уфимская и Пермская губернии, Екатеринбургская и Кунгурская уездные, Саберская и Илимская волостные парторганизации.

Таким образом, весной 1918 года наряду с комплектованием красноармейских частей из добровольцев на Урале, как и по всей стране, развернулась подготовка перехода к строительству массовой Красной Армии на основе всеобщей воинской повинности. Но осуществлять этот переход уральцам пришлось уже в условиях развернувшихся военных действий против чехословацких мятежников и белогвардейских войск.

2. Все на защиту Урала!

С первых дней после победы Октября буржуазия и помещики предпринимали попытки свергнуть Советскую власть и навязать нашему народу кровавый путь гражданской войны. Разгром антисоветских мятежей Керенского — Краснова под Петроградом, Каледина на Дону, Дутова на Южном Урале показал, что попытки внутренней контрреволюции вооруженным путем

восстановить свое господство обречены на провал, так как она не имеет опоры в народе. Тогда внутренняя контрреволюция прибегла к помощи международного империализма, вопреки национальным интересам вступила с ним в блок. Империалисты Англии, США, Германии, Франции, Японии охотно пошли на вмешательство во внутренние дела Советской России и организовали вооруженную интервенцию против нашей страны. Они опасались, что примеру освободившихся рабочих и крестьян России последуют трудящиеся других стран. Империалисты стремились уничтожить первое социалистическое государство, восстановить в нашей стране буржуазно-помещичий строй, вернуть аннулированные Советской властью займы, национализированные фабрики, заводы. Не могли они примириться и с выходом России из мировой войны, указывавшим путь другим народам. Кроме того, империалисты Антанты теряли поддержку русской армии, сковывавшей до этого половину германских войск.

Дипломатические миссии империалистических государств явились на территории России центрами подрывной работы, шпионажа и диверсий. Через них империалисты активно поддерживали выступления внутренней контрреволюции, снабжали ее оружием, продовольствием, денежными средствами. А вскоре они перешли и к актам прямой агрессии. В январе-феврале 1918 года буржуазно-помещичья Румыния захватила Бессарабию. Германские империалисты, хотя и согласились прекратить войну, навязали нашей стране грабительские условия мира. Их войска оккупировали Прибалтику, Украину, часть Белоруссии, Крым, вторглись в пределы Закавказья. Весной 1918 года антисоветская интервенция приобрела еще более широкий размах. Английский крейсер «Глори» 9 марта высадил в Мурманске первый вооруженный десант интервентов. Вслед за этим на территорию советского Севера вторглись американские и французские войска. В апреле — японские, а затем американские и английские интервенты начали оккупацию Дальнего Востока. Отряды интервентов вторглись также на территорию Забайкалья и Средней Азии.

Расширение иностранной интервенции усилило выступление противников Советской власти внутри страны. Контрреволюционные заговоры, кулацкие мятежи, диверсии, погромы, саботаж — все пускалось в ход для ослаб-

ления и уничтожения пролетарского государства. В свою очередь, интервенты поспешили воспользоваться активизацией буржуазно-помещичьей и кулацко-эсеровской контрреволюции весной и летом 1918 года, чтобы взорвать Советскую власть изнутри, ударить по ее тылам.

На Востоке страны роль ударной силы для ведения организованной борьбы с Советской властью в глубоком тылу и сплочения вокруг себя полчищ белогвардейцев и кулацких мятежников интервенты отвели чехословацкому корпусу. Этот корпус был сформирован еще до Октябрьской революции из солдат австро-венгерской армии, оказавшихся в России на положении военнопленных. Советское правительство разрешило личному составу корпуса в качестве частных лиц, без оружия выехать во Францию по транссибирской магистрали и далее через порт Владивосток. Но заправилы Антанты поспешили любой ценой сорвать эвакуацию чехословацких солдат и заставить их воевать с Советской властью. Подкуп и шантаж, грязная антисоветская клевета и провокации — все было пущено в ход. Только из личных фондов американского президента Вильсона на содержание чешских легионеров было израсходовано 8 миллионов долларов[1]. Около 15 миллионов рублей затратили на организацию мятежа чехословацкого корпуса английские и французские империалисты[2]. Мятежники получили от иностранных империалистов вооружение и снаряжение: от Англии — 100 тыс. винтовок, 100 пулеметов, 4 736 400 патронов, от американского Красного Креста — 150 тыс. пар военных башмаков, от правительства США — 220 тыс. снарядов, 22 полевых орудия, запасные части к 100 пулеметам[3].

Активное участие в заговоре приняли чешские и словацкие буржуазные националисты из так называемого «национального совета», в распоряжении которого находился корпус. Руководитель «национального совета» Массарик, получив через иностранные банки крупные взятки, продал чехословацких солдат на пушечное мясо врагам Советской России. Командный состав корпуса был подкуплен.

[1] Г. Г. Аллахвердов, Н. Ф. Кузьмин и др. Краткая история гражданской войны в СССР. М., 1960, стр. 31.

[2] История гражданской войны в СССР, т. 3, 1957, стр. 184.

[3] Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов в трех томах, т. I. М., изд-во «Советская Россия», 1960, стр. 88.

Рядовых солдат, не желавших поддерживать заговорщиков, взяли обманом и шантажом. Им говорили, что Советское правительство будто бы не хочет выпускать чехословаков из России и намеревается заключить их в концентрационные лагеря, предварительно обезоружив. Поддавшись на провокацию, чехословаки отказались выполнить требование советских органов о сдаче оружия и в последних числах мая 1918 года подняли мятеж в районе Сибирской железной дороги на большом ее протяжении от Пензы до Владивостока.

Правда, империалистам так и не удалось вовлечь в свою авантюру основную массу военнопленных. В чехословацком корпусе, учитывая и довольно большое количество русских белогвардейских офицеров, числилось не более 50 тысяч человек, тогда как всего в России находилось до 200 тысяч военнопленных чехов и словаков [1]. К тому же среди рядовых солдат чехословацкого корпуса многие сочувствовали Советской власти. Еще до начала мятежа около 6 тысяч чехословацких солдат отказались подчиняться реакционному командованию и порвали с корпусом, чтобы перейти на службу в Красную Армию. Когда вспыхнул мятеж, на сторону Советской власти перешло еще около 3 тысяч чехов и словаков, служивших в корпусе [2]. Тем не менее положение создалось очень трудное. В распоряжении внешней и внутренней контрреволюции оказалась достаточно мощная боевая единица для ведения серьезной и длительной войны против советского народа.

Гражданская война в широких масштабах стала возможной потому, что общее соотношение классовых сил летом 1918 года временно сложилось в пользу контрреволюции. Как это могло произойти? На первом этапе социалистической революции, указывал В. И. Ленин, Советской власти приходилось попутно решать и задачи буржуазно-демократической революции. В то время белогвардейцы и интервенты не могли найти для себя достаточно широкой социальной опоры. Абсолютное большинство населения страны, и прежде всего все многомиллионное крестьянство, шло за пролетариатом, за большевистской партией. Белогвардейские мятежи, как и оккупация иностранными империалистами окраин нашего государства, ко-

[1] История гражданской войны в СССР, т. 3, стр. 182.
[2] Там же, стр. 185.

нечно, создавали большие трудности на пути нового общественного строя. Но они все же не ставили под угрозу само существование Советской власти.

К лету 1918 года обстановка в стране изменилась существенным образом. Социалистическая революция вступила в новую фазу своего развития. В деревне, где к тому времени демократические преобразования были в основном завершены, крестьянская беднота под руководством пролетариата поднималась против кулачества, добиваясь ограничения его эксплуататорских привилегий, перераспределения помещичьей земли и имущества. Чтобы укрепить экономическую базу социализма и обуздать мелкобуржуазную стихию, Советское государство в соответствии с ленинским планом приступа к социалистическому строительству начало вводить строгий учет и контроль за производством и потреблением продуктов. Эта мера, в особенности запрещение свободной торговли хлебом и установление продовольственной диктатуры, вызвала бешеное сопротивление буржуазии. Она затронула и интересы мелкого собственника, который привык торговать своими излишками на вольном рынке и по вольным ценам. Следовательно, против продовольственной политики выступили не только эксплуататорские элементы, но и средние трудовые слои населения, не понимавшие жизненной необходимости такой политики, ставившие свои мелкособственнические интересы выше интересов революции. Это привело на время к резкому расширению социальной базы контрреволюции, создало практическую возможность для объединения внутренних и внешних врагов диктатуры пролетариата, для формирования массовых белогвардейских армий. Как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, успех чехословацкого мятежа объяснялся тем, что он был повсеместно поддержан кулацкими выступлениями, в которых принимало участие и среднее крестьянство. На этот раз создалась действительно реальная опасность для дела социалистической революции.

В начальный период гражданской войны центр тяжести борьбы с контрреволюцией лежал в восточных районах страны, где произошел мятеж чехословаков, и, в частности, на Урале. Организаторы интервенции считали делом первостепенной важности захват Урала с его неисчерпаемыми природными богатствами и крупными промышленными центрами. Иностранные империалисты имели

здесь особые интересы. До революции им удалось прибрать к своим рукам некоторые важные отрасли уральской промышленности. Уже накануне первой мировой войны английский капитал контролировал предприятия Кыштымского, Южноуральского и Сысертского акционерных обществ. Французские заводчики скупили акции Камских заводов, а также Авзяно-Петровского, Катавского и других заводов Южного Урала. Один из крупных магнатов американского финансового капитала, ярый колониалист Гувер эксплуатировал на паях с английским промышленником Уркартом богатейшие месторождения цветных металлов и каменного угля на Урале и в Сибири. Одно только Кыштымское имение площадью в 600 тыс. гектаров, принадлежавшее Гуверу, давало ежегодно 2 млн. долларов дохода. Общая стоимость концессий, которыми владел этот американский делец и его компания, составляла 1 млрд. долларов [1].

Таким образом, в руках иностранцев сосредоточились наиболее доходные отрасли уральской горнозаводской промышленности, а именно: производство меди, цинка, серебра, золота, частично каменного угля и железной руды.

Советская власть одним ударом покончила с господством капитала в экономике Урала, объявив его недра и промышленные предприятия народным достоянием. В результате английские, французские и американские капиталисты лишились крупного источника сверхприбылей. И теперь с помощью мятежных чехословаков и белогвардейцев они рассчитывали вновь утвердиться на Урале, чтобы вернуть свою собственность и лишить Советскую республику этого важного экономического района, являвшегося базой материально-технического снабжения армии и населения. Кроме того, с Урала открывался доступ в хлебную Сибирь, что также было учтено интервентами в их планах экономического удушения Советской власти. Наконец, Урал имел большое стратегическое значение, ибо по своему естественному положению мог служить соединительным рубежом для антисоветских сил европейской и азиатской частей России. Организуя мятеж чехословацкого корпуса, империалисты имели в виду расширить интервенцию в направлении Урала и центральной России. Военное

[1] А. Е. Кунина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М., 1951, стр. 35—36.

министерство Франции писало одному из активных организаторов интервенции генералу Жанену: «Важно, однако, побудить чешские эшелоны в Центральной и Западной Сибири к немедленному установлению контакта с владивостокской группой и базами на Северном Ледовитом океане... через Екатеринбург, Вятку, Двину, а позднее через Самару и Вологду. Чрезвычайно важно, чтобы эти контакты были установлены до наступления зимы»[1].

Почему именно в восточных районах страны империалистам удалось впервые практически объединить силы внешней и внутренней контрреволюции и начать серьезную войну с Советской властью? Потому что здесь они смогли опереться на поддержку мелкобуржуазных масс, главным образом зажиточного крестьянства, недовольных социалистическими преобразованиями. До революции уральский и сибирский крестьянин почти не знал помещичьей эксплуатации. Это был, по словам В. И. Ленина, наиболее сытый крестьянин, относительно хорошо обеспеченный землей и скотом, владевший значительными излишками хлеба.

Имущественное положение крестьянства на Урале в сравнении с положением в некоторых районах Европейской России выглядело следующим образом. С одной стороны, здесь был относительно велик удельный вес деревенской бедноты. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 года, безземельных хозяйств насчитывалось в Вятской губернии — 3,6 процента, в Орловской — 5,2, в Саратовской — 11,4, в Костромской — 11,9, в Пермской — 15,6, в Уфимской — 14,7[2]. Процесс обезземеливания крестьянства на Урале шел даже более интенсивно, чем в Европейской России. В районах Предуралья посевов лишилась относительно небольшая часть крестьян. Но зато в Оренбургской и Пермской губерниях процент беспосевных хозяйств был наивысшим. Лишь по такому важному показателю имущественного состояния крестьянства, как обеспеченность рабочим скотом, Урал находился в несколько лучшем положении по сравнению с Европейской Россией.

Вместе с тем материалы сельскохозяйственной переписи

---

[1] Из истории гражданской войны в СССР, т. I, стр. 45.

[2] Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям. Труды ЦСУ, т. V, вып. I. М., 1921, стр. 50—55.

характеризуют относительную состоятельность уральского крестьянства в целом.

А вот каким было соотношение основных социальных групп деревенского населения накануне Октября: по стране в целом насчитывалось бедняков 65 процентов, середняков — 20 и кулаков — 15 процентов [1]. На Урале на долю беднейшего крестьянства приходилось примерно 52 процента деревенского населения, середняков числилось 30 и кулаков — 18 процентов [2].

Приведенные данные, учитывающие все основные показатели имущественного положения, подтверждают относительную зажиточность уральского крестьянства. Однако социально-экономическое развитие уральской деревни следует рассматривать дифференцированно. Например, тот факт, что на Урале крестьянство в основном не испытывало крепостнической эксплуатации, вовсе не означает полного отсутствия здесь помещичьего землевладения. В Пермской губернии, тем более в Зауралье, оно действительно не играло серьезной роли. Но зато в Уфимской губернии 4939 тыс. десятин земли, или 45,5 процента всей сельскохозяйственной площади, принадлежало помещикам и другим частным лицам, а также казне, удельному ведомству, банкам [3]. Причем, помещичьи имения сосредоточивались преимущественно в предуральских уездах губернии. Естественно, крестьянство этих уездов было кровно заинтересовано в разделе частновладельческой земли и в ликвидации феодальных пережитков. Оно поэтому активно поддерживало Советскую власть, быстрее преодолевало колебания и извлекало правильные уроки из гражданской войны.

Другое соотношение классовых сил сложилось в юго-восточных уездах губернии, где до революции сохранялись патриархально-феодальные формы землепользования, а командные позиции в деревне принадлежали весьма многочисленному и богатому кулачеству, которое поддерживало свое влияние, пользуясь отсталостью и националистически-

[1] П. Н. Соболев. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции. М., Госполитиздат, 1958, стр. 18.

[2] Ф. П. Быстрых. Большевистские организации Урала в революции 1905—1907 гг. Свердловское книжное издательство, 1959, стр. 5.

[3] З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966, стр. 28.

ми предрассудками башкирского крестьянства. Здесь очень активно действовала контрреволюция, а политическое просвещение масс шло медленными темпами.

Позиции деревенской буржуазии были чрезвычайно сильными в казачьих районах Оренбургской губернии. Дело в том, что казачество находилось до революции в особо привилегированном положении. Для казаков Оренбургского войска душевой надел был установлен в 30 десятин только удобной земли, но во многих станицах он значительно превышал эту норму, доходя иногда до 95 десятин. Основная часть земли сосредоточивалась в руках казачьей верхушки. В 1917 году 958 генералов, офицеров, чиновников и их детей владели 367 198,5 десятинами земли. Значит, на мужскую душу приходилось по 381 десятине. В первом круге Оренбургского казачьего войска на каждое офицерское хозяйство приходилось в среднем по 540 десятин. При этом 28 хозяйств владели земельными участками площадью свыше 1000 десятин каждое, а некоторые даже свыше 3000 десятин. В целом казачество Оренбургской губернии было гораздо лучше обеспечено землей, чем крестьянство. Крестьяне, на долю которых приходилось 56,1 процента всех дворов, владели 28,2 процента удобных земель, а казаки, составлявшие 43,9 процента дворов, занимали остальные 71,8 процента удобных земель[1].

Многочисленные экономически крепкие влиятельные кулаки и станичные богатеи составляли ту социальную силу, которая с первых дней Октябрьской революции выступила против Советской власти на стороне капиталистов и помещиков. Эта сила породила дутовщину, а затем активно поддержала мятежных чехословаков и Колчака. К контрреволюции зачастую примыкали и средние слои казачества, которые жили в относительном достатке и, разумеется, сочувствовали скорее зажиточным землевладельцам, нежели деревенской бедноте.

Что касается Вятской губернии, то она по сравнению с Уралом в целом отличалась очень высокой степенью социальной дифференциации деревни. Здесь насчитывалось: бедняков — 66 процентов, середняков — 26 и кулаков — 8 процентов[2], т. е. имелись весьма мощные социальные

[1] Ученые записки Челябинского политехнического института. Вып. 1, 1957, стр. 44—45.

[2] Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1967, стр. 41.

Р.С.Ф.С.Р
ТЫ
ЗАПИСАЛСЯ
ДОБРОВОЛЬЦЕМ?

силы, способные до конца поддерживать пролетариат в социалистической революции. Но среди удмуртского населения было значительным и влияние деревенской буржуазии. Причем оно держалось не столько на экономическом могуществе последней, сколько на патриархальных и националистических традициях удмуртского крестьянства.

Свои особенности социально-экономического развития деревни имелись и на Среднем Урале. Соотношение сил революции и контрреволюции здесь также зависело от степени зажиточности крестьянства. Для Красноуфимского уезда Пермской губернии характерен, например, особенно высокий удельный вес крупных хуторских и отрубных хозяйств, каждое из которых имело более 25 десятин земли. Накануне империалистической войны таких хозяйств было на надельных крестьянских землях 48,6 процента, на землях банковских и казенных — 69 процентов [1]. Не случайно на первом этапе гражданской войны уезд оказался охваченным чрезвычайно сильным кулацко-белогвардейским движением.

Подчеркивая относительную зажиточность уральского и сибирского крестьянства, В. И. Ленин указывал, что Октябрьская революция не смогла дать ему сразу и непосредственно тех результатов, которые она дала крестьянам Европейской России. Этим и определилось его отношение к революции в момент, когда Советская власть приступила к обузданию мелкобуржуазной стихии, установила контроль за производством и распределением продуктов. Ленин писал: «Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам. Крестьянство Урала, Сибири, Украины поворачивает к Колчаку и Деникину» [2].

Влияние мелкобуржуазных элементов было значительным не только в деревне, но и среди заводского населения Урала. До революции это население имело неоднородный социальный состав и распадалось на три основные группы. К первой группе относились чистые пролетарии, состоявшие из пришлых элементов, некоторой доли рабочих частных заводов и горнозаводских мастеровых. Эта группа

[1] Победа Октябрьской социалистической революции на Урале, стр. 48.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 17.

отличалась полным отсутствием собственных средств производства, преемственностью труда из поколения в поколение, т. е. пролетарским происхождением, длительностью стажа работы на крупных промышленных предприятиях. Чистые пролетарии полностью порвали связь с сельским хозяйством и содержали себя и свою семью только за счет заработной платы. На таком положении находилось большинство рабочих крупных, технически передовых предприятий Урала, какими являлись Мотовилихинский, Надеждинский, Лысьвенский, Чусовской, Алапаевский, Нижнесалдинский, Нижнетагильский, Добрянский, Кизеловский и некоторые другие заводы. Эти рабочие играли наиболее активную роль в массовом освободительном движении, являясь его руководящей и организующей силой, питая социальные корни большевизма на протяжении всей истории революции.

Ко второй наиболее многочисленной группе принадлежала та часть мастеровых и вспомогательных рабочих, которая имела основным источником существования работу на заводе, но сохранила связь с землей. От заводовладельцев они получали не только зарплату, но и усадьбу, огород, покос, небольшой клочок пашни. Эта категория рабочих преобладала на мелких заброшенных заводах: Артинском, Бисертском, Михайловском, Камбарском, Молебском, Кусье-Александровском, Суксунском, Нейво-Рудянском, Шемахинском. Здесь, при огромном избытке рабочих рук и крайне низкой заработной плате, многие поневоле вынуждены были заниматься сельским хозяйством, чтобы прокормить себя и семью. Мастеровые таких заводов медленнее превращались в настоящих пролетариев, дольше сохраняли связь с землей, с подсобным хозяйством, труднее осознавали свои классовые интересы. Наконец, третью группу составляли, если можно так выразиться, полурабочие-полукрестьяне. Сюда относилось окружающее заводы деревенское население, которое, ведя сельское хозяйство, одновременно более или менее систематически трудилось на вспомогательных заводских работах.

Таким образом, поземельные отношения играли важную роль в хозяйственной жизни значительной части уральского рабочего класса. Например, в Екатеринбургском уезде, типичном для горнозаводского Урала, до революции около половины хозяйств мастеровых имели лошадей, две трети хозяйств — коров, почти три четверти

хозяйств — мелкий скот. На 107 408 ревизских душ уральских казенных заводов приходилось в 1912 году 924 723 десятины земельного надела [1]. Среди мастеровых встречались весьма зажиточные люди, которые производили сельскохозяйственные продукты не только для собственного пропитания, но и на продажу. Они засевали свыше 10, 20 и даже 50 десятин земли, нанимали батраков, занимались подрядами и торговлей. Особенно прочно были связаны с земледелием кустари и ремесленники, составлявшие немалую долю городского населения. Связь с землей не стимулировала роста пролетарской сознательности. Наоборот, она порождала мелкособственническую идеологию, создавала питательную среду для соглашательства. В силу своей привязанности к земле, личному хозяйству рабочий находился под известным воздействием крестьянской психологии. Колебания среднего крестьянства Урала в начальный период гражданской войны неизбежно отражались в какой-то мере и на поведении части рабочего класса.

Расширению социальной базы контрреволюции во многом способствовала провокационная политика меньшевиков и эсеров. Соглашатели всячески настраивали мелких собственников против диктатуры пролетариата, призывали к свержению Советской власти, обещая взамен «настоящее» народовластие в лице Учредительного собрания и полную свободу частного предпринимательства. На Урале мелкобуржуазные партии являлись серьезными политическими противниками большевиков. Об этом свидетельствуют итоги выборов в Учредительное собрание в ноябре 1917 года. Анализируя их, В. И. Ленин отметил особенно сильное влияние эсеров в восточных районах страны. При этом он подчеркивал, что большевистскую партию поддержал здесь, преимущественно, промышленный пролетариат, эсеровскую — крестьянство [2]. Действительно, в Пермской губернии во время выборов эсеры собрали 665 118 голосов, а большевики — всего 268 292. Позиции эсеровской партии оказались наиболее прочными в аграрных уездах. Например, в Ирбитском уезде за эсеров голосовало 61 183 избирателя, за большевиков — 5 597, в Чердынском соответст-

[1] Ф. П. Быстрых. О землепользовании горнозаводского населения Урала в конце XIX и начале XX вв. В кн.: Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале (Материалы научной конференции). Свердловск, 1963, стр. 99, 103.

[2] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 3.

венно — 30 489 и 245, в Камышловском — 89 633 и 17 542, в Шадринском — 77015 17842[1]. Несколько иное соотношение политических партий сложилось там, где относительно велик был удельный вес рабочего населения. Эсеры получили весьма незначительное большинство голосов по сравнению с большевиками в Екатеринбургском, Верхотурском и Соликамском уездах. А в городах и крупных заводских центрах основная масса избирателей проголосовала за большевистскую партию. В Кизеловском и Невьянском промышленных районах, в Мотовилихинском, Чусовском, Лысьвенском, Михайловском, Нязепетровском, Артинском заводах, в Верхнем Уфалее, Нижних Серьгах, Шемахе, Сысерти, Нижнеисетске и других заводских поселках Пермской губернии, а также в ряде примыкающих к заводам волостей большевики собрали от 60 до 90 процентов всех голосов[2]. Эти результаты убедительно показывают, что уральский пролетариат активно поддержал большевистскую программу социалистической революции. Вместе с тем общие итоги выборов в Учредительное собрание отражали недостаточную политическую зрелость масс трудового крестьянства, которые в основном шли за эсеровской партией.

Конечно, глубокий кризис политики соглашательства, вскрывшийся накануне Октябрьской социалистической революции, затронул и уральскую деревню. Здесь, как и в других районах страны, начался распад эсеровской партии в результате отказа от нее революционно настроенных трудящихся. И все же, хотя меньшевики и эсеры потерпели сокрушительное поражение в борьбе за власть в октябре 1917 года, они продолжали сохранять значительное влияние среди мелкой буржуазии и даже отсталой части рабочего класса. Весьма характерен тот факт, что соглашательские партии и после победы Октябрьской революции вели за собой некоторое время ряд местных Советов. Так, в Златоусте меньшевики и эсеры оставались у власти до весны 1918 года. Только 17 марта соглашательский Совет был распущен и образован новый во главе с большевиками. В Чердыни и Усолье Советы находились под меньшевистско-эсеровским влиянием вплоть до начала февраля, а

[1] Упрочение Советской власти в Пермской губернии. Документы и материалы. Пермь, 1966, стр. 122—123.
[2] Там же, стр. 118—123.

в Верхнетуринском заводе — до конца мая. Представители правых мелкобуржуазных партий остались также в составе Челябинского Совета, хотя и в меньшинстве. Даже в Екатеринбургском уезде, где влияние большевиков было особенно сильным, соглашатели сохранили свои позиции в некоторых Советах. Например, в составе Билимбаевского волостного Совета к весне 1918 года насчитывалось 42 депутата от правых партий и только 10 — от левых.

Влияние соглашательских партий особенно ярко проявилось на отношении мелкобуржуазных масс к роспуску Учредительного собрания. Рабочий класс и беднейшее крестьянство страны полностью одобрили акцию Советского правительства, которая сорвала попытку контрреволюции противопоставить изжившее себя Учредительное собрание власти Советов. Однако в некоторых районах, в том числе и на Урале, вокруг этого развернулась острая политическая борьба. Весьма значительным было влияние левых эсеров.

Отражая всю непоследовательность поведения мелкобуржуазной демократии на крупных поворотах революции, левые эсеры постоянно колебались в сторону политических противников пролетариата. На Урале эти колебания впервые проявились в период заключения Брестского мирного договора. Левые эсеры помогли тогда «левым коммунистам» — сторонникам так называемой революционной войны — составить сильную оппозицию в Советах и профсоюзах. Так, состоявшееся в конце февраля 1918 года в Екатеринбурге при участии левых эсеров объединенное собрание представителей партийных, советских, профсоюзных и других общественных организаций области и города признало немецкие условия мира, принятые нашим правительством, полной капитуляцией социалистической революции перед лицом международного империализма и потребовало их немедленного аннулирования. Пермский губисполком в ответ на подписание Брестского договора опубликовал заявление, в котором настаивал на прекращении всяких переговоров с немецкими империалистами. К этому заявлению присоединился и Пермский городской Совет, где преобладало левоэсеровское влияние. Резолюции, осуждающие внешнюю политику Советского правительства, приняли 2-я областная конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов металлистов и горнорабочих Урала, конференция представителей завод-

ских Советов, партийных, профсоюзных, молодежных и военных организаций Симского горного округа.

Большинство передовых рабочих и революционно настроенных крестьян Урала в конце концов твердо поддержало линию Центрального Комитета партии и Советского правительства в вопросах войны и мира. Однако большевикам пришлось провести огромную разъяснительную работу, чтобы нейтрализовать колеблющиеся массы мелкой буржуазии, разоблачить мнимо революционную фразеологию левых авантюристов.

Таким образом, в ходе социалистической революции соглашательские партии на Урале не были дискредитированы до конца. Будучи изгнанными из советского аппарата за предательство интересов трудового народа, за прямое пособничество контрреволюции, они ушли в подполье и там продолжали вести подрывную деятельность, способствуя действиям антисоветских сил в гражданской войне.

Гражданская война и интервенция на Урале начались с контрреволюционного мятежа чехословаков в Челябинске. Этот важный железнодорожный узел, через который в центральные районы страны шли потоки сибирского хлеба, был буквально наводнен чехословацкими войсками. Здесь сосредоточилось свыше 8 тысяч чехословацких солдат и офицеров [1]. Воспользовавшись тем, что в городе в связи с мобилизациями на дутовский фронт почти не осталось советских войск, чехословаки 26 мая разогнали Челябинский Совет и захватили власть, причем в их руки попало большое количество оружия — свыше 6 тысяч винтовок, пулеметов, 20 орудий [2]. Чехословаков активно поддержали местные белогвардейцы, создавшие так называемое Временное правительство Челябинска. 2 июня в Челябинске начались массовые аресты и расправы с активными деятелями Советской власти. Жертвами разнузданного белогвардейского террора пали руководители челябинских большевиков Е. Л. Васенко, Болейко, Тряскин, Д. В. Колющенко, Могильников, Гозиосский и многие другие.

После захвата Челябинска на Южном Урале мятежники повели наступление в трех направлениях: на север по линии Кыштым — Екатеринбург, на запад к Златоусту и на восток в сторону Кургана и Омска. Наряду с Южным

[1] Г. Рычкова. Красная гвардия на Урале. ОГИЗ, Свердловск — Москва, 1933, стр. 83.
[2] Там же, стр. 84.

Уралом чехословацкий мятеж вспыхнул в ряде городов Поволжья и Сибири. Замысел организаторов интервенции состоял в том, чтобы сомкнуть челябинскую группу белочехов с сибирской в районе Кургана и с поволжской в районе Златоуста, а затем через Урал и Поволжье объединить чехословаков с контрреволюционными полчищами на севере и на юге России.

Гражданская война на Урале началась неблагоприятно для революции. Империалисты нанесли предательский удар в спину советскому народу. Наша страна почти не имела регулярных войск, а враги Советской власти сразу же выставили многочисленные, отлично вооруженные, обмундированные и обученные войска чехословаков и белоказаков. В начале июня 1918 года силы мятежников, наступавших в глубь Урала по направлению к Екатеринбургу, составляли до 15 тыс. штыков, около 2 тыс. сабель, до 140 пулеметов, 26 орудий, 3 блиндированные платформы, 2 броневика и авиаотряд [1]. В то же время в распоряжении Уральского областного военного комиссариата была всего лишь одна вполне сформированная боевая единица — 1-й Уральский стрелковый полк, сражавшийся тогда с дутовскими бандами под Оренбургом. Другие части Красной Армии еще только формировались и были разбросаны по различным городам Урала.

Коммунистическая партия и Советское правительство вовремя учли серьезность опасности, нависшей над страной в результате чехословацкого мятежа и вызванного им повсеместного вооруженного выступления всех внутренних врагов революции. В обращении Совета Народных Комиссаров к трудящимся, опубликованном за подписью В. И. Ленина 31 мая, указывалось на необходимость срочного проведения чрезвычайных мер по мобилизации революционных сил в угрожаемых районах и в крупных промышленных центрах.

В первоочередных мероприятиях по организации отпора мятежным чехословакам важная роль отводилась обороне Урала и Сибири. Полна искреннего беспокойства и требований энергичных мер телеграмма Председателя ВЦИК и секретаря ЦК партии Я. М. Свердлова от 29 мая в адрес уральских руководителей: «Необходимо мобилизо-

---

[1] Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I, М., 1940, стр. 355—356.

вать все силы, оказать помощь Омску. Приказал Нейбуту посылать вам донесения. Необходимо во что бы то ни стало держать линию Екатеринбург — Тюмень — Омск. Пошлем людей, все необходимое. Усильте караулы в Екатеринбурге. Берегитесь Челябы. Будьте настороже во всех отношениях. Возьмите на особый учет геншколы. Сообщайте, что сделано. Свердлов» [1].

Выполняя указания партии и правительства, уральские партийные, советские и военные органы принимают меры для мобилизации трудящихся на отпор врагу. 29 мая 1918 года в Екатеринбурге был образован Революционный штаб Уральской области, куда вошли ответственные работники областного Совета, военного комиссариата, Екатеринбургского Совета и штаба резерва Красной Армии. Штаб объявил мобилизацию «революционных сил во всех округах Уральской области, каковая должна быть проведена через местные Советы» [2].

Первыми мобилизовались коммунисты. Многие уральские партийные организации объявляли обязательную мобилизацию членов РКП(б) — например, Пермский городской комитет. Здесь в конце мая из коммунистов, умевших обращаться с оружием, были образованы боевые дружины, которые поступили в распоряжение областного военного комиссариата. Для остальных мобилизованных вводилось военное обучение. Общее собрание коммунистов Кушвинского завода приняло следующую резолюцию по вопросу о положении Урала в связи с чехословацким мятежом: «Находя, что наступила решительная минута защиты социалистической революции, вся кушвинская группа партии коммунистов полностью встает под ружье и немедленно часть своих товарищей посылает на чехословацкий фронт» [3].

В Уфимской губернии члены партии по распоряжению Военной коллегии при губкоме РКП(б) от 10 июня были поставлены под ружье и переведены на казарменное положение. Продолжительность обязательных военных занятий для коммунистов устанавливалась не менее 4—5 часов в день. Освободить коммунистов от мобилизации здесь

---

[1] Я. М. Свердлов. Избранные произведения, том 2. М., 1959, стр. 222.

[2] Гражданская война на Южном Урале. Сборник документов. Челябинск, 1962, стр. 40.

[3] Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 124.

могла только Военная коллегия губкома. Неподчиняющихся коммунистов исключали из партии. Такой же порядок был установлен и в ряде других парторганизаций прифронтовых районов. Поголовную мобилизацию в армию провели Шадринская, Ирбитская, Нижнетагильская, Белорецкая, Лысьвенская и другие партийные организации. Из Невьянска ячейка коммунистов в количестве 300 человек ушла на фронт в полном составе. Алапаевские коммунисты дали армии 500 человек, мотовилихинские — 500, ижевские — 1200.

Мобилизуя на фронт свои лучшие силы, партийные организации в то же время явились застрельщиками массового вооружения трудящихся. Большую роль в проведении мобилизации рабочих сыграли профсоюзы. На Урале в то тяжелое время профсоюзы возглавил А. А. Андреев. Многие профсоюзные организации объявляли мобилизацию своих членов в ряды Красной Армии. Например, 31 мая на общем профсоюзном собрании рабочих города Шадринска Пермской губернии была принята резолюция, объявляющая всех членов профессионального союза мобилизованными. Те из них, кто не желал записываться добровольцами, считались «изменниками рабочему классу», имена которых предлагалось объявлять через газету [1]. В других организациях принимали решения об исключении из профсоюзов тех, кто отказывался пойти в Красную Армию, об увольнении их с заводов и фабрик.

Рабочие требовали в резолюциях немедленного создания боевых дружин, введения всеобщего военного обучения для рабочих в возрасте от 18 до 40 лет. Такие решения были приняты на собраниях в Сысертском, Полевском и Северском заводах, на Черемшанских, Басковских и Усьвенских копях и во многих других местах. Это был действительно большой патриотический подъем, охвативший пролетарские массы Урала. Вооруженные дружины добровольцев формировались в Екатеринбурге, Мотовилихе, Алапаевске, Лысьве, Надеждинске, Камышлове, Ирбите, Каслях, Кизеле, Чердыни и т. д. Из Алапаевска в конце мая — начале июня один за другим ушли на фронт четыре красногвардейских отряда в количестве 412 человек, в том числе 158 коммунистов и 200 рабочих-интернационалистов.

[1] Южное Зауралье в период гражданской войны (1918—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Курган, 1963, стр. 46.

Хорошие результаты дала мобилизация добровольцев на Южном Урале, который сразу же оказался в зоне активных боевых действий. По сообщению командования Урало-Оренбургского фронта, только из рабочих предприятий Симского горного округа был сформирован и 29 мая отправлен на борьбу с мятежниками хорошо вооруженный отряд добровольцев численностью в 4200 человек с артиллерией [1]. Рабочие Богоявленского завода, в Стерлитамакском уезде Башкирии, в телеграмме от 27 мая, адресованной начальнику штаба боевых дружин Уфимской губернии Э. С. Кадомцеву, писали, что готовы немедленно отправить на фронт тысячу добровольцев [2].

Вслед за коммунистами и передовыми рабочими на фронт двинулась молодежь. Многие организации Социалистического Союза рабочей молодежи Урала — Златоустовская, Верхнетуринская, Чусовская, Верх-Исетского завода — ушли в Красную Армию в полном составе. В Екатеринбурге был организован боевой отряд Уральского областного комитета Социалистического Союза молодежи. В отряд записались многие из тех, кто еще недавно принимал участие в боях с дутовскими бандами в составе молодежной красногвардейской сотни. Среди них были члены Екатеринбургского городского и областного комитетов Союза молодежи: Савва Белых — правая рука боевого комиссара Златоустовского фронта И. М. Малышева; Василий Еремин — впоследствии, во время белогвардейской оккупации Екатеринбурга, активный деятель большевистского подполья; молодые рабочие с Верх-Исетского завода Павел Завьялов, Петр Типикин-Плясунов и другие. Вместе с юношами под ружье встали и девушки-комсомолки — председатель обкома Союза молодежи Римма Юровская и ее боевые подруги Екатерина Кочкина, Мария Жеребцова, Софья Гребнева, Елена Королева. Все они получили военную закалку на дутовском фронте, сражаясь в рядах молодежной сотни, а когда началась мобилизация против белочехов, записались добровольцами в отряд, который формировал член Уральского обкома партии Н. Г. Толмачев. Большинство в отряде составляли интернационалисты из бывших военнопленных венгров и немцев. Были здесь и татары, и группа русских красногвар-

[1] Партийный архив Челябинского обкома КПСС (ПАЧО), ф. 596, оп. 1, д. 158, л. 33.

[2] Там же, ф. 596, оп. 1, д. 158, л. 12.

дейцев. Формирование шло буквально на ходу, и вскоре отряд выехал на Златоустовский фронт. Командовал добровольцами Валиев, в прошлом прапорщик, совсем еще молодой, но отважный и стойкий патриот, погибший в бою с мятежниками под станцией Миасс.

Рабочая молодежь Екатеринбурга приняла деятельное участие в создании боевого отряда, командиром которого стал один из руководителей Красной гвардии Урала, коммунист П. Д. Хохряков. Отряд Хохрякова был сформирован в июне в количестве 300 человек, и свое первое боевое крещение получил в боях с белогвардейцами на Тюменском направлении. Дружно поднялись на защиту Советской власти юные пролетарии Усть-Катавского завода на Южном Урале. Активный участник революционных событий в Усть-Катаве И. А. Искра вспоминает, что в период борьбы за установление Советской власти здесь было организовано 13 красногвардейских отрядов, причем, не менее 40 процентов красногвардейцев составляла молодежь в возрасте от 16 до 25 лет, в том числе 80 молодых членов партии и 60—70 комсомольцев. После получения известий о мятеже чехословаков в Челябинске, партийная и комсомольская организации завода сформировали четыре отряда добровольцев общей численностью в 500 человек. Уже 31 мая эти отряды под командованием Е. И. Кондрина, Г. И. Юрина, Е. Ф. Гнусарева, И. С. Зиновьева выступили из Усть-Катава по направлению к Златоусту.

Массовая запись рабочей молодежи в боевые отряды производилась и в других городах Урала. Алапаевский Союз социалистической молодежи послал на фронт 300 человек. В Нижнем Уфалее на фронт ушли почти все члены союза. Чусовская молодежная организация приняла следующее решение: «...все члены союза молодежи, могущие держать винтовку, вступают во 2-ю добровольческую роту, и вся организация в количестве 80 человек уходит на фронт» [1].

На борьбу с мятежными чехословаками и белогвардейцами выступила и крестьянская беднота Екатеринбургского, Камышловского, Шадринского, Красноуфимского, Ишимского уездов, где началась организация добровольческих отрядов Красной Армии. Мобилизация революционных сил в деревне происходила в обстановке ожесто-

[1] Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 130.

ченной классовой борьбы с кулачеством, которое с началом чехословацкого мятежа резко усилило свою контрреволюционную деятельность в тылу Советской власти. В южных уездах Урала, где пролегала линия фронта, эта борьба приняла формы настоящей гражданской войны.

По рассказу старого коммуниста А. П. Гордеева, когда в июне 1918 года под Златоустом завязались тяжелые бои с белочехами, во многих волостях уезда вспыхнули кулацкие мятежи. На подавление мятежей были брошены отряды добровольцев из Артей, Сараны и Мотовилихи, объединенные под общим командованием А. Л. Борчанинова, коммуниста, испытанного вожака мотовилихинских рабочих.

Появление рабочих отрядов и разгром мятежников вызвали огромный прилив в Красную Армию крестьянской бедноты, батраков и маломощных середняков. Особенно большую активность проявили крестьяне Ногушинской волости Златоустовского уезда. Здесь еще до прихода отрядов Борчанинова была сформирована партийная дружина в количестве 280 человек. После освобождения волости от белогвардейцев в дружину в течение двух дней записалось еще 1800 добровольцев. Пришлось создать при волостном Совете особую отборочную комиссию для зачисления добровольцев в дружину, так как на всех не хватало оружия. Отборочная комиссия приняла 850 человек. Крестьяне бесплатно снабдили добровольцев лошадьми, сбруей, повозками, хлебом и другими продуктами, выделили людей в обоз. Так организовался Ногушинский партизанский отряд, вскоре принявший активное участие в боевых действиях на Красноуфимском направлении.

Значительное количество добровольцев выставили заводские поселки и волости Екатеринбургского уезда. К 7 июня 1918 года только один Невьянский район отправил на фронт не менее тысячи человек. В Екатеринбурге Центральный штаб Красной гвардии сформировал к этому времени из рабочих и трудящихся крестьян окрестных деревень резерв Красной Армии численностью до 2 тысяч человек и готовил еще более многочисленное пополнение из числа добровольцев, проходивших военное обучение. Из Режевского завода ушли на фронт две боевые дружины в 120 и 220 бойцов. В начале июня трудящиеся завода сформировали уже третью дружину в количестве 100 человек. Крестьяне Покровской волости послали на борьбу с

белочехами 150 добровольцев. Отряды крестьянской бедноты были созданы также в Логиновской, Нейво-Рудянской и Нижнеисетской волостях уезда.

Районом, где сформировались наиболее крепкие добровольческие отряды крестьянской бедноты, стала территория Шадринского и Камышловского уездов. По предложению большевиков, объявили себя мобилизованными все делегаты открывшегося 28 мая 1918 года Шадринского уездного съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Они приняли обращение к рабочим и беднейшим крестьянам уезда с призывом немедленно взяться за оружие и сразу после съезда разъехались на места, чтобы начать вербовку добровольцев в Красную Армию. Уездный комитет партии, руководимый А. А. Ждановым, направил в помощь деревенским активистам опытных организаторов и агитаторов. Совет крестьянских депутатов в селе Барневском, обсудив положение, создавшееся в результате чехословацкого мятежа, записал в своем решении: «В этот грозный исторический момент, когда все силы беднейшего крестьянства и пролетариата должны сплотиться в одну трудовую семью для окончательного торжества над буржуазией и кулачеством, мы, как один, встаем на защиту кровью добытых Советов и сметем всех тех, кто посягнет на Федеративную Советскую Республику» [1]. На общем собрании трудящихся Верх-Теченской волости было решено всем записаться в ряды Красной Армии. Пример подали сельские коммунисты, организовавшие боевую партийную дружину в количестве 70 человек. К коммунистам примкнули беспартийные бедняки, и в июне 1918 года Верх-Теченский отряд добровольцев насчитывал уже 282 штыка и 25 сабель. Военным комиссаром отряда был назначен Т. Г. Анчугов. Отряд хорошо показал себя в боях с мятежниками, выделяясь среди других добровольческих отрядов уезда своей дисциплинированностью и стойкостью. В скором времени добровольцы Верх-Теченской волости влились в состав 4-го Уральского полка, формировавшегося в Шадринске.

В Камышловском уезде, который отличался высокой степенью классовой дифференциации деревни, сильным влиянием пролетарских центров, партийная организация,

---

[1] Шадринск за 40 лет Советской власти. Сборник статей и воспоминаний. Шадринск, 1957, стр. 65.

возглавляемая М. В. Васильевым, А. Е. Федоровым, В. П. Осиповым, П. П. Подпориным, В. Д. Жуковым, подняла на борьбу с мятежниками широкие массы трудового крестьянства. Был сформирован и отправлен в помощь советским войскам Екатеринбургского направления боевой отряд в 300 человек, составленный из бойцов Камышловского отдельного батальона, рабочих железнодорожного депо, дружинников Каменского завода, мобилизованных партийных и советских работников города и уезда. Другой Камышловский отряд силой 600 человек пехоты при 8 пулеметах был отправлен в Усть-Багаряк и принял участие в обороне Шадринска [1]. Рабочие отряды Камышлова, Каменского и Ирбитского заводов стали тем организованным ядром, вокруг которого объединялись революционные силы деревни. Так, отряд камышловских добровольцев, возглавленный уездным комиссаром по управлению П. Н. Подпориным, способствовал формированию боевых дружин крестьянской бедноты в Катайской, Шутинской, Никитинской и других волостях Катайского района.

Крепкие отряды добровольцев были сформированы из крестьян Кочневской, Квашнинской и Куровской волостей Камышловского уезда. Получив распоряжение о мобилизации, вспоминает бывший член Кочневского волисполкома Г. Н. Кочнев, военный комиссар волости коммунист И. В. Бекетов собрал совещание председателей сельских Советов, начальников местных боевых дружин и представителей деревенской бедноты, которое и вынесло решение об организации в помощь Красной Армии первого добровольческого отряда из 50 человек. Отряд наскоро прошел военное обучение и во второй половине июня выехал в Камышлов. Сразу же после отправки первого отряда добровольцев коммунисты Кочневской волости приступили к формированию второго конного отряда в количестве 80 бойцов. Командиром конников был назначен военком И. В. Бекетов, получивший приказ выступить в направлении Камышлов — Тюмень. Несколько позднее при содействии члена уездного исполкома Н. Н. Брюханова в волости сформировался третий, самый многочисленный отряд. В него вступили не менее 400 человек коммунистов и беспартийных крестьян-бедняков. Во время своего следования к Ирбитскому заводу кочневский отряд пополнился значи-

[1] П. П. Бажов. Бойцы первого призыва. Свердловск, 1958, стр. 169.

тельным числом добровольцев из соседних Квашнинской и Куровской волостей. Командовал отрядом один из активных его организаторов, казначей Кочневского волисполкома Л. Ф. Некрасов.

В мобилизации революционных сил уральской деревни особая роль принадлежала трудовому казачеству. Контрреволюция прилагала все силы к тому, чтобы вовлечь в антисоветский мятеж трудящихся казаков, пытаясь сыграть на их кастовых предрассудках, противопоставить интересы казачьего сословия в целом интересам трудового народа России. Нужно было не допустить этого, вырвать массы трудового казачества из-под влияния контрреволюции и привлечь на сторону Советской власти. 19 июня 1918 года было опубликовано обращение революционного штаба Уральской области к «Трудовому казачеству». В нем разъяснялась казакам подлинная суть чехословацкого мятежа и разоблачались грязные замыслы империалистов, добивавшихся восстановления в России старого строя ценою крови обманутых ими чехословацких солдат. Революционный штаб Уральской области призывал трудящихся казачьих станиц не верить антисоветской пропаганде, распространяемой белогвардейскими агентами, не поддаваться на провокации и встать на защиту революции рядом со всем народом.

Организацию красных казачьих частей на Урале возглавили большевистски настроенные казаки, вернувшиеся с фронтов империалистической войны после демобилизации старой армии. В станицах Оренбургской губернии вербовка добровольцев в Красную Армию развернулась еще в феврале-марте 1918 года по инициативе партийной организации. Посланные на места в качестве агитаторов казаки-большевики Д. Я. Гудников, А. Л. Панкеев, И. А. Этманос, В. В. Яценко провели тогда большую разъяснительную работу среди станичного населения и возглавили борьбу трудящихся против богатеев, против дутовских эмиссаров, пытавшихся проводить мобилизацию в белую армию. Под влиянием большевистской агитации многие жители Никольской, Верхнекрасноходмской, Городищенской и других станиц на общих собраниях подписывали заявления о том, что не станут воевать с Советской властью. В станице Островной фронтовики создали штаб Красной гвардии, при котором организовался добровольческий отряд в 120 человек. Казаки станицы Краснохолмской в количестве 750 че-

ловек, предводительствуемые большевиком В. В. Яценко, отказались от мобилизации в дутовскую армию и дали дружный отпор карателям, прибывшим на усмирение непокорной станицы. Добровольческие отряды красных казаков были созданы также в станицах Красногорской, Новочеркасской, Нижнепавловской, Городищенской, Никольской, Рычковской. Из них сформировался красный сводно-казачий отряд, который к концу апреля насчитывал до 400 бойцов. По ходатайству члена Оренбургского губисполкома И. Ф. Киселева, только что назначенного на должность чрезвычайного комиссара казачьих войск Урала, и командующего Оренбургским гарнизоном Г. В. Зиновьева отряд вскоре был переименован в 1-й Оренбургский советский кавалерийский трудового казачества полк. Его первым политическим комиссаром стал Д. Я. Гудников.

Во время чехословацкого мятежа приток добровольцев в Красную Армию из казачьих станиц Оренбуржья значительно усилился. Этому в немалой степени способствовали коммунисты полка, которые продолжали вести активную разъяснительную работу среди казачества. Уполномоченные агитотдела полка разъезжали по станицам, распространяли экземпляры издававшейся в Оренбурге газеты «Голос трудового казачества и крестьянства», а также листовки, воззвания, письма красных казаков к родным и близким [1].

Крупные соединения красных казаков были созданы в Верхнеуральском уезде. В их формировании приняли активное участие офицеры Оренбургского казачьего войска братья И. Д. и Н. Д. Каширины. В первые же дни Октябрьской социалистической революции Каширины, возвратившись в Верхнеуральск из старой армии, безоговорочно перешли на сторону Советской власти и вскоре вступили в ряды большевистской партии. После освобождения города от дутовских банд весной 1918 года они записались добровольцами в Красную гвардию, а затем по заданию Совета начали формировать красный кавалерийский казачий отряд. Формирование отряда было закончено в начале июня 1918 года. К этому времени, вспоминает один из видных организаторов красного казачества в уезде С. П. Галунов, в Верхнеуральске собралось большое количество добровольцев, завербованных партийными агитато-

[1] Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 137—138.

рами по заводам, станицам и деревням. Были здесь и рабочие, и солдаты-фронтовики, и крестьянская беднота, и трудящиеся казаки. Казачий поселок Амурский послал на борьбу с белочехами 80 добровольцев, из поселка Янгельского в Красную Армию ушло 130 казаков, а жители села Кырсы выставили целый батальон добровольцев. Из добровольцев сформировались Верхнеуральский пехотный полк и два конных казачьих полка численностью по 400 сабель в каждом. Все эти полки составили единый отряд, командование которым было поручено И. Д. Каширину.

Таким образом, призыв коммунистов к оружию нашел живой отклик среди трудящихся масс. Развернувшаяся на Урале всеобщая добровольческая мобилизация прошла как большая политическая кампания и явилась ярким показателем высокого патриотизма рабочего класса и беднейшего крестьянства, их готовности защищать родную Советскую власть. Вместе с тем она имела большое значение в развертывании советского военного строительства на Урале, в создании реальных вооруженных сил для оказания отпора контрреволюции.

Данная мобилизация не была той формой привлечения в вооруженные силы определенных категорий резервов, которая предусмотрена планами военных органов. Проводилась она исходя из конкретного положения на местах по решениям и усилиям местных партийных и советских органов, а также общественных организаций. Но военные комиссариаты под общим руководством военкомата Уральского военного округа принимали в ее проведении непосредственное активное участие. Все мобилизуемые силы добровольцев сосредоточивались в военкоматах, обмундировывались и вооружались ими, иногда проходили минимальное военное обучение, а чаще сразу отправлялись на фронт. Для местных военных органов Урала мобилизация явилась хорошей школой, проверкой их возможностей и готовности проводить плановые призывы.

Мобилизация носила добровольческий характер. Но в ее ходе уже наблюдаются некоторые элементы обязательности: в решениях партийных, профсоюзных, молодежных организаций о вступлении всех членов в Красную Армию. Требование обязательности содержалось во многих решениях рабочих собраний. Так, 14 июня собрание рабочих доменного и мартеновского цехов Надеждинского завода записало в своей резолюции: «...все как один заявляем, что

с сего часа начнем добровольную запись, чтобы завтра же выехать туда, куда потребуется, а здесь предлагаем Совету по получении этой резолюции выработать мобилизацию годов, т. е. от 18 до 40 лет, и отправлять организованными эшелонами немедленно»[1]. «Рабочие повсеместно требуют от Советской власти проведения мобилизации», — писала газета «Вперед» — орган уфимских коммунистов[2]. Элементами обязательности при проведении данной мобилизации явились и устанавливаемые некоторыми Советами нормы представления определенного количества добровольцев. Так, 27 мая 1918 года Курганский уездный исполком издал приказ всем волостным исполкомам «...мобилизовать добровольцев 1918 года по десять человек, вооружив их теми винтовками, кои имеются у вас в волости. В случае, если добровольцев не будет, то жеребьевкой выбрать десять человек вышеозначенного года»[3]. Подобный, своего рода «рекрутский набор» — только по 20 человек по волости — был произведен военными комиссариатами в некоторых уездах Уфимской губернии по указанию члена коллегии Наркомвоена Н. И. Подвойского. Елабужский уездный военный комиссариат Вятской губернии 14 июня предложил всем волостным Советам прислать по 25 человек добровольцев, желающих вступить в Красную Армию. Подобная практика приобрела довольно большое распространение. Следовательно, добровольческая мобилизация явилась своего рода переходной формой комплектования Советских Вооруженных Сил от добровольчества к всеобщей воинской повинности.

Всеобщая добровольческая мобилизация позволила привлечь в короткие сроки в Красную Армию трудящихся для вооруженного сопротивления врагу. Если на начало июня в войсках, сражавшихся против чехословаков, было немногим более 8 тысяч человек, то к 5 июля это число, несмотря на понесенные большие потери, достигло 17 174 человек. При этом в Красную Армию пришло много коммунистов, которые создавали специальные формирования или составляли ядро добровольческих подразделений и частей. До двух третей Уральской областной партийной ор-

[1] Профсоюзы СССР в создании Красной Армии (1918—1920 гг.). Документы. Изд. 2-е. М., 1940, стр. 62.
[2] «Вперед», 18 июня 1918 года.
[3] Южное Зауралье в период гражданской войны (1918—1920 гг.). Сборник документов и материалов. Курган, 1963, стр. 43.

ганизации ушло тогда на фронт. Местные партийные организации и военные комиссариаты строго следили за соблюдением классового принципа формирования Красной Армии, не допускали проникновения в ее части представителей эксплуататорских классов. Все это, безусловно, повышало общий уровень морально-политических качеств добровольческих формирований, их стойкость в борьбе с численно превосходящими и несравнимо более сильными в военном отношении регулярными войсками противника.

Всеобщая добровольческая мобилизация была объективно необходимой переходной формой в тех условиях, которые сложились тогда на Урале. Да и не только на Урале. В. И. Ленин говорил в правительственном заявлении ВЦИК 15 июля 1918 года, что на мятеж чехословаков, как и на военные действия англичан на севере, наша страна ответила «усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению...» [1].

Вместе с тем на добровольческой мобилизации в уральских губерниях лежал отпечаток патриотизма мелкобуржуазного толка с его «левыми» фразами, недооценкой сильного противника, стихийностью. В некоторых вопросах военного строительства в крае был допущен «шаг назад»: скажем, от начавших формироваться по плану облвоенкомата регулярных полков — снова к мелким отрядам. 11 июня на фронте борьбы с чехословаками имелось 19 только крупных (в несколько сот человек) отрядов и большое количество мелких подразделений, в которые в общей сложности входило свыше 56 проц. личного состава войск. К 5 июля картина изменилась незначительно — в различные нерегулярные формирования входило 43 проц. войск. Нельзя не отметить, что добровольческая мобилизация не обеспечила притока ожидавшегося большого количества людских ресурсов. Обосновывая необходимость быстрейшего перехода во всех уездах к всеобщей воинской повинности, Уральский окружной военный комиссариат 27 июня 1918 года сообщил Высшему военному совету, что формирование добровольческих частей в Пермской и Вятской губерниях «не дало положительных результатов» [2]. Анализ хода боевых действий в первые дни боев с чехо-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 525.
[2] ЦГАСА, ф. 25, 892, оп. 9, д. 6, л. 3.

словаками наглядно показал, что на повестку дня встал вопрос о быстрейшем переходе к массовой регулярной кадровой Красной Армии.

3. К регулярной армии

Сформированные в результате быстро и энергично проведенной добровольческой мобилизации части и подразделения оказали первое сопротивление врагу. В этих формированиях — отрядах, дружинах, батальонах и даже полках — было много членов партии, передовых рабочих, трудящихся крестьян и казаков, преданных Советской власти, которые, не щадя своей жизни, защищали завоевания Октября. Правда, непосредственное участие в боях принимали обычно немногим больше половины значащихся на фронте войск. Так, 8 июня 1918 года на основных направлениях борьбы с белочехами (Кыштым-Челябинском, Златоустовском и Омском) насчитывалось по сводкам 11 098 человек пехоты при 129 пулеметах, 13 орудиях и 4 броневиках, а в боевых действиях участвовали лишь шесть с половиной тысяч бойцов, так как значительная часть добровольцев не имела оружия.

Оперативное руководство войсками, сражавшимися против чехословаков и белогвардейцев, революционный штаб Уральской области осуществлял через окружной военный комиссариат. 27 мая в Кыштыме и 1 июня в Тургояке (район Златоуста) были созданы полевые штабы. Для укомплектования их и руководства боевыми действиями военкомат Уральского военного округа использовал в качестве военных специалистов слушателей Академии Генерального штаба — за два месяца на фронт было командировано 65 человек[1]. Среди них — А. Л. Симонов, Р. П. Ваньян, П. М. Майгур и другие, до конца оказавшиеся преданными делу революции и внесшие немалый вклад в организацию частей Красной Армии и управление боевыми действиями.

При Пермском губернском военкомате «для объединения деятельности по организации боевых частей, проведе-

[1] ЦГВИА, ф. 544, оп. 1, д. 1613, л. 149, 154; д. 1628, л. 4—7, 9—17, 19—21, 30—32, 34—34 об. Кроме этого из Академии было отправлено 46 слушателей в распоряжение непосредственно штаба Восточного фронта — см. там же.

ния мобилизаций и ведения боевых операций» был создан оперативный штаб, возглавляемый членом коллегии Народного комиссариата по военным делам В. А. Трифоновым. В штаб вошли члены ЦК РКП(б) И. Т. Смилга, военные комиссары Пермской губернии М. Н. Лукоянов и С. А. Окулов, член коллегии отдела формирования и обучения при Всероссийской коллегии Красной Армии Ф. И. Никонов. Этот факт еще раз подчеркивает, какую заботу о защите Урала проявляли центральные партийные и военные органы. Оперативный штаб провел большую работу, мобилизуя силы и средства для обеспечения отпора врагу [1]. Отделы областного военного комиссариата временно сохранялись и использовались для снабжения всем необходимым войск, находившихся на фронте.

Уже в первых боях против мятежников в районе Златоуста на Екатеринбург-Челябинском направлении, под Троицком и Шадринском бойцы-добровольцы проявляли большую волю к победе, стойкость и героизм.

27 мая 1918 года на станцию Златоуст прибыл эшелон чехословаков и белогвардейских офицеров. Местный штаб Красной гвардии предложил им сдать оружие. В ответ контрреволюционеры открыли огонь по нашим отрядам. Около двухсот необученных, слабо вооруженных рабочих вступили в бой. Первоначально противник имел успех. 28 мая красногвардейцы вынуждены были оставить город. Но вскоре подошло подкрепление — отряд рабочих депо и Златоустовского завода. В ходе ожесточенного боя белочехи и белогвардейцы потерпели поражение. Советские войска отбили у них город и отбросили белых к Миассу.

Но уже на следующий день бои разгорелись с новой силой. Мятежники наступали на Златоуст и со стороны Челябинска, и со стороны станции Тундуш. Они стремились как можно быстрее овладеть этим стратегическим пунктом, который разъединял мятежные чехословацкие войска Поволжья и Урала. Большую помощь защитникам Златоуста оказали красноармейские части, сосредоточенные под станцией Бердяуш. Они нанесли контрудар по мятежникам и разгромили их группировку, укрепившуюся на Кувашинской сопке. Вскоре бойцы Красной Армии соеди-

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 50, л. 305. Высокую оценку деятельности этого штаба по подготовке резервов дает участник гражданской войны на Урале, один из военачальников того периода Г. Х. Эйхе в книге «Опрокинутый тыл», М., 1966, стр. 53.

нились с красногвардейцами из Златоуста. Так образовался Златоустовский участок фронта.

Революционный штаб Уральской области принял срочные меры для укрепления советских войск в этом районе. Сюда прибыли отряды из Усть-Катава, Кусы, Юрюзани, Екатеринбурга, Перми и из других районов. Высокой организованностью среди них выделялся отряд миньярских рабочих. Этот отряд численностью триста человек был создан, как только на Миньярском заводе узнали о захвате Челябинска белочехами. В течение нескольких дней бойцы и взрослое население поселка занимались усиленной военной подготовкой. Рабочие учились стрелять, окапываться, передвигаться на поле боя. Вскоре отряд выступил на защиту Златоуста. Значительные подкрепления в этот район прислали трудящиеся Уфимской губернии. Из состава организаций народного вооружения сюда были направлены 13 отрядов добровольцев общей численностью 1105 человек [1]. На укрепление Златоустовского фронта прибыл также Эстонский коммунистический батальон под командованием Я. К. Пальвадре. К 8 июня 1918 года силы советских войск здесь составляли 3382 бойца, 54 пулемета, 3 орудия.

Активное участие в организации обороны Урала приняла прибывшая в конце мая в Уфу Высшая военная инспекция [2] во главе с Н. И. Подвойским. Член большевистской партии с 1901 года, Николай Ильич Подвойский являлся опытным партийным и военным работником. Находясь на посту председателя Петроградского военно-революционного комитета, принимал активное участие в Октябрьском вооруженном восстании. Вскоре после победы революции Н. И. Подвойский был назначен народным комиссаром по военным делам, а с апреля 1918 года занимал одновременно и пост председателя Высшей военной инспекции.

30 мая 1918 года поезд инспекции прибыл на станцию Златоуст. В тот же день Н. И. Подвойский провел смотр боеготовности частей, расположенных на станции в железнодорожных эшелонах. По воспоминаниям командира

---

[1] А. Анишев. Очерки истории гражданской войны. 1917—1920. Л., Госиздат, 1926, стр. 141.

[2] Высшая военная инспекция (ВВИ) была создана в апреле 1918 г. как контрольный орган Народного комиссариата по военным делам для инспектирования войск.

Белорецкого отряда И. И. Волкова, на смотр были представлены: сводный железнодорожный отряд в составе московского отряда (144 чел.), самарского отряда (60 чел.), кротовского отряда (85 чел.), бугурусланского отряда (20 чел.), абдулинского отряда (68 чел.) и пулеметной команды, вооруженной 16 пулеметами; уфимский летучий отряд, имевший 150 штыков и 6 пулеметов; 1 уфимский усть-катавский отряд численностью 80 штыков и белорецкий отряд, насчитывающий 95 штыков и 1 пулемет [1].

Ознакомившись с состоянием отрядов и боевой обстановкой, Н. И. Подвойский отдал приказы о принятии на себя руководства советскими войсками, действующими в районе Златоуста, и о разоружении чехословацких эшелонов. В последнем приказе подчеркивалось, что, подняв мятеж против власти рабочих и крестьян, чехословацкие легионеры не только нарушили железнодорожные и телеграфные сообщения, но и поставили себя в ряды «величайших врагов Республики» [2]. Председатель Высшей военной инспекции потребовал от командования чехословацкого корпуса немедленного прекращения вооруженной борьбы, разоружения и выполнения всех указаний представителей Советской власти. Одновременно Высшая военная инспекция принимает неотложные меры по укреплению советских войск. Приказом Н. И. Подвойского вводились ежедневные полевые занятия в отрядах и частях, было упорядочено размещение бойцов, снабжение их продовольствием и боеприпасами.

Непосредственное участие принимали члены Высшей военной инспекции и в руководстве наступлением советских войск на Миасс. Однако из-за слабой обученности бойцов и неопытности командного состава выбить белых со станции Миасс не удалось. Оценивая причины неудач советских войск, член Высшей военной инспекции С. Белицкий писал в отчете: «Нами был бы захвачен крупнейший завод в Миассе почти без потерь, если бы в это время не существовала система мелких отрядов, ничтожных по своему количеству и никуда не годных по своему качеству. Каждый боец в отдельности был прекрасным. Многие из

---

[1] За власть Советов. Сб. воспомннаний участнпков Октябрьской соцналистической революции и гражданской войны в Башкнрни. Уфа, Башкирское ки. изд-во, 1961, стр. 278—279.

[2] Приказы Высшей военной инспекции рабочей и крестьянской Красиой Армии. М., изд. ВЦИК, военный отдел, 1919, стр. 55.

них горели желанием умереть за Советскую власть, но не знали, как это сделать, и поэтому поддавались психологии паники толпы»[1]. На совещании, посвященном разбору операции, Н. И. Подвойский вскрыл причины неудач, указал наиболее целесообразные приемы боевых действий, пути повышения боеспособности советских войск. 2 июня 1918 года поезд председателя Высшей военной инспекции отбыл в Уфу, на подступах к которой резко осложнилась боевая обстановка.

Руководство войсками Златоустовского фронта стал осуществлять назначенный Н. И. Подвойским военным комиссаром видный деятель Уральской большевистской организации Иван Михайлович Малышев. Его хорошо знали трудящиеся края. С юношеских лет включившись в революционное движение, И. М. Малышев вел активную политическую работу на уральских заводах, неоднократно подвергался арестам, а в 1911 году был сослан в Тобольскую губернию. После победы социалистической революции на Урале И. М. Малышев возглавлял Екатеринбургскую большевистскую организацию, был членом Уральского областного комитета партии. Прибыв в конце мая 1918 года на Златоустовский фронт, И. М. Малышев много сделал для укрепления частей Красной Армии. Добровольческие отряды под его командованием нанесли противнику ряд чувствительных ударов, ликвидировали попытки белых обходным движением прорваться к станции Миасс.

Однако военная обстановка в целом складывалась в пользу врагов Советской власти. Белочехи имели лучшую военную организацию. Численность их неуклонно возрастала за счет прибывавших из Челябинска подкреплений. А в тылу советских войск вспыхнуло крупное кулацко-эсеровское восстание в районе Красноуфимск — Нязепетровск — Куса — Месягутово. В непосредственной близости от Златоустовского фронта действовали около пяти тысяч мятежников. Под давлением превосходящих сил белых советские войска, несмотря на героическое сопротивление, вынуждены были оставить Миасс, а затем и Златоуст. В оборонительных боях отличился отряд молодых рабочих под командованием Устинова. В районе озера Тургояк его окружили белые. Бойцы решили сражаться

[1] ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, д. 110, л. 132 об.

до последнего человека. Стойкость и мужество советских воинов победили. Враг так и не смог добиться успеха. С помощью подоспевших красноармейцев он был отброшен. Выйдя из окружения, красногвардейцы узнали о падении Златоуста. Решили пробиваться к Нижнему Уфалею. Шли по таежной глухомани, болотистой местностью, без пищи и сна. Напряжение, казалось, превзошло пределы. Кругом были враги. Преодолев все трудности, молодые добровольцы достигли Нижнего Уфалея и влились в состав Красной Армии.

В боях под Златоустом отдали жизнь за дело революции сотни мужественных бойцов. Погиб и замечательный большевик, комиссар фронта И. М. Малышев. В ночь на 23 июня с группой бойцов он возвращался по железной дороге в Златоуст. Накануне И. М. Малышев во главе отряда златоустовских рабочих и эстонских стрелков участвовал в подавлении эсеровско-меньшевистского мятежа на Кусинском заводе. Возле станции Тундуш поезд был атакован белогвардейской бандой. В неравном ожесточенном бою пали смертью храбрых комиссар Иван Малышев и 11 сопровождавших его бойцов — в том числе член Уральского обкома Социалистического Союза рабочей молодежи Савва Белых. Советские воины, оборонявшие Златоуст в течение месяца, под командованием В. Д. Ковшова с боями отходили на запад. В Нязепетровске отряды были реорганизованы в кавалерийский полк имени В. В. Володарского.

Белочехи, продвигавшиеся к югу от Челябинска, натолкнулись на упорное сопротивление советских войск под Троицком. Большевистская организация и местный Совет призвали трудящихся к отпору мятежникам. Все наличные вооруженные силы были объединены в один отряд. В его состав вошли: 17-й Уральский стрелковый полк, 1-й Оренбургский революционный казачий полк имени Степана Разина, коммунистическая дружина и несколько небольших отрядов, сформированных в окрестных станицах. Общая численность защитников Троицка составила 2300 бойцов [1]. Командиром сводного отряда был назначен беспартийный казак Н. Д. Томин, человек исключительной храбрости,

---

[1] Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск, 1965, стр. 257.

беспредельно преданный Советской власти. Его боевым помощником стал коммунист Н. Барапов.

С 13 по 18 июня 1918 года шли ожесточенные бои за Троицк. Красногвардейцы нередко переходили в атаки и отбрасывали противника на несколько десятков километров. Однако белочехи, пользуясь численным превосходством и лучшей военной организацией, сумели добиться успеха. 18 июня они захватили город. Отряд Н. Д. Томина отступил к Верхнеуральску.

Кровопролитные бои с белочехами развернулись вдоль железнодорожной линии Челябинск — Екатеринбург. Захватив 27 мая 1918 года Челябинск, мятежники продвинулись лишь до станции Аргаяш. Дальше железнодорожный путь оказался разобранным. 28 мая к станции прибыли первые вооруженные отряды советских войск. Они с ходу вступили в бой с белочехами. На помощь красногвардейцам спешили добровольческие формирования со всех концов Урала. Ряды сражающихся пополнили рабочие дружины из Екатеринбурга, Перми, Кыштыма, Ирбита, Верещагино, отряды Лопатышкина, Родина, Тимонина, Мягких, Соколовского, Юдина, бойцы 2-го Уральского и 1-го Костромского полков, венгры-интернационалисты. Боевые силы советских войск на этом участке фронта к 8 июня 1918 года исчислялись в 2269 штыков, 38 пулеметов, 2 орудия, 13 сабель, 1 бронепоезд [1]. Несмотря на недостаточную военную подготовку, наиболее организованные и дисциплинированные отряды Красной Армии с крепким ядром коммунистов оказали упорное сопротивление врагу. В бою за деревню Назырово отличились бойцы 1-го Костромского советского полка.

Активные боевые действия против мятежников развернулись и на другом участке Екатеринбургского направления, вдоль шоссе Челябинск — Екатеринбург. Жаркий бой разгорелся 9 июня у деревни Надыров Мост, недалеко от деревни Куяш. Путь белым преградили 240 добровольцев Северного, Полевского и Сысертского заводов. Отрядами командовал член Уральского областного Совета коммунист Ф. Кикур. Противник силой в 900 штыков пытался захватить деревню, но был отбит с большими потерями. Однако через несколько дней белые вновь перешли в наступление и, пользуясь численным превосходством,

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 761, л. 20.

окружили советских бойцов. Стойко и мужественно сражались добровольцы-рабочие. Пулеметчики Иван Гребнев и Флегонт Уфимцев вели огонь по врагу до последнего патрона, а когда кончилась лента, гранатой взорвали себя вместе с пулеметом. Отряду удалось вырваться из окружения. Многие бойцы пали в бою. Героически погиб и командир отряда Ф. Кикур, до последней возможности прикрывавший с горсткой добровольцев отход своих товарищей.

Остатки отряда отошли к населенному пункту Куяш. Здесь оборонялась вторая сотня сысертских рабочих под командованием Н. И. Чуркина. Закрепившись на новых рубежах, бойцы стойко отбивали многочисленные атаки врага. До 16 июля советские отряды выдержали девять боев и нанесли противнику тяжелый урон. По свидетельству участника боев старого большевика П. Г. Феофанова, в записной книжке убитого полковника-белогвардейца была обнаружена следующая характерная запись: «Под Куяшем мы оставили 600 убитыми и 400 ранеными. Красные сражались, как львы» [1]. Длительное время на этом участке фронта белочехи и белогвардейцы вынуждены были топтаться на месте.

Героически сражались советские войска и на Камышловско-Шадринском направлении. В их составе к началу июня насчитывалось 912 штыков, 15 пулеметов, 36 сабель, 1 броневик. Здесь воевали добровольцы из Екатеринбурга, Каргополья, Мишкино, красноармейцы 4-го Уральского полка. Им противостояли части челябинской и сибирской групп чехословаков. После объединения этих групп в конце июня нажим противника на данном направлении усилился. Пользуясь численным преимуществом, белые форсировали реку Исеть и завязали сражение за станцию Шадринск. Мужественное сопротивление врагу оказала дружина железнодорожников, но после тяжелого боя станцию пришлось оставить. 30 июня 1918 года советские войска сдали Шадринск и отступили к Долматово. В начале июля добровольческие отряды, получив подкрепления, пытались возвратить город. Внезапным ударом они выбили белых из сел Канаши, Алексеевское, Тамакул и приблизились к Шадринску. Умело действовали в бою красноармейцы бронепоезда. Они открыли прицельный

[1] В боях и походах. Воспомииания. Свердловск, 1959, стр. 249.

огонь по городу, вызвав немалую панику среди местной буржуазии. Однако недостаточная организованность отрядов, отсутствие единого руководства помешали на решающем этапе борьбы добиться успеха.

Потерпев неудачу, советские войска укрепились на станции Долматово. Здесь сосредоточилось около шестисот бойцов, в том числе отряд долматовских рабочих и железнодорожников, крестьянские дружины из Мехонской и Ольховской волостей. 11 июля 1918 года белочехи и белогвардейцы в количестве 800 человек пытались овладеть станцией. Однако наступление противника было отбито с тяжелыми для него потерями. На поле боя белые оставили 300 убитых и раненых, 7 пулеметов, большое количество винтовок, патронов, различное снаряжение. В этом бою наиболее активно действовал 4-й Уральский полк под командованием Т. Г. Анчугова. Потерпев поражение, белогвардейцы и белочехи долго не решались возобновить наступление на данном участке фронта. Советские войска удерживали Долматово до конца июля.

В Зауралье упорные бои с белогвардейцами шли на подступах к Тюмени. Основные силы противника наступали со стороны Омска, который белые захватили 7 июня 1918 года. В эти трудные дни партийные и советские организации Тюмени направили на фронт свыше 1500 человек. Руководство борьбой с врагом возглавил военно-оперативный штаб в составе Немцова, Пермякова, Черкасова, Неверова, Серова, Кузнецова и Шпилевского[1]. Особый героизм проявили красноармейцы при обороне сел Бачалино, Иевлево, Покровское, станции Голышманово. И все же пришлось отступать — враг превосходил и количеством, и вооружением, и организацией. 20 июля части Красной Армии оставили Тюмень.

Таким образом, в первых боях с врагом, несмотря на исключительную стойкость и мужество наиболее сознательных добровольцев, части и отряды Красной Армии на Урале терпели поражения. На ходе военных действий отрицательно сказывались невероятная пестрота в численности, построении и вооружении советских отрядов, отсутствие единого командования, единого аппарата управления, связи и снабжения, твердой воинской дисциплины, слабая подготовка рядового и командного состава. Уральский

[1] П. И. Рощевский. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1966, стр. 58, 59.

военный комиссариат, руководивший в первые недели боевыми операциями, не имел определенного плана действий. Войска отдельных направлений из-за отсутствия связи сплошь и рядом действовали обособленно. Даже между частями и отрядами одного направления не было должной согласованности. Нередко случалось, что отряды занимали или оставляли позицию по собственному усмотрению, не подчинялись приказам военных руководителей.

Эти недостатки отрядной системы со всей очевидностью проявлялись во время первых оборонительных сражений Красной Армии. Вот как, например, развивались события на участке железнодорожной линии Челябинск — Кыштым, который обороняли добровольческие подразделения и части Красной Армии, спешно сформированные на месте или переброшенные из других районов Урала. Окружной военный комиссар С. А. Анучин, докладывая 1 июня на заседании Екатеринбургского Совета о положении на фронтах, сообщил, что под Кыштымом сосредоточено до 15 разных отрядов. Численно они превосходят противника, но плохо организованы и вооружены. Добровольцы сильны только своим энтузиазмом, говорил докладчик. Половина из них не умеет обращаться с винтовкой. Поэтому приходится не воевать, а заниматься военным обучением. Начальниками отрядов состоят бывшие солдаты, которые хорошо подготовлены политически, но плохо справляются со своими командирскими обязанностями [1].

Подробное описание хода боевых действий на Екатеринбург-Челябинском направлении за период с 27 мая по 12 июня дается в донесениях начальника штаба Кыштымской группы войск А. Л. Симонова [2]. По его сведениям, к началу решающих боев в распоряжении штаба имелось до 2 200 штыков и сабель. Строевыми могли считаться части Костромского и не полностью укомплектованных 2-го и 7-го Уральских и 3-го Екатеринбургского полков. Остальные силы входили в наспех сколоченные добровольческие отряды. Только немногие добровольцы знали военную службу по старой армии или наскоро прошли строевые занятия. Основная же масса бойцов, хотя и была вооружена, не имела никакого представления о правилах ведения войны. Отряды прибыли на фронт со своими выборными

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 580, л. 26.
[2] См. ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 750, лл. 1—15.

командирами и норовили действовать самостоятельно. Разведка была поставлена плохо. Сведения о противнике добывались через беженцев, переходивших линию фронта. Не хватало военных специалистов, да и относились к ним в отрядах с большим предубеждением. Поэтому начальником артиллерии, например, назначили бывшего рядового солдата старой армии, который, как оказалось, не умел обращаться с приборами и даже не мог вести стрельбу прямой наводкой. Боевая стойкость некоторых отрядов была очень низкой.

В донесениях сообщалось, что штаб направления принял меры по реорганизации и укреплению отрядов, установил связь с соседними участками фронта и разработал план наступательных операций против группировки чехословацких войск, сосредоточенной на станции Аргаяш. Однако осуществить этот план не удалось из-за недисциплинированности отрядов. Когда 8 июня противник внезапно возобновил наступление, упорное сопротивление ему оказали Костромской полк, части 2-го Уральского полка и рабочий отряд под командованием Лопатышкина. Другие же части держались нестойко. В результате фронт советских войск был дезорганизован, и началось общее отступление. За два дня боев из 2200 бойцов осталось не более 900. Остальные выбыли из строя убитыми или ранеными или разошлись по домам [1]. С остатками войск штаб попытался организовать оборону Кыштыма, но отряды, за исключением Костромского полка, отказались подчиняться приказам. 10 июня город без боя был сдан противнику. Только на станции Уфалей, куда отступили отряды, удалось навести среди них относительный порядок, подтянуть дисциплину и с прибытием новых подкреплений стабилизировать фронт.

Аналогичное положение первоначально сложилось и под Златоустом. Комиссар Златоустовского фронта И. М. Малышев в письме Уральскому областному комитету партии, комиссарам военного округа С. А. Анучину и Ф. И. Голощекину 7 июня сообщал: «Моя задача, как военного комиссара, больше всего в настоящее время должна сводиться к политической работе среди бедноты заводов и деревень, находящихся в зоне военных действий. На самом же деле отсутствие военного руководителя воз-

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 750, л. 13.

лагает на меня и другую чисто оперативную работу. Кроме того, я получил в свое распоряжение недисциплинированные, необученные мелкие отряды в 15—20—50—100 человек, так называемые боевые дружины, которые были посланы из заводов без всякой фильтровки на местах»[1]. По его мнению, объединить эти отряды в военном и политическом отношении вполне возможно. Но для этого потребуется человек 400—500 совершенно надежных бойцов. Кроме того, нужно прислать военного руководителя для штаба и несколько опытных офицеров. Далее Малышев дает следующую критическую оценку боевых качеств добровольцев: «Настроение войск самое «мешочническое». Если нет палатки или котелка, то отказываются идти на позицию; ночью трусят лежать в окопах, стреляют беспорядочно только для того, чтобы не было страшно, при передвижении противника более или менее крупными частями устраивают панику, бегут с фронта, обнажая его, бросают ружья, пулеметы, шинели и проч.»[2].

Конечно, такие факты происходили далеко не везде и не все добровольцы вели себя подобным образом. Но в целом военная организация данного участка фронта была на первых порах очень слабой. Лишь с прибытием И. М. Малышева по-настоящему развернулась организационная и воспитательная работа. Советские отряды фронта, столь различные по численности, вооружению и боевому опыту, постепенно сплачивались под единым военным и политическим руководством, повышали свою дисциплинированность и боеспособность. К ним на помощь прибыли новые отряды добровольцев. По сведениям Высшей военной инспекции к середине июня в распоряжении командования Миасс-Златоустовского фронта имелось уже свыше 3000 штыков, 100 сабель, 54 пулемета и 3 орудия. Цементирующим ядром советских войск явился присланный по просьбе Малышева Эстонский коммунистический батальон в составе 524 пехотинцев и 37 кавалеристов при 17 пулеметах[3]. Сопротивление контрреволюционным силам приняло более активный организованный характер.

Однако недостатки партизанщины все же не были изжиты до конца. Их проявления сдерживались в значительной мере благодаря И. М. Малышеву, который счи-

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 501, лл. 361—362.
[2] Там же, л. 363.
[3] Там же, ф. 41, оп. 1, д. 767, л. 11.

тался одним из самых крупных партийных руководителей на Урале и пользовался среди рабочих огромным авторитетом. Трагическая гибель комиссара внесла в ряды добровольцев сильное замешательство. Дисциплина в отрядах заметно упала. Подняли голову притаившиеся провокаторы и паникеры. Как известно, в конце июня советские войска оставили Златоуст, Кусинский завод и отступили по направлению к Нязепетровску. Отдельные части, например, Пермский отряд под командованием комиссара Полушкина, оказались полностью деморализованными и вышли из повиновения. Прибывший в расположение войск помощник командующего Белицкий собрал совещание начальников отрядов, на котором было решено образовать Западно-Уральский участок фронта во главе с военным руководителем Пальвадре, военкомами Жилиным и Бахтиным. Ненадежные части пришлось разоружить. Был проведен общий митинг, чтобы рассеять провокационные слухи и поднять настроение бойцов.

Организационные и политические мероприятия, направленные на сплочение революционных сил на Урале, которые были осуществлены представителями Высшей военной инспекции при поддержке местных партийных и советских органов, имели огромное значение. Эти мероприятия заключались в объединении оперативного и политического руководства войсками, создании правильно организованных штабов и аппарата снабжения, привлечении на командные должности опытных военных специалистов, постепенной реорганизации отрядов по типу частей регулярной армии, установлении строгой воинской дисциплины, формировании резервов, налаживании политико-массовой работы.

Итак, первый же опыт гражданской войны на Урале показал жизненную необходимость перехода от многочисленных, но мелких, разрозненных, плохо вооруженных и необученных отрядов полупартизанского типа к крупным регулярным соединениям и частям с высокой организованностью, централизованным управлением и крепкой дисциплиной, от добровольческого принципа комплектования — к всеобщей воинской повинности. Коммунистическая партия и Советское правительство принимают меры к быстрейшему осуществлению этого перехода.

29 мая 1918 года ВЦИК принял декрет «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Ар-

ТРУДЯЩИЕСЯ, К ОРУЖИЮ!
ВЬ НУЖНЬ КРАСНОЙ АРМИИ!

мию». В декрете подчеркивалось, что переход от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации рабочих и трудящихся крестьян повелительно диктуется всем положением страны, необходимостью отражения объединенных сил внешней и внутренней контрреволюции. 12 июня 1918 года В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров о призыве на военную службу трудящихся в некоторых районах Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов. В Уральском военном округе призывались трудящиеся 6 уездов Уфимской губернии, 5 уездов Оренбургской губернии, 4 уездов Екатеринбургского округа Пермской губернии.

Против курса на создание регулярной армии активно выступили левые эсеры. На Урале они развивали теорию вольных крестьянских мелких партизанских отрядов, которые, по их мнению, вполне сокрушат казацкую и белочехословацкую контрреволюцию. Особого руководства отрядами, на их взгляд, не требовалось, так как ими будет руководить революционный энтузиазм. Для пропаганды этих взглядов левые эсеры использовали свою газету «Наш путь». Например, в статье «Мобилизация революции» они прямо утверждали, что всеобщая воинская повинность «допускает деклассированный элемент и элемент несознательный, настроенный часто против Советской власти, даже элемент контрреволюционный» и что выступлению буржуазии должна быть противопоставлена «партизанская война, всеобщее сопротивление и, конечно, по возможности организованное, но это совсем не армия» [1]. Большая борьба шла внутри Советов, в ряде которых левые эсеры имели около половины, а то и больше голосов. Так, на Екатеринбургском уездном съезде Советов 7—8 июня 1918 года в ответ на выступления большевиков о необходимости перехода к всеобщей воинской повинности левые эсеры заявляли, что «легче поднять революционное восстание, чем организовать Красную Армию» [2]. Большевистской резолюции о том, что съезд «приветствует решение ЦИК перейти к всеобщей обязательной мобилизации трудящихся масс» левые эсеры противопоставили резолюцию, что нужна «совершенно новая форма организации всех способных к ношению оружия рабочих и крестьян...», что необходимо «развитие агитаци-

---

[1] «Наш путь», 22 июля 1918 г.
[2] ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 5, л. 17—23 об.

онно-партизанской работы» и т. п.[1]. Характерно, что резолюция левых эсеров была принята большинством всего в один голос: за —72, против —71 при двух воздержавшихся. Уральские большевики на митингах и собраниях, на съездах местных Советов и в своей печати разоблачали эсеровские взгляды и пропагандировали ленинскую идею создания массовой регулярной армии.

Окончательный разгром противников этой идеи был завершен на V Всероссийском съезде Советов в июле 1918 года. Отвечая левым эсерам, В. И. Ленин говорил, что их «призывы о создании партизанских отрядов для борьбы с регулярной империалистической армией смешны каждому солдату»[2]. Съезд отверг и требования меньшевиков о немедленном переходе к всенародной милиции и отмене классового подхода к воинской повинности. Принятая V Всероссийским съездом Советов Конституция РСФСР провозгласила защиту социалистического Отечества обязанностью всех советских граждан. При этом подчеркивалось, что почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставлялось только трудящимся. 10 июля съезд принял специальное постановление «О строительстве Красной Армии», которое одобряло мероприятия ЦК РКП(б) и Советского правительства по созданию регулярной армии. Законодательно закрепляя переход к всеобщей воинской повинности, съезд указал на необходимость формирования частей Красной Армии по единым планам и штатам, централизованного управления и железной дисциплины в войсках. Решением съезда закреплялось введение института военных комиссаров в войсках, подчеркивалось значение использования старых военных специалистов и ставилась задача подготовки кадров командиров РККА из среды рабочих и крестьян. В решениях съезда, таким образом, были сконцентрированы важнейшие положения военной политики Коммунистической партии и Советского государства в момент перехода к строительству массовой могучей регулярной Красной Армии.

Проводя эту политику, партийные организации Урала, советские и военные органы настойчиво боролись за своевременное и качественное проведение призывов и мобилизаций, за создание крупных войсковых частей с твердой дисциплиной и единым руководством.

[1] «Уральская жизнь», 12 июня 1918 г.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 515.

В решении этих задач большую роль сыграло образование на Урале крупного полевого объединения. По предложенню членов Высшей военной инспекцин, прибывших в Екатеринбург, 13 июня на расширенном заседании Уральского областного комитета РКП(б) было принято решение об объединении советскнх отрядов, действующих против мятежников, в войска Северо-Урало-Сибирского фронта. Командование фронтом было поручено коллегин в составе командующего — члена Высшей военной инспекцни, опытного военного работннка партни Р. И. Берзнна и членов коллегни — военного комиссара Уральского военного округа С. А. Анучина и военного руководителя округа Д. Н. Надежного. Для непосредственного руководства боевыми действиямн войск создавался оперативный штаб. В связи с этим Уральскнй окружной комиссариат освободился от несвойственных ему оперативных функцнй. Его работники получнли возможность сосредоточнться на мобилизационных вопросах.

Взгляды Уральского областного комитета РКП(б) по вопросам военного строительства в условнях гражданской войны и перехода к стронтельству массовой регулярной армии, программа действий партнйных организаций в этих условнях отражены в обращении обкома, опубликованном 30 июня 1918 года в газете «Уральскнй рабочий». В нем подчеркнвалась необходнмость быстрейшей организационной перестройки войск. «Для того чтобы победнть, — говорнлось в обращенин, — нужно организовать победу, нужна крепкая организацня и серьезная военная подготовка. Нельзя воевать мелкими отрядиками, действующими каждый наобум, без всякого военного руководства»[1]. В обращенни ставнлась задача сведения многочисленных небольших отрядов в части Красной Армии, спаянные железной дисциплиной н единым руководством. В прнзыве к коммунистам указывалось на большое значение нх политической работы в массах, укрепления партнйных ячеек в воинских частях, личного примера героизма в боях с врагом. Четко разъяснялась необходнмость привлечення в Красную Армию старых военных специалистов и подчеркивалась роль военных комиссаров по контролю над ними.

Местные партийные организации, Советы и военные

[1] «Известия Уральского областного Совета рабочих и армейских депутатов», № 124, 5 июля 1918 г.

комиссариаты Урала немало сделали для выполнения решений партии, правительства и указаний областного комитета РКП(б).

Создавшиеся военные комиссариаты с помощью партийных комитетов и Советов сразу же включались в организацию учета военнообязанных и подготовку к проведению призывов. Все военкоматы составили мобилизационные планы. В тех уездах, где в первую очередь должен был проводиться призыв, готовился состав приемных комиссий, куда привлекали опытных военных специалистов.

По решению командования Уральского военного округа призыв начался с Екатеринбургского уезда и города Екатеринбурга. 3 июля 1918 года — в первый день явки — было принято 86 человек, затем цифра ежедневного приема превышала двести и даже триста человек. За две недели было призвано 3638 человек. Вряд ли такое количество призванных может служить доказательством полного успеха первого призыва — Екатеринбургский уезд должен был дать более десяти тысяч призывников [1]. Первый призыв в Кунгурском уезде, начатый 10 июля 1918 года, дал всего 1398 человек. Это объяснялось многими причинами: и отрицательным отношением определенных слоев населения, в частности обеспеченного среднего крестьянства, к призыву; и отсутствием налаженного аппарата местного военного управления — особенно в волостях; и недостаточной настойчивостью и активностью работы партийных, советских и военных органов.

Вместе с тем рабочие и беднейшее крестьянство активно поддерживали военные мероприятия Советской власти. Особенно это сказывалось при приближении фронта, когда наиболее сознательные из них добровольно вступали в ряды Красной Армии. В период ожесточенных боев в районе Сысерти почти все взрослое население оказывало помощь Красной Армии. 18 июля 1918 года белые заняли окраину заводского поселка. Однако советские воины, поддержанные рабочими, контратакой выбили противника из поселка. Только получив сильное подкрепление, белогвардейцы смогли овладеть Сысертью. Вместе с частями Красной Армии поселок оставили три тысячи рабочих, которые влились в ряды вооруженных защитников революции.

[1] См. Расчеты Всероссийского Главного штаба на основании статистических данных о составе населения. ЦГАСА, ф. 25 892, оп. 9, д. 4, л. 51 об.

В строительстве регулярной армии на Урале большую помощь трудящимся оказали Центральный Комитет партии и Советское правительство, лично В. И. Ленин. 26 мая Владимир Ильич Ленин ознакомился с докладом на его имя командующего отрядами на Южном Урале В. К. Блюхера о ходе боевых действий. Через день, узнав из телеграммы о занятии чехословаками Челябинска и ожесточенных боях в этом районе, он отдает распоряжение организовать помощь отрядам В. К. Блюхера [1]. В конце мая председатель Самарского Совета В. В. Куйбышев сообщил в Москву по прямому проводу о том, что в Оренбурге снова подняла голову дутовщина, и просил помочь уничтожить ее авантюру. Последовал ответ В. И. Ленина: «Сейчас же приму все меры для немедленного извещения военного ведомства и оказания вам помощи». Необходимая военная помощь Оренбургу была оказана [2].

По указанию В. И. Ленина в конце мая — начале июня на Урал отбыла группа формирований советских войск. 31 мая из Петрограда на фронт выехал отряд пехоты численностью в тысячу человек. Через несколько дней, 11 июня 1918 года, на борьбу с мятежниками направился отряд латышских стрелков, в составе которого насчитывалось 600 штыков, 4 орудия, 12 пулеметов. На помощь уральским частям Красной Армии в тот же день выехал и саперный отряд особого назначения численностью 150 бойцов с 2 пулеметами и бронемашиной.

Помощь петроградских коммунистов была бы еще более значительной, если бы этому не препятствовал Зиновьев. Находясь во главе Петроградского Совета, он всячески тормозил отправку рабочих на Волгу и Урал. В. И. Ленин решительно выступил против подобных действий. 11 июня 1918 года в телеграмме, адресованной в Смольный, Владимир Ильич предлагал «использовать момент для самой усиленной и ускоренной отправки наибольшего числа отрядов на Урал через Вятку» [3]. Спустя три дня В. И. Ленин вновь направил срочную телеграмму в Петроград, напоминая Зиновьеву о необходимости посылать вооруженные отряды на Урал. В. И. Ленин подчеркивал, что «крайне

[1] В. И. Ленин и Советские Вооруженные Силы. М., Воениздат, 1967, стр. 89.

[2] Там же, стр. 90.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 97.

важно послать туда побольше рабочих для агитации и руководства отсталыми»[1].

Вмешательство Центрального Комитета партии, принципиальная позиция В. И. Ленина ускорили мобилизацию передовых рабочих Петрограда на чехословацкий фронт. К началу июля на борьбу с мятежниками были направлены Василеостровский, Выборгский, Волынский стрелковые батальоны, отряды моряков и железнодорожников. В распоряжение Центрального Комитета партии для последующей отправки на Урал и в Поволжье коммунисты Петрограда выделили 300 опытных работников.

По указанию ЦК РКП(б) и Советского правительства значительные силы были направлены и из центральных районов. В короткие сроки трудящиеся Москвы, Иваново-Вознесенска, Твери, Владимира, Костромы и других городов сформировали на борьбу с восточной контрреволюцией красноармейские части и добровольческие отряды. На фронт выехали 1-й и 2-й Московские революционные полки, Курская бригада в составе трех полков, 1-й Витебский, Минский революционный, Карельский, Новгородский и некоторые другие полки, батальон красноармейцев численностью 670 человек, отряд матросов, два бронированных поезда, изготовленные рабочими Москвы. Партийная организация столицы направила на фронт 200 опытных коммунистов, призванных возглавить борьбу с мятежниками. На Уральский фронт выехали также национальные формирования: 14-й Черниговский гусарский полк, Эстонский коммунистический батальон; 6-й Тукумский латышский батальон. Всего с 8 мая по 15 июня 1918 года в районы Урала и Поволжья было отправлено 35 587 стрелков, 970 кавалеристов, 325 пулеметов, 165 орудий, 7 бронемашин, 4 бронепоезда[2].

Таким образом, уже в начальный период борьбы с белочехами и белогвардейцами трудящиеся Урала получили поддержку и помощь всей страны.

В боевых действиях против мятежников участвовали и трудящиеся других стран. На Урале находилось более 21 тысячи бывших военнопленных немецкой и австро-вен-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 99.

[2] Н. И. Шатагин. Организация и строительство Советской Армии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1954, стр. 84.

герской армий, трудилось много иностранных рабочих. В числе их были сербы, венгры, чехи, словаки, немцы, китайцы, австрийцы, корейцы. Среди интернационалистов насчитывалось немало социал-демократов. Весной 1918 года они объединились в Коммунистическую партию иностранных рабочих и крестьян Урала. Вскоре организации коммунистов-интернационалистов края вошли в состав Центральной Федерации иностранных групп РКП(б).

Когда белочехи подняли мятеж, руководящие органы коммунистических групп интернационалистов обратились с призывом ко всем иностранным трудящимся выступить на защиту социалистической революции в России. В воззвании Центрального исполнительного комитета чехословацких коммунистических групп, опубликованном 15 июня 1918 года, говорилось: «Действия чешско-словацких эшелонов ложатся тяжелым гнетом на весь чешско-словацкий трудовой народ. Мы не можем молчать в эту минуту, мы должны громко заявить, что чешский пролетариат в эту трудную минуту весь на стороне Советского правительства, правительства русских рабочих и крестьян»[1].

По заданию Центрального Комитета РКП(б) 7 июня в Вятку и Екатеринбург для агитационной работы среди военнопленных выехали чехословацкие коммунисты. Они организовали на Урале чехословацкую секцию Коммунистической партии, призывали чехословаков к вступлению в Красную Армию. В Екатеринбурге совместно с существовавшим здесь Центральным Исполнительным Комитетом Коммунистической партии иностранных рабочих и крестьян Урала, был проведен ряд митингов и подготовлена группа агитаторов для работы в войсках чехословацких мятежников[2]. Эти меры способствовали привлечению на сторону Советов новых сотен честных чехов и словаков.

В Перми, Екатеринбурге, Вятке, Лысьве, Алапаевске, Кизеле были открыты вербовочные пункты для записи добровольцев-интернационалистов в Красную Армию. Непосредственное участие в создании интернациональных частей принимали председатель венгерской группы при ЦК РКП(б) Бела Кун, видный деятель венгерского про-

---

[1] Из истории гражданской войны в СССР, т. 1, стр. 20.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 108, л. 1—2.

летариата Ференц Мюнних, чешский писатель-коммунист Ярослав Гашек, бывший уполномоченный по делам китайских рабочих на Урале Жен Фу-чен. В короткий срок были сформированы добровольческие отряды из венгров, чехов, австрийцев в Екатеринбурге, Перми и Кунгуре. Интернациональные части прибывали на Урал и из других районов страны. В Москве для отправки на чехословацкий фронт были сформированы два отряда численностью 760 человек. Из Томска на Урал прибыл интернациональный батальон под командованием Ференца Мюнниха. В Перми он был пополнен добровольцами, после чего принимал активное участие в боях на Пермском направлении. Героически сражались интернационалисты и на других участках фронта.

Но основную массу советских войск и в начале гражданской войны составляли формирования из русских рабочих и крестьян, входившие в Северо-Урало-Сибирский фронт. С 24 июня 1918 года фронт был подчинен командованию Восточного фронта, созданного 13 июня 1918 года. Это способствовало централизации руководства боевыми действиями и ускорило переформирование добровольческих отрядов в полки и дивизии Красной Армии, построенные по единым штатам. При этом за новыми частями иногда сохранялись прежние, местные названия. Характерна история образования некоторых полков.

Заслуженной боевой славой на Урале пользовался полк имени И. М. Малышева. Основой его формирования послужила дружина екатеринбургских коммунистов, созданная еще в период борьбы с дутовщиной. В июле 1918 года в состав дружины влились рабочие Березниковского, Билимбаевского и Ревдинского заводов, и она была реорганизована в 1-й Образцовый батальон Уральского областного комитета РКП(б). За стойкость и мужество в борьбе с врагом батальону было присвоено имя И. М. Малышева. В боях с белочехами и белогвардейцами он понес тяжелые потери. Тогда по призыву областного комитета партии часть пополнили коммунисты и передовые рабочие предприятий Екатеринбурга, Перми, Лысьвы, Новой Ляли и других промышленных центров Урала. Это позволило развернуть батальон в полк Красной Армии. В боях с белочехами и белогвардейцами красноармейцы полка проявили высокие морально-политические и боевые качества, массовый героизм.

Как только началась вооруженная борьба с интервентами и белогвардейцами, активизировалось военное строительство на Южном Урале. По данным Уфимского военкомата, к 23 июня 1918 года на Аша-Балашовском заводе насчитывалось 1000 дружинников и 2 орудия; на Миньярском —2000 дружинников и 2 орудия; Симском —1000 дружинников, 4 орудия и 33 пулемета, большой запас патронов и продовольствия; Усть-Катавском —4000 бойцов; в Златоусте — 4000 бойцов и 4 орудия; Верхнеуральске — около 2000 бойцов и 6 пулеметов; на Белорецком заводе — 2000 бойцов и 6 пулеметов; на Богоявленском — 2000 пехотинцев, 200 кавалеристов, 2 орудия, 100 тыс. патронов, 2000 снарядов, запасы продовольствия [1]. При переформировании частей приходилось преодолевать немалые трудности, поскольку состав дружинников и уровень их военной подготовки были очень неоднородными. В докладе члена Высшей военной инспекции С. Белицкого отмечались неудовлетворительный подбор командного состава, слабая организованность среди дружинников, отсутствие плановых занятий [2]. Наряду с этим имелся ряд подразделений и частей, личный состав которых настойчиво овладевал военным делом, готовясь к выступлению на фронт. Так, в 3-м Уфимском советском полку насчитывалось свыше 1000 бойцов, в том числе имелись отдельная татаро-башкирская рота и несколько подразделений интернационалистов-добровольцев. Высшая военная инспекция отмечала, что этот полк «производит очень хорошее впечатление своей внешней организованностью и порядком» [3].

В июне-июле 1918 года началось сведение в регулярные части добровольческих отрядов, сражавшихся против мятежников на Екатеринбург-Челябинском направлении. Из рабочих Сысертского завода и Арамильской суконной фабрики был сформирован 1-й Рабоче-Крестьянский полк. В него вошли также крестьянские дружины окрестных деревень и сел — Куяша, Кашино, Абрамово, Щелкуна, Конево и других. В полку насчитывалось 1800 бойцов. Командиром 1-го Рабоче-Крестьянского полка был назна-

---

[1] Э. С. Кадомцев. О боевых организациях народного вооружения Южного Урала в 1917—1918 гг. В кн.: На Южном Урале. Воспоминания участников гражданской войны. М., Воениздат, 1958, стр. 17—18.

[2] ЦГАСА, ф. 10, оп. 1, д. 110, л. 133.

[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 767, л. 79.

чен рабочий, бывший унтер-офицер старой армии А. Т. Кочетков. Из тех, кто был знаком с военным делом, выделяли начальников служб и командиров подразделений. Здесь же, в районе Арамиля, был сформирован и 3-й Екатеринбургский полк. В него в качестве основного ядра вошли отряды рабочих Екатеринбурга, пополнившиеся крестьянами Екатеринбургского уезда.

Стойким боевым формированием был 2-й Горный советский полк. Базой для его создания послужили добровольческие отряды рабочих Каслинского, Кыштымского, Сысертского, Уфалейского и других заводов. Одними из первых выступили они на борьбу с белочехами. В июне 1918 года отряды вели оборонительные бои в районе Кыштымского и Каслинского заводов, а затем были отведены в тыл для переформирования. Получив приказ о создании регулярных частей, отряды были сведены в роты и батальоны, которые составили 2-й Горный советский полк. Командование новым формированием было поручено сысертскому рабочему Григорьеву. Во главе рот и батальонов также были поставлены рабочие.

В условиях беспрерывных боев с белочехами и белогвардейцами происходило формирование 1-го и 2-го Красноуфимских полков. Они создавались из добровольческих отрядов коммунистов, передовых рабочих и трудящихся крестьян Пермской губернии, объединенных под командованием А. Л. Борчанинова и насчитывавших в конце июня — начале июля 1918 года до 3000 бойцов. Впоследствии 1-й и 2-й Красноуфимские полки вошли в состав 4-й Уральской дивизии. Добровольцы-конники из отрядов А. Л. Борчанинова пополнили кавалерийский полк имени В. В. Володарского.

Заслуженной боевой славой на Урале пользовались 1-й Крестьянский коммунистический полк «Красных орлов» и 1-й Камышловский полк. Они создавались на территории Камышловского, Шадринского, Ирбитского и Алапаевского уездов Пермской губернии. Основной контингент этих полков — рабочие и крестьянская беднота.

Базой формирования 1-го Крестьянского коммунистического полка стал Катайский район Камышловского уезда. Здесь еще в период дутовского мятежа было создано четыре боевых отряда под командованием большевиков Ф. В. Григорьева, А. И. Кобякова, П. М. Тарских, И. А. Ослоповского. Сразу же, как началась вооруженная борьба против

белочехов и виутренней коитрреволюции, в Катайскнй райои прибыл отряд камышловских рабочих во главе с оргаиизатором боевых дружии П. Н. Подпориным. По его инициатнве все отряды были объединены. Оии и составнли осиову полка, его первые роты.

Дальиейшее формироваиие части проходило в процессе боевых действий с врагом. Во всех иаселеииых пуиктах, где располагался полк, его ряды пополияли рабочне и трудящиеся крестьяие. Когда полк П. Н. Подпориа прибыл иа Камеискнй завод, большевнстская оргаиизация и Совет поселка прииялн живейшее участие в его организационном укреплеиии. Была проведена мобилизация трудящихся пяти возрастов, иачалось нх обучеиие военному делу. Из рабочих дружии сформнровалось еще четыре роты полка. Завершеиие реоргаиизации полка в регуляриую часть относится к периоду боев под стаицией Егоршиио. Здесь в его состав вошли сильиые отряды под командованием В. Д. Жукова и С. А. Павлова, а также крестьяиские дружииы окрестиых деревень и сел.

Командный состав 1-го Крестьянского коммунистнческого полка был подобран из авторитетиых оргаинзаторов и храбрых бойцов. Полком последовательно комаидовалн П. Н. Подпории, Ф. Е. Акулов, И. А. Ослоповскнй, А. И. Кобяков. Комаидирамн батальоиов н рот былн иазначеиы В. Д. Жуков, Ф. В. Грнгорьев, А. А. Полуяхтов, В. К. Ватагнн и другие. Это былн людн, безграиничио прединные Советской властн. Подавляющее большинство их связало свою судьбу с большевистской партией. Из 28 человек командиого состава 26 были членами Коммуиистической партии. И хотя миогие нмелн незиачительную воеиную подготовку и минимальное образование, оин успешио справлялнсь с возложеиными иа них обязаииостями. В борьбе с интервеитамн и белогвардейцами полк неизменно проявлял стойкость и геронзм.

Одновремеиио с 1-м Крестьянским коммуиистическим полком создавался и 1-й Камышловский полк. Формироваиие его иачалось в нюле 1918 года нз отрядов, сосредоточенных в поселке Ирбитского завода. Первоначальио в полку иасчитывалось около 1500 бойцов, 37 пулеметов, 4 орудня. Основу нового формироваиия составлялн рабочие Камышловского кожевеиного завода, добровольцы нз Ирбита, красноармейский батальон, с боями прорвавшнйся нз Снбирн, и крупиый крестьянскнй отряд под командованнем

Л. Ф. Некрасова. В полку удачно были подобраны командные и политические кадры. Командиром полка был назначен Н. Ф. Черных, имевший значительный опыт военной работы, его помощником — В. А. Кангелари, известный бойцам своей храбростью, военным комиссаром — Н. А. Удников, рабочий кожевенного завода, опытный коммунист. Многие красноармейцы не имели достаточной подготовки, но полк в первых же столкновениях с противником показал высокий героизм. В течение двух месяцев камышловцы мужественно обороняли Ирбитский завод. Белые неоднократно предпринимали попытки захватить рабочий поселок, но всякий раз советские воины отбивали атаки врага. Здесь был разгромлен и почти полностью уничтожен 1-й степной полк белых под командованием полковника Киселева. Лишь во второй половине сентября в связи с общим положением на фронте 1-й Камышловский полк по приказу командования снялся со своих позиций и отошел к Нижнему Тагилу.

Крупную роль в борьбе с контрреволюцией на Урале сыграли полки, укомплектованные в основном петроградскими рабочими: Путиловский кавалерийский, 17-й Петроградский, 5-й Волынский, 4-й Василеостровский, 1-й Лесновско-Выборгский.

Создание регулярных частей обусловило усиление централизации в руководстве боевыми действиями. 18 июля 1918 года приказом № 50-а Северо-Урало-Сибирский фронт переименовался в Третью армию Восточного фронта [1]. До 25 августа армия состояла из трех дивизий — Восточной, Средней и Западной, штабы и управления которых дислоцировались в Нижнем Тагиле, Кунгуре и Егоршино. Помимо оперативных органов, штаб армии и штабы дивизий имели в своем составе политический отдел, отдел снабжения и военно-революционный трибунал. В связи с массовыми мобилизациями трудящихся Средняя, Восточная и Западная дивизии в конце августа развернуты в 1, 2, 3, 4, 5-ю Уральские дивизии.

Руководство боевыми действиями Третьей армии осуществлял революционный военный совет. Командующим армией был назначен Р. И. Берзин, член партии с 1905 года, делегат исторического II Всероссийского съезда Советов, видный советский военный деятель. Ему принадле-

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 19, л. 9.

жит большая заслуга в организации регулярных частей Красной Армии на Урале. Как военачальник нового типа Р. И. Берзин учитывал не только боевые, но и морально-политические возможности войск. Он умело руководил боевыми операциями, проявлял повседневную заботу об обучении и воспитании красноармейцев [1].

Помимо Третьей армии, летом 1918 года в составе Восточного фронта возникли и другие соединения. Из отрядов, сражавшихся в районе Пенза — Сызрань — Симбирск, была создана Первая армия. Войска, действовавшие в районе Уфа — Самара — Челябинск, образовали Вторую армию, сосредоточенные под Саратовом — Четвертую, расположенные под Казанью — Пятую. Таким образом, непосредственно на территории Урала, кроме Третьей, была сформирована и Вторая армия Восточного фронта. Основу нового объединения составляли отряды красноармейцев и рабочих, сражавшихся в районе Уфы.

В течение месяца на подступах к Уфе шли упорные бои. Советские войска героически защищали этот крупный политический и административный центр Южного Урала. Но силы были не равны. 5 июля советские отряды вынуждены были оставить город. В значительной мере это было вызвано предательством командующего отрядами, бывшего полковника царской армии Махина. Он перебежал к белым и передал врагу важные оперативные документы.

Отступая на север, советские отряды сосредоточились в Николо-Березовке, крупном населенном пункте на левом берегу реки Камы. Здесь и было создано ядро Второй армии. Командование армией было поручено большевику В. Блохину. Организационное оформление армии вследствие непрерывных боев шло медленно. 13 июля 1918 года отряды, действовавшие первое время под Казанью, а затем на территории Елабужского и Мензелинского уездов, были подчинены командованию Правой группы войск Второй армии. Наряду с этим создается штаб и Левой группы войск. 29 июля в состав Второй армии были включены формирования Оренбургского района. Но общая числен-

[1] О взглядах и деятельиости Р. И. Берзииа по создаиию регуляриой Красной Армии см. в его воспоминаииях в ки.: Этапы большого пути. Военнздат, М., 1963, стр. 101—136, а также строительство Красной Армии иа Урале в кн.: В боях и походах, Свердловское ки. изд-во, 1959, стр. 158—169.

ность войск Второй армии на 1 августа 1918 года не превышала трех тысяч человек.

Добиться централизованного управления разрозненными добровольческими отрядами на обширной территории было чрезвычайно трудно. В период тяжелых оборонительных боев в июне — июле 1918 года единого руководства на фронте по существу не было. Положение усугублялось тем, что не все члены партии понимали необходимость централизованного управления войсками. В известной мере эти взгляды разделяли руководители боевых организаций народного вооружения. Не случайно поэтому Вторая армия, основу которой составляли боевые организации, до осени 1918 года не представляла собой единого целого. Характеризуя состояние Второй армии, представитель Всероссийского бюро военных комиссаров В. Л. Павлова 4 августа 1918 года писала в Москву: «Армия состоит из семи отдельных воинских частей. Существует выборный «Совет боевых дружин», состоящий из 5 лиц» [1]. Многие отряды сражались с врагом, не имея связи со штабом армии.

На территории Бирского уезда Уфимской губернии и Осинского уезда Пермской губернии военные действия против кулацких банд и белогвардейцев вели отряды крестьянской бедноты под командованием бывшего матроса Балтийского флота, большевика П. И. Деткина. Он был направлен для работы на Урал Петроградским бюро Центрального Комитета партии в конце апреля 1918 года. Уроженец Бирского уезда, П. И. Деткин хорошо знал местные условия. Когда началась гражданская война, он принял командование добровольческими отрядами, действовавшими на территории уезда. В ходе боев численность отрядов выросла до восьмисот человек, совершенствовалась организационная структура, приобретался опыт. В начале августа в состав добровольцев влился отряд Бирского ревкома, который привез с собой 15 пулеметов, 2000 винтовок, 60 тысяч патронов [2]. Увеличение численности отрядов, улучшение их вооружения позволили перейти к формированию регулярных частей. На базе добровольческих отрядов создается 1-я Бирская бригада в составе двух полков. Командный и политический состав был укомплектован за

[1] История гражданской войны в СССР, т. III, М., Госполитиздат, 1957, стр. 228.

[2] В пороховом дыму. Воспоминания участников гражданской войны. Пермь, Пермское кн. изд-во, 1961, стр. 46.

счет эвакуированных руководящих работников Бирского ревкома, активистов партийных и советских учреждений, а также красноармейцев, получивших боевой опыт. Командиром 1-го Бирского советского полка стал Ф. К. Воробьев, в прошлом сельский учитель, получивший в царской армии офицерское звание. Бывшему офицеру Титову поручили командовать 2-м Бирским полком. Первое время полки вели боевые действия самостоятельно. 15 августа 1918 года им удалось установить связь с командованием Второй армии. 1-я Бирская пехотная бригада вошла в ее состав, П. И. Деткин был утвержден командиром бригады.

Широкую известность на Урале получили героические дела Сводного отряда под командованием опытного большевика, члена партии с 1908 года Александра Михайловича Чеверева. Красноармейцы и рабочие любовно называли его «орлом Урала». Боевая деятельность А. М. Чеверева началась в январе 1918 года, когда он во главе красногвардейского отряда выступил на борьбу с дутовцами. С началом контрреволюционного мятежа чехословацкого корпуса А. М. Чеверев по поручению Уфимского губернского комитета партии создает новый красноармейский отряд, активно участвует в подавлении кулацких восстаний. В начале июля 1918 года в деревне Николо-Березовка отряд А. М. Чеверева присоединяется к штабу Второй армии и получает задачу оборонять Бельско-Камский бассейн. Закрепившись в деревне Дюртюли, бойцы более месяца удерживали занимаемые позиции. К этому времени в отряде насчитывалось до 2 тысяч вооруженных бойцов. 9 августа после четырнадцати белогвардейских атак, потеряв значительную часть своих товарищей, отряд А. М. Чеверева вынужден был отступить на север.

Обстановка в районе боевых действий Второй армии все более осложнялась. Острота классовой борьбы достигла предела. Эсерам и меньшевикам удалось поднять среднее крестьянство на контрреволюционные выступления против Советской власти. Части Второй армии с боями отходили на север, к железной дороге Казань — Екатеринбург. Отряд А. М. Чеверева по-прежнему прикрывал штаб армии, который после эвакуации из Николо-Березовки располагался сначала в Сарапуле, а затем на станции Вятские Поляны. По приказу командования отряд длительное время удерживал крупный железнодорожный узел Агрыз. Бойцы не дрогнули и тогда, когда связь со штабом

Второй армии была прервана и отряд попал в окружение. В этой сложной обстановке А. М. Чеверев умело руководил боевыми действиями, личным примером стойкости и отваги вдохновлял красноармейцев на героическую борьбу с врагом. Ближайшими помощниками А. М. Чеверева были: Ф. Мельников, С. Серов, И. Буринов, Ф. Сулима-Грандовский, З. Шарипов, Ю. Юсупов. В критические дни обороны Агрыза на помощь отряду пришли рабочие депо. Дружным натиском красноармейцы и железнодорожники разорвали кольцо белогвардейского окружения. В районе Сюгинского завода отряд А. М. Чеверева соединился с основными силами Второй армии.

Чрезвычайно сложная обстановка в районе боевых действий армии, непрерывные бои на фронте протяженностью свыше 100 километров затрудняли сведение отрядов в регулярные части. Однако в августе-сентябре 1918 года организационная перестройка войск развернулась и в этом объединении. Части и отряды были реорганизованы в 1-ю и 2-ю Сводные дивизии. В составе 2-й Сводной дивизии было создано два стрелковых полка, кавалерийский полк и артиллерийская бригада. С прибытием двухтысячного отряда под командованием А. М. Чеверева в соединении был развернут 4-й Сводный полк, а Чеверев назначен его командиром. В полк вошли роты чеверевского отряда, 1-я рота Петроградской продовольственной образцовой дружины, 1-я и 2-я роты Латышского батальона, 8-я рота 4-го продовольственного полка, 9-я и 10-я роты Московского продовольственного полка [1].

Заслуженным авторитетом среди красноармейцев пользовался организатор дивизии Владимир Мартынович Азин, ставший одним из прославленных командиров периода гражданской войны. Человек большого мужества и отваги, требовательный к подчиненным, В. М. Азин умело руководил боевыми действиями частей и добивался победы в самой сложной обстановке. Активный участник гражданской войны на Урале Н. В. Чаплыгин, характеризуя начальный период создания 2-й Сводной дивизии, вспоминает: «Дивизия формировалась из разрозненных красногвардейских и партизанских отрядов. Не все бойцы могли владеть оружием. Кое-кто допускал отступления от дисцип-

---

[1] Гражданская война 1918—1921 гг. Под редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева, Р. П. Эйдемана. М., изд-во «Военный вестник», стр. 145.

лины и порядков регулярной армии. Начдив Азин, обладавший сильной волей и значительными командирскими качествами, быстро навел в частях дивизии твердый, революционный порядок. Он влиял на бойцов беспредельной личной храбростью. При всей своей суровости к врагам и их пособникам в тылу, Азин был добросердечным человеком по отношению к советским людям, умел находить путь к сердцам красноармейцев. Простые деревенские парни, пройдя боевую выучку начдива Азина, становились стойкими и мужественными воинами» [1]. В конце ноября 1918 года 2-я Сводная дивизия получила наименование 28-й стрелковой дивизии.

Наряду со строевыми частями формировались отделы и учреждения штаба армии. Для подготовки младших командиров была создана специальная школа, при которой имелись отделения артиллеристов, разведчиков, пулеметчиков.

Командующим Второй армии в сентябре 1918 года был назначен Василий Иванович Шорин, бывший полковник царской армии, добровольно перешедший на сторону Советской власти. Кадровый военный, всю жизнь посвятивший армии, В. И. Шорин отдавал свое умение и боевой опыт борьбе с врагами революции. Командующий был прост в обращении, носил обыкновенную солдатскую шинель. Небольшого роста, крепко сложенный, он, на первый взгляд, ничем не выделялся из массы красноармейцев. Но его соратники, находившиеся рядом с ним в боевой обстановке, отмечают, что командарм В. И. Шорин обладал крупным военным талантом, умел подчинить людей своей воле, поддерживал в частях армии дисциплину, организованность и порядок. С его прибытием реорганизация добровольческих отрядов Второй армии в части регулярного типа была в скором времени завершена.

Таким образом, строительство массовой регулярной Красной Армии на Урале происходило по указаниям партии и правительства в те же сроки, что и в других районах страны. Однако обстановка для этого сложилась крайне неблагоприятная из-за непрерывных тяжелых оборонительных боев и колебаний среднего крестьянства. Части регулярного типа формировались командованием фронтового и армейского звена за счет реорганизации и укрепле-

---

[1] В боях и походах, стр. 344—345.

ния добровольческих отрядов. В строительстве массовой армии все более активное участие принимали местные военные комиссариаты, которые в трудных условиях проводили мобилизационную работу, организовывали всеобщее военное обучение трудящихся. Первые достижения в создании регулярных частей Красной Армии на Урале были обеспечены активной организаторской и политической работой коммунистов на фронте и в ближайшем тылу советских войск.

Чтобы создать мощную вооруженную опору диктатуры пролетариата и организовать отпор контрреволюции, нужна была большая повседневная и целеустремленная партийно-политическая работа и среди войск, и среди населения прифронтовой полосы. В статьях и выступлениях В. И. Ленина, в постановлениях и декретах ЦК партии и Советского правительства находили уральские большевики основные направления партийно-политической деятельности. Так, в обращении Совета Народных Комиссаров от 31 мая 1918 года в связи с мятежом чехословацкого корпуса подчеркивалась вся глубина опасности, нависшей над страной. Трудящихся призывали бдительно следить за происками классового врага, развернуть проведение революционных мобилизаций на фронт для быстрейшего разгрома интервентов и белогвардейцев.

Трудящимся Урала, бойцам и командирам глубоко разъясняли смысл внешней и внутренней политики Коммунистической партии и Советского правительства, контрреволюционную сущность мятежа белочехов и примкнувшего к ним кулачества. Личный состав войск и население прифронтовой полосы мобилизовались на упорную борьбу с интервентами и белогвардейцами, на стойкую защиту родной земли, Советской власти.

С первых же дней борьбы с чехословацкими мятежниками развернулась партийно-политическая работа на фронте. Возглавлял ее Уральский областной комитет РКП(б). Непосредственно на фронте организацией политической работы занимались агитационно-организационный отдел Уральского окружного комиссариата по военным делам и политический отдел Северо-Урало-Сибирского фронта, созданный 19 июня 1918 года. Это был один из первых политических отделов Красной Армии на фронтах гражданской войны.

Агитационно-организационный отдел окрвоенкомата вел

работу среди личного состава резервных частей, караульных подразделений и учреждений Уральского военного округа, а с началом боевых действий — и среди красноармейцев, сражавшихся на фронте. На первых порах работники отдела занимались главным образом созданием подобных отделов во всех военкоматах, разработкой инструкций, рассылкой агитаторов и литературы, вели мобилизационную работу в прифронтовой полосе. По мере укрепления политического отдела Северо-Урало-Сибирского фронта и усиления его влияния на организацию партийно-политической работы в войсках сфера деятельности агитационно-организаторского отдела окружного военного комиссариата на фронте постепенно сужалась. Разделение функций между этими органами способствовало улучшению политического воспитания бойцов на фронте и в тылу.

Политический отдел Северо-Урало-Сибирского фронта в июне-июле 1918 года приобретал опыт работы в ходе боевых действий. Вместе с тем он вел партийно-политическую работу в прифронтовой полосе. «Ему, — указывалось в одном из документов, — были подчинены как политические представители на крупных железнодорожных узлах, так и военкомы отдельных частей и отрядов, дававшие ему отчеты о своей работе и телеграфные сводки и получавшие, в свою очередь, газеты и воззвания для распространения их в войсках и среди населения. На основании этих отчетов составлялись ежедневные сводки для отсылки в политический отдел при Главнокомандующем, а также составлялись сводки для бюро печати» [1].

Начал свою деятельность политический отдел, имея очень небольшой штат, включавший заведующего, секретаря и нескольких сотрудников. Возглавлял его один из членов Высшей военной инспекции — Фейерабенд. Работники политотдела систематически выезжали в войска для ведения агитационной работы. Издавалась газета «Борьба с контрреволюцией», печатались бюллетени, листовки, брошюры. Через месяц работы штат отдела вырос, он более успешно руководил деятельностью комиссаров частей, имел постоянных агитаторов, бюро печати, поддерживал тесные связи с местными организациями и комитетом РКП(б) иностранных рабочих и крестьян. 20 июля 1918 года, в

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 2, д. 36, л. 199.

связи с общей реорганизацией, политотдел Северо-Урало-Сибирского фронта был преобразован в политотдел Третьей армии.

Видная роль в строительстве регулярных частей Красной Армии принадлежала военным комиссарам. На этот пост выдвигали лучших коммунистов из уральских работников и из мобилизованных на фронт москвичей и петроградцев. Они сразу же включились в политическую работу среди советских воинов, становились ее подлинными организаторами.

В июле 1918 года по инициативе большевиков Кунгура была сформирована рота численностью 210 человек, которая вскоре выступила на фронт. Комиссаром роты стал стойкий большевик, член партии с 1912 года А. С. Попков. В короткий срок сумел он сплотить красноармейцев, мобилизовать их на самоотверженную борьбу с врагом. В первых же боях с белогвардейцами бойцы показали высокие морально-политические качества [1].

Характеризуя начальный период гражданской войны, видный политработник Красной Армии, активный участник военного строительства на Урале Н. Г. Толмачев на съезде коммунистов Третьей армии говорил: «Все силы, которыми располагал Урал, были отданы военной работе, и ответственные работники большей частью направлялись в эту область. Они назывались военными комиссарами, политическими представителями на отдельных участках фронта. Эти комиссары не только были комиссарами при военруках, они часто были командирами и организаторами частей» [2].

Интересен опыт введения на Урале института политических представителей на крупных железнодорожных узлах и станциях. В годы гражданской войны, когда боевые действия велись в основном вдоль линий железных дорог и шоссейных трактов, бесперебойная работа железнодорожных узлов приобретала особое значение. 13 июня 1918 года председатель Высшей военной инспекции Н. И. Подвойский потребовал от руководителей уральских частей Красной Армии улучшить комендантскую службу на крупных станциях железнодорожных линий Екатеринбург — Бердяуш, Екатеринбург — Челябинск, Екатеринбург — Тю-

---

[1] ГАПО, ф. 732 р, оп. 1, д. 4, л. 15.
[2] Первый съезд коммунистов III Армии, 1919, стр. 20.

мень, обеспечить бесперебойную работу транспорта. С этой целью на многие станции (Егоршино, Уфалей, Богданович, Кузино, Калино и др.) были назначены политические представители. Они пользовались всеми правами военных комиссаров. В их обязанность входило обеспечение бесперебойной работы транспорта и организация политического воспитания красноармейцев в пути следования. Значительную работу проводили они среди рабочих и служащих узлов и станций, а также среди местного населения. Позднее в докладе за год работы политический отдел Третьей армии высоко оценивал «энергичную деятельность политических представителей в полосе дороги и по охране железнодорожных путей»[1].

Политические представители регулярно информировали политотдел о своих действиях и о положении дел на местах, контролировали деятельность специалистов транспорта, добивались четкой работы железнодорожных узлов и станций. Злостных саботажников привлекали к строгой ответственности. В сводке от 6 июля 1918 года, например, указывалось, что политический представитель на станции Лысьва вынужден был арестовать начальника станции. Но чаще политические представители действовали методом убеждения. Они повседневно разъясняли красноармейцам, рабочим и служащим административного аппарата политику Коммунистической партии и Советского правительства, настойчиво боролись за безупречную четкость в их работе. Это давало положительные результаты. В донесениях политических представителей в июле 1918 года неоднократно отмечалось лояльное отношение к Советской власти со стороны железнодорожной администрации Екатеринбурга, Тавды, Алапаевска, Богдановича, Камышлова и других станций.

Введение по инициативе политотдела Северо-Урало-Сибирского фронта политических представителей на узловых станциях было необходимой и своевременной мерой, вызванной трудностями начального этапа гражданской войны на Урале. По мере того как создавалась система органов военных сообщений и активизировалась деятельность партийно-политического аппарата в ближайшем тылу советских войск, необходимость в институте политических представителей отпала. Для обслуживания красноармей-

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 2, д. 36, л. 200.

ских эшелонов на крупных узловых станциях стали создаваться агитпункты. Опыт использования политических представителей в дальнейшем применялся для решения других важных задач.

Немалую роль в организации и проведении политической работы сыграли агитаторы Уральского окружного военного комиссариата и политотдела Северо-Урало-Сибирского фронта. Они проводили митинги и собрания, выступали с докладами и беседами, распространяли материалы периодической печати. Эта работа встречала горячий отклик у красноармейцев. В политсводке от 15 июля 1918 года политический отдел фронта писал: «Настроение населения в Красной Армии и рабочих заводов революционное, ведется усиленная агитация нашими работниками. Распространяется достаточное количество литературы, открыта библиотека-читальня»[1].

Одной из важных задач политорганов была агитация среди войск противника. Уже в первые месяцы боевых действий на Урале армейские коммунисты повели разъяснительную работу среди солдат чехословацкого корпуса. Большую помощь в этом оказывали политотделу чехи-коммунисты. В короткий срок при их активном участии среди солдат противника было распространено около двух миллионов воззваний. Листовки и воззвания, предназначенные для белочехов и белогвардейцев, разбрасывали также с аэропланов.

Уральский областной комитет РКП(б) летом 1918 года на фронте максимум усилий направлял на создание партийных ячеек во всех красноармейских частях. В конце июня — начале июля партийные организации возникли в Тукумском латышском полку, в Нарвском и Красногусарском отрядах, в резервных частях Северо-Урало-Сибирского фронта[2]. Партийное строительство развивалось и в других частях. В докладе о деятельности агитационно-организационного отдела Уральского окружного военного комиссариата за период с 1 мая по 1 декабря 1918 года указывается, что с началом боевых действий против интервентов и белогвардейцев «было приступлено к созданию партийных коллективов и в красноармейских частях»[3].

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 722, л. 23.
[2] ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 215, л. 112.
[3] Партийный архив Пермского ОК КПСС (ПАПО), ф. 90, оп. 1, д. 80, л. 5.

К этому же времени относится выработка отделом первых инструкций и положений о партийной работе на фронте.

Организация коммунистических ячеек положительно сказалась на боеспособности красноармейских частей. В условиях, когда отрядная система и пережитки партизанщины в армии были еще сильны, организаторская деятельность коммунистов, их личный пример в бою имели исключительно важное значение. Вот как рассказывалось о первых шагах партийного строительства на фронте в письме красноармейца-коммуниста С. Суханова, опубликованном в газете «Уральский рабочий»: «По прибытии нас на позиции я всеми силами стремился создать таковые ячейки в батальоне, дабы восстановить крепкую товарищескую дисциплину и придать более организованный вид нашему батальону. В нашей штабной роте до отправления из Перми по моей инициативе был организован ротный коллектив партии коммунистов (большевиков) из четырех членов партии». В корреспонденции далее указывалось, что партийные ячейки были созданы и в других подразделениях батальона. Из 60 членов партии и сочувствующих были сформированы две команды — пулеметчиков и разведчиков. «Я думаю,—делал вывод С. Суханов,— если бы таких команд иметь побольше, то наша победа Советской республики и социализма была бы обеспечена»[1].

Таким образом, уже на первом этапе борьбы с белочехами и белогвардейцами в воинских частях на Урале начался процесс формирования партийно-политического аппарата: создается политический отдел Северо-Урало-Сибирского фронта, укрепляется состав военных комиссаров, в красноармейских полках и отрядах возникают коммунистические ячейки. Были сделаны первые шаги в организации и проведении политической работы среди красноармейцев, прифронтового населения и солдат противника. Главную роль в политическом воспитании личного состава в этот период играли военные комиссары и агитаторы.

Переход от добровольческих отрядов к регулярным формированиям, централизация управления войсками, первые шаги политической работы в боевой обстановке — все это способствовало укреплению только что созданного Восточного фронта. Повышалась боеспособность частей Красной Армии, усиливалось их сопротивление врагу.

[1] Ю. П. Петров. КПСС — руководитель и воспитатель Красной Армии (1918—1920 гг.). М., Воениздат, 1961, стр. 118.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РЕШАЕТСЯ СУДЬБА РЕВОЛЮЦИИ

1. Коммунисты впереди

Положение Советского государства летом 1918 года оставалось тяжелым. Страна находилась в огненном кольце фронтов гражданской войны. Три четверти ее территории было захвачено врагом. Власть интервентов и белогвардейцев распространялась на Украину, значительную часть Поволжья, Урала и Сибири, Кавказ, Среднюю Азию, Дальний Восток.

Опасная обстановка складывалась в восточных районах. Вражеские войска, действовавшие на фронте Екатеринбург — Уфа, стремились соединиться с белогвардейцами и интервентами на Северном фронте, а белое оренбургско-уральское казачество — с донскими и кубанскими контрреволюционерами. 10 июля 1918 года Советской власти изменил командующий войсками Восточного фронта левый эсер Муравьев. В результате экстренных мер, принятых Советским правительством, муравьевский мятеж был быстро ликвидирован, однако управление частями фронта в значительной мере нарушилось. А здесь против Красной Армии вели активные наступательные действия основные силы контрреволюции: мя-

тежный чехословацкнй корпус и созданные под его прикрытнем крупные белогвардейскне формнроваиия. Отсюда Советской республнке угрожала иаибольшая опасиость. Летом н осенью Восточный фроит был главным фронтом страны. «Сейчас **вся** судьба революцнн, — писал В. И. Ленин 1 августа 1918 года, — стонт на *одной* карте: быстрая победа над чехословакамн на фронте Казань — Урал — Самара. Все зависит от этого»[1].

Советская республнка, отрезанная от осиовных сырьевых, продовольственных н топливиых районов, переживала промышленную разруху н голод. Лншеиные сырья н топлива, большинство предпрнятий бездействовалн. Особенио остро ощущалась иехватка продовольствня. Недовольное продовольствеиной полнтнкой кулачество все туже затягивало смертельную петлю голода иа шее трудящнхся города и деревнн. По всей стране прокатилась волиа контрреволюцноиных кулацкнх мятежей. Органнзаторами их былн эсеры, меньшевнки, анархисты, кадеты. Самый миогочнслеиный эксплуататорский класс России открыто выступал протнв властн рабочих и крестьян. В. И. Ленин счнтал, что тогда партия и иарод переживали «самые трудиые иеделн за всю революцию». Оценивая сложнвшуюся обстановку, он пнсал 26 июля 1918 года: «Классовая борьба н гражданская войиа проинкли в глубь населеиия: всюду в деревнях раскол — беднота за иас, кулаки ярости protнв нас. Антанта купнла чехословаков, бушует контрреволюцнониое восстанне, вся буржуазня прнлагает все уснлня, чтобы нас свергнуть. Тем не менее мы твердо верим, что избегнем этого «обычного» (как в 1794 н 1849 годах) хода революции и победнм буржуазию»[2].

В этот тяжелый для Советского государства момент левые эсеры совместно с агентамн ниостраиных разведок подымают контрреволюцнонные восстания в Москве, Ярославле, Муроме, Рыбинске. Стремясь спровоцировать войну с Германией, левые эсеры убнли германского посла Мнрбаха. Но решительными действиями Советской власти левоэсеровскнй мятеж в Москве был лнквиднрован в течение нескольких часов.

Летом 1918 года контрреволюционеры оргаинзовали ряд террорнстическнх актов протнв руководителей партии

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 133.
[2] Там же, стр. 128.

и правительства. 20 июня они совершили злодейское убийство одного из руководителей большевистской организации Петрограда В. В. Володарского. 30 августа был убит М. С. Урицкий, председатель Петроградской Чрезвычайной комиссии. В тот же день вечером совершается злодейское покушение на жизнь создателя Коммунистической партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина. Он был тяжело ранен на заводе Михельсона после выступления на рабочем митинге.

Белый террор врагов революции, покушение на жизнь великого Ленина вызвали в народных массах бурю возмущения и гнева. Трудящиеся Советской страны, бойцы армии и флота требовали сурово покарать преступников, объявить красный террор против контрреволюционеров. Политический отдел Третьей армии Восточного фронта писал в своем обращении к красноармейцам: «Заслуги перед лицом всего мира нашего великого вождя слишком велики, слишком неоценимы, чтобы не быть отчетливо ясными для всех и для каждого. Мы с ним душой, мы с ним пойдем до самой смерти. За кровь его мы отомстим. Жестоко отомстим»[1]. Бойцы и командиры с большим вниманием следили за состоянием здоровья Владимира Ильича, радовались, когда ему удалось победить болезнь.

В планах контрреволюции на Урале особое место занимал Екатеринбург. Здесь находились руководящие партийные и советские органы края, штабы Северо-Урало-Сибирского фронта и Уральского военного округа. Захват Екатеринбурга интервенты и белогвардейцы рассматривали как решающее условие установления своего господства на Урале. Немаловажное значение имел и тот факт, что в Екатеринбурге в ожидании суда находился под арестом бывший царь Николай Романов. Его имя было использовано для объединения контрреволюции. В городе возникла подпольная организация, ядро которой составили офицеры—преподаватели Академии Генерального штаба. Заговорщики установили связь с царем и усиленно готовились к вооруженному мятежу. Главной их целью было свержение Советской власти и ликвидация завоеваний рабочего класса Урала. Кроме того, заговорщики стремились освободить бывшего самодержца. 10 июня 1918 года они предприняли попытку открытого выступления. Заговорщики потребо-

[1] «Уральский рабочий», 3 сентября 1918 г.

вали от Екатеринбургского Совета заключения мира с чехословаками, разоружения Красной Армии, ликвидации института политических комиссаров. Обстановка осложнялась тем, что в городе почти не осталось советских войск: части гарнизона сражались на фронте. В распоряжении Совета имелся лишь небольшой отряд рабочих Верх-Исетского завода под командованием П. З. Ермакова. Благодаря самоотверженным действиям рабочих попытка мятежа была ликвидирована.

Однако обстановка в Екатеринбурге оставалась напряженной. Заговорщики усиленно готовились к новому выступлению против Советской власти. Вывезти бывшего царя для суда над ним не представлялось возможным, так как город окружали белочехи и белогвардейцы. Обсудив создавшееся положение, президиум Уральского областного Совета постановил расстрелять Николая Романова за преступления перед народом, совершенные им во время царствования. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года приговор был приведен в исполнение. Президиум ВЦИК и Совет Народных Комиссаров признали действия Уральского областного Совета правильными.

Контрреволюционные выступления имели место во многих районах Урала. Кулацко-эсеровские мятежи вспыхнули в Оханском, Осинском, Кунгурском, Красноуфимском, Чердынском и других уездах Пермской губернии, в ряде районов Уфимской губернии, в Уржумском уезде Вятской губернии. Под влиянием эсеров и меньшевиков взбунтовалась не только мелкая буржуазия города и деревни, но и значительная часть среднего крестьянства. К мятежникам примкнули также отсталые слои рабочих.

Взбунтовавшиеся кулаки, возглавляемые белогвардейскими офицерами, а в ряде мест и белочешскими инструкторами, жестоко расправились с коммунистами, активными работниками государственных учреждений и их семьями. Советских людей подвергали поркам, истязали, расстреливали, живьем закапывали в землю, сжигали на кострах. В селе Сепыч Кунгурского уезда в первые дни мятежа кулаки замучили и расстреляли 46 советских работников, в Кизганбашевской волости Уфимской губернии от рук мятежников погибло 300 человек [1].

[1] Социалистическое строительство на Урале. Сборник статей. Свердловск, 1957, стр. 8.

Большевистские организации Урала в трудных условиях гражданской войны мобилизовали трудящихся на борьбу с кулацкими мятежами. В этой борьбе использовались части Красной Армии, вооруженные отряды коммунистов, передовых рабочих и крестьянской бедноты. Иногда белогвардейско-эсеровские мятежи ликвидировались в сравнительно короткий срок. Но чаще они приобретали затяжной характер, мятежники длительное время оказывали упорное сопротивление советским войскам.

Колебания среднего крестьянства, активизация внутренней контрреволюции, недостатки в организации Красной Армии, еще сохранявшей элементы партизанщины,— все это обусловило серьезные неудачи советских войск на Восточном фронте. Белочехи и белогвардейцы захватили Уфу, Казань, Самару, Симбирск, Златоуст, Троицк, Шадринск, Камышлов и другие города Поволжья и Урала. Во второй половине июля 1918 года развернулись бои на подступах к Екатеринбургу. Не сумев преодолеть сопротивления советских войск на Екатеринбург-Челябинском направлении, белогвардейские части обошли город с запада. В районе станции Кузино они прорвали оборонительный заслон наших войск. На ликвидацию прорыва была брошена дружина екатеринбургских коммунистов, сформированная Уральским обкомом РКП(б). Комиссаром дружины стал один из руководителей областного комитета партии Леонид Исаакович Вайнер.

Получив подкрепление, советские отряды перешли в наступление и с ходу освободили станцию Кузино. Но развить этот успех не удалось. В решающий момент с фронта дезертировал отряд пермских анархистов. Белогвардейцы, имевшие значительное превосходство в силах, обошли дружинников с фланга. Советские воины вновь вынуждены были отступить. В этих боях погиб замечательный большевик Л. И. Вайнер.

Захватив станцию Кузино, белые подтянули свежие силы, ввели в бой конницу и бронепоезд. Советские отряды отступили к разъезду Палкино, где безуспешно пытались создать новый рубеж обороны. Не считаясь с потерями, белогвардейцы рвались к Екатеринбургу. 25 июля 1918 года бой кипел в районе железнодорожной станции. Белые начали обстрел жилых кварталов. Чтобы избежать излишних жертв среди гражданского населения и разрушений, советские войска оставили город и отступили к

Алапаевску. Войдя в Екатеринбург, белогвардейцы начали дикую расправу с семьями рабочих.

Причины неудачи советских войск под Екатеринбургом проанализированы в специальном приказе по Третьей армии. «Столица Урала — Екатеринбург — пала,— говорилось в нем.— Наши войска отходят на Горнозаводскую линию... Бои последних двух недель вскрыли все недочеты нашей военной организации. Героически настроенные, рвущиеся в бой красноармейцы должны были отступить, так как война требует не только готовности умереть, но и умения победить» [1]. Командующий армией Р. И. Берзин призвал бойцов и командиров, трудящихся Урала усилить борьбу с интервентами и белогвардейцами, неустанно крепить дисциплину, организованность в войсках, боевую мощь Красной Армии. Незадолго до падения Екатеринбурга все областные партийные и советские органы, а также военкомат Уральского военного округа были эвакуированы в Пермь.

Действия контрреволюции на Восточном фронте создали серьезную угрозу для судеб Советской власти. Необходимо было принять срочные меры, которые позволили бы победить интервентов и белогвардейцев, отстоять завоевания социалистической революции. Эти меры были разработаны Центральным Комитетом партии в постановлении от 29 июля 1918 года.

В постановлении об укреплении Восточного фронта Центральный Комитет партии указал на крупные недостатки в организации и воспитании советских войск. Неудачи красноармейских частей во многих случаях объяснялись тем, что это были молодые, наспех сколоченные и необстрелянные формирования, возглавлявшиеся или неопытными командирами, или недостаточно проверенными специалистами старой армии. ЦК отмечал также слабую постановку воспитательной работы в частях: «Красноармейским массам, вследствие крайне недостаточной агитации на местах, не всегда ясны смысл чехо-белогвардейского восстания и его грозная опасность для рабочей революции» [2].

Центральный Комитет РКП(б) подчеркнул, что судьба революции решается на Волге и Урале, и предписал отдавать лучшие, наиболее стойкие части для отражения

---

[1] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 2, д. 321, л. 77.
[2] Из истории гражданской войны в СССР, т. 1, стр. 345.

опасности на Востоке. Постановление требовало усилить партийный контроль за деятельностью военных специалистов старой армии, повысить ответственность комиссаров за выполнение этой директивы. В качестве первоочередной меры по укреплению советских войск ЦК РКП(б) решил провести новую мобилизацию коммунистов на Восточный фронт. Местным партийным органам предписывалось в кратчайший срок откомандировать всех коммунистов, имеющих военный опыт, в распоряжение военного ведомства для отправки на фронт.

В постановлении подчеркивалась необходимость всемерного усиления партийного влияния на советских воинов: «Во всех без исключения войсковых частях на фронте и в тылу должны быть созданы твердые партийные ячейки с включением в них известного числа старых испытанных работников партии»[1]. Партийным организациям нужно было довести до глубокого сознания трудящихся необходимость быстрейшего освобождения Волги, Урала, Сибири от сил контрреволюции, мобилизовать советских воинов на героическую борьбу с интервентами и белогвардейцами.

В июльском постановлении ярко воплощен главный принцип советского военного строительства — руководство партией вооруженными силами. Этот документ является образцом партийного подхода к решению сложных вопросов обороны страны в условиях гражданской войны. Постановление ЦК РКП(б) в виде закрытого письма было разослано всем партийным организациям и положено в основу их работы. Выполнение его сыграло крупную роль в укреплении Восточного фронта и в целом Красной Армии. В стране развернулась мобилизация коммунистов на Восточный фронт. Партийные организации Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска и других промышленных центров направили в Поволжье и на Урал тысячи лучших, преданных партии и Советской власти коммунистов. В кратчайший срок только через политическое отделение оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам прошло более 3000 мобилизованных членов партии[2]. Они выехали в основном на Восточный фронт. Многие из

[1] Из истории гражданской войны в СССР, т. 1, стр. 345.

[2] Ю. П. Петров. Партийное строительство в Советской Армии и на флоте (1918—1961 гг.). М., 1964, стр. 21.

них пополнили ряды уральских формирований Красной Армии. Некоторых убывавших на фронт ответственных партийных работников лично инструктировали В. И. Ленин и Я. М. Свердлов.

Требования ЦК РКП(б) лежали в основе деятельности партийных организаций Урала. 30 июля в Перми, куда эвакуировались в связи с падением Екатеринбурга все областные организации, состоялось общее собрание активных работников — коммунистов Уральской области. В ходе глубокого и всестороннего обсуждения собрание определило конкретные задачи Уральской партийной организации по улучшению положения на фронте, укреплению Красной Армии. В условиях продолжающегося наступления врага собрание сочло необходимым перейти от добровольческой к обязательной мобилизации всех членов партии. Непосредственно на фронте главной задачей областной парторганизации считалось «политическое руководство борьбой через ответственных партийных, политических комиссаров и внесение революционной сознательности и дисциплины в ряды нашей армии через партийных агитаторов и широкое распространение партийной литературы». В тылу партийные комитеты должны были организовать создание крепких частей Красной Армии, проведение мобилизаций на заводах и в деревнях, а где это требовалось — «немедленной организации комитетов деревенской бедноты». Нельзя было ослаблять работу и в Советах, и в военных комиссариатах. «Партия,— подчеркивалось в решении собрания,— должна широко организовать нелегальную работу в местах, где свергнута Советская власть, связав ее организационно с общепартийной работой» [1].

Первостепенной задачей уральских партийных организаций становится сосредоточение максимума сил для борьбы с интервентами и белогвардейцами. В этот напряженный период 20 тысяч коммунистов были мобилизованы на борьбу с интервентами и белогвардейцами [2]. Массовые мобилизации коммунистов продолжались и осенью 1918 года. Из мобилизованных членов партии создавались или ими пополнялись коммунистические подразделения и части. Так, в начале осени обком поддержал инициативу красноармейцев батальона имени И. М. Малышева и решил раз-

[1] Уральцы бьются здорово, стр. 46.

[2] Ю. П. Петров. Партийные мобилизации в Красную Армию (1918—1920 гг.). М., 1956, стр. 16.

вернуть его в полк. Во все партийные организации было послано письмо, в котором предлагалось направлять в состав нового полка лучших коммунистов. «Батальон Уральского областного комитета,— указывалось в письме,— имеет за собой славные боевые заслуги, является образцом дисциплины и преданности пролетарской революции, и вступление в его ряды должно считаться честью для всех коммунистов» [1]. В ответ на призыв обкома сотни членов партии влились в эту боевую часть, что позволило выполнить поставленную задачу — батальон был развернут в полк. Он героически сражался с интервентами и белогвардейцами на протяжении всей гражданской войны и был награжден Почетным революционным Красным знаменем ВЦИК [2].

Большие группы членов партии направлял Уральский обком РКП(б) и в другие части. Осенью 1918 года партийные организации Перми, Кушвы, Алапаевска, Сосьвы и многих других районов Урала отдали лучших коммунистов делу защиты социалистической революции. Помимо массовых, уральские партийные организации проводили и персональные мобилизации коммунистов. Вот один из характерных примеров. В составе советских войск на Урале действовал большой отряд П. Жебенева, отличавшегося анархистскими взглядами. Командование обратилось в Уралобком РКП(б) с просьбой направить в отряд группу стойких коммунистов, для того чтобы усилить влияние большевистской партии на личный состав. 19 августа обком послал в отряд шесть членов партии: Е. Пылаева, Н. Яковлева, П. Сукольникова, Я. Янковского, Кошкина, Гайдукова. Они развернули активную деятельность. Своей верой в победу над интервентами и белогвардейцами, героизмом, самоотверженностью, умелой разъяснительной работой коммунисты оказали огромное влияние на менее сознательных красноармейцев, увлекли их за собой. Авторитет большевиков в отряде стал безраздельным. Вскоре отряд был развернут в бригаду, которая стойко сражалась с врагом. На заседании Уральского областного комитета партии в конце сентября 1918 года отмечалось высокое политико-моральное состояние бойцов и командиров этой бригады [3].

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 503, л. 354.

[2] Боевые подвиги частей Красной Армии (1918—1922). Сборник документов. М., 1957, стр. 157.

[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 233, л. 36.

За короткий срок Уральский областной комитет партии в персональном порядке отправил на фронт сотни коммунистов. Обком постоянно интересовался, своевременно ли прибыли коммунисты в армию, какой участок работы им поручен, как относятся к выполнению своего служебного долга.

Так, 13 и 19 августа 1918 года обком партии направил в армию две группы партийных и военных работников, а спустя несколько дней, 27 августа, запросил командование об их деятельностн [1].

В отчете Уралобкома РКП(б), посланном осенью 1918 года в Центральный Комитет, говорнлось: «Основная работа комитета прн сложившихся условиях в огромной своей части была направлена на обслужнвание войны... Благодаря присылке из центров большого количества работннков и эвакуации работников из оккупированных местностей, ОК пришлось распределить на работу свыше 500 коммунистов, из которых большннство отправлено на фронтовую работу и для агитацни в деревне» [2].

Приток коммуннстов в войска обеспечивал усиление партийного влияния, повышал боеспособность частей. Но основную массу личного состава для создававшихся частей Красной Армии и пополнения для нмевшихся формирований должны были дать представители трудящихся, в основном крестьянства, поступавшие по очередным призывам н мобилизациям.

Уральские партийные, советские и военные органы, убедившись в недостаточно высоких результатах первых призывов, запросили разрешение центральных органов на проведение призывов пяти возрастов (1893—1897 гг.) во всех уездах Пермской, а затем и Вятской губерний, и развернули энергичную подготовку к призыву. Особенно большое вниманне уделялось принятию на учет всех годных к военной службе, оборудованию сборных пунктов, составлению мобилизационных планов, подбору составов прнемных комиссий.

29 июля 1918 года был подписан декрет Совнаркома о призыве на военную службу рабочих 1896—1897 годов рождения во всех уездах Пермской н Вятской губерний, а 6 августа в ответ на настоятельные просьбы уральских

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 1, д. 3, лл. 8, 51, 52, 151.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 503, л. 305—306.

военных органов была получена телеграмма за подписью В. И. Ленина и руководства Наркомвоена о том, что «могут быть призваны крестьяне, не эксплуатирующие чужой труд» [1].

Большую помощь в подготовке и проведении призыва оказал военным органам Уральский обком РКП(б) и все местные партийные организации. Ряд членов областного комитета партии выехали на фабрики и заводы для проведения агитационной работы на местах. Как образно писал в своих воспоминаниях С. Боголепов, активный участник событий тех дней, в этот ответственный период лучшие агитаторы разъехались по заводам, чтобы «потушить вагранки и горны, остановить гиганты-машины и бросить на наглого врага массу Урала» [2]. Уралобком выделил большую группу коммунистов специально для организации призыва. Они прошли при окружном военкомате восьмидневные курсы, на которых прослушали лекции по текущему моменту, изучили технику проведения мобилизации, а затем разъехались по волостям. Партийные организации на местах принимали самое активное и непосредственное участие в проведении призыва: коммунисты помогали готовить сборные пункты, дежурили на них, входили в состав приемных комиссий, а главное — первыми являлись по призыву, показывая пример остальным,

Проведение призывов и мобилизаций возлагалось на военные комиссариаты. Работали они напряженно. Скажем, Кунгурский уездный военкомат в течение июля-сентября 1918 года провел призывы трудящихся многих возрастов, бывших унтер-офицеров, кавалеристов и т. д.— всего 9 различных призывов и мобилизаций. Через приемную комиссию прошли 6679 человек, из которых 3621 были приняты и отправлены в губвоенкомат [3], остальные отсеяны — в основном, по болезни.

Подобная работа проводилась и другими военкоматами Урала.

Благодаря упорной и настойчивой деятельности военных комиссариатов, поддержке и помощи со стороны партийных и советских органов, общественных организаций, призывы и мобилизации проходили в основном успешно.

---

[1] Уральцы бьются здорово, стр. 48.

[2] «Толмачевец». Журнал Военно-политического института имени Н. Г. Толмачева, 1923, № 7, стр. 10—11.

[3] ЦГАСА, ф. 25 933, оп. 1, д. 12, л. 32 об., 34.

На 3-м съезде Советов Осинского уезда Пермской губернии, проходившем 16—22 октября 1918 года, отмечалось, например, что «мобилизации в большинстве случаев проходят спокойно. Многие рабочие и крестьяне добровольно вступили в ряды армии: они знают, что идут защищать свои собственные кровные интересы»[1].

В Пермской и Вятской губерниях, по данным Уральского окружного военкомата, с июля по декабрь 1918 года было призвано в Красную Армию 80 999 человек[2], по данным губернских военкоматов — значительно больше. Три четверти всех мобилизованных пошло на формирование дивизий Уральского военного округа, а также караульных частей. Однако немалое количество мобилизованных было еще отрицательно настроено к Советской власти, не хотело служить в Красной Армии и дезертировало из нее или, что еще хуже, переходило на сторону врага. Части, сражавшиеся на фронте, постоянно испытывали нужду в пополнениях.

Отрицательное отношение к призывам на Урале подогревали местные левые эсеры, выступившие, как и повсюду, против перехода к всеобщей воинской повинности. После подавления левоэсеровского мятежа в Москве Уральский обком РКП(б) принял 8 июля постановление, осудившее контрреволюционную деятельность левых эсеров. В этом же постановлении указывалось, что в связи с мобилизацией в Красную Армию придет большое количество крестьян, находившихся под влиянием левых эсеров, а поэтому необходимо «усились партийную работу во всех направлениях»[3] — особенно среди красноармейцев. Речь шла, следовательно, о ликвидации мелкобуржуазного влияния и полном подчинении строящейся массовой регулярной армии в политическом отношении влиянию Коммунистической партии. Осенью 1918 года Уралобком РКП(б) писал в отчете Центральному Комитету партии: «Увеличение военных сил на фронте, переход на положение солдат десятков тысяч уральских рабочих, необходимость поднять дух и сознательность частей, а также необходимость иметь

---

[1] ГАПО, ф. 356, р. оп. 1, д. 63, л. 36.

[2] Отчет о деятельностн Уральского окружного комиссарната по военным делам за 2 года Октябрьской революцнн. Екатеринбург, 1919, стр. 47.

[3] ПАСО, ф. 4, оп. 1, д. 3, л. 42 об.

в своих руках в политическом отношении мобилизованные крестьянские массы... заставили ОК обратить усиленное внимание на агитационную и организационную работу в войсках»[1].

В начале сентября 1918 года Уральский областной комитет партии по согласованию с военным советом Третьей армии взял в свои руки руководство всей политической работой на фронте. Из членов обкома партии было создано бюро в составе пяти человек, на которое непосредственно возлагалась организация политической работы в армии. Бюро возглавлял Ф. И. Голощекин, назначенный главным политическим комиссаром армии, который одновременно являлся членом Уральского областного Совета и окружным военным комиссаром. Выдвижение Ф. И. Голощекина на пост главного политического комиссара способствовало объединению усилий всех партийных, советских и военных организаций, проводящих партийно-политическую работу в войсках и в прифронтовой полосе.

В основу деятельности Уральского областного комитета партии на фронте была положена живая организаторская работа с людьми. Члены военного бюро обкома часто объезжали войска, руководили созданием политических отделов и партийных ячеек, проводили митинги и собрания, выступали перед личным составом.

При посещении 4-й Уральской дивизии член обкома Н. Г. Толмачев изучил работу политотдела и помог целеустремленно организовать его деятельность среди красноармейцев. Он проинструктировал работников политического отдела, секретарей партийных организаций полков, рассказал им о том, какие главные задачи решает Красная Армия на Урале, помог правильно расставить коммунистов. На Алапаевском участке фронта Н. Г. Толмачев часто выступал на митингах, помогал создавать партийные ячейки. О боевом опыте алапаевцев он рассказал на страницах газеты «Уральский рабочий». Большую заботу проявлял Н. Г. Толмачев о политическом просвещении бойцов, о своевременном и бесперебойном обеспечении их литературой, газетами.

Обстоятельно изучив положение дел и на других участках фронта, Н. Г. Толмачев предложил Военному совету

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 503, л. 305.

создать при политическом отделе Третьей армии информационное отделение и возложить на него организацию оперативной информации войск о всех важнейших событиях в Советской республике и за рубежом, о боевых действиях Красной Армии [1]. Это предложение было принято. В осенних политсводках часто сообщалось о работе в войсках члена Уральского обкома партии Ф. И. Голощекина. Он инструктировал работников политорганов, руководителей армейских партийных ячеек, часто выступал перед красноармейцами и прифронтовым населением. В политсводке от 27 сентября 1918 года сообщалось, например, что выступление Ф. И. Голощекина на митинге красноармейцев и прифронтового населения в районе Нижнего Тагила в присутствии свыше 1000 человек прошло с большим успехом [2].

В конце сентября Ф. И. Голощекин отчитывался на заседании Уральского областного комитета партии. Он подробно доложил членам обкома о формировании пополнений для армии в Перми, о политико-моральном состоянии бойцов, о недостатках в укомплектовании политработниками 2-го Пермского пехотного полка, о боевых действиях и партийно-политической работе на Тагильском направлении. В принятом решении Уралобком наметил конкретные меры по устранению недостатков, указанных в докладе. В частности, было признано целесообразным иметь резерв военных комиссаров из наиболее опытных и стойких коммунистов.

Во 2-й Пермский пехотный полк Уралобком направил 9 комиссаров рот и группу членов партии [3].

На заседании областного комитета РКП(б) в конце августа 1918 года было проанализировано положение советских войск на Красноуфимском и Кунгурском направлениях. Члены обкома, работавшие в частях, доложили о недостатках в организации войск, о политико-моральном состоянии личного состава, о проделанной ими работе. В 4-й Уральской дивизии члены обкома добились реорганизации штаба, назначения военного руководителя и двух политических комиссаров.

---

[1] Партийный архив Ленинградского ОК КПСС, ф. 4000, оп. 7, связка 1175, д. 2094, л. 86.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 722, л. 139.
[3] Там же, д. 233, лл. 35, 36.

Для более четкой организации работы в ближайшем тылу в Красноуфимске при активном участии членов обкома был создан военно-революционный комитет[1].

Ряд конкретных мероприятий провели члены обкома партии и на кунгурском участке фронта, где сражался коммунистический батальон, сформированный Уралобкомом в июле 1918 года. Члены обкома оказали конкретную помощь в организации политической работы среди бойцов и командиров 3-й Уральской дивизии. Областной комитет партии обратился к командованию Красной Армии с просьбой «отметить все героические полки»[2]. От них зависели содержание, находчивость и высокая действенность всей партийно-политической работы в войсках. На этот ответственный пост подбирали наиболее подготовленных коммунистов. Контроль за назначением агитаторов осуществлялся непосредственно обкомом партии. Однако квалифицированных агитаторов было мало.

Чтобы ликвидировать острый недостаток в кадрах политработников, в августе 1918 года в Перми Уральский окружной военный комиссариат открыл военно-агитационные курсы. Во главе их стоял А. А. Жданов. Уральский областной комитет партии систематически интересовался работой курсов. 5 ноября 1918 года организация учебного процесса и вопросы хозяйственного обеспечения курсов обсуждались на заседании комитета. Всесторонне проанализировав работу военно-агитационных курсов, Уралобком создал постоянную комиссию в составе трех человек для наблюдения за подготовкой кадров политработников и оказания конкретной помощи командованию курсов. В комиссию вошли Ф. И. Голощекин, Н. Г. Толмачев, З. И. Лобков. Комиссия проявляла постоянную заботу о политическом воспитании курсантов, помогла укрепить учебно-материальную базу курсов, привлекла для чтения лекций лучших преподавателей. По наиболее сложным темам перед курсантами выступали члены обкома партии. Особенно тепло воспринимали слушатели лекции талантливого пропагандиста идей большевистской партии Н. Г. Толмачева. Сообщая в Центральный Комитет партии о подготовке кадров политработников на Урале, областной комитет

[1] См. ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 233, л. 31.
[2] Там же, л. 32.

РКП(б) указывал в своем докладе: «Обращено усиленное внимание на выработку нового кадра агитаторов. ОК принял участие в проведении шестинедельных военно-агитаторских курсов в Перми и теперь руководит новыми курсами более широкого состава, где обучается свыше 200 человек»[1]. Летом и осенью 1918 года на курсах было подготовлено свыше 300 агитаторов. Выпускников направляли на фронт в качестве политработников или на должности агитаторов и организаторов в военные комиссариаты.

Итоги партийной работы на фронте обсуждались, как правило, на заседаниях обкома партии. Только в августе и сентябре 1918 года, когда развернулась активная работа по выполнению июльского постановления ЦК РКП(б), такие обсуждения были организованы четырежды.

Таким образом, основным содержанием военно-организаторской работы Уральского областного комитета партии летом и осенью 1918 года являлось: проведение массовых мобилизаций коммунистов на фронт, оказание активной помощи в создании добровольческих отрядов и регулярных частей Красной Армии; участие в решении стратегических вопросов обороны Урала; организация партийно-политической работы среди красноармейцев и населения прифронтовой полосы, помощь в комплектовании командных и особенно политических кадров.

Постоянная забота Уралобкома РКП(б) об укреплении Красной Армии, как неоднократно отмечалось в политсводках того времени, положительно сказывалась на политико-моральном состоянии войск, на повышении боеспособности частей и подразделений.

Крупным военно-политическим мероприятием на Урале явилось создание политических отделов дивизий и бригад. Как показал последующий опыт гражданской войны, это была наиболее целесообразная форма руководства политической работой в войсках. Оценивая роль политотделов в достижении победы над врагом, видный советский полководец М. В. Фрунзе писал: «Организатором наших побед является Российская Коммунистическая партия. Эта задача была возможна благодаря созданию сети политорганов,

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 503, л. 308.

охвативших армию сверху донизу и спаявших ее в одно целое, связанное единством настроений и чувств»[1].

Осенью 1918 года были приняты меры к укреплению политотдела Третьей армии. После эвакуации в Пермь в политотделе осталось всего пять человек. Фактически политотдел армии пришлось создавать заново. Аппарат отдела был укреплен лучшими кадрами, имеющими значительные навыки политической работы в массах. Уральский областной комитет партии направил сюда таких опытных коммунистов, как А. Леппа, П. Быков, С. Боголепов. Введение в штаты политотдела литературно-агитационного, информационного, культурно-просветительного и других отделений способствовало более конкретному и дифференцированному руководству политической работой в войсках.

Первоочередной задачей политического отдела было создание партийно-политического аппарата в частях. В конце августа — начале сентября организуются политотделы дивизий и отдельных частей. Первым официальным документом, определяющим функции, права и штаты политических отделов, явился приказ Военного совета Третьей армии от 17 августа 1918 года. Анализ этого документа позволяет сделать вывод, что политотделы дивизий складывались как аппарат представителей армейского политотдела на местах. В приказе говорилось: «В целях контроля над доставкой литературы из политического отдела во все отряды армии, в целях успешного распределения агитаторских и политических сил, а также для контроля над политической работой на местах политический отдел выделяет участковых политических представителей, разбивая армию на четыре участка согласно подразделениям штаба. Каждый участок является районом дивизии. Каждый политический представитель обслуживает одну дивизию. Политический представитель участка заводит у себя политическое отделение, обнимающее работу каждого участка и определяемое соответствующими штатами»[2]. Характерно, что в этом документе вновь встречается термин «политические представители». Как посланцы политотдела Северо-Урало-Сибирского фронта были пионерами политической работы на железных дорогах, так и представители политотдела Третьей армии явились организаторами первых политорганов соединений.

[1] М. В. Фрунзе. Избранные произведения. М., 1957, стр. 121.
[2] ЦГАСА, ф. 176, оп. 5, д. 334, л. 81.

В своей практической работе политотделы дивизий подчинялись военному комиссару и под его руководством проводили те или иные мероприятия. По мере развития партийно-политической работы в войсках организация политотделов совершенствовалась. В них появились отделения по направлениям работы, или, как их иногда называли, — подотделы. Например, политотдел Средней дивизии[1] имел три подотдела: организационно-агитационный и издательский, информационный, экспедиционный. На посты заведующих политотделами выдвигали наиболее достойных коммунистов. Так, заведующим политотделом 1-й Уральской дивизии был назначен член партии с 1906 года Валентин Михайлович Мулин — стойкий большевик, замечательный организатор партийно-политической работы. К началу октября формирование политотделов дивизий завершилось.

Наряду с этим шло создание политорганов в бригадах и отдельных частях.

Организаторами партийного строительства во Второй армии были профессиональные революционеры Сергей Иванович Гусев и Павел Карлович Штернберг. На Восточный фронт они были направлены летом 1918 года в порядке персональной партийной мобилизации. Оба имели богатый опыт политической работы в массах.

С. И. Гусев — один из старейших членов большевистской партии, участник Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», делегат II съезда РСДРП, где он твердо отстаивал ленинские принципы партийного строительства. В 1917 году С. И. Гусев являлся секретарем Петроградского военно-революционного комитета, вел активную работу по созданию и укреплению Красной гвардии. В начале гражданской войны его направили на военно-партийную работу. С. И. Гусев сочетал в себе талант крупного партийного работника, знание военного дела, умение ориентироваться и принимать правильные решения в самой сложной обстановке. Всегда доступный и простой в обращении с людьми, С. И. Гусев пользовался среди красноармейцев непререкаемым авторитетом.

Член Реввоенсовета Второй армии П. К. Штернберг — ученый-астроном, член большевистской партии с 1905 года,

[1] Средняя дивизия Третьей армии сложилась в конце июля 1918 г. из отрядов, оборонявших Екатеринбург. 25 августа 1918 г. дивизия была переименована во 2-ю Уральскую.

организатор боевых дружин в 1917 году в Москве. Бывший помощник инспектора артиллерии армии А. А. Борецкий так характеризовал его в своих воспоминаниях: «Наибольшей популярностью пользовался прибывший из Москвы профессор-астроном П. К. Штернберг — высокий старик с вьющимися белыми волосами. Носил он кожаную куртку с командирским значком на груди. Военное обмундирование сидело на нем нескладно, но нас, молодежь, он покорял своей эрудицией и обаянием. С ним охотно делились своими мыслями и переживаниями как командиры, так и рядовые красноармейцы» [1].

Партийно-политический аппарат Второй армии создавался одновременно с реорганизацией добровольческих отрядов в регулярные части. Работа эта проводилась в сложной социально-политической и военной обстановке. В ближайшем тылу советских войск разгоралась острая классовая борьба. Политотдел Восточного фронта сообщал в сводке от 24 июля 1918 года: «В районе Черкасовской волости, в деревне Черкасово появились белогвардейские агитаторы. Крестьяне деревни Витура организуются для защиты Советской власти. Настроение в Мензелинском уезде хуже благодаря скоплению мешочников, от которых отбирается хлеб на условиях декрета. Принимаются меры по обезвреживанию черносотенного элемента» [2]. Наиболее активно создание партийно-политического аппарата проводилось со второй половины сентября 1918 года. Начальником политотдела армии был выдвинут активный участник революционных боев 1905 года А. П. Кучкин. При армейском политотделе издавалась газета «Известия Второй армии», игравшая важную роль в политическом воспитании красноармейцев. Так, в частях Красной Армии на Урале были созданы политические отделы — принципиально новые органы, призванные осуществлять руководство всей партийно-политической работой в войсках.

Наряду с политотделами решающую роль в организации политического воспитания бойцов сохраняли военные комиссары и агитаторы. Сложной и ответственной была их работа. Постоянно находясь среди красноармейцев, политработники воспитывали их в духе идейности, верности революционному долгу, прививали им чувство личной

---

[1] В боях и походах, стр. 292.

[2] ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, д. 15, л. 18.

ответственности за защиту рабоче-крестьянского государства. Умным свежим словом, личным примером в бою политработники вдохновляли бойцов и командиров на самоотверженную борьбу с врагом. К декабрю 1918 года в Третьей армии был 71 постоянный партийный агитатор[1].

Умелым воспитателем воинов и отважным бойцом показал себя комиссар 3-го Екатеринбургского полка А. И. Иванов. В прошлом кадровый рабочий, он получил хорошую трудовую и революционную закалку на заводах Нижнего Тагила и Невьянска. Комиссар хорошо знал настроения и запросы красноармейских масс и пользовался среди бойцов заслуженным авторитетом. При обороне населенного пункта Салда в ноябре 1918 года он личным примером воодушевлял красноармейцев и был тяжело ранен. Полк отбил несколько атак крупных белогвардейских сил.

Большую политическую работу среди личного состава проводил комиссар одной из частей Третьей армии И. Н. Деменев — большевик с дооктябрьским партийным стажем, бывший матрос Балтийского флота, активный участник боев за установление Советской власти. Красноармейцы с нескрываемым уважением относились к комиссару. Позднее И. Н. Деменев был назначен командиром бронепоезда. Хорошими политработниками показали себя военный комиссар 1-го Крестьянского коммунистического полка «Красных орлов» А. А. Юдин, комиссар 1-го Камышловского полка Н. А. Удников, военком Рабоче-Крестьянского полка И. Феофанов, комиссар 4-го Уральского полка А. В. Прокопьев и многие другие.

Права и обязанности военкомов определялись Постановлением V Всероссийского съезда Советов, а также Положением, принятым Всероссийским съездом военных комиссаров, и рядом специальных приказов Наркомвоена. В Положении, как известно, деятельность комиссаров ограничивалась контрольными функциями. Наряду с этим документом, на Урале были распространены инструкции для военных комиссаров, подготовленные Реввоенсоветами Восточного фронта и армий. Одной из первых на Урале была издана инструкция политическим комиссарам Второй армии. Подготовленная членом РВС армии С. И. Гусевым

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 713, л. 12.

инструкция в начале сентября 1918 года была направлена в войска. В ней предъявлялись высокие требования к личным качествам военкомов. «Полковой политический комиссар — самое почетное и высокое звание в полку. Он должен для всех красноармейцев быть образцом революционной и боевой доблести, дисциплинированности, верности воинскому долгу, первый в наступлении, последний в отступлении — словом, духовным вождем полка, политическим и военным, живым знаменем пролетарской революции» [1], — говорилось в инструкции. Инструкция возлагала на комиссара ответственность за действия командного состава, за благонадежность военных специалистов старой армии. Вместе с тем она требовала от комиссара большой работы по политическому воспитанию красноармейцев, мобилизации их на разгром врага, укреплению сознательной дисциплины, формированию высоких морально-политических и боевых качеств. Для успешного решения этих задач комиссар должен работать в теснейшем контакте с коллективом коммунистов полка. Комиссар, как представитель политотдела, призывался руководить работой партийной организации части.

Серьезным достижением политической работы в войсках на Урале было создание во второй половине 1918 года разветвленной сети красноармейских партийных ячеек, ротных и полковых партийных комитетов, а также дивизионных партийных бюро.

В сентябре 1918 года политический отдел 1-й Уральской дивизии направил агитатора З. И. Лобкова в 1-й Крестьянский коммунистический полк «Красных орлов» для налаживания партийной работы. Прибыв в часть, он ознакомился с положением дел, организовал регистрацию коммунистов в подразделениях. В короткий перерыв между боями представитель политотдела организовал проведение первой полковой партийной конференции. На ней избрали полковой комитет РКП(б) и наметили ближайшие задачи партийной работы в подразделениях [2]. Подобных примеров было немало. К концу ноября 1918 года партийные организации имелись в большинстве частей и подразделений. Всего на 1 декабря 1918 года в Третьей армии насчитыва-

---

[1] Партийно-политическая работа в Красной Армии (апрель 1918 — февраль 1919). Документы. М., Воениздат, 1961, стр. 186.
[2] «Уральский рабочий», № 184, 18 сентября 1918 г.

лось 8090 членов партии и 2671 сочувствующих[1]. Численность боевых подразделений армии не превышала 35 тысяч штыков и сабель[2]. Следовательно, партийная прослойка составляла около 20 процентов личного состава. Партийные организации сыграли огромную роль в укреплении боеспособности и политическом воспитании красноармейцев.

Однако в строительстве партийных организаций Третьей армии имели место трудности и недостатки. Некоторые руководители не сознавали необходимости создания партийных организаций, другие — наоборот, в погоне за быстрейшим ростом партийных ячеек ослабляли требования к вступающим в РКП(б). Партийное строительство велось в ходе непрерывных боевых действий, в условиях неизбежных потерь среди коммунистов. Этим объясняется неравномерность распределения коммунистов по соединениям и частям. В 30-й стрелковой дивизии на 1 декабря 1918 года насчитывалось 123 партийных ячейки, в которых состояли на учете 3826 членов партии и 2158 сочувствующих, а в 29-й стрелковой дивизии партийных ячеек было почти в два раза меньше — 69. Число коммунистов в них составляло 2414, сочувствующих — 173. В 5-й Уральской дивизии к этому же времени насчитывалось 20 партийных ячеек, в которых состояло 983 члена партии и 71 сочувствующий[3].

Более скромными были результаты партийного строительства во Второй армии. В ноябре 1918 года здесь проводилась конференция коммунистов 28-й стрелковой дивизии, а в начале декабря — армейская. В работе армейской конференции участвовали 35 делегатов от 13 партийных организаций, которые представляли 1368 членов партии, и 7 делегатов от 6 групп сочувствующих, насчитывавших 412 человек. Всего же в армии к тому времени насчитывалось 15 тысяч штыков и сабель. Следовательно, партийная прослойка составляла 9 процентов.

---

[1] Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959, стр. 179. Первые группы сочувствующих были созданы по предложению В. И. Ленина в августе 1918 года. В эти организации принимали передовых рабочих, крестьян, красноармейцев, которые под руководством членов партии готовились к вступлению в РКП(б).

[2] Л. М. Спирин. Разгром армии Колчака. М., Госполитиздат, 1957, стр. 59.

[3] Сборник научных студенческих работ Уральского государственного университета имени А. М. Горького. Кафедра истории СССР. Выпуск первый, Свердловск, 1959, стр. 48.

До конца октября партийные организации руководствовались положениями и инструкциями, выработанными Уральским областным комитетом РКП(б) совместно с армейскими политработниками в августе 1918 года. Нередкими были и такие случаи, когда круг обязанностей партийных организаций определялся самими коммунистами и охватывал все стороны жизни и боевой деятельности войск. Отсутствие единства в построении партийных организаций, разнобой в понимании ими своих функций мешали сплочению коммунистов, выполнению стоящих перед ними задач.

Центральный Комитет партии, проанализировав первые итоги военно-партийной работы, 25 октября 1918 года принял специальное постановление, в котором определил форму объединения армейских коммунистов и основное содержание их деятельности. Постановление освобождало партийные воинские ячейки от несвойственных им контрольных функций и сосредоточивало внимание армейских коммунистов на широкой агитационно-пропагандистской работе среди личного состава. Члены партии призваны были личным примером крепить дисциплину и организованность в Красной Армии, поднимать красноармейские массы на борьбу с интервентами и белогвардейцами. Постановление Центрального Комитета РКП(б) было положено в основу работы партийных организаций уральских частей Красной Армии.

Важным этапом в деятельности военных коммунистов Урала явились дивизионные партийные конференции, состоявшиеся в октябре-ноябре 1918 года. Было проведено 5 конференций (в Кушве, Осе, Кунгуре и две в Перми). На партийной конференции Сводной Уральской дивизии, состоявшейся в Кушве 20—23 октября, был представлен 1961 коммунист. В повестке дня конференции стояли важнейшие вопросы военного и партийного строительства. Конференция потребовала от коммунистов еще более настойчивой работы по созданию и укреплению партийных ячеек в частях и подразделениях. В решениях конференции особо подчеркивалась необходимость повышения воинской и партийной дисциплины, усиления политической и культурно-просветительной работы среди красноармейцев и в прифронтовой полосе [1].

---

[1] ЦГАСА, ф. 1334, оп. 1, д. 23, лл. 94—96.

Партийная конференция 4-й Уральской дивизии, проходившая 1—2 ноября 1918 года, представляла более 3000 коммунистов и сочувствующих. Отметив бурный рост коммунистических ячеек, конференция в качестве первоочередной задачи указала на необходимость завершения партийного строительства и создания организаций РКП(б) в каждой роте, сотне и команде. Конференция призвала партийные организации усилить политическое воспитание молодых коммунистов, всемерно развивать партийно-политическую работу среди красноармейцев, активно влиять на все стороны жизни и боевой деятельности войск [1].

Итак, после июльского постановления Центрального Комитета партии в частях Красной Армии на Урале было много сделано для создания партийно-политического аппарата. Во Второй и Третьей армиях организуются политические отделы, за счет лучших коммунистов был укомплектован состав военных комиссаров и агитаторов, в большинстве частей и подразделений возникли крепкие влиятельные партийные организации. Все это позволило уже осенью 1918 года развернуть активную и содержательную политическую работу среди советских воинов.

Активно применяя все формы идеологического воздействия на воинов, партийные организации, политработники, командиры-коммунисты повели успешную борьбу за укрепление дисциплины и организованности в частях, за окончательное искоренение остатков партизанщины. Состояние воинской дисциплины регулярно обсуждалось на партийных собраниях и конференциях, на митингах личного состава, широко освещалось на страницах красноармейской печати. Непосредственно в подразделениях коммунисты систематически проводили на эту тему доклады, беседы, коллективные чтения.

Деятельность партийных организаций находила живой отклик у бойцов, способствовала росту их политической сознательности. Об этом свидетельствовали факты составления своеобразных дисциплинарных кодексов. Такова «Инструкция о дисциплине, выработанная пулеметчиками 1-й роты 3-го Екатеринбургского полка» [2], в которой красноармейцы взяли обязательства: 1) беспрекословно

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 755, л. 5—17.

[2] «Известия Пермского губериского исполнительиого комитета Совета рабочих, крестьяиских и армейских депутатов», № 230, 17 иоября 1918 г.

выполнять все приказы и распоряжения командного состава; 2) дорожить войсковым товариществом, строго соблюдать принцип: все за одного и один за всех; 3) беречь оружие, военное имущество и народное состояние; 4) храбро вести себя в бою, не допускать паники; 5) удерживать товарищей от недостойных поступков; 6) с помощью командиров старательно изучать военное дело; 7) достойно вести себя в прифронтовой полосе, быть вежливыми с местными жителями.

Осенью 1918 года на фронте стали создаваться товарищеские суды. Красноармейцы сами строго взыскивали с тех, кто проявлял малодушие и трусость, отказывался выполнять приказы командиров, нарушал воинскую дисциплину. Товарищеские суды работали под руководством партийных ячеек. В их состав красноармейцы избирали лучших воинов.

Политическая работа оказывала положительное влияние на состояние воинской дисциплины. Крепли боеспособность и организованность частей Красной Армии на Урале и в других районах страны. В речи на рабочей конференции Пресненского района города Москвы Владимир Ильич Ленин говорил: «Армия есть. В ней новая дисциплина. Дисциплину поддерживают ячейки, рабочие и комиссары, которые сотнями тысяч шли на фронт и разъясняли рабочим и крестьянам, отчего идет война» [1].

В политическом воспитании бойцов-уральцев важную роль играла красноармейская печать. При политотделах Второй и Третьей армий массовым тиражом издавались газеты «Известия Второй армии» и «Красный набат». Свои печатные органы имелись и при политотделах дивизий: в 5-й Уральской стрелковой дивизии — «Голос бедноты», в 28-й дивизии — «Борьба» («Красное знамя»), в 29-й — «Окопная правда», в 30-й — «Красноармеец». К декабрю 1918 года ежедневный тираж газет составлял от 3000 до 25 000 экземпляров и более. Популярностью у красноармейцев пользовались центральные газеты: «Правда», «Известия», «Беднота», а также орган областного комитета партии — «Уральский рабочий». Только за август, сентябрь, первую половину октября в частях Третьей армии было распространено более 1 206 285 экземпляров местных и 900 811 экземпляров центральных

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 382.

газет [1]. В руках военных коммунистов печать служила мощным орудием политического просвещения и воспитания красноармейцев. Она формировала классовое сознание бойцов и командиров, помогала им глубже уяснить политику Коммунистической партии и Советского правительства, поднимала на самоотверженную борьбу с интервентами и белогвардейцами.

Массовый характер приобрело движение за ликвидацию неграмотности. Красноармейцы жадно тянулись к знаниям. Для обучения неграмотных политотдел Третьей армии издал и распространил 150 000 книжек-рассказов, скомплектовал много специальных библиотечек из книг, полученных от Уральского агитационного бюро [2]. По своей инициативе красноармейцы собирали средства для приобретения учебников.

Красноармейцы с удовольствием смотрели выступления коллективов художественной самодеятельности, театральных и концертных групп. При политотделе Третьей армии была создана постоянная драматическая труппа, которая обслуживала и воинские части, и прифронтовое население. В дни празднования первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции на фронте гастролировал знаменитый балалаечный оркестр под управлением В. В. Андреева, выступали московские и петроградские артисты. Представления мастеров сцены проходили с неизменным успехом. Так на Урале зародилась дружба воинов и актеров. Позже она приобрела характер шефских связей. Культурно-просветительные учреждения сыграли крупную роль в политическом воспитании красноармейцев, способствовали быстрейшему разгрому врага.

Укрепляя моральный дух советских воинов, воспитывая в них необходимые политические качества, армейские коммунисты проводили в то же время важную работу по революционизированию войск противника. Политотдел Третьей армии издал в 1918 году для солдат белой армии более полутора миллионов воззваний и плакатов, выпускал специальный бюллетень. Агитационную литературу перебрасывали через линию фронта при помощи самолетов, расклеивали в населенных пунктах при отступлении, ее распространяли разведчики. У убитых солдат противника

---

[1] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 451, л. 21.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 713, лл. 12—13.

находили красноармейские газеты, а порой и выписки из них. В начале ноября рота Буйского полка белогвардейцев под влиянием большевистской агитации перешла на сторону Красной Армии в полном составе. Многие перебежчики рассказывали о жестоком обращении офицеров и просили отпустить их назад, чтобы они могли привести с собой новые группы солдат.

Партия требовала от каждого коммуниста образцового выполнения своих обязанностей в боевой обстановке. «Все члены партии, на каких бы постах они ни стояли,— подчеркивалось в июльском постановлении ЦК РКП(б), — если подлинные коммунисты, т. е. беззаветно преданные революционеры, а не мелкие советские карьеристы, должны подавать пример мужества и готовности бороться до конца»[1]. Коммунисты частей Красной Армии на Урале с честью выполняли это требование. Авторитет членов партии на фронте определялся не только их умением применять различные формы политического воздействия на личный состав, но и примером в бою. Это была наиболее действенная форма партийной работы. Усиление авангардной роли коммунистов, создание крепкого партийно-политического аппарата, оживленная деятельность военных комиссаров, политотделов, партийных ячеек по воспитанию высокой сознательности и ответственного отношения к исполнению воинского долга — все это значительно улучшило боеспособность советских войск, увеличило силу их сопротивления интервентам и белогвардейцам.

2. На военный лад

Развертывание боевых действий, военная и экономическая блокада Республики требовали от Коммунистической партии и Советского правительства принятия чрезвычайных мер по организации прочного тыла. Нужно было всю его работу перестроить на военный лад, мобилизовать промышленность, транспорт, сельское хозяйство на обслуживание нужд фронта, укрепить партийный и советский аппарат, повести решительную борьбу с контрреволюционными силами в тылу, поднять произ-

[1] Из истории гражданской войны в СССР, т. 1, стр. 345.

водственную и политическую активность трудящихся масс.

29 июля 1918 года соединенное заседание ВЦИК, Московского Совета профсоюзов и фабрично-заводских комитетов столицы объявило социалистическое Отечество в опасности. В резолюции, принятой заседанием по докладу В. И. Ленина, были сформулированы конкретные меры по усилению обороноспособности Республики: мобилизация всех сил на военную и продовольственную работу, агитация, вооружение рабочих, классовый террор по отношению к контрреволюционной буржуазии в тылу. Декретом ВЦИК от 2 сентября Советская Республика объявлялась военным лагерем. Это означало установление военного режима во всех отраслях хозяйственной деятельности и государственного управления. 30 ноября был учрежден под председательством В. И. Ленина Совет рабочей и крестьянской обороны, к которому перешла вся полнота прав в мобилизации сил и средств страны в интересах обороны.

Партийная организация Урала, отдавая максимум сил укреплению обороноспособности, систематически руководила жизнью тыла. В перестройке работы тыла на военный лад областной комитет РКП(б) главное внимание обращал на усиление партийного влияния в массовых организациях трудящихся — Советах рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, профессиональных союзах, деловых советах, фабрично-заводских комитетах. Особенно большое значение имело твердое партийное руководство советскими учреждениями. Коммунисты вели упорную борьбу за превращение Советов в боевые, действенные органы диктатуры пролетариата. По указаниям обкома партии проводилась большая работа по очищению Советов от бюрократов, саботажников, контрреволюционных элементов.

В борьбе за улучшение работы советского аппарата ценную инициативу проявляли организации РКП(б) в губерниях и уездах. Состоявшаяся в начале сентября в Перми городская партийная конференция признала необходимым ускорить перевод советского аппарата на обслуживание армии, сделать его более гибким и оперативным, устранить междуведомственные трения в работе областных, губернских и городских советских органов [1].

[1] «Уральский рабочий», 11 сентября 1918 г.

Чрезвычайно острая нужда испытывалась в этот период в проверенных партийных кадрах для советской, военной и хозяйственной работы. Уральский областной комитет партии в октябре 1918 года обращается ко всем местным партийным организациям со специальным письмом о распределении коммунистов между фронтом и тылом. «...Отдавая большую и лучшую часть своих сил передней линии огня,— говорилось в письме,— нельзя оголять наш классовый фронт на заводах, в городах и деревнях, иначе его тотчас прорвут наши враги...» [1].

В течение лета — осени 1918 года Уралобком РКП(б) командировал сотни проверенных коммунистов на должности инструкторов, заведующих отделами, военных и продовольственных комиссаров, хозяйственников. Особое внимание уделялось подбору руководящих работников в чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, революционные комитеты и органы снабжения.

Большое значение для развертывания организаторской и политико-воспитательной работы в массах и для укрепления советского аппарата имели решения Пермской губернской конференции РКП(б), которая состоялась 15—19 ноября 1918 года. На конференции присутствовало 214 делегатов, представлявших 18 990 членов партии. В центре внимания конференции стояли вопросы о работе партии в деревне и среди мусульман, о советском строительстве, об участии женщин в общественно-политической жизни, об укреплении партийной дисциплины. Кроме того, делегаты заслушали и обсудили отчеты областного и губернского комитетов партии, а также фракции коммунистов губернского исполнительного комитета Советов.

По всем этим вопросам были приняты развернутые резолюции.

Большую роль в жизни тыла играла деятельность производственных организаций рабочего класса. Через них партия руководила мобилизацией промышленности и транспорта, добивалась укрепления трудовой дисциплины и повышения производительности труда.

В невероятно трудных условиях фронтовой полосы, когда приходилось все время держать наготове оружие, при острой нехватке сырья, топлива, инструментов, продовольствия и предметов широкого потребления рабочий класс

[1] Из истории гражданской войны в СССР, стр. 383.

Урала во главе с коммунистами ни на минуту не приостанавливал оборонного производства. Главное место в продукции промышленных предприятий края занимал металл. В период гражданской войны оборонная промышленность страны предъявляла огромный спрос на уральский металл. В связи с оккупацией белогвардейцами и интервентами южного металлургического района ВСНХ дал в конце мая 1918 года распоряжение Областному управлению национализированных предприятий Урала о срочной поставке в адрес военно-технического ведомства ряда материалов для производства воинского снаряжения. Помимо металла, предприятия промышленных районов Северного и Среднего Урала, которые летом и осенью 1918 года не были захвачены противником, продолжали давать стране уголь, строительные материалы, машинные части, вооружение, различные предметы военного снаряжения.

Для поддержания нужного уровня оборонного производства в условиях острой нехватки рабочих рук чрезвычайно важное значение имело укрепление трудовой дисциплины. 3 июля было опубликовано постановление областного Совета, отменяющее отпуска. Виновным в нарушении этого постановления грозило привлечение к суду революционного трибунала как саботажников. 4 сентября 1918 года на расширенном пленуме областного совета народного хозяйства с представителями местных хозяйственных органов и отдела снабжения фронта обсуждался вопрос о мерах поддержания производства в условиях войны. По предложению областного комиссара труда А. А. Андреева было решено ввести повсеместно трудовую повинность, объявить всех рабочих мобилизованными, взять их на строгий учет и распределять между заводами в соответствии с производственным планом. К трудовой повинности привлекались также паразитические слои населения. Разработкой организационных мер по всеобщей трудовой повинности и проведением их в жизнь занимались профессиональные союзы. Это была действенная мера мобилизации трудовых ресурсов.

Передовые рабочие, понимая сложность создавшейся обстановки, стремились всеми силами помочь фронту. Конференция цеховых комитетов предприятий Кизеловского каменноугольного района 13 августа потребовала от горняков добиваться выполнения норм выработки, невзирая на бытовые и продовольственные трудности, вызван-

ные войиой, решительно бороться с саботажниками и прогульщиками, экономить материалы, повышать производительность труда. Резолюция конфереиции заканчивалась призывом: «Долой саботаж, лень, прогулы, пропуски, отпуска, фиктивную болезнь и манкирование работой! Да здравствует исполнение норм выработки!»[1]. Аналогичное решение приняло общее собрание рабочих Кизела, которое было созвано вскоре вслед за упомянутой конференцией. Перед рабочими выступил один из руководящих хозяйственников Урала В. Н. Андроиников. Он разъяснил собравшимся, какое важиое для обороны значение имеет кизеловский уголь. Собрание единодушно постановило: все силы напрячь к тому, чтобы поднять производительность шахт, увеличить добычу угля[2].

Активно боролись за укрепление трудовой дисциплииы передовые рабочие Кушвы. По их инициативе районный Совет принял 14 июня решение, в котором обязал производственные и профессиональные организации самым строгим образом соблюдать на предприятиях трудовой режим военного времени. Участники митинга иа Чусовском заводе, состоявшегося 24 сентября в связи с поступлением оборонного заказа иа оборудование для армии поездов баньпрачечных, торжественно поклялись поддержать фронт всеми мерами, какие от них потребуются.

С большим напряжением трудились в дни войны невьянские рабочие. В течение лета 1918 года заводы Невьянска, кроме артиллерийского вооружения, произвели десятки тысяч пудов цемента, чугуиа, металлических труб, фасонных чугунных изделий, машинных частей и т. д.

На Мотовилихинском орудийном заводе рабочие освоили производство ферромарганцевого чугуна, но их главиой заслугой являлась успешная организация производства артиллерийского вооружения. Сознательное отношение мотовилихинских рабочих к труду отмечалось командованием советских войск. Важное оборонное значение имели заказы командования по оборудованию и ремонту бронепоездов. Только в сентябре 1918 года на Мотовилихинском и Чусовском заводах было оборудоваио и отправлено

---

[1] «Известия Пермского губериского исполнительиого комитета Совета рабочих, крестьяиских и армейских депутатов», 22 августа 1918 г.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 513, л. 35.

на фронт 7 бронепоездов и несколько блиндированных платформ.

Большой вклад в укрепление обороны внесли рабочие Лысьвы. К концу октября с местных заводов ушло на фронт около двух тысяч человек и, кроме того, около 1500 человек из местного населения в возрасте от 18 до 45 лет было отправлено на окопные работы в порядке трудовой повинности. Лысьвенский металлургический завод обслуживал исключительно нужды фронта, ремонтируя паровозы, артиллерийские орудия, поставляя для армии походные кухни и другие предметы снаряжения. Старый большевик Савин вспоминает, что с началом войны Верхнетуринский завод стал ремонтировать паровозы, вагоны, орудия, бомбометы, автомастерские. Рабочие трудились хорошо, хотя в течение четырех месяцев не получали зарплаты [1]. Относительно высокий уровень производства поддерживался на Нытвенском железоделательном заводе.

Важное значение для обороны страны имело восстановление военного производства на Ижевском заводе. После изгнания белогвардейцев завод переживал кризис. Мятежники насильно мобилизовали и увели с собой половину рабочих. С белыми ушла и значительная часть старой технической интеллигенции. Запасы сырья и топлива были разграблены. Советское правительство с помощью местных партийных, профессиональных и хозяйственных организаций в относительно короткие сроки сумело восстановить нормальную работу ижевских предприятий. Коммунисты Ижевска, опираясь на кадровых рабочих, повели успешную борьбу за окончательное искоренение меньшевистско-эсеровского влияния на заводе, за политическое просвещение трудящихся, вовлечение их в активную производственную деятельность. Вопросами материально-технического обеспечения производства занялся вновь организованный городской Совет народного хозяйства. При большом содействии центральных военно-хозяйственных органов Ижевский совнархоз в начале 1919 года добился обеспечения завода запасами сырья, топлива и прочих материалов.

Пустив завод, ижевские рабочие взяли на себя обязательство довести выпуск винтовок до 1000 штук в день. В подписанной В. И. Лениным приветственной телеграм-

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 510, л. 39.

ме рабочим Ижевска от 27 января 1919 года говорилось о том, что Совет Рабоче-Крестьянской Обороны, заслушав сообщение Чрезвычайной комиссии о доведении ежегодного выпуска винтовок ижевских заводов до одной тысячи, постановил благодарить рабочих и служащих Ижевского завода от имени рабоче-крестьянского правительства за ценную поддержку, оказанную ими Красной Армии.

Приветственная телеграмма воодушевила тружеников завода на новый подвиг. Собравшись на митинг 29 января, они пересмотрели взятое обязательство и решили с 1 февраля 1919 года давать фронту не 1000, а 1100 винтовок ежедневно. Об этом они сообщили Ильичу. Обязательство было выполнено с честью. К концу марта 1919 года завод выпускал в день до 1200 винтовок.

Итак, передовые рабочие Урала в трудный момент войны оставались до конца верными своему революционному долгу. Они не только первыми вступали в отряды Красной Армии, но и показывали образцы трудового героизма, всеми силами укрепляя единство советского тыла и фронта. Однако если сознательные пролетарии беззаветно поддерживали Советскую власть, то мелкобуржуазные слои заводского населения или занимали пассивную, выжидательную позицию в гражданской войне, или даже склонялись на сторону контрреволюции. Волна меньшевистско-эсеровских мятежей, прокатившаяся по всему Уралу летом 1918 года, захватила и некоторые промышленные центры. Антисоветские выступления имели место в Невьянском, Кушвинском, Рудянском, Шайтанском, Юговском, Саткинском, Кусинском заводах. Контрреволюции удалось добиться временного свержения Советской власти в Ижевске и Воткинске.

Главная причина этого в неоднородности социального состава рабочего класса, в тех качественных изменениях, которые внесла в рабочую среду гражданская война. Лучшая, наиболее сознательная и преданная делу революции часть рабочих была на фронте. Их место заняли выходцы из деревни, бывшие военнопленные, женщины, подростки, а также буржуазные элементы, привлеченные на производство в порядке трудовой повинности. В связи с этим сильно ослабло революционное пролетарское влияние на остальную массу трудящихся, были развязаны руки контрреволюционной агентуре, соглашательским партиям меньшевиков и эсеров. Там, где организационная и политиче-

ская работа коммунистов ослабевала, где безнаказанно орудовали вражеские лазутчики, возбуждая против Советской власти отсталые элементы, где в Советы пролезали соглашатели, там неизбежно возникал конфликт. Так получилось, в частности, в Ижевске.

Что из себя представляло в классовом отношении население Ижевского завода? Еще в годы империалистической войны сюда прибыло по трудовой мобилизации около 8,5 тысячи промышленных рабочих из Петрограда, Москвы и городов Урала[1]. Это были испытанные и закаленные в классовых боях пролетарские кадры. На них прочно опиралась местная большевистская организация в борьбе за установление Советской власти. Но на завод было мобилизовано и немало крестьян, по своей организованности и политической сознательности значительно уступавших рабочим. Кроме того, здесь осели кулаки, торговцы, мелкие промышленники и прочие мелкобуржуазные элементы, искавшие спасения от мобилизации в армию. В Ижевске и Воткинске сложилась до революции своеобразная рабочая аристократия, которая имела не только повышенные заработки, но и собственные дома, приусадебные и сенокосные участки, продуктивный и рабочий скот, мастерские и т. д. Мелкобуржуазные слои рабочего населения составляли социальную базу соглашателей. Пролетарское влияние в Ижевске начало ослабевать весной 1918 года, когда рабочие центрально-промышленных районов страны стали возвращаться в свои города. Если накануне Октября прослойка кадровых пролетариев составляла на заводе 60 процентов, а остальные 40 процентов приходилось на долю мелкобуржуазных элементов, то к лету 1918 года положение изменилось: удельный вес чистого пролетариата снизился до 40 процентов[2]. Сказалось и сильное ослабление партийной организации в результате ухода коммунистов на фронт. К августу из Ижевска было мобилизовано в армию около 1000 коммунистов[3]. На партийной и советской работе в городе осталось всего лишь 73 члена партии. В Совете, избранном в конце мая, из 170 депутатов было только 22 коммуниста, остальные — меньшевики и эсеры.

---

[1] Е. И. Рябухин. В борьбе с контрреволюцией. Киров, 1959, стр. 48.

[2] Там же, стр. 42.

[3] Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны, ч. 1, Ижевск, 1960, стр. 42.

Соглашатели опирались на поддержку контрреволюционного «Союза фронтовиков», в котором состояло 3500 человек. Все это вместе взятое и привело к временному падению Советской власти.

Отдельные вспышки антисоветских настроений среди рабочих вызывались также огромными трудностями войны и хозяйственной разрухой, которыми всегда пользовался классовый враг. Особенно тяжелое положение сложилось с продовольственным снабжением городского населения. Подвоз хлеба из Сибири с началом чехословацкого мятежа полностью прекратился. Хлебные районы Урала и Зауралья сразу же оказались в руках белогвардейцев или были охвачены кулацко-эсеровскими восстаниями. Хлеб доставался ценою больших усилий и жертв. Свыше полутора миллионов пудов хлебных излишков имелось в соседней Вятской губернии, но они использовались главным образом для снабжения голодающего населения центральных промышленных районов. С боем добывался хлеб, припрятанный кулаками. Так, специальная военно-продовольственная экспедиция Уралснабжения, направленная в октябре 1918 года в Печорский край, реквизировала у кулаков и зажиточных крестьян села Ляпино 250 000 пудов хлеба. Но все равно хлеба не хватало. Ведь только месячная потребность в продовольствии рабочих и беднейших крестьян Урала, не считая армию, составляла 1 114 104 пуда, если брать норму в 26 фунтов для рабочих и вообще лиц, занятых физическим трудом, и 15 фунтов для иждивенцев. В областные хозяйственные организации постоянно поступали тревожные сигналы о тяжелом продовольственном положении заводов. В телеграмме из Надеждинска от 29 августа сообщалось, что в Богословском горном округе сложилось тяжелое положение с продовольствием, рабочие требуют расчета [1]. Как указывалось в информационной сводке Пермского губернского отдела управления за октябрь, в Кизеле на почве недостатка хлеба среди рабочих возникло брожение [2]. В Кушве, по донесению политотдела Третьей армии от 21 ноября, населению начали выдавать вместо хлеба по фунту сырого овса в день. Это вызвало сильное недовольство. В Усольском уезде рабочее население недополучало ежемесячно в среднем

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 413, л. 98.
[2] Там же, д. 605, л. 230.

9000 пудов продовольствия. Для покрытия этого недостатка местные заготовительные органы реквизировали у крестьян в сентябре — октябре около 40 000 пудов хлеба. Однако месячную норму рабочего пайка все же пришлось сократить до 15 фунтов.

Недовольство, вызванное перебоями со снабжением, всячески подогревалось контрреволюционной агентурой. Меньшевики и эсеры уговаривали несознательных рабочих потребовать разрешения свободной торговли и отмены твердых цен на хлеб, провоцировали их на антисоветские выступления. Иногда это им удавалось. В начале декабря 1918 года несознательная часть рабочих Мотовилихинского завода под воздействием антисоветской агитации эсеров оставила работу и предъявила ультиматум. Выдвигались требования немедленно увеличить продовольственный паек, прекратить борьбу с мешочниками и спекулянтами, снять заградительные отряды, ликвидировать монополию государственных органов на заготовку хлеба и т. д. Военный совет Третьей армии вынужден был закрыть завод и объявить его на осадном положении. Следственные органы быстро нашли и обезвредили зачинщиков выступления. Их было 30 человек. Все они принадлежали к левоэсеровской организации [1].

С самого начала военных действий на Восточном фронте важнейшим объектом всей организационной, хозяйственной и политической работы партии являлась деревня. Прочность Советской власти во многом зависела от поведения крестьянства, от той борьбы, которая развернулась между его пролетарскими и буржуазными элементами летом 1918 года. События показали, что в лице деревенской буржуазии рабочим и беднейшим крестьянам пришлось столкнуться с жестоким, непримиримым врагом. В ходе гражданской войны кулачество превратилось в главную социальную базу контрреволюции в тылу Красной Армии. Вот почему Коммунистическая партия взяла курс на разгром кулачества, считая это вопросом жизни и смерти Советского государства.

Свою задачу коммунисты Урала видели в том, чтобы организовать деревенскую бедноту, вырвать из-под влия-

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 605, л. 196.

ния контрреволюции среднее крестьянство, подавить вооруженное сопротивление кулачества, мобилизовать трудящихся на оказание всемерной помощи фронту. Выполнение этой задачи было сопряжено с огромными трудностями. Как уже указывалось, расстановка классовых сил в уральской деревне первоначально не благоприятствовала Советской власти. Мелкобуржуазные массы крестьянства в силу своей относительной зажиточности не были кровно заинтересованы в дальнейшем развитии и углублении социалистической революции. Находясь под сильным влиянием соглашательских партий и не имея собственного политического опыта, они не понимали необходимости всеми силами поддерживать и защищать государство пролетариата. В условиях начавшейся войны Советская власть не успела проявить свои величайшие преимущества. Вооруженное сопротивление контрреволюции помешало довести до конца важные социально-экономические мероприятия, направленные на укрепление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством.

Важнейшим этапом борьбы за привлечение масс трудящегося крестьянства на сторону пролетариата явились аграрные преобразования, которые осуществляла Советская власть на основе декрета о земле. Суть их заключалась в экспроприации крупных земельных собственников и национализации всей земли, а также в ликвидации других остатков феодально-крепостнических отношений. В результате осуществления ленинского декрета о земле крестьянство Урала получило от Советской власти около 10 миллионов десятин земли и леса. Земельный надел, приходящийся на едока, увеличился в Пермской губернии с 1,88 десятины до 2,11 десятины, в Уфимской — с 1,99 до 2,15 десятины и т. д.

Осуществление декрета о земле на Урале происходило в обстановке острейшей классовой борьбы. Против ликвидации частной собственности на землю выступили не только крупные землевладельцы, но и кулаки, стремившиеся сохранить и расширить свои привилегии, сорвать перераспределение земель по потребительно-трудовой норме. Их ставленники, меньшевики и эсеры, всячески тормозили работу земельных органов, агитируя крестьян подождать с решением вопроса до созыва Учредительного собрания. Когда началась гражданская война, аграрная реформа на Урале еще не была завершена. Хотя земля и стала государственной собственностью, но она не перешла целиком в распоряже-

ние крестьянства. Чтобы передать национализированные земли в фактическое пользование крестьян, нужно было не только взять на учет бывшие частные владения, но и произвести тщательное обследование крестьянских наделов, определить потребительно-трудовую норму, выделить участки для крестьянских коллективов и показательных государственных хозяйств, составить необходимую техническую документацию.

На Урале эти работы начались с большим опозданием. Только в конце апреля 1918 года областной комиссариат земледелия, возглавляемый левым эсером Хотимским, принял обязательное постановление о порядке передачи крестьянам во временное пользование земель так называемого распределительного фонда, бывших ранее в частном владении. В Пермской губернии земельные органы приступили к необходимым землемерно-техническим работам на местах лишь в конце мая — начале июня 1918 года, но так и не закончили их из-за оккупации Урала колчаковцами. В Осинском уезде к середине октября было распределено между крестьянами менее пятой части учтенного количества земель нетрудового пользования. Иначе обстояло дело в Пермском уезде, где состояло на учете свыше 60 000 десятин частновладельческой земли. Крестьяне не стали ждать, пока местные организации определят потребительно-трудовую норму, и пустили в уравнительный передел все земли сельскохозяйственного назначения, включая и надельные.

Таким образом, до белогвардейской оккупации полный раздел и передел земли на Урале не был проведен. Из-за нераспорядительности местных земельных органов, в которых в то время верховодили левые эсеры, безземельное и малоземельное крестьянство не успело получить землю в свое фактическое распоряжение. В подтверждение этого можно привести еще один пример. В Осинском уезде к началу гражданской войны почти четверть беднейших крестьян еще не получила земли. Незавершенность аграрных преобразований в уральской деревне являлась, без сомнения, одной из серьезных причин колебаний середняка в сторону контрреволюции.

Наибольшей остроты классовая борьба в деревне достигла в период комбедов. Создание комитетов деревенской бедноты ознаменовало собой новый этап социалистической революции, когда беднейшее крестьянство под руководст-

вом пролетариата и при активной поддержке Советского государства решительно выступило против контрреволюционного кулачества. На Урале строительство комбедов развернулось в основном осенью 1918 года, то есть в самый разгар гражданской войны. К концу года по шести уездам Пермской губернии было организовано 3389 волостных и сельских комитетов деревенской бедноты. Эта разветвленная сеть опорных пунктов диктатуры пролетариата в деревне была призвана сломить сопротивление кулачества, оживить Советы, перераспределить в пользу неимущих землю, скот, инвентарь, хлеб, ускорить мобилизацию революционных сил. И действительно, комбеды явились мощным средством упрочения Советской власти.

В Вознесенской волости Оханского уезда беднота была совершенно терроризирована кулаками. В первых числах августа, когда в деревнях проходила мобилизация в Красную Армию, кулаки подняли вооруженный мятеж. Это вынудило бедноту взяться за организацию своих сил. Партийные агитаторы, прибывшие в волость, провели после подавления мятежа разъяснительную работу среди крестьян, помогли им переизбрать кулацкий Совет и создать комитет деревенской бедноты. Тут же была организована ячейка коммунистов, которая в октябре насчитывала 68 членов. По инициативе коммунистов комитет бедноты обложил кулаков контрибуцией в 35 тысяч рублей. Деньги пошли на удовлетворение хозяйственных нужд крестьян, пострадавших от кулацкого мятежа, а также на социально-культурные мероприятия.

Активно работали комитеты бедноты в прифронтовой Рядковской волости Осинского уезда. Совместно с волостным Советом, руководимым коммунистами, они организовали сдачу государству хлеба прошлого урожая, а новый хлеба взяли на строгий учет, выделив специальный фонд для обсеменения полей. Трудящиеся крестьяне волости в тяжелую минуту крепко поддержали Советскую власть. Более 100 человек из них вслед за коммунистами добровольно ушли на фронт. Много добровольцев дали и другие волости уезда, где имелись крепкие партийные ячейки и комитеты бедноты: Юго-Осокинская, Ашапская, Богоявленская. Комитет бедноты Аминской волости послал на фронт 125 добровольцев.

Деятельность комбедов охватила все стороны сельской жизни. Наиболее важное значение имели мероприятия по

введению хлебной монополии, учету, разверстке и заготовке сельскохозяйственных продуктов, снабжению неимущего крестьянства за счет кулаков продовольствием, семенами, инвентарем и рабочим скотом. Опираясь на сочувствие честных тружеников деревни, на вооруженную силу добровольческих крестьянских дружин, комбеды повели решительную борьбу с теми, кто сознательно организовывал голод, скрывал продовольственные излишки, спекулировал на черном рынке. Взятый на учет хлеб шел на обеспечение бедноты, промышленных рабочих, армии и голодающих центров страны. Так, в Култаевской волости Пермского уезда комитет постановил отчислить добровольно в пользу голодающих рабочих центра 2000 пудов хлеба [1]. В случае необходимости комбеды прибегали к общественным работам. В Бымовской волости Осинского уезда было решено организовать артель из 14 человек для принудительного обмолота и точной переписи урожая 1918 года. Такая же артель организовалась в Осинцовской волости. Она собирала хлеб с полей бежавших к белым кулаков, оказывала продовольственную и иную помощь семьям красноармейцев и беднейшим крестьянам [2]. К общественным работам в принудительном порядке привлекали и кулаков.

Массовая повсеместная экспроприация средств производства у кулаков на Урале не проводилась. Но сельскохозяйственные орудия и машины были все на учете, а в ряде случаев их отбирали в пользу сельскохозяйственных коммун и артелей. Чаще практиковалось совместное использование молотилок, сортировок, веялок и других сложных машин, а также рабочих лошадей, принадлежащих зажиточным крестьянам. Что касается перераспределения земли, то участие комбедов в этом ограничивалось главным образом контролем за деятельностью местных земельных органов, призванных осуществлять аграрное законодательство Советской власти. Только в отдельных случаях, когда интересы бедноты явно ущемлялись, они сами брались за урегулирование земельных отношений.

Деятельность комбедов позволила значительно укрепить позиции Советской власти в уральской деревне, сплотить беднейшее крестьянство вокруг пролетариата, ослабить натиск кулацкой контрреволюции. Вместе с тем

---

[1] Ученые записки. Сборник статей. Свердловская высшая партийная школа, стр. 175.

[2] Там же, стр. 177.

задачи социалистической революции не были решены здесь в полной мере. Организация деревенской бедноты на Урале началась слишком поздно. К этому времени значительная часть его территории уже находилась под властью белогвардейцев и интервентов. За короткий срок своего существования комбеды не смогли до конца сломить сопротивление кулачества. На Урале деревенская буржуазия не подверглась экспроприации в столь сильной степени, как в центральных районах страны. В ряде случаев она сумела все же сохранить свои экономические преимущества и политическое влияние.

Комбеды Урала не выполнили и другого важного своего назначения: они не сумели нейтрализовать середняка, оторвать его от деревенской буржуазии и вовлечь постепенно в русло социалистической революции. В составе уральских комитетов деревенской бедноты среднее крестьянство почти отсутствовало. Характерен факт, происшедший в Усть-Бубинской волости Оханского уезда. В документе он изложен так: «Приехавшим агитатором обл. комитета коммунистов были даны объяснения о задачах комбедов. Затем в списке сельчан были сделаны пометки — кто бедняк, кто середняк, кто кулак. К выборам была допущена только беднота. Некоторым середнякам очень хотелось, чтобы их причислили также к беднякам. Один бедняк и сказал такому середняку: «Если хочешь быть бедняком, давай обменяемся всем, что у нас есть. Ты иди ко мне в дом, а я пойду в твой». Споривший середняк замолчал. В избирательный комитет вошли только бедняки»[1]. Такое противопоставление комбедов середнякам противоречило политике Коммунистической партии и Советского правительства в деревне. Не случайно В. И. Ленин от имени Совета Народных Комиссаров обратился 18 августа 1918 года ко всем губернским Советам с телеграммой, в которой разъяснил, что Советская власть всегда ставила своей целью объединение вокруг городского пролетариата как сельского пролетариата, так и трудового крестьянства среднего достатка и что она стремится к удовлетворению нужд середняка наряду с нуждами городских рабочих и деревенской бедноты.

Для укрепления союза рабочего класса с беднейшим

[1] Ученые записки. Сборник статей. Свердловская высшая партийная школа, стр. 170.

крестьянством большое значение имел опыт организации коллективного земледелия. Образование сельскохозяйственных коммун и артелей отражало стремление крестьянской бедноты организоваться, сообща добиться улучшения своего материального положения и избавиться от кулацкой кабалы. Коллективные хозяйства на Урале начали возникать еще в конце 1917 года. Так, Пермская трудовая сельскохозяйственная коммуна «Колония» образовалась 29 декабря. Она объединила 215 человек, из них 40 непременных членов. В коммуну вошли рабочие, железнодорожники, безземельные крестьяне, ветеринар, учительница и т. д. Партийная принадлежность непременных членов была такова: 5 коммунистов, 4 левых эсера, 31 беспартийный. Коммунарам принадлежало 2 лошади, 2 плуга, небольшой двигатель, 6 коров, 12 овец, 200 кур и гусей, пчелы, кролики. Кроме того, они располагали капиталом в сумме 14 тысяч рублей [1].

Весной 1918 года возникли сельскохозяйственные коллективы в Пермском, Екатеринбургском, Оханском и Усольском уездах. Однако по-настоящему строительство коллективных хозяйств началось с развертыванием социалистической революции в деревне летом и осенью 1918 года. Мобилизуя трудящееся крестьянство на борьбу с кулаками, комитеты бедноты оказали коллективным хозяйствам организационную и материальную поддержку. Трудовая коммуна «Культура» Насадской волости, Пермского уезда, возникшая в марте 1918 года, окончательно стала на ноги только в августе, когда в ее распоряжение была передана отобранная у кулаков земля Крестьянского земельного банка. В Вознесенской волости Оханского уезда комитет бедноты отвел для сельскохозяйственной коммуны 90 десятин бывшей церковной земли, а необходимый для ее обработки инвентарь и скот конфисковал у кулаков [2]. Значительная часть кулацкого имущества была передана крестьянским коллективам комитетами бедноты в Пермском уезде. Очень интенсивно шла организация коллективных хозяйств в Осинском уезде. В одной только Богоявленской волости осенью 1918 года возникло 5 трудовых коммун. Причем в них объединились не только батраки и малоимущие крестьяне, но и кое-кто из средних кресть-

[1] Вопросы истории Урала. Сборник статей. Уральский государственный университет. Свердловск, 1968, стр. 98.

[2] «Уральский рабочий», 18 октября 1918 г.

ян, охотно отдавших в общее пользование свой скот и инвентарь[1].

Первый опыт коллективного земледелия на Урале имел большое политическое значение. Но количество коммун и артелей было незначительно, состав их малочисленен, техническая оснащенность низкая, они были слабыми в организационно-хозяйственном отношении. Причины этого крылись в тяжелом положении страны, вызванном хозяйственной разрухой и гражданской войной, в нехватке необходимых материальных средств, организаторских кадров, в яростном сопротивлении деревенской буржуазии и всех контрреволюционных сил. Некоторая часть среднего крестьянства была, безусловно, вовлечена в коллективные хозяйства. Но середняки предпочитали объединяться в сельскохозяйственные артели и весьма настороженно относились к коммунам. Это вполне соответствовало мелкособственнической природе среднего крестьянства. Однако на местах некоторые работники пытались насаждать коммуны средствами административного нажима. В одном из сообщений говорилось, что в Пермской губернии было много артелей, «организаторы которых думают артели перестроить в коммуны. Но пока члены артелей занимают выжидательное положение и говорят — посмотрим, каковы будут другие коммуны, как у них дела пойдут»[2]. Искусственное насаждение коммунистических начал в деревне, разумеется, отпугивало крестьян, настраивало их против коллективного способа ведения сельского хозяйства, против политики партии вообще. Следовательно, и этот фактор в какой-то мере мог неблагоприятно влиять на позицию середняка в гражданской войне.

Большая заслуга в политическом, хозяйственном и культурном руководстве трудящимся крестьянством принадлежала рабочему классу. Особенно значительную роль в этом сыграли продовольственные отряды. Передовые рабочие Перми, Кизела, Мотовилихи, Чермоза, Надеждинска, Соликамска и других заводов и промышленных центров Урала, возглавляемые коммунистами, приняли активное участие в осуществлении социалистической революции в деревне. Они выделили из своей среды сотни продовольственных отрядов, действовавших главным об-

[1] «Красный набат», 9 октября 1918 г.

[2] Ученые записки. Сборник статей. Стерлитамакский государственный педагогический институт, стр. 64.

разом по Каме, в Осинском и Оханском уездах. В Мотовилихе было создано несколько десятков отрядов по 15—20 человек в каждом[1]. В борьбе с кулачеством уральскому пролетариату и беднейшему крестьянству оказали большую помощь рабочие Петрограда. Во второй половине июня 1918 года в Пермскую губернию прибыл первый петроградский продовольственный отряд в количестве 460 человек, в том числе 47 коммунистов. Затем питерские рабочие послали на Урал второй отряд приблизительно такой же численности.

Продовольственные отряды занимались не только заготовкой хлеба. Не менее важным их назначением было сплочение революционных сил деревни вокруг пролетариата, мобилизация беднейшего крестьянства на борьбу с белогвардейщиной. Отряды рабочих вели среди крестьян большую разъяснительную работу, помогали создавать и укреплять Советы, комитеты деревенской бедноты и коллективные хозяйства, проводить мобилизации в Красную Армию.

Большое воздействие на моральное состояние, на политическую активность трудового крестьянства оказывала разъяснительная и организационная работа Коммунистической партии. При Уральском обкоме РКП(б) была создана специальная комиссия, которая рассылала по деревням агитаторов и организаторов для проведения агитационных кампаний, вербовки добровольцев в Красную Армию, распространения литературы, организации Советов, комитетов бедноты, партийных ячеек и коллективных хозяйств. Только за август — сентябрь 1918 года в уезды было послано свыше 500 партийных работников[2].

Значительная часть политико-массовых и организационных мероприятий в деревне осуществлялась обкомом РКП(б) через агитационно-просветительные отделы военных комиссариатов. После того как функции политического просвещения армии перешли к политотделам, агитационно-просветительные отделы военкоматов сосредоточили всю свою деятельность в тыловых частях и уездах. К 1 декабря 1918 года в городах, заводских поселках и деревнях Урала работало около двухсот постоянных агитаторов и организа-

[1] А. И. Устькачкницева. Пермская партийная организация в борьбе за упрочение Советской власти (1918 год). Пермь, 1953, стр. 90.
[2] Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 189.

торов от областных и окружных органов. Они провели десятки собраний и митингов, прочитали 100 лекций, организовали 5 военных комиссариатов, 13 сельскохозяйственных коммун, 11 партийных ячеек и 800 комитетов деревенской бедноты. С осени 1918 года агитационно-просветительный отдел Уральского окружного военкомата направил на места огромное количество политической литературы, в том числе более трех миллионов брошюр, полутора миллионов газет, 55 тысяч плакатов, воззваний. В прифронтовых районах агитационную и организационную работу среди населения вели наряду с местными партийными ячейками армейские политотделы, которые посылали для этой цели специальных агитаторов.

Видное место в разъяснительной работе агитаторов занимали вопросы аграрной политики Советской власти. Вместе с тем армейские коммунисты оказывали помощь местным органам в создании комитетов бедноты, в укреплении Советов, в организации партийных ячеек. Например, в четырех уездах Пермской губернии: Усольском, Осинском, Чердынском, Оханском — осенью 1918 года было создано более ста партийных ячеек. Активное участие принимали армейские коммунисты в организации комитетов бедноты. Только в Оханском, Кунгурском и Осинском уездах армейские коммунисты помогли организовать 95 комбедов.

Одним из самых важных итогов организационной и политической работы партии летом и осенью 1918 года состоял в усилении большевистского влияния на трудящиеся массы. Кровавые уроки кулацко-эсеровской контрреволюции, бушевавшей на Урале, убедили многих рабочих и крестьян в правильности той политики, которую проводила Коммунистическая партия, и раскрыли перед ними антинародную сущность соглашательских партий, в том числе и левых эсеров.

Крах левоэсеровской партии начался после того, как ее лидеры открыто выступили против политики Советской власти в деревне, подняли контрреволюционные мятежи в Москве и в других городах, встали на путь белогвардейского террора. На Урале определенная часть левых эсеров, связанная с мелкой буржуазией и кулачеством, сразу же перешла в лагерь врагов трудового народа. Например, Пермский комитет партии левых эсеров принял резолюцию, одобряющую провокационные действия своего ЦК. Когда

коммунисты собрали в городском театре массовый митинг протеста против эсеровской авантюры в Москве, террористы бросили в переполненный людьми зал бомбу. Возмущенные рабочие потребовали немедленно арестовать вожаков левых эсеров и разоружить их партийную дружину. Враждебную позицию по отношению к Советской власти заняли также комитеты Нижнетагильской, Новолялинской, Камышловской, Кунгурской, Усольской организаций левоэсеровской партии.

Однако многие рядовые члены этой партии, которые ближе стояли к трудящимся массам, решительно порвали с авантюристической политикой своих руководителей. Часть из них примкнула к большевикам. Например, в сводке информационного отдела Уральского окружного военкомата за 10 октября 1918 года сообщается, что в Перми состоялось заседание бывших левых эсеров — членов фракций областного, губернского, уездного и городского исполкомов Советов, на котором было принято решение о вступлении в ряды Коммунистической партии. Другие объявили себя «интернационалистами» или «народниками-коммунистами». Некоторое представление о программе последних дает декларация, которую огласила на съезде Советов Верхотурского уезда 6 сентября 1918 года фракция «народников-коммунистов». В ней провозглашался типично народнический тезис о необходимости «развития духовно и экономически свободной критически мыслящей личности». Вместе с тем авторы декларации выражали полную готовность поддерживать все социалистические мероприятия большевистской партии в деревне, признавали правильность внутренней и внешней политики Советского правительства [1]. Что касается левых эсеров — «интернационалистов», то и они в подавляющем большинстве активно включились в общую борьбу с контрреволюцией. Когда, например, в Оханском уезде в августе вспыхнули кулацко-белогвардейские мятежи, ячейка «интернационалистов» Бубинской волости постановила «оказать реальную помощь товарищам коммунистам для защиты Советской власти» [2]. Помощник командующего Третьей армией Белицкий 12 августа сообщал в Реввоенсовет армии о том, что сформированная в Перми дружина левых эсеров в

[1] ПАСО, ф. 4, оп. 1, д. 13, л. 55.
[2] Там же, д. 589, л. 79.

количестве 500 человек требует отправки на фронт, и поручился за ее боеспособность.

Разложение левоэсеровской партии отразилось на партийном составе местных Советов. Представительство этой партии в советском аппарате резко сократилось. Например, среди делегатов Пермского уездного съезда Советов, открывшегося 18 октября, коммунистов было 76, им сочувствующих — 36, левых эсеров только 1. На съезд Советов Верхотурского уезда, который состоялся 11 сентября, прибыло 110 делегатов, в том числе 68 коммунистов и 10 левых эсеров. Поскольку последние отказались осудить действия ЦК своей партии, съезд лишил их полномочий. На 2-м съезде Советов Усольского уезда в начале июня присутствовало: коммунистов — 42, им сочувствующих — 12, левых эсеров — 38, им сочувствующих — 47, а на следующем съезде в сентябре было 108 коммунистов и лишь 4 левых эсера.

Но в ряде случаев коммунисты не отказывались от дальнейшего сотрудничества с наиболее лояльными элементами бывшей левоэсеровской партии, учитывая их искреннюю заинтересованность в таком сотрудничестве. Так было, например, в Кунгурском уезде. В работе уездного съезда Советов 17 сентября принимали участие 111 коммунистов-большевиков и 76 «народников-коммунистов». И те и другие вошли в состав вновь избранного исполкома [1]. Совместная деятельность представителей этих партий в советском аппарате продолжалась также в Красноуфимском и Осинском уездах.

Столкнувшись с фактом открытого перехода соглашательских партий в лагерь контрреволюции, передовая часть трудящегося крестьянства потянулась к большевикам. Заметно увеличиваются количество и численность деревенских организаций партии. В Усольском уезде к концу осени 1918 года было организовано 49 партийных ячеек, из них 22 деревенских. В Пермском уезде в середине декабря насчитывалось 33 партийных ячейки. По самым приблизительным подсчетам, общее количество одних только волостных партийных организаций в Пермском, Оханском, Осинском, Чердынском, Верхотурском, Кунгурском, Соликамском, Красноуфимском и Усольском уездах Пермской губернии составляло в декабре 1918 года 136. Для

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 591, л. 79.

сравнения можно указать, что в конце июля Уральский областной комитет партии зарегистрировал в уездах менее 40 партийных ячеек. Численность деревенских партийных ячеек иногда была довольно значительной. Так, в Охан-ском уезде во второй половине августа насчитывалось членов партии: в Усть-Бубинской волости — 300 человек, в Сепычевской —230, в Частинской —400, в Бурдинской —100.

Под руководством коммунистов беднейшее крестьянство Урала все более активно вовлекалось в борьбу с контрреволюцией, оказывая пролетариату всемерную поддержку в строительстве Красной Армии, укреплении тыла, снабжении фронта всем необходимым. Вместе с тем первые уроки гражданской войны привели к определенному сдвигу влево в настроении более широких масс трудового крестьянства, в том числе и его средних слоев. На общих собраниях граждан Аспинской, Мазунинской, Березовской, Карьевской и других волостей Осинского уезда были приняты резолюции, требующие всемерной поддержки Красной Армии.

В сводке политотдела Третьей армии на 30 ноября 1918 года, касающейся политического положения в прифронтовых волостях того же уезда, указывалось следующее: «Несмотря на контрреволюционную агитацию кулачества, население в массе всюду за Советскую власть и охотно дает армии хлеб, фураж и подводы. Поступают также добровольцы в Красную Армию... В деревне Гусево все население сплошь ушло с советскими войсками и принимало деятельное участие в рытье окопов» [1]. В политсводке по Кунгурскому уезду от 11 октября 1918 года сообщалось: «В занятых обратно нами волостях Осинцевской, Молебской, Урминской и части Шамарской настроение резко изменилось в нашу сторону. Крестьяне энергично приступают к созданию Советов. Комитеты бедноты начинают проводить хлебную монополию. Имущество бежавших к белым кулаков передается в распоряжение волостных Советов. Обработка полей и уборка урожая также ведется совместными силами всей волости. Из одной только Осинцевской волости агитатор Козлов обещает вывезти не меньше 100 вагонов хлеба» [2]. То же наблюдалось и в волостях Красноуфимского уезда, освобожденных советскими

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 722, лл. 290, 291.
[2] Там же, л. 168.

войсками в сентябре 1918 года. Немалая часть трудящегося крестьянства волостей и уездов, оказавшихся в зоне активных военных действий, добровольно поддержала Красную Армию. В Осинском уезде добровольческая мобилизация крестьян, объявленная с 15 по 24 августа 1918 года, дала 678 человек. К концу октября только одна Рябковская волость, где проживало всего около 19 000 человек, дала не менее 1000 добровольцев, Крюковская волость за 4 дня мобилизации выставила 185 добровольцев, Богомягковская — 402 и т. д. В Невьянском районе из добровольцев были сформированы два батальона численностью в 500 и 350 человек. Кроме того, при волостных советах организовались резервные крестьянские дружины по 350—400 бойцов в каждой. Крестьянство этого района охотно выполняло все распоряжения советских властей, активно участвовало в ремонте дорог и трактов, рытье окопов, перевозке воинских грузов, раненых и т. д.

Растущая политическая активность трудящегося крестьянства Урала особенно ярко проявлялась в добровольной помощи фронту. В День Красной Армии, отмечавшийся 15 сентября 1918 года, на Урале начался сбор денег, вещей и продовольствия для фронта. Уральский обком РКП(б) организовал на местах специальные комиссии — «краснодары», которые собирали добровольные пожертвования трудящихся и комплектовали из них подарки Красной Армии. К 30 ноября 1918 года в областную комиссию «краснодара» поступило 533 286 рублей 53 копейки, а кроме того, большое количество разных вещей — пальто, тулупов, полушубков, валенок, гимнастерок, брюк, теплых жилетов, башлыков, шапок, одеял, белья, овчин, шерсти, холста и т. д. Делегаты Оханского уездного съезда Советов, собравшегося в начале декабря 1918 года, вынесли постановление об отчислении в пользу бойцов Третьей армии месячного продовольственного пайка. Комитет бедноты Устиновской волости организовал среди крестьян сбор печеного хлеба и теплых вещей для фронта. 500 пудов хлеба пожертвовали фронту крестьяне Чермодинской волости. В Кулатаевской волости Пермского уезда крестьяне по предложению коммунистов решили добровольно пожертвовать 2000 пудов продовольствия. Все это наглядно свидетельствовало о том, что в массах среднего крестьянства Урала уже в первый период гражданской войны и иностранной интервенции начали обозначаться некоторые

признаки поворота на сторону Советской власти. Однако эти факты необходимо учитывать в совокупности с общей политической и военной обстановкой, которая продолжала оставаться весьма напряженной. В ходе ожесточенной борьбы с кулацко-белогвардейскими бандами, развернувшейся летом и осенью 1918 года, уральский середняк не преодолел свои колебания, активно не поддержал Советской власти, а во многих случаях оказал прямую помощь контрреволюции.

Кулацкие восстания, охватившие летом 1918 года почти весь Урал, были особенно упорными и продолжительными благодаря участию в них трудящихся крестьян, сбитых с толку контрреволюционной пропагандой. Например, в восстании, которое произошло во второй половине июля в Степановской и соседних с нею волостях Кунгурского уезда, участвовало до 10 000 крестьян [1]. Судя по этой цифре, тут были, конечно, не только кулаки. Известно далее, что во многих случаях поводом для выступлений являлось изъятие хлебных излишков или мобилизация крестьян в Красную Армию. В конце августа крестьяне 12 волостей Оханского уезда отказались производить мобилизацию. Недовольство крестьян немедленно использовали белогвардейские агенты. В результате уезд оказался охваченным мощным кулацким мятежом, центром которого стала Сепычевская волость [2]. В Красноуфимском уезде в антисоветских выступлениях, возникших в конце июля 1918 года на почве мобилизации, приняло участие крестьянское население 23 волостей во главе с кулаками села Богородское [3]. В одном селе крестьяне заявили на собрании представителю военкомата, призывавшему их вступить в Красную Армию и ввести военное обучение: «Война окончена, а с казаками мы воевать не будем!» Поддавшись на кулацкую провокацию, крестьяне отказывались воевать за Советскую власть и уходили служить белым.

Естественно, крестьяне, не осознавшие своего долга перед Советской властью, оказывались плохими солдатами революции. Моральный дух их был низок. Они оказывали слабое сопротивление врагу, легко поддавались панике, сдавались в плен, а то и открыто восставали и переходили с оружием на сторону противника. В сводке политотдела

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 474, л. 11.
[2] Там же, д. 722, л. 54.
[3] ГАСО, ф. 318, оп. 1, д. 44, лл. 231—234.

Третьей армии за 14 сентября 1918 года указывалось, например, на низкую боеспособность Средне-Уральского полка, сформированного из мобилизованных крестьян Кунгурского и Пермского уездов. В одном из боев на Тагильском направлении 3-я рота полка, расправившись с командиром, перебежала к белым [1].

Политическая неграмотность деревни помогала контрреволюции в борьбе с Советской властью. Кое-где крестьяне продолжали еще верить вздорной выдумке белогвардейской пропаганды о том, что большевики являются будто бы немецкими шпионами.

Деревня проявляла огромный интерес к политике, а агитаторских сил не хватало. Особенно плохо обстояло дело с агитационной работой среди нерусского населения. Касаясь причин контрреволюционных настроений в ближайшем тылу советских войск Кунгурского направления, политотдел Третьей армии в сводке за 5 декабря 1918 года отмечал темноту преобладавшего здесь мусульманского населенния и огромное влияние мулл.

Таким образом, обстановка в деревне была очень сложной. Поведение крестьянства зависело от многих причин. Но в первую очередь оно определялось, конечно, социальным фактором, принадлежностью к тому или иному общественному классу. В результате социалистической революции и деятельности комбедов уральская деревня достаточно определенно раскололась на два противоположных лагеря: крестьянскую бедноту и кулачество. Отношение их к Советской власти было также вполне определенным. Что касается середняка, то он в силу известных уже обстоятельств так и не занял твердой позиции в гражданской войне к моменту оккупации Урала белогвардейцами, хотя и извлек для себя некоторые уроки.

3. Героическая оборона

В сентябре — октябре 1918 года советские войска Восточного фронта перешли в контрнаступление. Наибольших успехов удалось добиться в районах Поволжья и Прикамья. Соотношение классовых сил здесь было несколько иным, чем на Урале. В борьбе за упрочение Советской власти пролетариат имел более сильную

[1] ПАСО, ф. 41, д. 722, л. 110.

поддержку многочисленной деревенской бедноты и маломущих слоев среднего крестьянства. Этому во многом способствовала политика интервентов и белогвардейцев, направленная на полную реставрацию буржуазно-помещичьих порядков.

Красная Армия нанесла ряд последовательных ударов по интервентам и белогвардейцам, освободила Казань, Симбирск, Сызрань, Самару. Завершив разгром контрреволюционных сил в Поволжье, советские войска двинулись на восток по направлению к Уфе, Оренбургу и Уральску.

Благоприятно развивались события и на левом фланге Восточного фронта, в районе Прикамья, где вели наступательные бои войска Второй армии совместно с Волжской военной флотилией. 4 октября была восстановлена Советская власть в Сарапуле. Начинаются бои за овладение Ижевском. В. И. Ленин придавал серьезное значение освобождению этого крупного центра оборонного производства на Урале. В телеграмме от 20 октября, подписанной Лениным и Свердловым, главкому Вацетису предлагалось принять самые энергичные меры для скорейшего подавления эсеро-меньшевистского мятежа в районе Ижевского и Воткинского заводов [1]. В личной беседе с членом Реввоенсовета Второй армии С. И. Гусевым Ленин высказал пожелание, чтобы Ижевск был взят ко дню первой годовщины Октябрьской социалистической революции [2].

Бойцы и командиры Второй армии с честью выполнили наказ вождя. Штурм Ижевска начался утром 7 ноября. После интенсивной артиллерийской подготовки полки 2-й сводной дивизии В. М. Азина, поддержанные другими частями армии и бронепоездом «Свободная Россия», ворвались в город. К вечеру белые прекратили сопротивление и поспешно отступили из Ижевска, не успев даже вывести из строя военный завод. Нашим войскам достались богатые трофеи, в том числе 6 орудий, 60 бомбометов, 23 пулемета, несколько тысяч винтовок, броневой поезд, 30 исправных локомотивов, подвижной состав к ним и т. д.[3]. В. И. Ленин телеграфировал на имя командующего Второй армией: «Приветствую доблестные красноармейские вой-

---

[1] См. В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). М., 1956, стр. 81.

[2] История гражданской войны в СССР, т. 3, стр. 247.

[3] Документы по истории гражданской войны в СССР, т. 1, стр. 382.

ска со взятием Ижевска. Поздравляю с годовщиной революции. Да здравствует Социалистическая Красная Армия»[1]. Советское правительство высоко оценило боевую доблесть и героизм участников ижевской операции. Особо отличившиеся 3-й и 4-й стрелковые полки 2-й сводной дивизии были награждены почетными знаменами. Командиры этих полков А. И. Северихин и А. И. Чеверев, а также командир дивизии В. М. Азин удостоились высшего боевого отличия — ордена Красного Знамени. Разгром Ижевской группировки белых предрешил судьбу Воткинского завода, который вскоре также был освобожден Красной Армией.

Наиболее ожесточенные бои в период осеннего контрнаступления советских войск происходили на участке Третьей армии, прикрывавшей важное стратегическое направление на Пермь — Вятку — Котлас. К этому времени армия представляла собой серьезную силу. На 6 октября в составе ее пяти Уральских дивизий числилось: людей (пехота, кавалерия, артиллерия, инженерные части, бронепоезда, авиационные отряды и радиочасть) — 39 524, штыков — 23 247, сабель — 3834, пулеметов — 484, орудий — 72, бомбометов — 12, бронепоездов — 6, броневиков пушечных — 4, броневиков пулеметных — 3, аэропланов — 27. А в конце ноября 1918 года в армии насчитывалось около 35 000 штыков и сабель, 571 пулемет и 115 орудий.

К зиме 1918 года реорганизация войск Восточного фронта в основном закончилась. Определилась и структура Третьей армии, в составе которой были сформированы: из 1-й и 2-й Уральских дивизий — 29-я стрелковая дивизия, из 3-й и 4-й Уральских дивизий — 30-я стрелковая дивизия, а также 5-я Уральская дивизия, Особая Камская бригада и Особый отряд. По численности и вооружению Третья армия была самой сильной среди армий Восточного фронта. Сила ее определялась не только количеством, но и качеством, ибо почти одну треть армии составляли коммунисты.

Войска Третьей армии усилили сопротивление врагу уже в августе, когда начали сказываться результаты организационной и политико-массовой работы на фронте. Захватив Екатеринбург, белогвардейское командование пыталось организовать наступление на Пермь по кратчай-

[1] В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920), стр. 81.

шему пути через Кунгур. Но эта затея оказалась нереальной. В тылу екатеринбургской группировки белых, в районе Нижнего Тагила и Егоршино, оставались крупные силы советских войск, упорно оборонявшиеся, наносившие весьма сильные контрудары. Активные действия Крестьянского коммунистического, Камышловского и других полков, оборонявших Ирбитский завод и Егоршино, расстроили оперативные планы противника, вынудили его отказаться от продвижения на Кунгур и сосредоточить внимание на удержании екатеринбургского плацдарма.

В начале августа командование Третьей армии решило организовать контрнаступление на Екатеринбург со стороны Нижнего Тагила и Режевского завода. На этих участках фронта сосредоточивались главным образом советские войска бывшего Екатеринбург-Челябинского направления, в том числе 1-й Рабоче-Крестьянский, 3-й Екатеринбургский, Волынский, 1-й и 2-й Горные полки[1]. Перейдя в наступление вдоль железной дороги Нижний Тагил — Екатеринбург, наши войска захватили станцию Таватуй и двинули обходную колонну в сторону Билимбаевского завода. Одновременно Рабоче-Крестьянский полк при поддержке Екатеринбургского полка быстро продвигался к Екатеринбургу по шоссейному тракту. В результате ожесточенных боев были заняты деревни Большая и Малая Мостовка, Верхотурка, а затем под селом Балтым разгромлена 1-я чехословацкая штурмовая бригада. В течение одного дня наши части продвинулись вперед более чем на 60 верст. А когда белые оставили Балтым, Медный рудник (ныне Верхняя Пышма) и Березовск, фронт оказался на расстоянии всего лишь 7 верст от Екатеринбурга. Только ценой огромного напряжения сил противник сумел удержать город. Для этого ему пришлось снять максимум войск с Кунгурского направления и вместе с резервами перебросить под Екатеринбург. Сюда прибыло дополнительно шесть эшелонов с белогвардейскими войсками. В результате численность и вооружение екатеринбургской группировки противника увеличились на одну пехотную дивизию, два конных полка, значительное количество бронеавтомобилей, пулеметов и орудий. И, тем не менее, даже с таким очевидным превосходством в силах белым не сразу уда-

[1] Эти части составляли сначала Среднюю дивизию, а после отхода из-под Екатеринбурга были реорганизованы во 2-ю Уральскую дивизию 3-й Армии.

лось ликвидировать прорыв. Ожесточенные бои за город продолжались весь август и первую половину сентября. Особенно упорно дрался 1-й Рабоче-Крестьянский полк. Под Балтымом он вел бой в течение 18 часов, потеряв 30 процентов своего состава убитыми и ранеными.

Со стороны Режевского завода героическое сопротивление белым оказал отряд, которым командовал прославленный герой гражданской войны П. Д. Хохряков. Здесь, возле станции Крутиха, на линии железной дороги Реж — Екатеринбург, отважный командир и сложил свою голову за великие идеи социалистической революции. Случилось это 17 августа 1918 года.

Чтобы вынудить советские войска режевского участка фронта к отступлению, белогвардейцы организовали мятеж в зоне расположения Волынского полка. Восстали недавно мобилизованные для доукомплектования полка, находившиеся под влиянием кулаков, крестьяне Режевской и Покровской волостей (около тысячи человек). Они открыли фронт на протяжении 18 километров и пытались обезоружить верные Советской власти войска. В бой с мятежниками вступили кадровые роты волынцев, добровольцы из Квашнинской и Коневской волостей, батальон алапаевских рабочих. Прибывшие вскоре две роты Крестьянского коммунистического полка и рота камышловцев закрыли брешь на фронте и помогли ликвидировать мятеж. Положение под Режевским заводом было восстановлено полностью.

Возвратив свои позиции под Екатеринбургом и оттеснив части 2-й Уральской дивизии к Невьянску и далее к Нижнему Тагилу, белогвардейское командование оказалось все же не в силах возобновить активные наступательные операции на главном стратегическом направлении в сторону Кунгура и Перми. Этому мешала, во-первых, боевая деятельность егоршинской группировки советских войск, которая продолжала оказывать мощное давление на оперативный тыл противника. Во-вторых, оборонявшие Кунгур части Западной дивизии, реорганизованной к этому времени в 3, 4 и 5-ю Уральские дивизии, получили очень сильное пополнение в лице соединения В. К. Блюхера, пробившегося с боями с Южного Урала.

История этой героической эпопеи такова. В июне 1918 года в районе Оренбурга было сосредоточено для борьбы с Дутовым около 20 советских отрядов под общим коман-

дованием сначала В. К. Блюхера, затем Г. В. Зиновьева. Численность отрядов составляла несколько тысяч человек. Они были отрезаны от главных сил Красной Армии.

28 июня на совещании командиров и представителей Советов было решено оставить Оренбург. Большинство командиров, в том числе Зиновьев, высказались за отвод частей в Туркестан. Блюхер развивал план выхода из окружения в северном направлении, к крупным промышленным центрам Урала для слияния с Красной Армией. Его поддержали Н. Д. Каширин и М. В.Калмыков. Произошло расчленение Оренбургской группы войск. Большая часть из них во главе с Г. В. Зиновьевым, отойдя в начале июля в район Актюбинска — Орска, продолжала борьбу главным образом с дутовцами и впоследствии послужила ядром для создания Туркестанской армии.

Судьба отрядов В. К. Блюхера, Н. Д. Каширина и М. В. Калмыкова сложилась иначе. Они вынуждены были действовать в глубоком тылу врага. 1 июля Сводный Уральский и Южный отряды под командованием Блюхера и Каширина выступили в направлении на Верхнеуральск, Белорецк. Двумя днями раньше на Стерлитамак с целью выхода к Уфе выступил отряд Калмыкова. Так было положено начало полуторатысячекилометровому легендарному рейду уральцев. В нем принял участие ряд других отрядов и частей, сформированных и до выступления белочехов и позднее в районах Верхнеуральска, Троицка, Белорецка, Стерлитамака, Баймака, Тирлянского, Богоявленского и Архангельского заводов.

В середине июля части и отряды сосредоточились в Белорецке и его окрестностях. На совещании командиров 16 июля было принято решение сформировать Сводный Уральский отряд в составе Уральского, Троицкого и Верхнеуральского отрядов (групп). Соединение насчитывало свыше 7 тысяч человек и имело на вооружении 13 орудий и более 70 пулеметов. Главнокомандующим избрали Н. Д. Каширина, план которого — идти в район Екатеринбурга через Верхнеуральск и Троицк — был поддержан большинством командиров. Предложение В. К. Блюхера и Н. Д. Томина пробиваться на соединение с Красной Армией через рабочие (а не казачьи) районы Урала поддержки в тот период не нашло. Против Сводного Уральского отряда действовали основные силы Уральского белогвардейского корпуса, которым командовал генерал-лейте-

иант Ханжин. Численность корпуса изо дня в день нарастала. К 14 июля он насчитывал 11 050 штыков и сабель при 10 орудиях, на протяжении пяти дней корпус вырос еще на тысячу солдат и казаков, а спустя две недели его численность достигла 17—18 тысяч человек.

Наступление южноуральских отрядов на Верхнеуральск началось на рассвете 18 июля 1918 года. Вспомогательный удар наносился на Тирляи с последующим выходом вдоль узкоколейки к Юрюзани. Наступление велось общим фронтом. Между главными силами, наступавшими на Верхнеуральск, и Белорецким полком поддерживались связи, их фланги обеспечивались усиленными разъездами. Уже 19 июля Белорецкий полк с приданными подразделениями под общим командованием помощника главкома Н. В. Баранова освободил Тирлян и стал вести разведывательные операции и прикрывать левый фланг Троицкого отряда. Значительно более острый характер приобрела борьба на Верхнеуральском направлении. По мере продвижения партизан на восток противник оказывал все более упорное сопротивление, вводя в бой новые пехотные и кавалерийские части.

Командир Уральского корпуса Ханжин 25 июля приказал генерал-майору Шишкину, командовавшему верхнеуральской группой войск численностью до 8 тысяч штыков и сабель, перейти в наступление. В эти дни сражение под Верхнеуральском достигло большого накала. Жестокая борьба шла за каждый перевал, за каждую высоту, в частности, за Березовую гору.

Вторгаясь в позиции врага, Уральский и Верхнеуральский отряды продвинулись до горы Извоз, что в 3 километрах от Верхнеуральска, и в ночь с 31 июля на 1 августа штурмом овладели ею. Перед советскими отрядами открылся вид на Верхнеуральск, в панике оставленный противником. Однако командование отрядов отказалось от дальнейшего наступления. В эти дни стало известно о падении 25 июля Екатеринбурга и дальнейшем отступлении частей Красной Армии на север. В отрядах были на исходе боеприпасы. Надежды на восстание в казачьих войсках и станицах не оправдались. Силы врага все еще были велики. Одной только конницы в районе Верхнеуральска он имел до 5,5 тысячи человек. Кавалерия на равнине могла действовать активней. Партизанам дальше пришлось бы сражаться в казачьих районах, население которых в то

время в основной массе поддерживало белогвардейцев. Было принято решение выводить войска из окружения через рабочие районы, как предлагали ранее В. К. Блюхер и Н. Д. Томин. На принятие этого решения повлияли и сведения о действиях в районе Богоявленского и Архангельского заводов советских отрядов и намерении их пробиваться в район Бирска.

В ночь на 2 августа части Сводного Уральского отряда стали отходить в Белорецк. В это время в прикрывавшем отход Верхнеуральском отряде совершилось крупное предательство. Командующий отрядом Енборисов, командиры кавалерийских полков Зобов и Каюков с группой офицеров и полусотней казаков перебежали к белогвардейцам. Начавшуюся было в отряде панику удалось прекратить. Бойцы отряда успешно отбивали натиск авангардных частей врага. Отряды отошли и вновь сосредоточились в Белорецке.

2 августа здесь состоялось совещание командиров. На нем был утвержден план выхода из окружения в северо-западном направлении и избран новый главнокомандующий — В. К. Блюхер (Н. Д. Каширин 26 июля был тяжело ранен). 3 августа авангард — Уральский отряд — начал продвижение по Стерлитамакскому (Уфимскому) тракту. Однако части белых, сведенные в две дивизии — 2-ю и 3-ю — и брошенные вслед за Сводным Уральским отрядом, вновь вошли с ним в соприкосновение. Возобновились ожесточенные бои нашего арьергарда с врагом. Основательно потрепав противника, арьергард Сводного Уральского отряда в ночь на 5 августа покинул город. Его исчезновение противник обнаружил только на следующее утро.

Все отряды и обозы следовали одной колонной, вытянувшись в 20—30-километровую нитку — трактовая дорога, прорезавшая горы, была единственной. Белогвардейцы стремились воспользоваться этим. Продолжая преследование, они пытались смять арьергард и боковые заслоны. Выполнение задачи по борьбе с партизанами генерал Ханжин возложил на 3-ю Оренбургскую дивизию Ончокова, усиленную некоторыми частями 2-й дивизии. Врагу казалось, что эти задачи удастся решить легко. Но его натиск успешно отбивали замыкающие части, боковые охранения Сводного Уральского отряда. Наиболее трудным был участок от Белорецка до села Макарово. Высокие

горы, кручи, камни. То там, то здесь у самой дороги разверзались пропасти. Август выдался знойным. Полуголодные бойцы обливались пóтом. Их мучила жажда. Недосыпали. К концу очередного перехода ноги становились точно чугунными. Но бойцы все шли и шли. Пехотинцы тянули пулеметы, надрывались, вытаскивая на горы орудия. Фланговым отрядам — в основном кавалеристам и артиллеристам — было особенно трудно, ведь они шли напрямик, через горные вершины, лесами, сбивая врага, оседлавшего тропинки и перевалы. Нередко бойцы срывались и падали в пропасть.

Рейд и боевые действия Сводного Уральского отряда осложнялись и тем, что вместе с ним следовало большое количество беженцев, по воспоминаниям очевидцев, до 2—3 тысяч человек. Это были жены, дети, родители командиров, советских работников, красноармейцев, бойцов Сводного Уральского отряда. Выйдя на равнину, беженцы стали двигаться отдельно от отрядов, параллельными проселочными дорогами.

Огромные обозы двигались и с партизанской армией. Только раненых и больных при выходе из Белорецка насчитывалось около 150, а в момент соединения с Красной Армией — не менее 450 человек.

Сводный Уральский отряд, несмотря на многочисленность его рядов, наличие массы беженцев, громоздких обозов, был хорошо управляемым соединением. В его частях проводилась большая работа по укреплению дисциплины и сплочению бойцов и командиров. Суровое осуждение и наказание ожидало тех, кто проявлял нестойкость в бою, забывал помогать товарищу. Беспощадно карали за отдельные случаи мародерства. Важным рычагом внедрения социалистического сознания и революционной дисциплины являлись специально созданные дисциплинарные органы: следственные комиссии, контрольный совет, военно-полевой и товарищеские суды.

Решающую роль в политико-воспитательной работе играли коммунисты, являвшиеся душой партизанской армии, ее цементирующей силой. По далеко не полным данным, в Сводном Уральском отряде насчитывалось несколько сот коммунистов. Партийные организации и группы проводили собрания во время стоянок и на коротких привалах. Коммунисты находились в гуще масс, ободряли бойцов в трудные минуты, личным примером вдохновляли

их на подвиги. Особенно значительной была роль коммунистов-командиров, и прежде всего самого В. К. Блюхера. По общему признанию коммунистов, его избрание главнокомандующим привело к оживлению всей партийно-политической деятельности в отрядах. Эта деятельность сплотила вокруг единой идеи, для достижения единой цели огромную массу людей различных социальных групп и национальностей. Плечом к плечу в рядах соединения сражались рабочие и городская беднота, трудящиеся крестьяне, казаки и лучшие представители интеллигенции; русские, украинцы, башкиры, татары, марийцы, чуваши, латыши, эстонцы, венгры, немцы, румыны, китайцы.

Мощь и несокрушимую волю к победе бойцов и командиров Сводного Уральского отряда почувствовали белогвардейцы в боях на горных перевалах по пути к равнине, на правобережье реки Белой. Большие потери враг понес, в частности, под Кагинским заводом 7 августа. Белогвардейцы вынуждены были отвести часть сил. Через неделю после выхода Сводного Уральского отряда из Белорецка горные тропы, перевалы остались позади. Представилась возможность преодолеть крайне опасную растянутость соединения. Но положение его оставалось тяжелым. Вражеские части продолжали наседать на арьергард, в то же время передовые подразделения все чаще сталкивались с разъездами противника в западном направлении. Предстояли новые бои. Однако впереди были не только враги, а и друзья — красноармейцы и партизаны Богоявленско-Архангельского района.

Отряды, действия которых координировались Богоявленским штабом во главе с М. В. Калмыковым, более месяца мужественно защищали Советскую власть в большом районе Уфимской губернии. Их положение становилось все труднее. С огромным нетерпением ждали они прибытия подкрепления. Блюхеровцы нанесли поражение частям стерлитамакского белогвардейского гарнизона в районе села Петровского. Оставив отряды прикрытия, они двинулись на север и сосредоточились 14 августа в районе Богоявленского завода. Части Сводного Уральского отряда, радушно встреченные трудящимся населением правобережья Белой, получили возможность отдыхать около двух суток. Одновременно происходила замена на боевых позициях местных отрядов, которые были сведены в роты, батальоны и кавалерийские сотни, а в конечном итоге —

в два полка. Таким образом, в соединении, помимо трех отрядов — Уральского (командующий И. С. Павлищев), Верхнеуральского (командующий И. Д. Каширин) и Троицкого (командующий Н. Д. Томин), имелось два отдельных полка, подчиненных непосредственно главкому и главному штабу,— Богоявленский (командир М. В. Калмыков) и Архангельский (командир В. Г. Дайберг). Подсчеты показывают, что соединение, в одном из документов названное Блюхером корпусом, насчитывало до 9300 штыков и сабель, а личного состава до 10 с половиной тысяч человек (без беженцев). В отрядах и полках имелось около 100 пулеметов и 17 артиллерийских орудий. Сводный Уральский отряд способен был решать сложные задачи и имел реальную возможность вырваться из вражеского окружения. 16 августа в соответствии с уточненным и детализированным планом он начал продвижение на север, рассчитывая прорваться восточнее Уфы.

В районе трехречья — там, где сливались Сим (север) и Зилим (юг) с Белой (запад), — во второй половине августа разгорелось ожесточенное сражение между войсками Блюхера и белогвардейскими полками 3-й Оренбургской дивизии и частями стерлитамакского и уфимского гарнизонов. В. К. Блюхер расположил отряды и полки с расчетом отражения натиска врага с любой стороны. На юго-восток и северо-восток (по направлению к горному массиву и лесным дебрям) были развернуты части Верхнеуральского отряда. Белогвардейцы встречались здесь лишь на отдельных участках, и силы их были невелики. Но на западе Троицкий отряд 19 августа выдержал тяжелый бой под Ирныкшами с большим отрядом противника, скрытно переправившимся через Белую. Ночью противник покинул занятые позиции и отступил на левый берег Белой, в Сарт Наурузово.

В арьергарде находился Богоявленский полк с приданными ему двумя кавалерийскими сотнями верхнеуральцев. Арьергард, укрепившись на правом берегу Зилима, успешно отбивал атаки главных сил 3-й Оренбургской дивизии и частей стерлитамакского гарнизона вплоть до 22 августа. Только по получении приказа богоявленцы мощным ударом отбросили противника, в ночь на 23 августа отошли к реке Инзер и заняли новую линию обороны.

Наиболее сложные задачи были поставлены перед отрядом И. С. Павлищева и приданным ему Архангельским

полком. Они разгромили белогвардейцев на левом берегу Сима и 21 августа с боем овладели плацдармом на его правом берегу. Затем за 12 часов был наведен через бурный Сим мост у деревни Бердина Поляна. Части Сводного Уральского отряда, продолжая сдерживать противника, наступавшего с юга, одна за другой переправились на правый берег реки. 25 августа Уральским и Троицким отрядами при поддержке Архангельского полка были разгромлены белогвардейские войска на линии Слутка — Родники — Асканыш. Верхнеуральский отряд и переместившийся на правый фланг Архангельский полк успешно продвигались на север и северо-восток, к Самаро-Златоустовской железной дороге. Туда же направились и другие отряды.

Чтобы не допустить прорыва отрядов Блюхера через железнодорожную линию, белогвардейцы создали вокруг партизан сильное, все сжимающееся кольцо. До 28 августа шли бои местного значения. Обе стороны готовились к решающей схватке. Вечером 28 августа Верхнеуральский отряд вступил в бой с чехословацко-польским отрядом под Иглино. Бой продолжался более суток. Общим наступлением 29 августа партизаны смяли противника и прорвались через железную дорогу восточнее Иглино на широком протяжении, вплоть до разъезда Кудеевка. Это были Уральский отряд и Архангельский полк, опиравшийся на поддержку полка М. В. Калмыкова. Часть Верхнеуральского и Троицкого отрядов упорно дралась в районе станции Шакша за железнодорожный мост через реку Уфа. Они заняли ряд населенных пунктов, однако мост захватить не смогли. Особенно героически сражались бойцы и командиры той части Троицкого отряда, которая прикрывала армию с юга и юго-запада. На рассвете 30 августа враг позорно бежал из Иглино в восточном направлении, станция и большой участок железной дороги без боя были заняты отрядом И. Д. Каширина.

На протяжении четырех десятков километров железная дорога, средства связи были выведены блюхеровцами из строя. Не теряя ни одного дня, вечером 30 августа они двумя колоннами из районов Иглино и Тавтиманово — Чуваши устремились к деревне Красная Горка (Красный Яр), что на левом берегу Уфы. Командование соединения рассчитывало вывести в этот район войска раньше, чем к нему подоспеют белогвардейцы. Близ Красной Горки пред-

полагалось произвести переправу через Уфу. Эту задачу удалось решить в ожесточенной борьбе. За полтора суток в боевой обстановке мост через полноводную реку был построен (к полудню 3 сентября). По нему переправились все части, находившиеся до того момента на левом берегу, обозы отрядов и беженцы. После этого арьергардом с помощью саперов мост и другие средства переправы были уничтожены.

В битве на берегах Уфы войска противника были разгромлены. Отряды В. К. Блюхера захватили много пленных, десятки тысяч патронов, пулеметы, 3 артиллерийских орудия. Сотни белогвардейцев были истреблены, утонули в Уфе при попытке спастись от преследования вплавь. Не встречая больше сильного сопротивления, Сводный Уральский отряд устремился на север.

Утром 11 сентября 1918 года авангард соединения — Троицкий отряд вступил в Аскино, от которого до линии фронта оставалось всего 25 километров. На другой день в районе деревушки Поляковка (Малое Гордино) кавалерийский эскадрон разинцев во главе с помощником начальника штаба Троицкого отряда В. С. Русяевым впервые встретился с красноармейцами — взводом 6-й роты 1-го Советского Бирского полка 5-й Уральской дивизии.

13 сентября отряды и полки двинулись к фронту и стали один за другим выходить на линию Екатеринбургско-Казанской железной дороги. По выходе в район Кунгура завершился продолжавшийся свыше двух с половиной месяцев полуторатысячекилометровый героический поход. В ходе боевых действий соединение Каширина — Блюхера разбило многие полки Уральского корпуса, польские легионы, части стерлитамакского, бирского и аскинского гарнизонов, 6-й чехословацкий, 1-й Башкирский, 13-й и 14-й Уфимские полки. В момент выхода из вражеского тыла в состав Сводного Уральского отряда входили Верхнеуральский, Белорецкий, 1-й Уральский, 17-й Уральский, Богоявленский, Архангельский стрелковые полки, 1-й Оренбургский казачий Степана Разина, Верхнеуральский казачий и Уфимский (находился в стадии формирования) кавалерийские полки, несколько отдельных кавалерийских сотен, 6 артиллерийских батарей, имевших в общей сложности 20 орудий. Силы соединения к концу похода не уменьшились, а выросли.

Выход соединения В. К. Блюхера из окружения, его

блестящие победы над белогвардейцами получили высокую оценку партии и правительства. «Переход войск тов. Блюхера в невозможных условиях,— отмечалось на заседании ВЦИКа,— может быть приравнен разве только к переходам Суворова в Швейцарии» [1]. 30 сентября 1918 года В. К. Блюхер был награжден только что учрежденным орденом Красного Знамени (№ 1). Позднее правительственными наградами были отмечены Н. Д. Каширин и ряд других активных участников легендарного рейда, даже целые части.

К моменту соединения партизан с регулярными войсками на правом фланге Третьей армии, прикрывавшем подступы к Перми, обстановка сложилась так. Советские войска оказывали активное сопротивление противнику. Успешно сражалась 3-я Уральская дивизия под командованием Седора. Общая задача дивизии заключалась в том, чтобы вести наступление по железной дороге от Кунгура и Лысьвы в направлении станции Кузино, угрожая екатеринбургской группировке противника с северо-запада. 30 августа части дивизии, продвигавшиеся со стороны Кунгура, заняли станции Шаля, Сарга и Сылвенский завод. На Лысьвенском направлении бригада Рейхардта освободила от белых станцию Илим. Дивизия являлась вполне боеспособным соединением и насчитывала в своем составе 5267 штыков, 467 сабель, 161 пулемет, 18 орудий.

Напряженные бои разгорелись в районе Красноуфимска. Он удерживался советскими войсками в течение нескольких месяцев. Борьба шла не только на фронте, но и в тылу, где орудовали многочисленные кулацко-белогвардейские банды. Соотношение сил здесь было явно в пользу противника. По сведениям оперативного отдела штаба Третьей армии за 30 августа, в 4-й Уральской дивизии, сражавшейся на Красноуфимском направлении, числилось всего 1936 штыков, 387 сабель, 22 пулемета, 6 орудий. Против этих сравнительно небольших сил действовало, как видно из разведывательной сводки за то же число, более 9 тысяч белогвардейцев, которые располагали достаточным количеством конницы и пулеметов. Несмотря на столь значительное превосходство противника, советские войска вели активные наступательные действия и во второй половине августа освободили ряд крупных населенных

[1] В. Душенькин. От солдата до маршала, стр. 64.

пунктов, в том числе Нижнеартинский и Бисертский заводы. В дальнейшем они должны были, продвигаясь вдоль железной дороги в направлении на станцию Гробово, поддерживать наступление частей 3-й Уральской дивизии и вынуждать белогвардейское командование отводить войска к Екатеринбургу.

В начале сентября обстановка на правом фланге Третьей армии значительно осложнилась. Противник перебросил сюда свежие части из вновь сформированной Иркутской дивизии. Под Красноуфимском появились три полка белых — Бугурусланский, Иркутский и Байкальский, по 1500 человек в каждом, на Пермском направлении сосредоточились отборные чехословацкие полки из 5-й и 6-й дивизий противника с бронепоездами и тяжелыми орудиями. Завязались ожесточенные встречные бои, в результате которых наши войска понесли огромные потери и стали отступать. 17 сентября Р. И. Берзин телеграфировал Главкому: «Шестой день подряд противник ведет интенсивное наступление на Пермь, сосредоточив крупные силы. Идут бои на всем фронте Третьей армии, наши потери тяжелые: в пехотных полках осталось в ротах только по 10 человек. Наступают только чехословаки и казаки. Вчера после ожесточенных боев наши части вынуждены были оставить Красноуфимск» [1]. В дальнейшем численность неприятельских сил на данном участке фронта продолжала непрерывно возрастать. В разведывательной сводке начальника оперативного отдела штаба Третьей армии за 25—31 октября сообщалось, что в районе станции Кордон, селений Татарская Бырма, Березовск, Молебское противник сконцентрировал от 20 до 25 тысяч штыков. Здесь были в полном составе 2-я чешская и 1-я Сибирская дивизии, а также части 1-й и 3-й чешских дивизий. Они предназначались для решающего наступления на Кунгур вдоль линии железной дороги. На Красноуфимском направлении действовали кроме частей Иркутской дивизии 3-й казачий пластунский полк, Златоустовский горный полк, 1-й Красноуфимский добровольческий полк и отдельные мелкие отряды общей численностью примерно 15 тысяч штыков.

В такой критической обстановке выход в район Кунгура героических отрядов В. К. Блюхера имел исключительно

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 1, д. 12, л. 76.

важное значение для укрепления фронта Третьей армии. Правофланговые части армии получили прекрасное пополнение. Блюхеровские отряды влились в 4-ю Уральскую дивизию, в сущности скомплектовав ее заново. На 6 октября силы дивизии исчислялись в 10 757 штыков, 1779 сабель, 131 пулемет и 22 орудия. Она стала самым боеспособным соединением Третьей армии. Это дало возможность командованию значительно упрочить позиции советских войск под Кунгуром и предпринять контрнаступление на Красноуфимском направлении. 27 сентября части дивизии контратаковали противника в районе Суксунского завода и начали продвигаться по Кунгурскому тракту к Красноуфимску. На другой день были освобождены Молебский завод, населенные пункты Брехово, Златоустовское, Сажино. Продолжая наступление, наши войска захватили большое село Ачитское и 2 октября выбили белых из Красноуфимска. В дальнейшем бои шли с переменным успехом, так как противник, подтянув крупные резервы, пытался перехватить инициативу в свои руки. 13 октября ему удалось снова занять Красноуфимск, а затем и Молебский завод. Однако 18 октября в результате ответного контрудара части 4-й Уральской дивизии вторично вступили в город и уже прочно его удерживали. Попытка белогвардейского командования перехватить Кунгурский тракт у села Татарская Бырма и тем самым отсечь красноуфимскую группировку красных от основных сил Третьей армии не увенчалась успехом. Враг так и не смог сломить наступательный порыв красных воинов, хотя продолжал сохранять крупный перевес в силах. По сведениям оперативного отдела штаба армии, против 4-й Уральской дивизии на фронте от Красноуфимска до железной дороги Кунгур — Екатеринбург действовали в конце октября 2-я чешская и Иркутская дивизии, а также отдельные чехословацкие и белоказачьи полки в составе 22 240 штыков, 1360 сабель при 104 пулеметах и более 14 орудиях.

Таким образом, соединение отрядов В. К. Блюхера с частями Третьей армии существенным образом изменило соотношение сил воюющих сторон. На правом фланге противник, несмотря на свое численное превосходство, утратил боевую инициативу. Советские войска перешли к активным действиям и надежно прикрыли подступы к Перми со стороны Кунгура и Красноуфимска.

Активные действия правофланговых частей Третьей

армии явились серьезной поддержкой войскам Второй армии, подавлявшим вооруженные выступления контрреволюции в Прикамье. В середине августа 1918 года, когда обозначились первые крупные очаги белогвардейского восстания в районе Гольяны — Сарапул по реке Каме, командарм Берзин приказал сформировать экспедиционный отряд в составе Пермской речной флотилии и боевых дружин Воткинска, Ижевска, Сарапула, Осы, Красноуфимска. Командиром был назначен Г. Палаев. Отряд получил задание действовать на стыке Второй и Третьей армий, охраняя водные и железнодорожные коммуникации советских войск и очищая тыл от мятежных банд. 21 августа в связи с антисоветским мятежом на Ижевском и Воткинском заводах, который поставил под серьезную угрозу правый фланг и тыл Третьей армии, был сформирован второй экспедиционный отряд под командованием матроса Булкина. В боях с превосходящими силами мятежников советские отряды понесли крупные потери и в значительной мере утратили свою боеспособность. Тогда командование Третьей армии выделило новые подкрепления и объединило все части в Отряд особого назначения. Командиром его стал бывший начальник штаба армии Аплок. Вскоре в распоряжение Аплока была передана Камская бронефлотилия, которой командовал интернационалист Франц Каплан. В первой половине сентября в составе Отряда особого назначения были сформированы 1-й и 2-й Камские стрелковые полки. Общая численность отряда к этому времени достигла 2838 человек. Отряд принял на себя оборону Осинского направления и своим активным движением в сторону Камбарского завода и Сарапула во многом способствовал подавлению ижевско-воткинского мятежа. В ноябре, когда развернулись решающие бои за освобождение Прикамья от белогвардейцев, Отряд особого назначения представлял собой крупную боевую единицу, способную решать важные оперативные задачи. Его силы исчислялись в 5614 штыков, 67 сабель, 50 пулеметов и 19 орудий.

С событиями в Прикамье было связано и сформирование 5-й Уральской дивизии Третьей армии. Белогвардейский мятеж на Ижевском и Воткинском заводах первое время сильно дезорганизовал оборону советских войск. Под напором превосходящих сил мятежников численностью несколько десятков тысяч человек части Второй

армии, дислоцировавшиеся в районе Николо-Березовки, стали отходить на запад, по направлению к Вятским Полянам, обнажая правый фланг Третьей армии. Чтобы восстановить положение и не допустить прорыва фронта, советское командование дало указание штабу Третьей армии взять в свое оперативное подчинение остатки левофланговой группы войск Второй армии и на базе ее сформировать 5-ю Уральскую дивизию. Костяком новой дивизии послужила партизанская бригада, которой командовал П. И. Деткин. К моменту описываемых событий эта бригада, сформированная преимущественно из крестьянской бедноты Бирского, Красноуфимского и Осинского уездов, действовала как раз на стыке двух армий. В ее состав входили 1-й и 2-й Бирские полки, а также отдельные крестьянские дружины. По состоянию на 30 августа в бригаде числилось более трех тысяч бойцов. После выхода из окружения войск В. К. Блюхера на усиление 5-й Уральской дивизии был направлен Архангельский полк в количестве примерно 700 штыков и 300 сабель при 6 орудиях. Командир полка В. Г. Данберг стал начальником дивизии.

Впоследствии в составе дивизии, помимо названных частей, были сформированы 3-й Камский и 3-й Бирский стрелковые полки, 1-й Уфимский кавалерийский полк, учебный батальон, артиллерийские батареи и разные вспомогательные команды. К 20 ноября силы 5-й дивизии исчислялись в 4564 штыка, 269 сабель, 38 пулеметов. Взаимодействуя с Особым отрядом Третьей армии, части дивизии в течение сентября-ноября вели упорные бои на Осинском направлении. В этих боях выявились высокие моральные качества и стойкость вновь созданного соединения. В начале октября, например, противник атаковал наши войска со стороны Михайловского завода, но был остановлен, а затем обращен в бегство. По сообщению командарма Берзина, за два дня боев белогвардейцы потеряли на этом участке фронта до 800 человек. Пытаясь задержаться, противник силою до 10 рот пехоты 14 октября снова контратаковал части дивизии в районе Бикбардинского завода. Однако и на этот раз он потерпел поражение и вынужден был оставить ряд населенных пунктов. В дальнейшем наши войска продолжали продвигаться в юго-западном направлении от Осы, очищая от мятежников левобережье Камы. Будучи выбиты из Ижевского и Воткинского заводов, белогвардейцы перебросили часть сил против 5-й дивизии

и Особого отряда. На фронте вновь завязались ожесточенные встречные сражения. 25 ноября дивизия, измотав и обескровив противника, перешла в общее контрнаступление и значительно улучшила свои позиции. В целом правофланговые соединения Третьей армии активными действиями сковали довольно крупную вражескую группировку. На 28 октября в ее составе насчитывалось не менее 11 тысяч штыков, около 600 сабель, 17 пулеметов, 6 орудий. Две трети этих сил сосредоточивались на фронте 5-й дивизии.

После того как советские войска надежно прикрыли подходы к Перми по кратчайшему направлению через Кунгур, противник попытался добиться решающего успеха на Тагильском участке фронта, чтобы прорваться на Северный Урал по Горнозаводской железной дороге через Нижний Тагил, Лаю, Баранчу, Кушву, Чусовую. Сюда были стянуты значительные силы: 7-й и 8-й чехословацкие полки, офицерская рота, 12-й и 14-й Омские, 20-й Тюменский, 25-й Екатеринбургский, 28-й Ирбитский и другие белогвардейские пехотные полки, а кроме того, кавалерийские, артиллерийские, авиационные, пулеметные части и два бронепоезда. Всем этим силам противостояли со стороны красных 1, 2, 3-й Горные советские полки, 3-й Екатеринбургский полк и 1-й Рабоче-Крестьянский полк, составлявшие 2-ю Уральскую дивизию.

Усилив свои части Тагильского направления мощными резервами, белые во второй половине сентября разбили измотанную беспрерывными боями 2-ю Уральскую дивизию, оттеснили ее к Тагилу и стали угрожать важному стратегическому пункту — станции Сан-Донато, где Северо-Восточная Уральская железная дорога имела выход на Горнозаводскую линию. Создалось чрезвычайно опасное положение, ибо с падением Нижнего Тагила вся Егоршинская группа советских войск оказалась бы полностью отрезанной. Чтобы предотвратить неминуемую катастрофу на восточном участке фронта, командование Третьей армии перебросило под Нижний Тагил 1-й Камышловский и 4-й Уральский полки. Пока Крестьянский коммунистический полк один удерживал егоршинские позиции, снятые отсюда полки успели подтянуться к станции Сан-Донато и с ходу ударили по врагу. В упорном сражении 22 сентября, которое длилось без перерыва почти сутки, советские войска нанесли серьезное поражение белогвардейцам,

выбили их из Нижнего Тагила и отбросили более чем на десять километров. Под Тагилом были наголову разгромлены чехословацкие полки из дивизии генерал-майора Войцеховского. После этого собственно чехословацкие части почти полностью исчезли с фронта в районе Третьей армии. Кроме того, противник потерял оба бронепоезда и много другого вооружения.

Героическая оборона Нижнего Тагила дала возможность командованию Третьей армии успешно завершить вывод частей из района Реж — Егоршино — Алапаевск и перебросить их к Кушве. Сильно поредевшие полки 2-й Уральской дивизии были слиты с 1-й и образовали сводную дивизию, которая в ноябре 1918 года стала называться 29-й стрелковой дивизией Третьей армии. Командовал этим соединением М. В. Васильев.

Между тем положение под Тагилом продолжало оставаться очень напряженным. Оборонявшие город советские войска понесли большие потери и были измотаны до последней степени. Противник же располагал еще значительными силами. В конце концов ему удалось захватить станцию Сан-Донато, отрезав наши части от баз снабжения. А 4 октября пал Нижний Тагил. Камышловский и 4-й Уральский полки с трудом оторвались от белых и отошли к Кушве. Крестьянский коммунистический полк, отступавший к Нижнему Тагилу от Алапаевска, попал в окружение. После неудачных попыток прорваться через станцию Сан-Донато, командование полка приняло решение идти на соединение с остальными войсками напрямик лесными тропами. Чтобы затруднить белым преследование, красноармейцы взорвали железнодорожный мост через речку Черную в районе станции Салка, уничтожили подвижной состав и все имущество, которое нельзя было унести с собой. Боеприпасы, продовольствие и раненых погрузили на подводы и тронулись в путь.

К моменту выхода Крестьянского коммунистического полка из окружения и соединения его в районе Кушвы с другими полками Сводной дивизии здесь сложилась следующая обстановка. От станции Сан-Донато и Нижнего Тагила белогвардейские войска в составе 4-й дивизии генерала Вержбицкого и 7-й дивизии князя Голицына повели наступление в сторону Кушвы и 16 октября овладели Лайским и Баранчинским заводами. Они планировали окружить и разгромить Сводную дивизию красных, защищав-

шую подступы к Перми. Спасти положение мог только Крестьянский коммунистический полк, ибо других резервов в распоряжении советского командования не было. Командир полка И. А. Ослоповский получил приказ задержать продвижение противника на Кушвинском направлении.

Быстрый и своевременный выход войск на исходные рубежи, надежная связь, четкое взаимодействие частей, внезапность нападения и высокий наступательный порыв красных бойцов — все это обеспечило успех выполнения операции. Враг оказался застигнутым врасплох. Его огневые точки, заранее нащупанные советскими артиллеристами, были сразу же подавлены. Началась губительная паника. К полудню 21 октября 7-я дивизия князя Голицына, занимавшая Лайский завод, деревню и станцию, потерпела полный разгром и перестала существовать как боевая единица. Вскоре белые сдали и Баранчу, не оказав серьезного сопротивления. На поле боя остались трупы 1500 вражеских солдат и офицеров, огромное количество боевой техники и разного военного имущества. Избежавшие разгрома белогвардейские части откатились к Нижнему Тагилу и до конца ноября не отваживались возобновить наступление в сторону Кушвы.

Бой под Кушвой принес советским войскам Урала одну из самых блестящих побед. Большая заслуга в этом принадлежала 1-му Крестьянскому коммунистическому полку, который принял на себя главную тяжесть боя и своей стойкостью поддержал другие полки Сводной дивизии. В приказе по Третьей армии от 22 октября 1918 года об этом говорилось следующее: «Результатом беспримерной доблести 1-го Крестьянского Коммунистического полка было то, что за полтора дня мы отвоевали у противника двадцать верст, обильно залитых его кровью и в тактическом отношении дающих нам самое выгодное положение; мы взяли у врага 20 пулеметов, обоз, много амуниции и других трофеев, не считая пленных» [1]. Командование Третьей армии сообщало далее в приказе, что в воздаяние воинских заслуг, мужества и храбрости, проявленных 1-м Крестьянским коммунистическим полком на полях сражения, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял постановление о награждении полка почетным Красным знаменем.

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 5, д. 8, л. 347.

27 октября в Кушве состоялось торжественное вручение награды. Знамя принял из рук специального уполномоченного ВЦИК командир первой бригады Ф. Е. Акулов и передал его И. А. Ослоповскому, а тот — А. Е. Овсянникову, лучшему бойцу полка, выделенному за выдающиеся боевые заслуги в знаменщики. Командующий Третьей армии Р. И. Берзин поздравил бойцов с высокой правительственной наградой. Выступивший с ответным словом воином А. И. Юдин вспомнил славную историю полка, не знавшего ни единого поражения, и предложил именовать его отныне 1-м Крестьянским коммунистическим полком «Красных орлов».

Для пополнения своих потрепанных частей белогвардейское командование в конце октября 1918 года перебросило на Урал отборный добровольческий корпус под командованием колчаковского генерала Пепеляева. Этот корпус в составе двух дивизий был укомплектован белогвардейскими офицерами и сибирскими кулаками. Ему предстояло действовать на Лысьвенском направлении и еще раз попытаться отрезать Сводной дивизии красных выход в район Перми. Пепеляеву удалось потеснить Особую бригаду Третьей армии и, продвинувшись на северо-запад по железнодорожной линии Бердяуш — Лысьва, занять станции Уиь, Кын и Кыновский завод. Отсюда белые повели наступление на Лысьву. Командование армии направило на ликвидацию прорыва 1-й Камышловский полк во главе с испытанным его командиром Брониславом Швельнисом и 17-й Петроградский полк, которым командовал питерский рабочий Захаров. Переброска этих полков из района Кушвы на Лысьвенское направление оказалась возможной благодаря тому, что Крестьянский коммунистический полк продолжал прочно удерживать свои позиции под Лаей и Бараичой, сковывая активность противника на Тагильском участке фронта.

В первых числах ноября камышловцы и питерцы, не замеченные противником, прибыли по узкоколейной дороге на Коноваловский завод, а оттуда лесом подобрались к Кыновскому заводу и неожиданно атаковали его. Довольно сильный белогвардейский гарнизон в составе 2-го Барабинского, 4-го Енисейского и 3-го Барнаульского полков после некоторого замешательства оказал яростное сопротивление. Плотный огонь вражеских пулеметов, бивших по заранее пристрелянным позициям, нанес атакующим боль-

шой урон. В Камышловском полку выбыли из строя 150 бойцов и 22 командира. Но к концу дня противник не выдержал сокрушительных штыковых ударов красных воинов и в беспорядке отступил к станции Кын. В этом бою советские войска захватили в плен 400 белогвардейских солдат, 12 офицеров и 2 полковников. Среди большого количества убитых оказался генерал. Не давая противнику закрепиться, Камышловский и 17-й Петроградский полки нанесли следующий удар по станции Кын и после упорного боя освободили ее. Здесь были захвачены огромные трофеи и среди них бронепоезд «Адмирал Колчак», вооруженный мощными пушками иностранного производства. От станции Кын советские части повели наступление дальше и с ходу захватили соседнюю станцию Уинь. Движение белых на Лысьву было приостановлено.

В период осенних боев на Урале мужественно сражались с врагом многие полки и подразделения Красной Армии. Немало славных дел совершили бойцы, командиры и политработники полка имени И. М. Малышева, который считался лучшим в 3-й Уральской дивизии. После оставления Екатеринбурга малышевцы вели бои в районе железной дороги Екатеринбург — Пермь, громили противника под Сылвенским заводом, стойко обороняли станции Шаля и Шамары, прикрывая путь на Кунгур. В приказах по дивизии часто отмечалось образцовое поведение личного состава полка.

По всему Уралу шла добрая слава о героических подвигах петроградских рабочих, сражавшихся в рядах Третьей армии. На самых ответственных участках фронта дрался 17-й Петроградский полк. Он отличался классовой сплоченностью и высокой моральной устойчивостью. За блестяще проведенную операцию по взятию Кыновского завода 17-й Петроградский полк вместе с 1-м Камышловским полком был представлен к награждению почетным Красным знаменем. Так же мужественно держали себя в бою 4-й Василеостровский полк, Путиловский стальной кавалерийский полк, Питерский Красный батальон, Нарвский партизанский Красногусарский отряд и другие соединения петроградских рабочих. Особую храбрость и находчивость в боевой обстановке проявили А. Ф. Красавчиков — командир Питерского Красного батальона, бойцы и командиры 4-го Василеостровского полка Василий Коновалов, Дмитрий Непомнящий, Василий Сахаров, Иван Пост-

ников, Сергей Маломанов, Семен Боженов, командир пешей сотни Нарвского партизанского Красногусарского отряда Юрий Стагит. В ноябре 1918 года командование возбудило ходатайство о представлении особо отличившихся бойцов и командиров петроградских соединений Третьей армии к высшей боевой награде — ордену Красного Знамени.

Одним из самых ярких выражений братской солидарности трудящихся явилась боевая деятельность интернациональных частей Красной Армии на Урале. В приказе по Третьей армии от 25 ноября 1918 года были отмечены выдающиеся заслуги Эстонского Коммунистического батальона, который, прибыв в начале войны на фронт под Миассом, принимал самое деятельное участие в борьбе с силами уральской контрреволюции. Военный совет Третьей армии объявил, что областной комитет партии постановил наградить эстонских коммунистов от имени трудящихся Урала почетным Красным знаменем за боевую доблесть и мужество.

Прославили себя в боях за красный Урал китайские добровольцы. В октябре 1918 года их батальон сражался на Верхотурском направлении. В донесении начальника Сводной Уральской дивизии за 29 октября сообщалось, что «... китайский батальон, перейдя р. Актай, выбил противника из двух рядов окопов и отбросил его к Верхотурью. Отступление банд происходило в беспорядке, во время которого им нанесены огромнейшие потери» [1]. В ноябре батальон пополнился добровольцами и составил полк, командовал которым верный друг Советской России Жен Фу-чен [2].

Каковы же основные военно-политические итоги борьбы за Урал летом и осенью 1918 года?

Прежде всего белогвардейцы и интервенты, несмотря на крупное численное и материально-техническое превосходство, не добились решающего успеха. Правда, им удалось захватить значительную часть промышленного Урала, но это стоило огромных жертв. В боях под Екатеринбургом, Егоршино, Кунгуром, на Тагильском, Кушвин-

[1] Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). Документы и материалы, стр. 361.

[2] Жен Фу-чен геройски погиб в боях под станцией Выя в конце ноября 1918 г.

ском, Лысьвенском, Осинском направлениях противник израсходовал большую часть резервов, предназначенных для выполнения важнейшей стратегической задачи — захвата Перми. Активное сопротивление Третьей армии облегчило наступательные операции советских войск на других участках Восточного фронта, содействовало успешной ликвидации контрреволюционных мятежей в Поволжье и Прикамье.

Однако борьба с контрреволюцией на Урале протекала при неблагоприятной в целом для Советской власти расстановке классовых сил. Именно это обстоятельство позволило противнику сохранять крупное численное превосходство, несмотря на большие потери в боях с Красной Армией. Выше уже указывалось, что мятеж чехословаков сразу же дал перевес в силах контрреволюции. В результате мобилизации трудящихся и сформирования многочисленных отрядов Красной Армии, а также переброски на Урал воинских частей из центральных районов страны соотношение сил несколько уравнялось. В первых числах июля в войсках Северо-Урало-Сибирского фронта числилось 17 174 штыка, 238 сабель, 309 пулеметов и 30 орудий. Против них действовали части чехословацкого корпуса и белоказаков, кроме того, отряды белогвардейцев, кулаков, башкирских и татарских националистов, общей численностью в 20 100 штыков и сабель при 160 пулеметах и 21 орудии. Противник оказался слабее вооруженным, но сохранил свое численное превосходство. Обращает на себя внимание тот факт, что в данный момент он располагал более сильными резервами. Из указанного количества войск белогвардейцев и интервентов свыше 7 тысяч штыков и сабель находилось в тыловых районах. А резервы Северо-Урало-Сибирского фронта составляли всего около 4700 штыков.

Неравенство в силах особенно очевидно проявилось в конце августа 1918 года. К этому времени на фронте Третьей армии, насчитывавшей 18 119 штыков, 1416 сабель, 335 пулеметов и 43 орудия, противник сосредоточил 37 380 штыков, 5590 сабель, 252 пулемета, 40—42 орудия, имея, таким образом, численное превосходство более чем в два раза.

Как известно, советские войска вели активные действия на Екатеринбургском направлении и на других участках фронта, стремясь захватить в свои руки инициативу. Бои

сопровождались большими потерями с обеих сторон. Но противник все же сохранял преимущество, быстро мобилизуя новые силы. В донесении Главкому 31 августа командарм Берзин отмечал, например, что на Тагильском направлении белогвардейцы пытаются контратаковать и, хотя несут при этом огромный урон, однако беспрерывно восполняют его за счет имеющихся в тылу значительных резервов.

В течение осени обе стороны продолжают усиленную мобилизацию, но общее соотношение сил по-прежнему остается неблагоприятным для Красной Армии. Правда, сражение за Нижний Тагил обошлось белым очень дорого и сильно истощило их резервы. В результате к концу сентября численность неприятельских войск сократилась до 24 130 штыков и 3780 сабель. В октябре — начале ноября Третья армия нанесла ряд мощных контрударов на Кушвинском, Лысьвенском и Кунгурском направлениях. Это также ослабило противника и вынудило его временно отказаться от наступления на Пермь. К моменту генерального наступления на Пермь силы противника исчислялись в 38 120 штыков, 3780 сабель, 268 пулеметов, 47 орудий и 7 бронепоездов. Этим силам противостояла Третья армия в составе 29-й и 30-й стрелковых дивизий, Особой бригады, Отряда особого назначения и 5-й Уральской стрелковой дивизии. В них на 1 декабря имелось всего 29 654 штыка, 4742 сабли, 638 пулеметов, 118 орудий, 8 броневиков и 4 бронепоезда. В осенней кампании советские войска тоже понесли крупные жертвы. В телеграмме на имя Главкома 18 сентября Р. И. Берзин писал, что в 4-й Уральской дивизии после оставления ею Красноуфимска от 4 тысяч человек сохранилось только три роты с батареей. В конце сентября ежедневные потери Третьей армии убитыми, ранеными и больными составляли в среднем 1500 человек.

Недостаток боеспособных резервов приходилось восполнять за счет обязательных мобилизаций крестьянского населения. Командование Уральского военного округа получило разрешение центральных советских и военных органов на проведение мобилизаций пяти возрастов во всех уездах Пермской и Вятской губерний. Мобилизацию тщательно готовили, подбирали состав комиссий, проводили обстоятельное инструктирование. Но несмотря на это, в ходе мобилизации были допущены отступления от классо-

вого принципа комплектования Красной Армии. В ее ряды попали не только неустойчивые зажиточные середняки, но и часть кулаков, которые порой концентрировались в этих частях и оказывали влияние на всю массу мобилизованных. Это обнаруживалось, когда мобилизованных передавали из резервных в боевые части.

В августе — начале сентября на территории Уральского военного округа формировались резервные Пермские и Вятские дивизии. Однако комплектование шло медленно, так как мобилизованные часто поступали непосредственно в соединения Третьей армии. 11 сентября Реввоенсовет республики изменил план формирования для округа. Ему поручалось формирование одной 10-й дивизии и двух полков для 5-й дивизии, формировавшейся в Приволжском военном округе. В связи с этим 1-й и 2-й полки Пермской дивизии передавались в Третью армию. О качестве этих частей красноречиво говорит телеграмма Р. И. Берзина Главкому 18 сентября: «В Перми стоят два полка только что мобилизованных, но элемент самый ненадежный. Среди них 75% крестьянства, а партийных почти нет. Других резервов нет»[1].

Таким образом, проблема подготовки на Урале надежных пополнений для Красной Армии решена полностью не была в результате пассивности, неустойчивости, а в некоторых случаях и прямой контрреволюционности крестьянских масс. Недостаток резервов явился главной причиной военных неудач Красной Армии в 1918 году.

4. По ту сторону фронта

К концу осени 1918 года Зауралье, Южный и значительная часть Среднего Урала оказались под властью интервентов и белогвардейцев. Опираясь на военную силу и используя в своих интересах соглашательские партии меньшевиков и эсеров, империалисты возродили на оккупированной территории дореволюционные порядки, принялись вновь эксплуатировать и угнетать трудящиеся массы.

Раньше всего контрреволюция победила в Зауралье. Здесь установилась власть Временного Сибирского пра-

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 1, д. 12, л. 91.

вительства, образованного реакционной буржуазией при активном участии меньшевиков и эсеров. Это правительство взяло под свою защиту интересы торгово-промышленной буржуазии, кулачества, белогвардейского офицерства, монархистов, повело открытое наступление на завоевания социалистической революции: разгоняло Советы, всюду восстанавливало старый буржуазно-чиновничий аппарат управления. Все декреты Советской власти были отменены. Началось преследование большевиков, советских и профсоюзных деятелей, революционно настроенных рабочих. Для расправы над политическими противниками буржуазии Временное Сибирское правительство ввело смертную казнь. Тысячи людей, заподозренных в причастности к большевизму, в сочувственном отношении к Советской власти, были арестованы, брошены в каторжные тюрьмы, расстреляны по приговорам военно-полевых судов или казнены на месте без всякого суда и следствия.

Одновременно велось широкое наступление на экономические и социальные права трудящихся. Временное Сибирское правительство немедленно осуществило денационализацию промышленности и торговли, отменило социальное страхование, распустило большевистские профсоюзы, фактически запретило всякие выступления рабочих против предпринимателей.

Полную ответственность за эти действия контрреволюции несли партии меньшевиков и эсеров. Соглашатели без всяких оговорок приняли реакционную программу Сибирского правительства и активно содействовали ее осуществлению. Когда, например, оккупанты принялись насаждать дореволюционные порядки и терроризировать большевиков, эсеры услужливо предложили свою помощь в качестве так называемых информаторов. Фактически информаторы явились организаторами контрреволюционных сил на местах. Они вели агитацию в пользу новой власти, информировали уездное начальство о настроении населения и обо всех антиправительственных выступлениях, помогали следственным и карательным органам выслеживать и репрессировать активных участников Октябрьской революции. В своем угодничестве перед реакцией соглашатели докатились до самого подлого предательства интересов народа.

На территории Предуралья, которая также сравнительно быстро была захвачена белогвардейцами и интервентами, утвердилась власть так называемого Комитета чле-

нов Учредительного собрания. Комуч ставил перед собой те же цели, что и другие контрреволюционные правительства, образовавшиеся под эгидой меньшевиков и эсеров в начальный период гражданской войны, то есть передачу национализированных Советской властью орудий и средств производства в частную собственность, возрождение системы капиталистической эксплуатации, ликвидацию социальных и политических прав трудящихся. Председатель Комуча эсер Вольский прямо заявил: «Отвергая всякого рода социалистические эксперименты, комитет считает, что капиталистический строй в настоящее время отменен быть не может. Капиталистическая промышленность должна существовать, и класс капиталистов должен иметь возможность вести промышленность» [1].

Вместе с тем в аграрном вопросе меньшевистско-эсеровские правители пытались действовать демагогическими методами, чтобы не оттолкнуть от себя крестьянские массы. Однако эта попытка встретила резкий отпор со стороны бывших земельных собственников. В деревнях Уфимской губернии начался дикий разгул кулацко-помещичьей реакции. Бывшие землевладельцы силой отбирали у крестьян свою землю, прибегая к помощи военных властей. Они жестоко мстили тем, кто активно помогал устанавливать Советскую власть, участвовал в разделе помещичьих и кулацких владений.

Господство учредиловцев держалось на массовом терроре, жертвой которого стали тысячи советских людей. Только в Уфе по политическим мотивам было арестовано с июля по ноябрь 1918 года 1355 человек. В Стерлитамакском уезде репрессиям подверглось 3,5 тысячи человек. В Златоусте белогвардейцы арестовали около 2 тысяч сторонников Советской власти [2]. Под ударом белогвардейского террора оказалось и крестьянское население башкирских волостей, где действовали карательные банды националистов. Они всюду восстанавливали власть помещиков и кулаков, силой оружия выколачивали подати и недоимки, проводили насильственную мобилизацию в белую армию. Особенно жестоко преследовали коммунистов и вообще сочувствующих Советской власти.

---

[1] З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966, стр. 245.

[2] Там же, стр. 303—304.

В полной мере социальная сущность политики соглашательства раскрылась и в деятельности так называемого Временного областного правительства Урала, которое возникло в августе 1918 года. На первых порах военные успехи контрреволюции способствовали укреплению позиций соглашательских партий, разделивших власть с кадетской буржуазией. Однако новая власть опиралась не только на штыки, но и на доверие определенной части трудящихся, которая продолжала поддерживать политические лозунги меньшевиков и эсеров. Так, в постановлении Челябинского уездного съезда крестьян, казаков, мусульман, рабочих и горожан, созванного соглашателями 5 июля 1918 года, было записано: считать главной задачей момента единение всех демократических сил и доведение страны до Учредительного собрания.

Соглашатели заняли руководящее положение в так называемых комитетах народной власти, действовавших на оккупированной территории Урала до образования областного правительства, а также в восстановленных старых органах городского самоуправления и земствах.

Что касается партийного состава Областного правительства, то он был кадетско-меньшевистско-эсеровским. Главой правительства стал кадет Иванов, его заместителем — лидер кадетской партии на Урале Кроль. Кадеты оставили за собой, кроме того, управление промышленностью, горным делом, торговлей и финансами. Соглашателям достались ведомства труда, земледелия и государственных имуществ, внутренних дел и юстиции. Таким образом, на оккупированной территории Урала сложился блок буржуазных партий, который, по замыслам империалистов, должен был способствовать консолидации контрреволюционных сил и подготовить почву для установления военной диктатуры.

Наступление реакции на демократические права трудящихся Урала после свержения Советской власти фактически возглавлялось крупной буржуазией. Программные установки последней были сформулированы официально на Уральском торгово-промышленном съезде, состоявшемся в Екатеринбурге в октябре 1918 года. Там была разработана развернутая программа полной реставрации дореволюционного режима. По вопросу о праве собственности съезд постановил: «Изданные так называемой «советской властью» декреты о национализации, муниципализации,

конфискации, реквизиции и т. д., акты отчуждения промышленных предприятий признаются не имевшими законной силы, а потому ничтожными. Все такие предприятия возвращаются их прежним владельцам или их правомочным доверенным со всеми принадлежащими им землями и лесами, рудниками и вообще всем движимым и недвижимым имуществом»[1]. Съезд занял крайне реакционную позицию и в аграрном вопросе. Он рекомендовал правительству принять самые решительные меры к восстановлению частной собственности на землю, немедленному возвращению земель, лесов, недр и земельных угодий их прежним владельцам.

В принципе эта откровенно контрреволюционная программа вполне устраивала соглашателей. В своей декларации, принятой 19 августа 1918 года, Областное правительство Урала достаточно определенно заявило о намерении уничтожить завоевания социалистической революции и восстановить капитализм. В области политической жизни оно обещало ограничить демократические свободы в интересах создания твердой власти, ввести цензуру на печать, повысить избирательный ценз при выборах в Учредительное собрание, исключить армию из политики, возобновить войну в союзе с Антантой. Экономическая программа предусматривала денационализацию предприятий, сохранение 8-часового рабочего дня лишь при условии значительного увеличения норм выработки, установление размера заработной платы по соглашению рабочих с предпринимателями, свободу стачек, но зато и свободу локаутов, наконец, восстановление собственности на землю и окончательное решение аграрного вопроса Учредительным собранием. Эта правительственная декларация, которую меньшевики и эсеры сочинили вместе с кадетами, мало чем отличалась от требований крупной буржуазии, хотя и сдабривалась пресловутой идеей созыва Учредительного собрания. Проект правительственной декларации обсуждался в первых числах августа на заседаниях межпартийной комиссии. Выступивший в начале работы комиссии лидер кадетской фракции Кроль заявил, что образуемое Областное правительство Урала является временным. Оно не должно заниматься законодательной деятельностью, ибо это составляет прерогативу Учредительного собрания.

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 804, л. 388.

Областное правительство призвано решать главным образом вопросы административно-хозяйственного характера. Представители партий меньшевиков и эсеров не согласились с таким заявлением. Они настаивали на более широкой компетенции правительства с тем, чтобы дать ему право немедленно, без предварительного рассмотрения и обследования отменять реформы большевиков, затрагивающие интересы основной массы населения. Против этой поправки кадеты не стали возражать,

Пункты декларации, в которых шла речь о необходимости продолжения империалистической войны, воссоздания единой и неделимой России, ограничения политических свобод, повышения возрастного и имущественного цензов при выборах в Учредительное собрание, отстранения армии от политики, восстановления частного предпринимательства в области промышленности, торговли и финансов, привлечения в экономику иностранного капитала, возобновления прежней зависимости рабочих от заводовладельцев, не вызвали каких-либо разногласий и были приняты в кадетской редакции. Но при обсуждении вопроса о денационализации производства возникла оживленная дискуссия. Соглашатели пытались как-то ограничить власть крупного капитала, чтобы не оттолкнуть от себя рабочих. Однако кадеты заявили, что не войдут в правительство, если последнее не гарантирует немедленной и безоговорочной передачи предприятий в собственность бывшим владельцам или их доверенным лицам. Эта угроза возымела свое действие. Договорились в принципе денационализацию промышленности провести, а те предприятия, владельцы которых отсутствуют, передать в аренду государству за справедливую оплату.

Вырабатывая правительственную программу, межпартийная комиссия попыталась все же замаскировать наступление реакции, взять курс на постепенную ликвидацию некоторых завоеваний социалистической революции. В частности, она не решилась сразу провозгласить восстановление частной собственности на землю. Было принято предложение эсеров: впредь до разрешения аграрного вопроса в полном объеме Всероссийским Учредительным собранием оставить сельскохозяйственные земли в руках их фактических пользователей.

Таким образом, боязнь революционного взрыва вынуждала соглашателей в некоторых случаях действовать

осторожно, маневрировать, прибегать к методам социальной демагогии. Подобная политика имела в глазах буржуазии определенное оправдание, поскольку помогала ей, с одной стороны, поддерживать в массах соглашательские иллюзии и не допускать преждевременного обострения социальных противоречий, а с другой — укреплять свои классовые позиции, собирать силы для решающего удара по завоеваниям Октября. Однако реакция пристально следила за тем, чтобы игра в демократию не заходила слишком далеко и никоим образом не ущемляла интересов крупного капитала. В таких случаях она действовала явочным порядком, опираясь на военщину, или оказывала грубый нажим на представителей «социалистических» партий в правительстве. Те, как правило, уступали.

Прежде всего буржуазия потребовала более четко зафиксировать законодательным путем подчиненное положение трудящихся в системе производства. Идя навстречу этому требованию, Областное правительство Урала утвердило 10 сентября специальную инструкцию своим уполномоченным по управлению заводами, в которой конкретизировались пункты декларации, касающиеся рабочего вопроса. Содержание инструкции сводилось к следующему:

1) Предприятия управляются единолично; коллегии по управлению упраздняются; вмешательство рабочих в управление предприятиями не допускается.

2) Рабочий контроль хозяйственного, технического, финансового и административного характера уступает место государственному контролю, осуществляемому через промышленный комитет; органы рабочего контроля, образованные Советской властью, профессиональными союзами, цеховыми комитетами и пр., упраздняются.

3) Чисто профессиональные организации и фабрично-заводские комитеты, являющиеся выразителями потребностей и желаний рабочих и не вмешивающиеся в управление делами, разрешаются.

4) Рабочие и служащие принимаются на работу администрацией; наем через профессиональные союзы необязателен; последние могут лишь высказать свои пожелания по вопросам найма.

5) В состав заводских комитетов не должны входить лица, состоявшие в совдепах и их исполнительных комитетах.

6) В случае нарушения администрацией установленно-

го правительством трудового законодательства рабочие имеют право только указывать на это, не требуя смещения лиц администрации, удаления их с предприятия и прочее [1].

Опираясь на поддержку соглашательских партий, капиталисты развернули решительное наступление на социально-экономические и политические завоевания рабочего класса. В первую очередь они постарались расправиться с революционно настроенными рабочими, применив систему массовых локаутов. Предприниматели объявляли о закрытии предприятий и увольнении рабочих и служащих. Увольняемые получали расчет с выдачей заработной платы за две недели вперед. Но при этом учитывался аванс, выданный советскими хозяйственными органами перед эвакуацией. Он подлежал обязательной отработке. В противном случае администрация отказывалась что-нибудь выплачивать рабочим.

Локауты приняли настолько распространенный характер, что вызвали серьезное беспокойство военных властей. Например, 13 ноября представитель чехословацкого Национального Совета в специальном письме уведомил Областное правительство Урала о весьма напряженной политической обстановке, создавшейся в Нижнем Тагиле, на Высокогорском, Черноисточинском, Висимо-Шайтанском, Верхнеуткинском заводах и медных рудниках в связи с прекращением производства и увольнением рабочих. «Необходимо принять все меры к устранению безработицы,— говорилось далее в письме,— дабы не было почвы для противоправительственной агитации, находящей отклик в рабочих массах из-за острого недостатка продовольствия» [2]. Безработица в период меньшевистско-эсеровского господства действительно достигла большого уровня. По данным управления Южно-Екатеринбургского горного округа, к концу 1918 года здесь работало 80 предприятий горнозаводской промышленности, а бездействовало по разным причинам 125 предприятий.

Что касается денационализации промышленности, то она фактически начала осуществляться сразу же после свержения Советской власти. Правда, меньшевики и эсеры ради сохранения своего политического престижа пытались помешать переходу в частную собственность

---

[1] ГАСО, ф. р.— 569/88 с., оп. 2, д. 34, лл. 31—34.
[2] Там же, ф. р.— 1952 с., оп. 1, д. 18, л. 19.

наиболее крупных промышленных предприятий или, во всяком случае, ограничить этот переход рядом формальных условий.

Однако во многих случаях буржуазия действовала явочным порядком, прибегая к помощи военных властей и минуя всякие формальные процедуры. Так, известные промышленники братья Злоказовы уведомили главноуправляющего горных дел Областного правительства Урала о том, что принадлежавшие им Исетский металлургический, пивоваренный и дрожжевой заводы распоряжением начальника гарнизона города Екатеринбурга от 5 августа были денационализированы. Как видно из других документов, Злоказовы беспрепятственно вступили во владение промышленными предприятиями, расположенными в Челябинском и Троицком уездах. В частности, Никольский и Петропавловский заводы были возвращены им опять-таки военными властями. Аналогичным образом произошла денационализация Губахинских каменноугольных копей, которые перешли в собственность прежнего владельца при содействии местного военного коменданта.

Чрезвычайное недовольство предпринимателей вызывала сложившаяся при Советской власти система социального страхования рабочих и служащих, которую соглашатели пытались сохранить в урезанном виде, чтобы использовать в своих политических интересах. Первое время после установления господства белогвардейских оккупантов на большей части территории Среднего Урала в Екатеринбурге продолжала функционировать страховая касса «Центропомощь». Но когда белогвардейская власть несколько окрепла, предприниматели прекратили уплату страховых взносов. В результате в первой половине ноября касса «Центропомощь» вынуждена была свернуть свою деятельность[1].

Уральская буржуазия настойчиво добивалась возвращения к дореволюционным порядкам, при которых социальное страхование осуществлялось главным образом, за счет самих трудящихся, а не за счет капиталистов. В области социального страхования соглашатели тоже отказались защищать интересы трудящихся и полностью капитулировали перед буржуазией.

Неспособность или, точнее, нежелание меньшевистско-

---

[1] ГАСО, ф. р.— 1952 с., оп. 1, д. 12, л. 25.

эсеровских правителей ограничить произвол частного капитала очень ярко проявилась в продовольственной политике. Декларация Областного правительства, как известно, предусматривала отмену продовольственной монополии, введенной Советской властью, и восстановление свободной торговли. Основываясь на этом заявлении, кулаки, торговцы, спекулянты немедленно вздули цены на хлеб и другие продукты, чем еще больше снизили жизненный уровень трудящихся масс. Председатель Камышловской земской управы в докладе на Чрезвычайном уездном земском собрании 25 августа 1918 года отметил, что по сравнению с довоенным временем главный продукт питания, хлеб, поднялся в цене с 2 до 12—14 рублей за пуд, картофель — с 50—60 копеек до 6—8 рублей за пуд, масло, молоко и другие молочные продукты вздорожали в 10—15 раз, мясо вместо 18 копеек за фунт стоит около 2 рублей. В общем итоге, по его подсчетам, стоимость основных продуктов питания увеличилась в 10 раз [1].

Обеспокоенное размахом спекуляции, сильно озлоблявшей рабочих, правительство пыталось предпринять кое-какие меры. В середине сентября оно опубликовало постановление о хлебной торговле. Оставляя в неприкосновенности свободу торговли, постановление вместе с тем вводило систему государственного регулирования продажи продовольствия и зернофуража. Крестьяне обязывались продавать хлеб и другие продукты только зарегистрированным Главным управлением продовольствия коммерческим, кооперативным или общественным организациям. Продажа должна была производиться по вольным ценам, но не выше предельных норм, устанавливаемых правительством с учетом условий рынка [2]. Однако эта робкая попытка как-то упорядочить продовольственные заготовки встретила серьезное противодействие буржуазии. Совет съездов представителей торговли и промышленности Урала выразил резкий протест по поводу принятия упомянутого постановления. Правительству было указано, что снабжение населения является исключительно частным делом и поэтому регулирующие государственные органы необходимо немедленно упразднить. По мнению торговцев и промышленников, всякая попытка стеснить свободу частного

---

[1] ГАСО, ф. р.— 1951 с., оп. 1, д. 71, л. 12.
[2] Там же, ф. р.— 569/88 с., оп. 2. д. 25, л. 36.

предпринимательства в области продовольственного снабжения означала возвращение к социалистическим экспериментам большевиков [1].

В конечном итоге буржуазия попросту игнорировала «социалистические» мероприятия соглашателей. Она не хотела признавать никакого контроля над своей хозяйственной деятельностью даже со стороны белогвардейских властей. Спекуляция по-прежнему являлась для нее важнейшим способом наживы. В результате продовольственный кризис на Урале продолжал обостряться.

Наиболее отчетливо социальная демагогия соглашательских партий проявилась в аграрном вопросе. Областное правительство Урала из политических соображений заявило о временном оставлении захваченных частновладельческих земель в руках их настоящих пользователей. Крестьяне расценили это заявление как принципиальное признание тех аграрных преобразований, которые произошли в результате Октябрьской революции. Причем они считали своими не только бывшие помещичьи имения, но и весьма обширные земельные и лесные владения горнозаводчиков, также национализированные Советской властью.

Добиваясь денационализации заводов, буржуазия, естественно, требовала и возвращения приписанных к ним угодий. Однако она натолкнулась на упорное сопротивление крестьян. Областному правительству приходилось рассматривать многочисленные жалобы горнозаводчиков на местные органы самоуправления, которые после ликвидации Советской власти продолжали распоряжаться заводскими дачами и под давлением крестьян решительно отказывались признавать права прежних владельцев.

Позиция соглашателей в аграрном вопросе раздражала крупную буржуазию. Состоявшееся в начале октября совещание горнопромышленников Урала приняло по докладам представителей заводоуправления специальное постановление, которым потребовало от правительства прекратить вмешательство органов местного самоуправления в поземельные отношения и возвратить заводовладельцам принадлежащие им лесные угодья. Горнозаводчики все более настойчиво требовали распространить на Уральскую область законы Сибирского правительства, в частности,

[1] ГАСО, ф. р.— 1952 с., оп. 1, д. 37, лл. 22, 23.

закон от 6 июля 1918 года, касающийся денационализации земли. Идя навстречу этим требованиям, военные власти попросту исключали из юрисдикции Областного правительства целые районы Урала. В сентябре к Сибири фактически были присоединены Челябинский, Златоустовский, Троицкий, а затем Камышловский, Шадринский и Ирбитский уезды [1].

Добиваясь возвращения всех экономических и политических привилегий и реставрации капиталистического строя, уральская буржуазия берет курс на установление более реакционной власти, прочно опирающейся на военную силу. Соглашатели сыграли определенную роль в планах контрреволюции. Своей демагогической политикой они сдерживали революционное движение масс и тем самым помогали реакции укрепиться у власти. Но по мере усиления контрреволюции соглашатели теряли влияние в народе. Войдя в коалицию правящих буржуазных партий, они не получили реальной власти. Меньшевистско-эсеровские лидеры Областного правительства не могли проводить самостоятельную политику в интересах мелких собственников и вынуждены были делать постоянные уступки наиболее реакционным кругам торгово-промышленной буржуазии, пользовавшейся содействием военных властей. Именно военщина и являлась фактическим хозяином положения на Урале. Она бесцеремонно вмешивалась в дела государственного управления и творила грубый произвол, не желая признавать никаких законов. Подлинным исполнителем воли реакции был генерал Голицин, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти.

10 августа при управлении начальника гарнизона был создан административный отдел, который стал осуществлять функции государственной власти. После образования Областного правительства Урала генерал Голицын объявил в специальном приказе, что его полномочия как начальника гарнизона, командира дивизии и уполномоченного по охранению общественного порядка и безопасности в Екатеринбургском, Камышловском и Шадринском уездах остаются в силе. Военщина присвоила себе право распоряжаться продовольственными запасами, денежными средствами, жилым фондом, поставила под свой контроль деятельность городской и земской милиции, судебно-следственных уч-

[1] ГАСО, ф. р.— 569/88 с., оп. 2, д. 15, л. 20.

реждений, ввела жесткую цензуру на демократическую печать, запретила социалистическим партиям устраивать митинги и собрания.

Главным средством утверждения на Урале экономического и политического господства крупного капитала являлся белый террор. Он был направлен в первую очередь против революционных масс, против активных сторонников Советской власти, против большевистской партии. Конкретным свидетельством классовой направленности террора является Положение о военно-следственных комиссиях, которые образовались на оккупированной территории сразу же после отступления советских войск и должны были привлекать к ответственности по законам военного времени лиц, «причастных к большевизму». В зависимости от состава преступления военные власти установили и меру наказания. Участники Октябрьской революции, активно содействовавшие победе и укреплению Советской власти, добровольно служившие в рядах Красной гвардии и Красной Армии, приговаривались к смертной казни. Те, кто состоял в партиях большевиков и левых эсеров не по убеждению, а по случайным обстоятельствам, кто попал в Красную Армию в порядке обязательной мобилизации, но не дезертировал оттуда при благоприятной возможности, подвергались аресту и тюремному заключению. Виновных в совершении незначительных проступков, котоpые не причиняли вреда существующему режиму, разрешалось оставлять на свободе под залог поручителей и под негласный надзор властей до окончания военных действий в пределах Пермской губернии [1].

Угроза жестокой расправы нависла над широкой массой трудящегося населения, боровшейся за власть Советов в ходе Октябрьской революции и гражданской войны. В Альняшинской волости Осинского уезда было расстреляно с 10 сентября по 10 декабря 350 коммунистов, красноармейцев и членов их семей. Перед казнью они перенесли нечеловеческие пытки и истязания. После занятия железнодорожной станции Сусанна, близ Егоршино, белые казнили на месте без всякого судебного разбирательства 46 родственников красноармейцев и советских работников. В донесении уполномоченного Областного правительства по Южному району Екатеринбургского уезда главноуправ-

[1] ГАСО, ф. р.— 1951, с., оп. 1, д. 62, л. 18.

ляющему внутренних дел 15 октября описаны зверства военщины в Куяшской волости. Назначенный сюда комендантом прапорщик Арбузов, не дожидаясь следствия, лично расстреливал крестьян, арестованных за участие в разделе помещичьего имения.

В селе Михайловском, Верхотурского уезда, бедняцкое население было буквально терроризировано кулаками и белогвардейцами. Следственная комиссия арестовывала людей по малейшему подозрению в сочувственном отношении к Советской власти. Жертвами белого террора стали в первую очередь члены красноармейских семей, не исключая женщин, стариков и детей: их жестоко избивали, а затем расстреливали. Кыштымская волостная земская управа доносила правительству 17 октября, что местная следственная комиссия рассмотрела дела 111 арестованных. Многие из арестованных были преданы военному суду. Рабочие завода, говорилось в донесении, не только не оказывали комиссии содействия, а наоборот, целыми цехами выносили постановления об освобождении арестованных большевистских деятелей. Вообще аресты сторонников Советской власти приняли массовый характер. В Челябинске к ноябрю 1918 года было арестовано свыше 3 тысяч человек. По нескольку тысяч арестованных томилось в тюрьмах Екатеринбурга, Уфы, Оренбурга. В Ирбитской уездной тюрьме, рассчитанной на 75 мест, к октябрю 1918 года сидело 200 человек. Кроме того, военные власти приспособили под тюрьму еще два здания, куда поместили более 130 арестованных.

Белогвардейский террор был направлен в первую очередь против революционно настроенной части рабочего класса и беднейшего крестьянства, но он затронул широкие слои трудового населения, мелкую буржуазию, демократическую интеллигенцию.

Военщина не желала признавать никаких законов. Ее не устраивала даже видимость демократии, за которую ратовали соглашатели. Репрессии обрушились на профсоюзы и другие легальные организации, существовавшие под эгидой меньшевиков и эсеров. Центральное областное бюро профессиональных союзов Урала 4 сентября обратилось к белогвардейским властям с протестом против террора и насилий над рабочими и служащими. В заявлении говорилось: «Вот уже второй месяц идет со дня занятия Екатеринбурга и части Урала войсками Временного

Сибирского правительства и войсками чехословаков, и второй месяц граждане не могут избавиться от кошмара бесчисленных арестов, самосудов и расстрела без суда и следствия. Город Екатеринбург превращен в одну сплошную тюрьму: заполнены почти все здания в большинстве невинно арестованными. Аресты, обыски и безответственная, бесконтрольная расправа с мирным населением Екатеринбурга и заводов Урала производится как в Екатеринбурге, так и по заводам различными учреждениями и лицами, неизвестно какими выборными организациями уполномоченными»[1]. Далее в заявлении указывается, что в тылу идет открытая война не только с большевиками, но и с рабочими, служащими, техниками и с их организациями. Тех, кто работал при Советской власти, арестовывают или увольняют, лишая средств к существованию. Местные власти держат под секвестром имущество и кассы профсоюзов, но в то же время беспрепятственно возвращают имущество представителям класса капиталистов. В заключение областное бюро профсоюзов просило правительство Урала, Сибири и Национальный Совет чехословацких войск принять все меры к прекращению незаконных репрессий.

Этот обличительный документ писали люди, которых никак нельзя заподозрить в сочувствии к большевизму. Центральное областное бюро профсоюзов Урала, образовавшееся в Екатеринбурге вскоре после захвата его чехословаками, являлось меньшевистско-эсеровской организацией и активно сотрудничало с оккупантами.

Деятельность оккупантов на территории Урала вызывала гнев и возмущение народа, ускоряла процесс революционизирования трудящихся масс. Этому способствовала и героическая деятельность подпольных большевистских организаций в тылу врага, которая осуществлялась под руководством Центрального Комитета партии. ЦК РКП(б) правильно оценил затяжной характер начавшейся гражданской войны и иностранной интервенции и уже летом 1918 года потребовал от Уральского и других местных партийных комитетов особого внимания подготовке и оставлению в тылу противника надежных коммунистов. Вопрос о налаживании революционной работы по ту сторону фронта был рассмотрен на заседаниях Уральского областно-

[1] ГАСО, ф. 570 р., оп. 1, д. 23, л. 28.

го комитета РКП(б). Члены обкома Н. Г. Толмачев, А. А. Кузьмин и другие совместно с руководителями сибирских большевиков приняли участие в создании организационного ядра из виднейших коммунистов для руководства подпольной работой в тылу. В Тюмени, захваченной противником 20 июля, остались для подпольной работы член партии с 1903 года С. А. Черепанов, член партии с 1904 года М. И. Сычев (Суховерхов), коммунисты И. С. Дмитриев, К. М. Молотов. Еще раньше перешел линию фронта в районе Екатеринбурга член партии с 1904 года А. Я. Валек. Было образовано организационное бюро РКП(б) Сибири[1]. В задачи этого партийного органа входило налаживание нелегальной работы коммунистов и на Урале.

Оргбюро обосновалось в Томске и приступило к подготовке и созыву конференции подпольных большевистских организаций Урала и Сибири. Через местных коммунистов члены оргбюро провели большую работу по консолидации партийных сил в ряде городов. В Екатеринбурге этим занимался К. П. Ильмер, в Кургане и Челябинске — В. С. Митряев, в Тюмени — С. А. Черепанов (в августе он был схвачен белогвардейцами и погиб). В результате проделанной работы в начале сентября 1918 года в Томске была созвана нелегальная конференция РКП(б). В ней участвовали представители двух уральских городов — Екатеринбурга (К. П. Ильмер) и Челябинска. Конференция приняла важные решения, определила задачи, стоявшие перед большевистским подпольем. Главной из них была подготовка и проведение вооруженного восстания рабочих, солдатских и крестьянских масс для свержения контрреволюционной власти и восстановления власти Советов. Конференция, получившая название 1-й Сибирской подпольной конференции РКП(б), образовала областной подпольный комитет. К. П. Ильмер был избран кандидатом в члены обкома РКП(б) и остался в Томске.

Под руководством Сибирско-Уральского подпольного центра работа коммунистов на местах оживилась. Укреплялись существующие и возникали новые организации, повышалась активность коммунистов. А. Я. Валек, вернув-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 597, л. 5; К. Молотов. Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть. Саратов, 1921, стр. 17.

шийся в первых числах октября 1918 года из Сибири, информировал ЦК партии и правительство о работе конференции, об исключительно боевом настроении коммунистов-подпольщиков. «Коммунисты,— писал А. Я. Валек,— усиленно готовятся к вооруженному восстанию, чтобы сделать свой сибирский Октябрь» [1].

В Екатеринбурге при его эвакуации 25 июля 1918 года Уральский обком партии оставил для подпольной работы довольно большую группу коммунистов: В. Д. Тверитина, К. П. Ильмера, К. П. Чудинову, А. Н. Никифорову, И. К. Климентьева, Г. Л. Ульман, В. П. Мельникова и других. Заблаговременно был создан склад оружия. В городе оказалось немало коммунистов, которые по тем или иным причинам не успели эвакуироваться. Предстояло установить связь между ними, создать городской центр, начать организованную работу.

Но обстоятельства сложились крайне неблагоприятно для работы коммунистов Екатеринбурга. В. Д. Тверитин 30 июля был схвачен белогвардейцами и казнен. Было арестовано еще несколько человек. Некоторым из них удалось освободиться, но оставаться в городе становилось опасно, пришлось его покинуть. Организацию в то время создать не удалось. К концу осени стихийно возникает несколько мелких групп из случайно оставшихся в городе коммунистов и бывших красноармейцев. Активней других была группа во главе с В. А. Шепелевым — членом партии с 1905 года. Подпольщики действовали на заводах Верх-Исетском, Ятеса, фабрике Макарова и других предприятиях, среди железнодорожников. Побывавший осенью 1918 года в городе коммунист С. Малышев сообщал: «В Екатеринбурге все рабочие на стороне Советской власти, в особенности процветает организация на заводах Ятеса и Верх-Исетском» [2].

Уральский областной комитет РКП(б), местные организации оставили для подпольной работы организованные группы еще в ряде городов и поселков. Так, в районе Алапаевска была оставлена группа активных коммунистов в 18 человек во главе с Е. А. Соловьевым. В октябре эта группа была обнаружена белогвардейцами. Отбив нападение карателей, подпольщики уничтожили свою базу, а за-

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1421, лл. 64—65.
[2] Там же, д. 506, л. 32.

тем разошлись в разные стороны. Некоторые направились в Алапаевск, но там почти все погибли. Другие уехали в Сибирь. В самом Алапаевске тоже обосновалось несколько подпольщиков. Это были коммунисты и передовые рабочие А. И. Кабаков, П. Г. Протопопов, И. Карелин, Рожин, Митрофанов и другие. Руководил ими член партии П. Д. Бессонов, который впоследствии геройски погиб. Но подпольная работа продолжалась. На предприятиях удалось создать конспиративные группы, в которых преобладала рабочая молодежь. Стала налаживаться революционная пропаганда и среди солдат местного гарнизона.

В Сысертском заводе по заданию партийных органов остались и работали большевики В. И. Печерский, М. В. Чуркин, С. А. Глазырин, Ю. В. Антропова; в Камышлове — О. В. Панова, Г. П. Волкомиров и другие.

Нередко подпольные группы возникали стихийно из случайно оказавшихся в тылу врага коммунистов и красноармейцев. Такие группы возникли в Березовском, Михайловском, Ревде, Шадринске, Ирбите.

Однако подполье на Среднем Урале летом и осенью 1918 года не было оформлено организационно и работа подпольных групп не получила еще значительного размаха. Она выражалась прежде всего в агитации среди населения, срыве мобилизации в белогвардейскую армию, в раздаче денег семьям советско-партийных работников, красноармейцев, в оказании помощи политзаключенным, в организации саботажа на предприятиях.

Более интенсивной была деятельность большевистского подполья в Уфимской губернии, особенно в ее восточной, горнозаводской части и в Уфе. Перед эвакуацией Уфы здесь осталось для подпольной работы немало стойких и опытных членов партии. В их числе были братья И. И. и А. И. Шеломенцевы, И. А. Вавилов, Ф. И. Карклин, который стоял во главе латышских коммунистов. Эти люди составили ядро подпольной организации. Но сложилась она не сразу.

В августе 1918 года в городе действовало несколько подпольных групп. Примерно в октябре в Уфу по заданию политотдела Пятой армии прибыл опытный коммунист и конспиратор, бывший рабочий железнодорожных мастерских М. А. Чистяков. Он устроился в этих мастерских слесарем под фамилией Митрошкина. Чистяков быстро установил связь со всеми подпольными группами железно-

дорожников и вместе с прибывшими в город старыми коммунистами Ф. И. Локацковым и М. П. Локацковым сплотил их в единую организацию. Были установлены контакты с латышской организацией и другими продолжавшими возникать группами. В конце сентября 1918 года белогвардейские агенты отмечали, что подпольная работа проводилась на пароходе «Пальма». Ее возглавлял помощник машиниста И. П. Кутузов. В отсутствие начальника «военно-политической охраны» Кутузов провел тайное собрание команды и находившихся на пароходе солдат, призывая к «неповиновению офицерам, властям». Среди матросов распространялась большевистская литература. Коммунисты-подпольщики действовали на заводе Гутмана, на электростанции, среди печатников, военнопленных и солдат белогвардейских частей.

Назрела необходимость организовать в Уфе единый подпольный центр. Он был создан в виде комитета, в который вошли Ф. И. Карклин, Ф. И. Локацков, М. А. Чистяков и другие. Председателем комитета избрали Ф. И. Карклина.

Уфимская организация много внимания уделяла помощи политзаключенным, агитации на предприятиях, в воинских частях. Выпускала листовки и прокламации. Латышские коммунисты печатали листовки в местных типографиях ночью, используя для этой работы вовлеченных в организацию печатников. Две листовки были отпечатаны большим тиражом — по 2 тысячи экземпляров каждая. Уфимские коммунисты стремились развернуть работу в некоторых заводских поселках. Летом и осенью 1918 года подпольные группы или отдельные коммунисты работали в Богоявленске, Белорецке, Бирске, Благовещенске, Белебее. В Златоустовском уезде и восточной части Уфимского уезда действовали многочисленные активные подпольные организации. Уфимская организация поддерживала с ними связь.

В Златоусте подпольная группа организовалась в момент эвакуации. Возглавили ее по поручению местного партийного комитета И. В. Теплоухов, Пудовкин и другие товарищи. Некоторые партийные ячейки, в частности железнодорожная, также оставили для нелегальной работы отдельных коммунистов, преимущественно молодых. Но единой организации в городе не существовало, она сложилась позднее. Одним из самых сильных было большевист-

ское подполье на Симском заводе. 29 сентября возле урочища Синий Камень состоялось организационное собрание симских коммунистов. Был избран партийный комитет в составе М. И. Яковлева — кличка «Уральский» (председатель), Н. К. Лаптева — «Тузлуков» (товарищ председателя), А. П. Субботина — «Бывший» (секретарь) и Г. М. Рокутова (кассир). В дальнейшем состав комитета неоднократно менялся, но фактическое руководство Симской организацией осуществляла группа в составе К. В. Рыдина, И. Ф. Масленникова и прибывшего позднее по поручению Уральского обкома партии И. Ф. Садова. В результате приема в партию лучших рабочих организация к концу осени увеличилась примерно до 50 человек. Большинство коммунистов находилось на заводе, остальные — в лесу. Связь между заводом и «лесной» группой была постоянной. Коммунисты в течение осени успели развернуть на заводе активную агитационную работу, направленную на разоблачение меньшевиков и эсеров, на срыв мобилизации в белогвардейскую «народную» армию.

Еще более крупной была соседняя — Миньярская организация большевиков. Во главе ее стояли старейшие коммунисты: Ф. И. Локацков (до отъезда в Уфу), А. Н. Коковихин, М. Н. Коковихин, Я. Г. Заикин, И. Г. Шведов, М. Заикин, М. П. Сорокин, составлявшие «лесной партком» (большая часть активистов вынуждена была скрываться в лесу). Председателем комитета был избран член партии с 1905 года Г. П. Новиков. Миньярцы располагали запасом оружия и боеприпасов: 2 горных орудия с 60 снарядами, около 200 винтовок, несколько пулеметов, 40 ящиков с патронами, большие запасы взрывчатки, гранаты и другое оружие. Кроме того, они сохранили около 2 миллионов рублей, принадлежавших правлению Симского горного округа. Руководители подполья стремились к установлению связи с другими партийными организациями Урала и даже Сибири. Миньярско-Симский район был одним из наиболее крупных центров большевистского подполья на Урале. Местные организации оказывали большое влияние на обширную территорию южной части горнозаводского Урала. На Аша-Балашовском, Катав-Ивановском, Саткинском, Юрюзанском, Вязовском, Усть-Катавском и других заводах и станциях также велась подпольная работа.

На Южном Урале действовала челябинская подполь-

ная организация. В Челябинске, захваченном белочехами в самом начале войны, коммунистов оказалось много. Уже летом 1918 года они приступили к созданию подпольных ячеек на железнодорожном узле и промышленных предприятиях. В. С. Митряев, приезжавший в Челябинск перед 1-й Сибирской конференцией РКП(б), застал здесь уже сложившееся ядро подпольной организации. Он выступил с докладом о положении в стране, о задачах коммунистов Сибири и Урала, подчеркнув необходимость согласования планомерной работы, сообщил о предстоящей конференции, передал приглашение на нее и явки. На конференцию был направлен делегат. В тот момент подпольного комитета в Челябинске еще не было. Но вскоре, по прибытии активных коммунистов из Омска, примерно во второй половине августа или в первой половине сентября, комитет был создан.

Видный челябинский подпольщик, хозяин важнейшей конспиративной квартиры И. В. Шмаков вспоминал, что комитет образовался в составе В. И. Гершберга (председатель, прибыл из Самары), С. А. Кривой и С. М. Рогозинского, затем в него вошли О. П. Хотееиков — «Дмитрий (Язва)», Д. Д. Кудрявцев, М. С. Иванов, приехавшие из Омска, и А. Н. Зыков. Челябинский общегородской комитет быстро превратился в руководящий центр подпольной работы на Южном Урале — главным образом на территории Челябинского, Троицкого, Верхнеуральского и Златоустовского уездов.

После создания комитета в Челябинске ускорилось формирование подпольных ячеек — «десятков». Комитет проводил совещания и встречи с представителями ячеек, давал им конкретные задания по дальнейшему расширению организации за счет новых коммунистов и беспартийных передовых рабочих. Подпольные группы имелись в железнодорожных мастерских, среди движенцев, стрелочников, смазчиков, на заводе Столль, на мельницах, винокуренном заводе и других предприятиях, на ближайших станциях. Сильная партийная организация возникла на угольных копях. Начали создаваться подпольные ячейки в воинских частях среди мобилизованных. Осенью 1918 года действовала подпольная организация чешских коммунистов. Челябинская организация являлась одной из наиболее крупных и боеспособных на Урале и в Сибири. В ее рядах осенью 1918 года насчитывалось не менее 100 человек.

Челябинские коммунисты создали типографию. Листовки выпускали часто, в нескольких сотнях экземпляров каждая. Их наклеивали на заборы, распространяли в цехах предприятий, на железнодорожной станции, в казармах. Представители Челябинского комитета выезжали в Екатеринбург, Курган, Омск н другие города. В свою очередь, в Челябинске бывали представители других организаций, чаще всего омской. Предпринималнсь меры по налаживанию работы в близлежащих городах и селах.

Таким образом, уже в начальный период белогвардейской оккупацин на Урале возннкла довольно разветвленная сеть подпольных большевнстских ячеек, групп и целых организаций. Как указывалось выше, не все они были в должной мере организацнонно оформленными, законспнрнрованными н дееспособными. Большевистскому подполью на первых порах не хватало еще опыта нелегальной работы, тесной связи с массами, еднного руководства. Тем не менее отважные коммуннсты-подпольщики сразу же развернули подрывную деятельность в тылу врага. Важнейшей своей задачей они считали привлечение на свою сторону широких пролетарскнх масс.

Чтобы расширить влияние на рабочнх, большевики старались использовать легальные рабочие организацин, прежде всего професснональные, которые возннкали на предпрнятиях по инициативе соглашательских партнй. И хотя меньшевики и эсеры, находившиеся у власти, всеми силамн пытались удержать за собой отсталую часть рабочего класса, все же в ряде городов и заводских поселков коммунистам удалось завоевать руководство некоторыми профсоюзными организациями. В Челябинске большевистская организация нмела своих представнтелей в профсоюзах железнодорожников, среди работников мукомольной промышленности. Председателем профсоюза на Челябинскнх каменноугольных копях был коммунист, член подпольной организации Е. В. Полещук. Подпольщики руководнли профсоюзамн в Миньяре, Симе, Аша-Балаше н в других городах.

Профсоюзные организацни, находившиеся под большевистским влиянием, возглавнли стачечное двнжение. На первом этапе белогвардейской оккупации оно стало важнейшим средством революционной борьбы, мобилнзацнн рабочего класса на вооруженное восстание. На Урале забастовкн имели место уже летом 1918 года. Осенью колнче-

ство их увеличилось. На забастовочную борьбу поднимались рабочие Уфы, Челябинска, Екатеринбурга и других городов. В большинстве случаев эти выступления были политическими, хотя рабочие, как правило, выдвигали и экономические требования.

Большую революционную активность проявили железнодорожники, они отличались лучшей организованностью, сплоченностью, во главе их стояли подпольные организации и группы. В период октябрьской железнодорожной забастовки в Сибири, которая охватила многие города и станции, происходили волнения рабочих на Урале и в Зауралье — в Челябинске, Уфе, Кургане и Тюмени. Несмотря на поражение, забастовка железнодорожников сыграла большую роль. Она была первым крупным выступлением рабочих за время белогвардейской оккупации и способствовала дальнейшему росту организованности и политической зрелости рабочих. Врагу был нанесен сильный удар: затормозилась переброска войск, оружия, боеприпасов и снаряжения на фронт, что облегчило положение Красной Армии. Выступления рабочих продолжались и впредь. Организованно прошла забастовка челябинских рабочих в честь первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, длившаяся с 7 по 13 ноября. Она была подготовлена и проведена под руководством Челябинского подпольного комитета.

Летом и осенью 1918 года революционная борьба пролетариата в тылу врага еще не приобрела массового характера. Ей недоставало необходимой организованности, упорства и политической остроты. Но выступления рабочих оказывали революционизирующее воздействие на широкие массы трудящихся, в особенности на крестьянство, побуждая их усиливать отпор наступлению буржуазной реакции. Это создавало благоприятные условия для деятельности большевистской партии в деревне.

Подпольная работа среди крестьянства встречала большие трудности. Широкие слои трудящихся крестьян длительное время находились под влиянием эсеров. После отступления Красной Армии осталось очень мало коммунистов. Многие из оставшихся партийных и советских работников были расстреляны белогвардейцами или брошены в тюрьмы. Немногочисленные подпольные группы сельских коммунистов и сочувствующих им крестьян действовали обособленно и разрозненно. Но по мере установления и

укрепления связей с городскими подпольными организациями, по мере активизации батраков и бедноты, включившихся в революционную борьбу, подпольная работа в деревне приобретала все более систематический характер. Этому особенно благоприятствовали определенные сдвиги в сторону Советской власти, наметившиеся в среднем крестьянстве.

В уральской деревне, как и в городе, большевистское подполье возникало по-разному. В редких случаях здесь при эвакуации оставлялись для подпольной работы коммунисты. Так, близ Нижней Синячихи (около Алапаевска) была заблаговременно оставлена такая группа из 22 коммунистов (В. Д. Харлов, Г. А. Заякин, С. А. Шалаев и другие). Группа была хорошо вооружена, имела винтовки, револьверы, гранаты и находилась в лесу на партизанском положении, поддерживая связь с подпольщиками села. Обычно же подпольные группы в селах создавали по собственному почину не успевшие почему-либо эвакуироваться активисты или попавшие в окружение красноармейцы. К ним примыкали городские коммунисты и рабочие, бежавшие сюда от преследования белогвардейцев.

Летом и осенью 1918 года подпольная работа велась во многих сельских местностях: в Златоустовском, Уфимском и Бирском уездах Уфимской губернии, в районах Оренбурга, Бузулука, Троицка, Челябинска, Карабаша на Южном Урале, близ Екатеринбурга, Красноуфимска, Алапаевска на Среднем Урале и в других местах. Так, в 20 километрах от Усть-Катава Златоустовского уезда, в Серпиевке и других селах эту работу возглавляли члены партии Ф. Е. Бахарев, А. М. Скрябинский, И. А. Скрябинский, которым удалось создать значительную подпольную организацию. Активная антибелогвардейская агитация развернулась в башкирских и татарских селах Уфимской губернии. Южнее и юго-западнее Уфы действовали подпольные группы сочувствующих большевикам, иногда возглавляемые членами партии (в Кармалах, Сафарово, Таперыше). В Челябинском уезде подпольные группы постепенно зарождались и в русских и в башкирских селах, прежде всего близ уездного центра и каменноугольных копей. В Троицком уезде большевики обосновались в Писклово, Андреевском, Рождественском и других селах. Во главе подпольной группы в Писклово стоял М. Л. Александров, позднее установивший связи с троицкими коммунистами.

В районе Бузулука революционная работа была налажена летом в селах Гаршино, Андреевка, Александровка и других. В подпольных организациях этих сел работали видные советские и партийные работники, в том числе А. С. Платухин, бывший до захвата уезда белогвардейцами членом Бузулукского ревтрибунала. Подпольщики уходили с крестьянами в поле и на полевых станах проводили беседы на политические темы, призывая уклоняться от мобилизации. При возможности они нарушали связь по тракту Бузулук — Уральск.

В Екатеринбургском уезде Пермской губернии самыми значительными, связанными с челябинской организацией, были подпольные группы в селах Рождественской волости — Тютнярах, Кузнецком и других. С августа 1918 года начала работу подпольная организация в деревне Луговая, Камышловского уезда, во главе с рабочим, членом партии с 1917 года Ф. Ф. Ордынским. Имелись подпольные группы в Шадринском уезде, в частности в селе Ичкинском, Водениковской волости.

Уже в первые месяцы белогвардейской власти сельские подпольщики под руководством городских организаций, а чаще всего самостоятельно проделали среди крестьян значительную работу. В отдельных случаях предпринимались шаги по созданию партизанских отрядов и развертыванию организованной вооруженной борьбы с оккупантами. Как видно из донесения властей, подпольная группа села Ичкинское, Шадринского уезда, во главе с О. Баринцевым в ночь с 21 на 22 августа 1918 года на тайном собрании решила «просить у власти оружие якобы для защиты крестьянства от большевиков», а в действительности для «борьбы с Временным правительством» и чтобы «мешать мобилизации». Белогвардейцы заранее знали о существовании подпольной организации и готовящемся собрании. Здание, где оно проходило, было окружено, и только некоторым подпольщикам удалось вырваться из окружения. Несколько человек тут же было расстреляно, другие брошены в тюрьму. В отдельных районах Урала действовали небольшие партизанские отряды и группы. В дальнейшем многие из них влились в партизанское соединение В. К. Блюхера.

Подпольщики использовали каждую возможность, чтобы срывать мероприятия белогвардейских властей в деревне. Под их влиянием массы крестьянства отказывались от уплаты непосильных податей, поставок для белогвардей-

ской армии продовольствия и фуража, денег и лошадей, боролись против восстановления помещичьего землевладения. Эта борьба захватила ряд районов Южного Урала, в частности Усы-Степановскую, Новотроицкую, Байкинскую и другие волости Бирского уезда. Особенно упорно крестьяне противились насильственным мобилизациям. Новобранцев не давали подчас целые села и волости. В отдельных случаях крестьяне открыто заявляли, что не желают служить в антинародной армии и сражаться против советских войск. Но чаще они прибегали к скрытым формам отказа от мобилизации. Например, общее собрание крестьян башкирских и русских деревень Московской волости Бирского уезда 14 ноября 1918 года решило согласиться на мобилизацию «только тогда, когда будут мобилизовать весь Бирский уезд от 18 до 45 лет, оставляя только раненых»[1]. Разумеется, такой поголовной мобилизации белогвардейцы проводить не могли. Некоторые крестьянские сходы под воздействием большевистской агитации требовали вооружить мобилизуемых «на местах»[2]. Во многих деревнях крестьяне требовали выдачи удостоверений о том, что они не добровольцы, а насильно мобилизованные. Белогвардейцы запрещали местным властям выдавать такие удостоверения. Крестьяне использовали это как предлог для отказа от явки по мобилизации.

Следует заметить, что в ряде районов Урала сравнительно рано обозначился кризис политики соглашательства. В многочисленных донесениях правительственных уездных и районных организаторов-агитаторов говорилось о скептическом отношении крестьян к идее Учредительного собрания. Вот одно из таких донесений: «У многих существует симпатия к Советской власти... В их глазах идея Учредительного собрания скомпрометирована, воспринимается с большим трудом. Рабоче-крестьянское правительство для них яснее. В беседах часто делается сопоставление земских управ с Советами крестьянских депутатов, причем о последних говорят, как о более демократических, и с большими к ним симпатиями»[3]. Процесс революционизирования масс был особенно заметным в западной части Башкирии, где основной социальной силой являлись пролетар-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 673, оп. 1, д. 7, лл. 79, 94, 97, 123.
[2] Там же, ф. 260, оп. 1, д. 4, л. 825.
[3] З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 309.

ские и полупролетарские слои деревенского населения. Повсеместное восстановление помещичьего землевладения объективно означало полное банкротство меньшевиков и эсеров в аграрном вопросе. Вера крестьян в Учредительное собрание была подорвана коренным образом. Это предопределило новую расстановку классовых сил в пользу Советской власти и сыграло важнейшую роль в последующем ходе гражданской войны, когда Красная Армия предприняла успешное контрнаступление на Уфимском направлении Восточного фронта.

Особенно большой размах приобрело революционное крестьянское движение в деревнях и селах Зауралья. Наибольшее возмущение крестьян вызывала здесь политика оккупантов в аграрном вопросе. Постановление Сибирского Временного правительства от 6 июля 1918 года, как известно, фактически предусматривало денационализацию земли и возвращение всех частных владений бывшим собственникам. Но крестьяне отказались признать это постановление. Они продолжали придерживаться аграрного законодательства Советской власти, требовали уравнительного распределения земли и весьма враждебно встречали претензии владельцев и крупных арендаторов, спешивших восстановить свои частнособственнические права.

В начале августа 1918 года Курганский уездный комиссар телеграфировал в Омск Сибирскому Временному правительству: «Настроение крестьян в районе расположения частновладельческих земель крайне враждебное. Опять начинаются захваты частновладельческого скота, изгнание владельцев заимок и поджоги последних...»[1]. Крестьяне выступали против земельных собственников и поддерживавших их властей, за самовольную национализацию земель, сенокосных угодий, казенных лесов и т. д.

Другой своей стороной крестьянское движение сопротивления было направлено против налоговой политики белогвардейского Сибирского правительства. Налоговый гнет тяжелым бременем ложился на плечи трудящихся. Помимо оброчной и поземельной податей за текущий год, оккупанты принялись взыскивать старые недоимки, начиная чуть ли не с 1914 года. Общий размер налогов по 8 уездам Тобольской губернии был определен на 1918 год

[1] Ученые записки Тюменского педагогического института, № 5, вып. 2. Тюмень, 1958, стр. 51.

в сумме 5 798 653 рубля, причем почти половину суммы составляли недоимки. Знаменательно, что крестьяне не просто отказывались платить налоги, а порой требовали привести налоговое обложение в соответствие с земельным обеспечением и доходностью хозяйства. Белогвардейские власти очень нервно реагировали на такие требования, справедливо усматривая в них попытку возродить советскую систему подоходно-прогрессивного обложения. В Черноковской волости крестьяне решили обложить повышенным сбором кулаков. Уездный комиссар, узнав об этом, направил волостной земской управе и начальнику милиции телеграмму, в которой предложил «...немедленно прекратить произвол, приняв все меры вплоть до ареста виновных». Таким образом, оккупантам приходилось применять часто военную силу, чтобы заставить население вносить налоги. Но даже и это не всегда помогало. К январю 1919 года в губернии было собрано с помощью принудительных мер только $^2/_3$ намеченной суммы, а в некоторых уездах, мало доступных для карательных отрядов,— и того меньше.

Чрезвычайно сильное недовольство трудящихся вызывали мобилизации в белую армию. Отказ отбывать воинскую повинность обычно мотивировался тем, что Сибирское правительство не имеет твердой власти, что оно не народное, не законное. Резко отрицательное отношение к мобилизации выразили крестьяне Тюкалинского уезда. Они прямо заявили: «Мы в белую гвардию и армию не пойдем!» [1] В конце августа 1918 года начальник местного гарнизона доносил в Тобольск, что пять волостей во главе со своими бывшими большевистскими председателями вынесли постановление не давать новобранцев. Дело дошло до вооруженного восстания против власти Сибирского правительства. Восстание было возглавлено группой большевиков-подпольщиков, которая действовала по заданию омской партийной организации. Подпольщикам удалось вооружить ружьями и винтовками около 400 человек и создать из них партизанский отряд. Белогвардейское начальство, узнав о восстании, послало в уезд карательный отряд, но партизаны разгромили его. Только с помощью новых подкреплений карателям удалось усмирить восставшие деревни. Однако борьба не прекратилась. В день явки мобилизованных на сборный пункт в Тюкалинске крестьянский отряд ворвал-

[1] Ученые записки Тюменского педагогического института, стр. 69.

ся в город, окружил казармы, занял почту и телеграф. Среди прибывших призывников провели разъяснительную работу, и те разошлись по домам. Мобилизация была окончательно сорвана. Теперь уже местные власти двинули против крестьян крупные силы. Расправа была чрезвычайно жестокой. Карательные отряды рыскали по всему уезду, устраивая массовые истязания, расстреливая на месте без всякого суда и следствия наиболее активных участников восстания [1].

Подобные события происходили и в других уездах. Ирбитский уездный комиссар докладывал губернскому начальству следующее: «Мобилизация была принудительной. В тех волостях, где некоторые общества высказывались против обязательной мобилизации, а только за добровольческий набор, применялись репрессии со стороны военных властей, на этой почве произошло несколько печальных столкновений» [2]. В Тобольском уезде к 31 августа явились новобранцы из 20 волостей, хотя и не все (недобор составил 30 процентов), а из 19 волостей не явились совсем. В Ишимском уезде мобилизация была проведена только в 25 волостях из 46. И никакие репрессии, никакие карательные меры, к которым широко прибегали белогвардейские власти, не помогли.

Однако крестьянское революционное движение, развернувшееся в Зауралье летом и осенью 1918 года в ответ на наступление белогвардейской реакции, было также недостаточно массовым и организованным. Его главной движущей силой явились крестьяне-переселенцы и солдаты-фронтовики, то есть преимущественно бедняцкие слои деревни. Что касается середняков, то хотя они в ряде случаев и выступали вместе с беднотой, но в целом еще не созрели для активного участия в борьбе с контрреволюцией.

В районах Среднего и Северного Урала передовая часть трудящихся под руководством большевиков вела активную борьбу против наступления эксплуататоров, против насильственных мобилизаций в армию и других мероприятий белогвардейских властей. Это отмечалось в агентурных донесениях штаба Третьей армии, политических сводках армейского и дивизионных политотделов за сен-

[1] П. И. Рощевский. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1966, стр. 153—154.
[2] Ученые записки Тюменского педагогического института, стр. 70.

тябрь — ноябрь 1918 года. В них говорится об антиправительственных выступлениях рабочих, о революционном брожении среди бывших солдат-фронтовиков, о недовольстве даже мелкой городской буржуазии произволом военных властей и чрезмерными налогами, которые поглощали большую часть ее доходов[1]. Чтобы сломить сопротивление крестьян, белогвардейское начальство применяло военную силу и устраивало массовые экзекуции. Например, в одной из волостей Екатеринбургского уезда за отказ от мобилизации, объявленной 21 октября, карательный отряд белочехов выпорол все население.

Борьба трудящихся против оккупантов не могла быть не отмечена и в белогвардейских документах. Так, в приказе уполномоченного по охранению государственного порядка и общественного спокойствия Екатеринбургского, Камышловского, Шадринского и Красноуфимского уездов генерал-майора Голицына от 2 октября упоминаются диверсионные акты на железных дорогах и линиях телеграфной связи в тылу действующей армии[2]. Комендант Невьянского района доносил генералу Гайде о вооруженных столкновениях местных белогвардейцев с партизанскими отрядами красных, объявившимися в окрестностях Невьянска, Нижнего Тагила и Руднянского завода. В докладе председателя Кыштымской волостной управы главноуправляющему внутренних дел Областного правительства Урала 25 сентября отмечается рост антивоенных настроений среди населения под влиянием большевистской пропаганды и массовое дезертирство новобранцев[3].

На оккупированной территории Уральской области движение сопротивления не получило в целом столь широкого размаха, как в Зауралье и особенно Сибири. Это объяснялось прежде всего ослаблением влияния большевистской партии в массах с уходом в Красную Армию наиболее сознательной, активной и организованной части рабочего класса и беднейшего крестьянства. Далеко не последнюю роль играла здесь социальная демагогия соглашательских партий. Пытаясь ограничить притязания крупного капитала, сохранить некоторые социальные права рабочего класса, не допустить передачи земли в руки прежних соб-

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 474, л. 27; д. 721, лл. 33—34, 37, 123, 124; д. 722, л. 272; д. 822, л. 107.
[2] ГАСО, ф. р.— 1951 с., оп. 1, д. 18, л. 3.
[3] Там же, д. 66, лл. 10, 13.

ственников, меньшевики и эсеры, сидевшие в Областном правительстве, поддерживали тем самым в мелкобуржуазных массах наивную веру в возможность сохранения демократических завоеваний без диктатуры пролетариата. Демагогическая политика соглашателей мешала многим трудящимся Урала правильно усвоить опыт гражданской войны, удерживала их от активной борьбы за восстановление Советской власти. В аграрной Сибири реакция при поддержке меньшевиков и эсеров сразу же взяла курс на полную реставрацию старых эксплуататорских порядков, а в промышленных районах Урала она действовала более осторожно, используя соглашательские иллюзии масс, постепенно накапливая силы для решительного наступления.

В сознании некоторых рабочих и особенно крестьян, сбитых с толку социальной демагогией меньшевиков и эсеров, еще прочно держалось представление о возможности соглашения с буржуазией. Испытав на себе тяжелый гнет военщины, утратив веру в Областное правительство Урала, они тем не менее не осознали преимуществ диктатуры пролетариата, и все свои надежды возложили на создание более сильной власти, способной в рамках существующего строя обеспечить твердый государственный порядок, защитить демократические свободы. Настроение этой части трудящихся выразил съезд профсоюзов Челябинского района, состоявшийся во второй половине октября. Заявив протест против террористической политики военщины по отношению к рабочему классу и его организациям, съезд призвал правительства Сибири, Урала и Поволжья приступить немедленно к образованию единой всероссийской власти, которая сумела бы не допустить массовых репрессий из-за политических убеждений, прекратить гражданскую войну, положить конец вмешательству иностранных держав во внутреннюю жизнь России[1]. За создание единого Всероссийского правительства высказался двухтысячный митинг рабочих Златоустовского завода, созванный по инициативе соглашателей 4 октября. В принятой на митинге резолюции выражалась уверенность, что это правительство «встанет на путь свободной Российской Федеративной Демократической республики и твердо закрепит завоевания Февральской революции, восстановит все гражданские свободы, возродит демократические городские и земские

[1] ГАСО, ф. р.— 1951 с., оп. 1, д. 5, л. 11.

самоуправления, установит действительную охрану труда и проведет повсеместно 8-часовой рабочий день и страхование рабочих от старости и болезни, разграничит деятельность военных и гражданских властей» [1].

Следовательно, несмотря на очевидное банкротство правящих партий меньшевиков и эсеров, соглашательские иллюзии масс не были преодолены до конца. Этим, несомненно, пользовалась реакция, готовившая военный переворот и установление черносотенной диктатуры Колчака.

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 822, лл. 79—80.

УРАЛ БОРЕТСЯ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Контрреволюция наступает

Наряду с усилением интервенции на Юге России иностранные империалисты стремятся консолидировать силы восточной контрреволюции путем установления военной диктатуры царского адмирала Колчака. Сначала, как было сказано выше, они пытались восстановить буржуазно-помещичий строй в оккупированных восточных районах страны с помощью марионеточных меньшевистско-эсеровских правительств. Обещая народу «настоящую» свободу, меньшевики и эсеры в действительности способствовали возрождению самой оголтелой империалистической реакции. Это вызвало возмущение широких масс трудящихся и в конечном счете послужило одной из важных причин поражений белогвардейских армий на Восточном фронте осенью 1918 года. В результате военных неудач, а также под влиянием большевистской агитации начала быстро падать боеспособность ударной силы контрреволюции — чехословацкого корпуса. Трудящиеся чехословаки, убеждаясь в том, что их заставляют служить интересам иностранного капитала, отказывались воевать или переходили на сто-

рону Советской власти. Около 12 тысяч чехов и словаков влилось в ряды Красной Армии, чтобы вместе с русскими рабочими и крестьянами защищать первое в мире социалистическое государство[1].

Разоблачив себя как приспешников буржуазии, соглашатели оказались не в состоянии организовать серьезное сопротивление Красной Армии и подавить нараставшее революционное движение масс в тылу. Это и решило судьбу меньшевистско-эсеровских правительств, поскольку они выполнили свою вспомогательную роль, расчистив путь для открытого наступления буржуазно-помещичьей контрреволюции. 18 ноября 1918 года кадеты и монархисты при активном содействии американской, английской и французской миссий произвели в Омске государственный переворот. К власти пришел ставленник российских и иностранных империалистов черносотенный диктатор Колчак, провозглашенный «верховным правителем России» и верховным главнокомандующим всеми белогвардейскими силами.

С установлением диктатуры Колчака интервенты усилили военную помощь силам внутренней контрреволюции. Они полностью взяли на себя функции оперативного руководства, организации военно-технического обеспечения и снабжения колчаковских армий. В помощь Колчаку были двинуты крупные контингенты иностранных войск. К началу 1919 года в Сибири и на Дальнем Востоке насчитывалось около 120 тысяч интервентов[2]. Эти силы предназначались, главным образом, для охраны коммуникаций колчаковских армий и для подавления освободительного движения в тылу белых.

Выполняя волю империалистов, Колчак стал готовиться к наступлению. Его замысел состоял в том, чтобы, отразив наступление Красной Армии по всему фронту, обрушиться превосходящими силами на Третью армию, захватить Пермь, а затем соединиться с войсками интервентов и белогвардейцев Северного фронта для общего наступления на Москву. Осуществлению этого замысла способствовало относительное затишье, установившееся на Восточном фронте во второй половине ноября 1918 года. Оно было вызвано тем, что командование фронтом не сумело до конца использовать мощный наступательный

---

[1] История гражданской войны в СССР, т. 3, стр. 185.
[2] Там же, стр. 334.

порыв советских войск, переоценило достигнутые в сентябре — октябре военные успехи, не учло новой расстановки сил в лагере противника. Однако Центральный Комитет партии пристально следил за событиями на Востоке. Постановление от 26 ноября, характеризуя состояние Южного фронта, в то же время отмечало недопустимость приостановки наступательных действий Красной Армии против сил восточной контрреволюции.

По указанию ЦК РКП(б) советские войска уже в конце ноября 1918 года возобновили наступательные операции, имея своей целью освобождение от оккупантов всей территории горнозаводского Урала. Наиболее активно наступление развивалось в центре и на правом крыле Восточного фронта. Действовавшие здесь Пятая, Первая и Четвертая советские армии вновь овладели боевой инициативой и начали сильно теснить белогвардейцев, стремясь захватить Уфу, Оренбург, Уральск. Что касается Второй и Третьей армий, занимавших левый участок фронта, то им в ходе общего наступления наших войск предстояло нанести концентрированный удар со стороны Сарапула и Перми по екатеринбургской группировке противника и освободить Пермь. Между тем именно на данном участке фронта, главным образом против Третьей армии, прикрывавшей Пермь, колчаковцы создали значительное превосходство в силах. В конце ноября, то есть накануне общего контрнаступления на Пермском направлении, белогвардейское командование имело приблизительно 42 тысячи штыков и сабель. В ходе боев оно продолжало наращивать силы, перебрасывая на фронт новые резервы. К 12 декабря действовавшая против Третьей армии неприятельская группировка насчитывала 47 320 штыков, 3940 сабель, 362 пулемета, 57 орудий, 8 бронепоездов.

В Третьей армии состояло всего лишь 35 тысяч бойцов. К тому же части армии растянулись по фронту более чем на 400 километров, тогда как противник располагался компактными массами, что обеспечивало крупный численный перевес на отдельных участках фронта. Так, в начале декабря против 29-й дивизии Третьей армии, насчитывавшей 7143 штыка и сабли, колчаковцы сосредоточили 14 100 штыков и сабель; на фронте Особой бригады численностью в 3359 бойцов действовали 6870 белогвардейцев.

Командование Третьей армии не сумело предупредить контрудара колчаковских войск. 29 ноября 1918 года бело-

гвардейцы предприняли массированные атаки против 29-й дивизии и Особой бригады, чтобы выйти на подступы к Перми. Бои на Пермском направлении сразу же приобрели исключительно упорный и ожесточенный характер. Несмотря на очевидное превосходство в силах, противник с большим трудом преодолевал сопротивление советских войск. В сражении у деревни Лая еще раз отличился 1-й крестьянский коммунистический полк «Красных орлов». Четыре отборных белогвардейских полка окружили советскую часть. Густые цепи противника неоднократно атаковали позиции полка, но каждый раз откатывались обратно, не выдержав огня пулеметов и встречного штыкового удара. К исходу сражения полк «Красных орлов», ведомый коммунистами, вырвался из окружения и соединился с основными силами 29-й дивизии.

Мужественно держались Мусульманский, 17-й Петроградский и Камышловский полки 29-й дивизии. Советские кавалеристы в бою под станцией Комарихой разгромили целый полк белых и захватили помимо прочих военных трофеев два орудия. В течение двух дней дрался окруженный в районе деревни Салда 1-й Рабоче-Крестьянский полк. Израсходовав все патроны, полк штыковой атакой опрокинул противника и вышел из окружения [1].

Критическое положение создалось на Лысьвенском направлении, где сражалась 1-я бригада 29-й дивизии. В ночь на 13 декабря белогвардейцы, собрав значительные силы, прорвали фронт у станции Калино. Наши части, измотанные беспрерывными боями, начали отходить к станции Селянка. Тем временем противник подтянул свежие силы, чтобы нанести решительный удар. Тогда командир бригады Ф. Е. Акулов ввел в бой только что отведенный с передовых позиций 56-й Путиловский кавалерийский полк, которым командовал питерский рабочий П. М. Прокофьев. Путиловцы вышли в тыл противника к деревне Кутамышское и наголову разгромили стоявший здесь в резерве 3-й Барнаульский полк белых, захватив 2 орудия, 3 станковых пулемета, много снаряжения и обмундирования, а также 100 пленных. Из захваченных орудий и пулеметов красноармейцы открыли беглый огонь по цепям противника, наступавшим на Селянку, и по резервам, которые подходили

---

[1] История гражданской войны в СССР, т. 3, стр. 354.

со стороны Лысьвенского завода. Наступление белых было сорвано [1].

Однако силы оказались слишком неравными: 29-й дивизии противостояли 11 белогвардейских полков. В тяжелых оборонительных боях дивизия понесла огромные потери. Еще в первые дни белогвардейского наступления под станцией Выя была окружена и почти полностью уничтожена 3-я бригада дивизии. Лучшие добровольческие полки, выдержавшие самый сильный натиск вражеских полчищ, потеряли большую часть своего состава, главным образом коммунистов, политработников, командиров. Обескровленная и изможденная до последней степени 29-я дивизия отступала на запад. В первой половине декабря белые заняли Кушву, Бисер, Лысьву и вышли на ближние подступы к Перми.

В трудных условиях оказалась Особая бригада Третьей армии, прикрывавшая Пермь с севера. Под станцией Кын бригада попала в окружение. Заняв круговую оборону, красноармейцы мужественно отбивали атаки превосходящих сил противника. Особую стойкость проявили красноармейцы 256-го Лесновско-Выборгского полка, где командиром был Н. П. Захаров. В ожесточенных сражениях под Коноваловским заводом и в районе станции Крутой Лог они нанесли белым сильные контрудары, значительно улучшив позиции полка [2]. В результате героического сопротивления Особая бригада избежала разгрома, хотя и понесла большой урон. Обстановка на левом фланге Третьей армии резко ухудшилась. 14 декабря колчаковцы захватили станцию Чусовская. Это дало им возможность отрезать советские части, оборонявшие Северный Урал, взять в клещи 29-ю дивизию, нанеся удар со стороны Кушвы и Чусовской.

В первые дни контрнаступления Колчака на Пермь положение в Третьей армии в значительной степени облегчалось активными действиями частей в центре и на правом фланге. 30-я стрелковая дивизия вела наступательные бои на Кунгурском направлении. Здесь противник, несмотря на численное превосходство, долго не мог добиться сколько-нибудь серьезных тактических успехов. Упорные встречные бои завязались на правом фланге Третьей армии, в

---

[1] Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 225—226.
[2] Л. М. Спирин. Разгром армий Колчака, стр. 63—64.

районе Осы, где располагалась 5-я Уральская дивизия. На этом участке фронта белогвардейцы тоже не сумели сразу овладеть боевой инициативой.

Только во второй половине декабря, когда враг прорвался к Перми, правофланговые соединения Третьей армии вынуждены были отойти на запад и оставить Кунгур. Это произошло еще и потому, что соседняя Вторая армия не предприняла вовремя наступления на своем участке фронта, оставив без поддержки части правого фланга Третьей армии.

Критическая обстановка, сложившаяся на фронте Третьей армии, требовала принятия срочных мер. В. И. Ленин не раз предупреждал командование Красной Армии об угрозе Перми. 13 декабря он писал в Реввоенсовет Республики: «Крайне тревожные вести из-под Перми. Ей грозит опасность. Боюсь, что мы забыли про Урал. Непременно налегайте на Вацетиса и проверяйте, достаточно ли энергично он дает подкрепления Перми и Уралу» [1]. Одновременно В. И. Ленин и Я. М. Свердлов в телеграмме на имя председателя Реввоенсовета Республики еще раз напомнили о необходимости срочной помощи Перми, особо подчеркнув значение обороны Кизеловского района, снабжавшего углем заводы и железнодорожный транспорт. Руководствуясь указаниями Ленина, советское командование предприняло некоторые меры для укрепления Пермского участка Восточного фронта. В этот же день главком И. И. Вацетис дал командующему Восточным фронтом предписание: «Из поступающих сведений усматривается, что противник предпринял решительную операцию против Третьей армии. Возможно, что противник поставил своей задачей захват Перми и развитие в дальнейшем своей операции в направлении на Вятку и в сторону Воткинского и Ижевского заводов. Мы должны всеми мерами воспрепятствовать одержанию противником какого бы то ни было успеха над нами на Урале, ни в коем случае не допустить перехода в руки противника района Пермь — Вятка — Воткинский — Ижевский заводы» [2]. Далее предлагалось активными действиями Второй и Пятой армий парализовать наступление белогвардейцев на Пермском направлении, усилить Третью

---

[1] В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920), стр. 88.
[2] ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 100, л. 94.

армию имеющимися в распоряжении фронта резервами и передать ей на вооружение со складов Ижевского завода 3 тысячи винтовок. Главком уведомлял также о своем решении подкрепить войска, оборонявшие Пермь, одной бригадой 7-й дивизии из Ярославского военного округа.

Однако в оказании срочной помощи Перми не была проявлена оперативность. Распоряжения Главного командования на этот счет или отменялись другими директивами, или выполнялись с большим запозданием. Отправка резервов для Третьей армии систематически срывалась. Протесты командующего Восточным фронтом С. С. Каменева были оставлены без внимания. Бригада 7-й дивизии прибыла в распоряжение Третьей армии уже после захвата белыми Перми. Советское командование справедливо рассматривало Южный фронт как главный. Вместе с тем многие недооценивали угрозу со стороны Колчака. Восточный фронт не только не обеспечивался необходимым количеством резервов, но отсюда снимались войска для переброски на юг. С левого крыла фронта как раз накануне генерального наступления армий Колчака на Пермь было снято около 15 тысяч бойцов, сотни пулеметов, десятки орудий. Общее количество сил, взятых с Восточного фронта, составило до 25 тысяч штыков и сабель [1].

Партийные организации Урала занимались проблемой укрепления войск Третьей армии и подготовки обороны Перми. На заседании обкома РКП(б) 8 декабря было решено немедленно вооружить и перевести на казарменное положение всех коммунистов, оказать решительное противодействие антисоветской агитации, ввиду возможной эвакуации города создать Военно-революционный комитет [2]. Областной комитет партии командировал на фронт группу своих работников во главе с Н. Г. Толмачевым для всестороннего обследования создавшегося там положения. 17 декабря отчет Н. Г. Толмачева был заслушан расширенным заседанием областного комитета партии совместно с присланными на Урал петроградскими партийными работниками и представителями Третьей армии. Обследование выявило серьезные трудности, которые переживал фронт из-за отсутствия резервов, надежного командного состава, из-за плохой политической работы с мобилизованными, из-

[1] Г. Х. Эйхе. Опрокинутый тыл, стр. 200.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 233, л. 55.

за недостатка продовольствия, теплой одежды, специального снаряжения и т. д. Обсудив отчет Н. Г. Толмачева, обком признал необходимым усилить партийный контроль за деятельностью военных органов, перенести центр тяжести политической работы в формируемые части, ускорить выдвижение проверенных коммунистов на командные должности в армии. Было решено в ближайшем будущем созвать съезд армейских партийных организаций для обсуждения первоочередных задач партии в строительстве Красной Армии. Кроме того, Уральский обком РКП(б) наметил еще ряд специальных мер для оздоровления обстановки на Пермском участке фронта и восстановления боеспособности Третьей армии.

Со своей стороны командование Третьей армии также предпринимало попытки предотвратить поражение. 8 декабря был издан приказ о поддержке действовавших на Пермском направлении левофланговых частей армии. Приказ предписывал:

1) Командиру Камской бригады Грушецкому срочно перебросить бригаду из района села Частые в Пермь для дальнейшего следования на станцию Чусовская в распоряжение начдива 29-й.

2) Начальнику 5-й Уральской дивизии временно приостановить наступательные действия, привести части в должный боевой порядок, имея в виду перегруппировку дивизии для наступательных операций в направлении на Красноуфимск.

3) Начальнику 29-й стрелковой дивизии ввиду перегруппировки частей на фронте включить в состав своей дивизии, помимо Камской бригады, также Особую бригаду Зомберга.

4) Для обеспечения перегруппировки 29-й стрелковой дивизии и упрочения положения Лысьвенского направления начдиву 30-й начать наступление из района села Сая в общем направлении на станцию Кормовище, имея конечной целью занятие указанной станции[1]. Большая роль отводилась оборонительным сооружениям на подступах к Перми. 20 ноября начальник 2-го Полевого строительства Восточного фронта доложил командующему Третьей армии о том, что на Оханском, Кунгурском и Лысьвенском направлениях велись работы по рытью окопов, устройству

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 482, л. 54.

искусственных заграждений, сооружению железобетонных пулеметных капониров и наблюдательных пунктов. На этих работах было занято до 3200 рабочих и 290 конных подвод.

Однако армейское командование, руководящие партийные, советские и военные органы Урала в создавшейся сложной ситуации допустили и крупные просчеты в укреплении обороны Перми. Они не сумели вовремя мобилизовать нужные силы, активизировать политическую работу в войсках, обеспечить их всем необходимым, до конца перестроить на военный лад весь аппарат управления, парализовать подрывную деятельность вражеской агентуры на фронте и в прифронтовой полосе.

Боеспособность Третьей армии сильно снизилась в результате больших потерь, которые понесло ее партийное ядро. Так, Крестьянский коммунистический полк «Красных орлов» в конце ноября имел около 700 членов партии, а после боев под Пермью насчитывал не более 300. В 4-м Уральском полку из 500 членов партии осталось только 130[1]. Такое положение было и в других полках. Это неизбежно привело к ослаблению партийного влияния среди войск, ухудшило их политико-моральное состояние. Коммунисты старались использовать все возможности, чтобы в условиях беспрерывных тяжелых боев и вынужденного отступления сохранить идейный контакт с красноармейской массой. Значительную жизнеспособность проявили партийные организации 30-й стрелковой и 5-й Уральской дивизий. Во время декабрьских боев коммунисты — командиры, комиссары, политработники, рядовые бойцы — всегда были впереди, показывая пример самоотверженной, беззаветной верности революционному долгу. Многие погибли смертью храбрых. Случалось, целые партийные коллективы выбывали из строя. Вместо них создавались новые из числа только что принятых в партию. В одном из донесений политотдела армии сообщалось, что в некоторых частях 30-й дивизии организация партийных ячеек приняла массовый характер. Причем в партию записывали далеко не всех желающих, а только самых лучших[2]. И не случайно именно эти соединения Третьей армии особенно упорно сражались с превосходящими силами колчаковцев и долго не выпускали из своих рук боевой инициативы.

---

[1] «Военно-исторический журнал», 1961, № 11.

[2] Вопросы истории Урала. Сборник статей. Вып. 5. Уральский государственный университет, 1964, стр. 89.

Но все же недостатки в организации политической работы на фронте были очень серьезными, и это явилось одной из причин недисциплинированности, слабой боеспособности, дезертирства отдельных частей. Неустойчивым элементам удалось в конце ноября разложить 1-й Горный полк 29-й дивизии, действовавшей на Верхотурском направлении. В критический момент боя за станцию Выя полк отказался выступать на позиции, за что по приказу командования был расформирован[1]. Слабо была поставлена партийная работа во 2-м Кунгурском и Среднеуральском полках 30-й дивизии. В начале декабря во время боя у деревни Выдреnка на Кунгурском направлении несколько рот Среднеуральского полка отказались идти в наступление[2]. В период наиболее ожесточенных боев за Пермь имели место случаи измены целых полков, распропагандированных вражеской агентурой.

Весьма напряженная политическая обстановка создалась и в ближайшем тылу наших войск, особенно в прифронтовых уездах Вятской губернии, где контрреволюция развернула широкую подрывную работу, используя недовольство крестьян чрезвычайным налогом и обязательными мобилизациями в Красную Армию.

Субъективные и объективные причины привели к тому, что мероприятия по укреплению обороны Перми не дали должного результата.

В двадцатых числах декабря бои начались на ближних подступах к городу. Части 29-й дивизии, неся огромные потери, продолжали отступать. Отдельные полки пытались организовать оборону в самом городе, чтобы дать возможность произвести хотя бы частичную эвакуацию. В приказе по войскам 29-й дивизии от 31 декабря отмечалось, что в крайне сложной обстановке, в ночь на 24 декабря, командиры бригад Акулов и Клоков, военкомы Яхонин, Муравьев и Беляев проявили хладнокровие и распорядительность в руководстве войсками, что дало возможность удержать станцию Пермь II до 19 часов 25 декабря и вывезти 15 эшелонов с ценным военным грузом. Командование отмечало также особую самоотверженность частей Камышловского и Рабоче-Крестьянского полков. Эти части, возглавляемые Некрасовым, Брюхановым и Галенкиным, до последней

---

1 ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 734, лл. 56—58.

2 Там же, д. 721, лл. 45, 46.

возможности защищали город и подступы к железнодорожной станции, где шла эвакуация. В боях за Пермь отличился и Крестьянский коммунистический полк [1]. Но преимущество противника было слишком очевидным. В ночь на 25 декабря колчаковцы заняли город и захватили большие трофеи. Советские войска отступили за Каму и закрепились на новых рубежах в нескольких десятках километров западнее Перми. Эта победа досталась белым дорогой ценой. Только одна 7-я Уральская дивизия из группы генерала Гайды потеряла за несколько дней боев убитыми, ранеными и обмороженными свыше 3 тысяч солдат и офицеров. Не меньший урон понесли и другие белогвардейские части, наступавшие на Пермском направлении [2].

По сведениям разведывательного отдела штаба Третьей армии, силы противника на 1 января 1919 года исчислялись в 25 280 штыков, 2390 сабель, 244 пулемета и 27 орудий [3]. Тут не учтены белогвардейские части, которые действовали на фронте 5-й Уральской дивизии, т. к. она входила в состав Второй армии. В этих частях на 27 ноября имелось свыше 10 тысяч штыков и сабель, но в боях на Осинском направлении они были настолько измотаны и обескровлены, что их численность уже к середине декабря сократилась на 2200 штыков [4]. Сразу же после захвата Перми белогвардейское командование отвело в тыл на отдых и переформирование наиболее потрепанные части. Тем не менее значительное ослабление ударной группировки генерала Гайды не вызывает никакого сомнения. Дальнейшее наступление белых в сущности захлебнулось. Захватив Пермь, Колчак так и не смог окончательно сломить сопротивление героических войск Третьей армии. Наступательный порыв белых с выходом к Каме иссяк. Но несмотря на это, падение Перми было крупной военной неудачей. Угроза соединения армий Колчака с контрреволюцией на севере стала весьма реальной. Поражение под Пермью могло неблагоприятно отразиться на других участках Восточного фронта. Нужно было основательно разобраться в недостатках и самым решительным образом выправить положение.

---

[1] См. ЦГАСА, ф. 176, оп. 2, д. 30, лл. 88, 89; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 734, л. 64—65.

[2] История гражданской войны в СССР, т. 3, стр. 355.

[3] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 385, л. 120.

[4] Там же, л. 97, 106.

В последних числах декабря Уральский обком РКП(б) направил в Центральный Комитет партии подробный доклад о причинах поражения войск Третьей армии под Пермью [1]. Одной из главных причин, указывалось в докладе, явились крупные пороки в системе комплектования советских войск на Урале. Отдел формирований Уральского окружного военного комиссариата, засоренный антисоветски настроенным офицерством, проводил поголовные мобилизации, не считаясь с необходимостью строжайшего соблюдения классового принципа [2]. Засоренные контрреволюционными элементами, не успевшие пройти соответствующую политическую подготовку вновь формируемые части сразу бросали на фронт. Такие части проявляли слабую устойчивость в бою и даже переходили на сторону противника. Вся тяжесть борьбы с контрреволюцией лежала на плечах добровольческого ядра Третьей армии. За 5 месяцев войны армия потеряла 15,5 тысячи человек, преимущественно добровольцев, а равной по количеству и качеству замены не получила. Резервы, переброшенные за это время из центра и составлявшие 5 тысяч человек, разумеется, не смогли возместить всех потерь.

Уральский обком РКП(б) информировал Центральный Комитет партии о негодности армейского командования. М. М. Лашевич, исполнявший после отъезда Р. И. Берзина обязанности командующего, фактически не руководил военными операциями, предоставив командирам дивизий действовать по собственному усмотрению. Окопавшиеся в штабе армии явные белогвардейские агенты оттеснили на задний план честных партийных работников и развалили всю оперативную работу.

Существенной причиной поражения Третьей армии областной комитет партии считал неудовлетворительную рабо-

---

[1] Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 230—332.

[2] С июля по декабрь 1918 г., по данным Уральского окружного военкомата, было призвано и мобилизовано в РККА 80 999 чел., из которых менее пятисот человек поступило в тыловое ополчение, куда направлялись представители эксплуататорских классов. Следовательно, часть из них попадала в боевые формирования. Данные эти весьма неполные, т. к. по заключению Высшей военной инспекции за этот срок было мобилизовано только в Вятской губернии 77 747 чел.— ЦГАСА, ф. 11, оп. 8, д. 234, л. 793/18. По этому можно судить, какое большое количество резервов не доходило до воинских частей, дезертировало, скрывалось в лесах или даже переходило на сторону противника.

ту органов снабжения. Хотя на складах интендантского ведомства имелись значительные запасы разного военного имущества, фронт испытывал острую нужду в вооружении, обмундировании, а также в продовольствии. Неудовлетворительное снабжение армии усугублялось неразберихой на транспорте. Отдел военных сообщений, возглавляемый человеком, чуждым Советской власти, не обеспечивал своевременный подвоз фронту необходимых грузов, искусственно создавал пробки на узловых станциях железных дорог, оставлял в руках неприятеля целые эшелоны с военным имуществом.

Уралобком признавал в письме, что его участие в политическом руководстве армией не было достаточно активным и действенным. Партийная организация не сумела установить строгий контроль за деятельностью военных учреждений, слабо боролась с саботажем, вредительством и изменой со стороны военных специалистов и не решилась взять на себя всю ответственность за оборону Перми, боясь нарушить ведомственную субординацию. Обком РКП(б) видел свою вину в том, что вовремя не информировал Центральный Комитет о недостатках в организации Третьей армии, и в заключение доклада просил назначить партийно-следственную комиссию с широкими полномочиями.

Центральный Комитет партии уделил большое внимание изучению обстоятельств, вызвавших сдачу Перми. 5 января 1919 года комиссия ЦК и Совета обороны в составе Ф. Э. Дзержинского и И. В. Сталина прибыла в Вятку, где обосновались руководящие партийные и советские организации Урала. Комиссия тщательно рассмотрела все обстоятельства сдачи Перми. В течение января комиссия с помощью коммунистов Урала и Вятской губернии, а также армейских партийных организаций проделала огромную работу для укрепления фронта в районе расположения Третьей и Второй армий. Результаты этой работы регулярно сообщались В. И. Ленину, который лично санкционировал наиболее срочные меры.

Комиссия начала свою деятельность с укрепления советских войск коммунистами. По ее указанию местные партийные органы провели мобилизацию членов партии в армию. Так, коммунисты Оханского уезда направили на фронт 2700 человек, или 90 процентов организации. Кизеловский райком Пермской губернии, эвакуированный в Вятку, мо-

билизовал 120 коммунистов, прибывших с захваченной колчаковцами территории. Верещагинская организация РКП(б) решила направить в Красную Армию 50 процентов своего состава. Сотни коммунистов выделили для отправки на фронт партийные организации Глазова, Осы, Агрыза и других районов.

В связи с тем, что большая часть территории Урала оказалась захваченной белогвардейцами, по предложению комиссии были распущены партийные и советские органы Уральской области, а также районов, занятых врагом.

Военный комиссариат Уральского военного округа был сохранен и временно использован для мобилизационной работы в Поволжье. Будучи эвакуирован в Пензу, он организовал подготовку пополнений для Восточного фронта.

В январе — феврале 1919 года было ликвидировано 343 губернские, уездные и волостные партийные и советские организации. Это дало возможность направить в армию новую группу опытных работников.

Проявляя большую заботу об улучшении качественного состава армии, комиссия ЦК партии и Совета обороны организовала тщательную чистку прибывшей из Ярославского военного округа 3-й бригады 7-й дивизии, которая была засорена кулацкими элементами. Усиленная коммунистами, она превратилась в стойкое соединение.

Неделю спустя после прибытия в Вятку члены комиссии направили В. И. Ленину краткий предварительный отчет о проделанной работе и принятых мерах по укреплению левого фланга Восточного фронта. При этом они просили Совет обороны выделить восемь тысяч штыков и сабель. В конце месяца Третья армия получила и другие части. Был создан лыжный отряд в Вятке. В нем насчитывалось 1000 бойцов, в том числе 200 коммунистов. Ядро отряда составили рабочие Верхнеуфалейского завода и шахтеры из Кизела. Отряд получил необходимое вооружение, зимнее обмундирование и снаряжение. На него была возложена задача прочно обеспечить стык Третьей армии Восточного фронта с Шестой армией Северного фронта. Вскоре Особый северный экспедиционный отряд выступил на фронт.

19 января в Вятке был создан военно-революционный комитет, в руках которого сосредоточивалась вся полнота власти в губернии и в прифронтовой полосе.

Закончив работу, комиссия ЦК партии и Совета обороны выехала в Москву и представила подробный отчет В. И. Ленину. Меры, принятые Центральным Комитетом партии и Советом обороны, помогли упрочить положение советских войск на левом фланге Восточного фронта.

Войска фронта получили резервы и значительное количество вооружения. К 19 января 1919 года в составе Третьей армии числилось 14 000 штыков, 3000 сабель, 323 пулемета и 78 орудий, к февралю она насчитывала уже 25 097 штыков, 4130 сабель, 549 пулеметов, 78 орудий. Особенно большое значение для стабилизации фронта в районе Перми имело сформирование при участии местных партийных, советских и военных организаций 5-й бригады 29-й стрелковой дивизии в составе 21-го Мусульманского, 22-го Кизеловского и 23-го Верхнекамского полков (впоследствии Особая бригада Третьей армии). История создания этого соединения такова. Еще в ноябре 1918 года, после захвата белыми Верхотурья, в районе Тавды и Кыштыма стали организовываться по инициативе коммунистов добровольческие отряды рабочих и беднейших крестьян для обороны Северного Урала. Во главе обороны встал член облисполкома Б. В. Дидковский, назначенный командованием Третьей армии начальником советских войск участка Кизел—Усолье — Соликамск — Тавда. Перед ними была поставлена весьма ответственная задача прикрыть незащищенный левый фланг армии, перерезать тракт Верхотурье— Соликамск и не пустить врага к Кизелу. В течение ноября-декабря добровольцы вели упорные оборонительные бои с численно превосходящими частями противника.

Тем временем на Северном Урале по указанию обкома партии развертывалась всеобщая мобилизация революционных сил. Новые добровольческие отряды формировались в Кизеле, Губахе, Соликамске, Чердыни. Когда пала Пермь и колчаковская армия своим правым флангом начала продвижение в глубь Верхнего Прикамья, советские войска, оборонявшие Северный Урал, оказались отрезанными от основных сил. С тяжелыми боями они вынуждены были пробиваться через вражеское окружение. Только за Камой во второй половине января 1919 года удалось установить связь с командованием Третьей армии. Вот тогда-то и решено было из отрядов и частей, вышедших из окружения, образовать еще одну бригаду 29-й стрелковой дивизии. На 29 января 1918 года в трех полках бригады имелось коман-

диров 165, бойцов 2650. В их распоряжении было лошадей — 796, пулеметов — 17[1].

Части Особой бригады отличались высокой боеспособностью. Она определялась, прежде всего, их однородным социальным составом. В основном здесь были добровольцы — рабочие заводов, шахт, рудников, приисков Северного Урала и Верхнего Прикамья, коммунисты из числа местных партийных, советских, военных и хозяйственных работников, крестьянская беднота Коми-Пермяцкого края. Наиболее многочисленная рабочая прослойка была в Кизеловском полку. И неудивительно, что в боях он вел себя особенно стойко. Многие добровольцы прошли военную службу на фронтах империалистической войны. Это облегчало укомплектование формируемых частей опытными и надежными в политическом отношении командными кадрами. Командирами полков, батальонов, рот и команд стали бывшие офицеры и унтер-офицеры старой армии А. Н. Королев, А. Й. Федоровский, С. Г. Пичугов, А. П. Дудырев, П. С. Соловьев, К. И. Захаров, П. К. Маслоедов, Н. А. Неволин, П. Б. Богданов, С. С. Покровский и другие. Решающую роль в создании, боевом и политическом воспитании советских войск Северного Урала играли коммунисты. Партийное влияние было особенно сильным в Кизеловском и Верхнекамском полках. В феврале 1919 года в них существовали полнокровные партийные организации численностью до 600 человек. Коммунистов в бригаде по отношению ко всему личному составу было около половины[2]. Военкомы имели возможность заниматься главным образом воспитанием бойцов, и это обеспечило значительное укрепление боевых и морально-политических качеств личного состава бригады. Ее части быстро восстанавливали боеспособность даже после очень крупных потерь и обладали высоким наступательным порывом. Сформирование этого нового боеспособного соединения Красной Армии было своевременным и оказало положительное влияние на ход борьбы против белогвардейских войск севернее и северо-западнее Перми. Объединение под общим командованием разрозненных частей и отрядов придало их действиям более организованный и планомерный характер, увеличило силу сопро-

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 331, л. 18.

[2] С. П. Кесарев, А. Королев, С. Г. Пичугов. Особая бригада, 1962, стр. 15—16.

тивления врагу. Колчаковские войска, наступавшие по Верхотурско-Соликамскому тракту в обход левого фланга Третьей армии, встретили серьезный отпор и вынуждены были втянуться в изнурительные бои. Расчет белогвардейского командования на быстрый захват Коми-Пермяцкого края и беспрепятственное продвижение навстречу северным контрреволюционным силам не оправдался.

Выведение Особой бригады на оборонительные рубежи северо-западнее Перми, эффективная помощь, оказанная Третьей армии центром, быстрое приведение в порядок 29-й и 30-й стрелковых дивизий — все это способствовало преодолению войсками армии тяжелого кризиса под Пермью. Перед колчаковскими войсками западнее Перми вновь стоял фронт советских войск, которые, несмотря на большие потери и усталость, готовы были не только встретить противника, но и вскоре перейти в контрнаступление [1].

Значительное подкрепление получила Вторая армия. Когда началось наступление Колчака на Пермском направлении, ее части, ослабленные в беспрерывных боях, не сумели оказать эффективной поддержки соседней Третьей армии и также понесли крупные потери. Падение Перми создавало непосредственную угрозу Вятке и вновь открывало перед противником возможность овладения Ижевским и Воткинским заводами. Нужны были срочные меры, чтобы восстановить боеспособность Второй армии, усилить ее боевую активность. В течение января в распоряжение командующего этой армией были переданы 5-я Уральская дивизия вместе с Отрядом особого назначения, а также переброшенные из внутренних военных округов бригада 7-й стрелковой дивизии в составе 56-го и 57-го Костромских, 58-го Владимирского полков и два полка Петроградской дивизии. После тяжелых боев в ноябре-декабре 1918 года во Второй армии оставалось бойцов — 15 818, пулеметов — 338, орудий — 58, сабель — 678. К 1 февраля 1919 года в результате помощи со стороны Советского правительства и местных организаций силы армии исчислялись уже в 31 059 бойцов, 528 пулеметов, 78 орудий, 742 сабли.

Партийные мобилизации позволили пополнить войска коммунистами, усилилась партийно-политическая работа.

---

[1] С. П. Кесарев, А. Н. Королев, С. Г. Пичугов. Особая бригада, стр. 8.

В 29-й стрелковой дивизии, по неполным данным, к концу февраля 1919 года насчитывалось 1558 членов партии и 171 сочувствующий. Были восстановлены партийные ячейки в большинстве подразделений. Наиболее крупные партийные организации по 200—300 коммунистов работали в 253-м полку (Крестьянском коммунистическом полку «Красных орлов»), в 254-м (Камышловском) и в 256-м (Лесновско-Выборгском) полках.

В 30-й стрелковой дивизии общая численность партийной организации к этому времени составляла 3940 членов партии и более 750 сочувствующих (без батальона связи). Аналогичное положение было и в других частях Третьей армии. Только в феврале в ее войсках возникло 115 новых ячеек РКП(б). Ко второй половине февраля 1919 года в Третьей армии было более девяти с половиной тысяч членов партии, на полторы тысячи больше, чем к 1 декабря 1918 года. Чтобы поднять уровень политической работы среди красноармейцев, комитет РКП(б) 29-й стрелковой дивизии обратился со специальным письмом ко всем членам партии, призвав коммунистов активизировать деятельность партийных организаций, настойчиво бороться за укрепление воинской дисциплины и повышение боеспособности частей. В ответ на это обращение партийные организации дивизии развернули большую организаторскую и разъяснительную работу в подразделениях.

В начале 1919 года заметно активизировалась деятельность армейских политработников, повысилось ее качество. Политическим воспитанием красноармейцев занимались такие опытные партийные работники, как Н. Г. Толмачев, С. И. Гусев, П. К. Штернберг, А. К. Леппа, А. Л. Борчанинов, С. И. Малыгин, В. М. Мулин, М. Н. Миков, А. А. Юдин, И. И. Ковзель, С. П. Кесарев. На совещании заведующих политорганами Красной Армии, состоявшемся в Москве в январе 1919 года, Восточный фронт представляла профессиональная революционерка, член партии с 1889 года, заведующая политотделом фронта Г. И. Окулова-Теодорович. В своих выступлениях она рассказала о работе политорганов фронта. На совещании были уточнены их функции и структура. Во всех политорганах создавались отделения: агитационно-организационное, культурно-просветительное, информационное, экспедиционное. В составе политотделов дивизии предусматривалась организация библиотек.

Политотдел Третьей армии направил в войска более ста руководящих партийных работников, взятых из штабных партийных организаций и армейских учреждений для укрепления политорганов соединений и частей. Были заново укомплектованы штаты постоянных агитаторов. Чтобы ликвидировать недостаток в агитационно-пропагандистских кадрах, политотдел армии организовал специальные месячные курсы агитаторов. В феврале на них прошло подготовку свыше шестидесяти человек. Разъяснительная работа среди красноармейцев проходила более целеустремленно и доходчиво. В ряде случаев агитационно-массовые мероприятия приобретали характер регулярных политических занятий. В 53-м полку 30-й стрелковой дивизии и в частях резервной 10-й дивизии Уральского военного округа для этого ежедневно отводился час, в 61-м полку Особой бригады — два часа.

Изо дня в день росла потребность в агитационной литературе, газетах, листовках. В январе-феврале 1919 года политотдел армии отправил в действующие части 36 специально подобранных библиотек по 100 названий книг в каждой. Особое внимание было обращено на улучшение партийно-политической работы в резервных и запасных частях, а также среди населения прифронтовой полосы.

Возросший уровень организационной и политико-массовой деятельности коммунистов Третьей армии отмечался на полковых и дивизионных партийных конференциях, которые состоялись в конце января 1919 года. С 28 по 30 января в городе Глазове проходил первый армейский съезд коммунистов. Это было важное политическое событие в жизни воинов-уральцев. На съезд прибыли 129 делегатов: работники политорганов, военные комиссары, командиры-коммунисты, рядовые красноармейцы. 45 делегатов были до службы в Красной Армии рабочими. В повестке дня съезда стояли вопросы о текущем моменте, о состоянии партийно-политической работы в частях, о путях строительства Красной Армии, о предстоящем VIII съезде РКП(б). На съезде были подведены итоги партийно-политической работы в частях. Выступавшие по этому вопросу главный политический комиссар армии Н. Г. Толмачев, заведующие политорганами А. К. Леппа, В. М. Мулин, М. А. Вольфович и другие с удовлетворением отмечали, что после восстановления разрушенных звеньев партийно-политического аппарата улучшилось содержание воспитательной работы

среди личного состава, усилилось ее влияние на выполнение боевых задач. Большое внимание на съезде уделялось вопросам строительства Красной Армии и совершенствованию структуры ее партийно-политического аппарата. В принятых резолюциях подчеркивалась руководящая роль партии во всей жизни и боевой деятельности войск. Съезд одобрил сложившуюся структуру партийно-политического аппарата, подчеркнул, что руководство его деятельностью должен возглавлять член Военного совета, назначаемый Центральным Комитетом партии.

Однако, наряду с этими правильными положениями, в решениях съезда имелись ошибочные формулировки и неверные оценки. В резолюции по организационному вопросу содержалась надуманная мысль о том, что руководить работой политорганов должны «особые коллективы» — в армейском политотделе, например, коллегия в составе члена Военного совета, заведующего политотделом и выборного от дивизионного бюро РКП(б). Во время прений некоторые руководящие партийные работники Урала, ссылаясь на факты саботажа, измены и предательства со стороны военспецов, в особенности в период неудачной обороны Перми, высказались против дальнейшего привлечения бывших офицеров на командные должности. В резолюции съезда признавалось целесообразным использовать старых военных специалистов преимущественно на штабной, инструкторской или организационной работе [1].

Укрепление партийно-политического аппарата имело место и в других объединениях Восточного фронта, сражавшихся на Урале. В частях непрерывно росло число коммунистов и партийных ячеек. Если в январе 1919 года во Второй армии насчитывалось 45 ячеек РКП(б), то к концу февраля их было уже 75, в Пятой армии — соответственно 40 и 94 [2]. Партийные организации создавались нередко прямо на боевых позициях, вели работу при 20—30-градусных морозах, в обстановке непрекращающихся боев.

Благодаря действенной помощи со стороны В. И. Ленина, Центрального Комитета партии, Советского правительства, Главного командования Красной Армии, в результате энергичных мер военного руководства и активной

---

[1] «Красный набат», 9 февраля 1919 г.

[2] Партийно-политическая работа в Красной Армии (апрель 1918 — февраль 1919). Документы, стр. 227.

поддержки всех мероприятий по укреплению фронта и тыла местными организациями последствия поражения под Пермью были ликвидированы очень быстро. Усиленная коммунистами Третья армия вновь обрела высокие боевые качества и уже в двадцатых числах января возобновила активные боевые действия на Пермском направлении, включившись в общее наступление советских войск Восточного фронта.

Тактический замысел советского командования, определившийся после того, как вся левофланговая группа наших войск была приведена в относительный порядок, заключался в следующем: основными силами Второй армии повести наступление на Кунгур, имея конечной целью освобождение Перми; образовать в районе Осы резерв в составе трех полков 1-й бригады 7-й стрелковой дивизии, двух полков 4-й Петроградской дивизии и двух полков из других соединений Второй армии, чтобы в нужный момент поддержать общее наступление на Пермь, правофланговыми частями Второй армии и четырьмя полками Пятой армии начать продвижение в сторону Красноуфимска; войсками Третьей армии нанести вспомогательный удар вдоль линии Пермской железной дороги и создать угрозу Перми с севера[1].

Как выполнялся этот замысел? В первой половине января перешла в наступление Вторая армия. Ее части переправились на левый берег Камы, вышли на линию железной дороги Сарапул — Красноуфимск и нанесли крупное поражение 7-й дивизии белых в бою под станцией Щучье Озеро. Затем развернулись сражения непосредственно на Кунгурском направлении. Во второй половине января советские войска освободили Ашапский, Уинский заводы, а также ряд других населенных пунктов и оказались, таким образом, на ближайших подступах к Кунгуру.

Соединения Третьей армии тем временем вели упорные оборонительные бои, то и дело нанося противнику ответные контрудары. Особенно напряженная обстановка сложилась на фронте 30-й стрелковой дивизии, оборонявшей Оханское направление. Здесь белогвардейцы превосходящими силами беспрерывно атаковали наши части со стороны Юго-Камского завода, стремясь во что бы то ни стало захватить Оханск. Против 1-го Красноуфимского полка действовало, например, в начале января целых три пехот-

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 3, д. 195, л. 38.

ных полка белых и несколько сотен кавалерии. Но красноуфимцы держались стойко. В течение нескольких дней они при поддержке других частей 1-й бригады успешно отбивали яростные атаки врага, а затем нанесли ему сильный контрудар и отбросили на исходные позиции. В этих боях белогвардейцы потеряли половину своего состава убитыми и ранеными.

После временного затишья противник возобновил наступление. 11 января ему удалось овладеть Юго-Камским и Нытвенским заводами. Однако его попытка развить наступление со стороны Нытвы не увенчалась успехом. Части 3-й бригады отразили атаки, наголову разгромив ударную силу белых — 1-й Сибирский штурмовой батальон четырехротного состава, сформированный из добровольцев. Провалилось и повторное наступление противника на Оханск, которое началось 12 января после продолжительной артиллерийской подготовки. Оборонявшие город части 2-й бригады выдержали сильнейший натиск, а потом сами перешли в решительное контрнаступление. Неприятель в беспорядке бежал к Юго-Камскому заводу, преследуемый красной конницей. На поле боя осталось много убитых белогвардейцев, в их числе полковник и 9 офицеров. Наши войска захватили орудие, 7 пулеметов, 7 возов со снарядами и большое количество других трофеев. В дальнейшем наступление 2-й бригады из района Оханска успешно продолжалось.

Не менее важные события происходили на левом фланге 30-й дивизии, где противник проявлял большую активность, стремясь захватить Очерский завод и выйти на линию железной дороги Пермь — Глазов в районе станции Бородулино. 17 января он начал продвигаться к заводу и после ожесточенного боя занял село Дворецкое. Оборонявшие село Богоявленский и 2-й Красноуфимский полки отступили с крупными потерями. Тогда по приказу начдива к ним на помощь был переброшен 1-й Красноуфимский полк. Снова завязался упорный и продолжительный бой, который перешел в штыковую схватку. К исходу дня наши войска освободили Дворецкое. В этом бою были разбиты два полка, штурмовой батальон и несколько сотен кавалерии противника. Закрепляя достигнутый успех, наши части перешли в наступление и 22 января выбили белых из Нытвенского завода. Высокой боевой активностью отличались также 17-й Уральский и 2-й Горный полки из состава 4-й

бригады. Вместе с правофланговыми частями 29-й стрелковой дивизии они стойко защищали свои позиции в районе села Рождественское, угрожая Перми с северо-запада.

Что касается 29-й дивизии, которая прикрывала своими главными силами Глазовское направление, то и она в основном успешно справлялась с поставленными перед нею задачами. Правда, первоначально обстановка на фронте дивизии оставалась весьма сложной. После захвата Перми противник предпринял наступление по железной дороге на Глазов и в первой половине января вынудил части 1-й бригады оставить станции Шебуничи, Чайковскую, Григорьевскую, Менделеево. В связи с этим начался отход на запад и 2-й бригады. Однако уже 16 января в ходе военных действий обозначился перелом. Противник не выдержал мощных контратак Стального путиловского кавалерийского полка и прославленного 253-го полка «Красных орлов» и повернул вспять. С этого момента боевая инициатива переходит в руки советских войск. В наступление включились 254-й Камышловский и 255-й Рабоче-Крестьянский полки из 2-й бригады, которые, взаимодействуя с соседними частями 30-й дивизии, нанесли серьезное поражение белогвардейцам в районе села Дворецкое. 21 января 258-й Волынский и Стальной путиловский кавалерийские полки атаковали противника у деревни Пестов и разбили его, захватив 2 орудия, 2 пулемета, 20 возов со снарядами, много винтовок и разного вооружения. Эскадрон Путиловского кавалерийского полка зарубил в этом бою 150 вражеских солдат. А 22 января была одержана новая победа: советские войска заняли станцию Менделеево.

24 января, когда достаточно ясно определилось общее наступление войск Третьей армии, Реввоенсовет Восточного фронта телеграфировал Главкому: «Второй день 29 и 30 дивизии успешно продвигаются вперед, гоня перед собой противника, который только накануне указывал в своих приказах, что перед ним разложившиеся части 3 армии» [1].

Наступление на левом фланге Восточного фронта слилось с усилиями других армий, действовавших в центре и на правом фланге и продолжавших развивать наступление, начатое еще в конце ноября 1918 года. На Уфимском

[1] Л. М. Спирин. Разгром армии Колчака. М., 1957, стр. 72.

направлении части Пятой армии во второй половине декабря преодолели отчаянное сопротивление противника и освободили Белебей, а затем Стерлитамак, а в ночь с 30 на 31 декабря — Уфу. Еще через несколько дней колчаковцы оставили Бирск. Чтобы задержать продвижение Пятой армии, белогвардейское командование перебросило на Уфимское направление крупные резервы, но и они не выправили положения. В войсках противника, особенно среди чехословаков, не говоря уже о насильно мобилизованных рабочих и крестьянах, началось революционное брожение. За несколько дней боев на Уфимском участке фронта сдалось в плен около 8 тысяч вражеских солдат.

В январе 1919 года развернулись решающие бои за Оренбург. Их вела Первая армия, которой командовал М. Н. Тухачевский, во взаимодействии с туркестанскими отрядами Красной Армии, наступавшими со стороны Актюбинска. Освобождение Оренбурга имело важное стратегическое значение. Оно давало возможность советскому командованию нанести чувствительный удар по опорным пунктам контрреволюции на Южном Урале, рассечь фронт противника, изолировав белоказачьи войска атамана Дутова от основных сил колчаковской армии, и оказать поддержку трудящимся Советского Туркестана, героически оборонявшимся от банд белогвардейцев и английских интервентов. Поэтому В. И. Ленин особенно внимательно следил за ходом боевых операций на правом крыле Восточного фронта, требуя во что бы то ни стало форсировать наступление. Совершив стремительный бросок вперед, части Первой армии 22 января 1919 года вступили в Оренбург. В конце февраля был освобожден Орск. На крайнем правом участке Восточного фронта успешно действовали войска Четвертой армии, освободившие 24 января 1919 года Уральск, а затем продвинувшиеся дальше в глубь Уральской области.

Следовательно, январско-февральские бои показали, что части Красной Армии на Урале в целом повысили свою боевую активность. Однако наступление на левом фланге не дало желаемых результатов; советским войскам не удалось вернуть захваченные врагом позиции. Причиной слабых успехов наступления явилось то, что соотношение классовых сил в восточных районах страны было пока еще не в пользу Советской власти. Поэтому армии Колчака продолжали сохранять огромный численный перевес. Они

хорошо снабжались интервентами и обладали большой ударной силой, что и подтвердил дальнейший ход гражданской войны.

2. Под властью Колчака

Провал стратегических замыслов Колчака на Восточном фронте не отрезвил организаторов интервенции. Весной 1919 года они подготовили объединенный поход против Советской власти всех белогвардейских и иностранных армий. В этом походе должны были принять активное участие прежде всего силы внутренней контрреволюции, возглавляемые Колчаком, Деникиным, Юденичем, Миллером. Их выступления предполагалось поддержать действиями войск Антанты, а также зависимых от нее малых государств Европы. Но главная роль в этом нашествии возлагалась на Колчака. Восточный фронт приобрел первостепенное значение для судеб социалистической революции.

Империалисты США, Англии, Франции и Японии полностью взяли «верховного правителя» на свое обеспечение: в 1919 году он получил из-за границы 700 тысяч винтовок, 3600 пулеметов, 530 орудий, огромное количество боеприпасов, обмундирования и продовольствия. Численность оккупационной армии интервентов в восточных районах страны была доведена до 150 тысяч человек. Оккупанты продолжали бдительно нести карательную службу в тылу Колчака, позволив ему перебросить на фронт максимум своих сил.

С помощью империалистов Антанты Колчак сформировал и вооружил до зубов почти 400-тысячную армию. Непосредственно на фронте было сосредоточено до 130—145 тысяч солдат и офицеров с 1300 пулеметами и 211 орудиями. Этим силам противостояли советские армии Восточного фронта общей численностью немногим более 100 тысяч штыков и сабель. Они имели на вооружении 1882 пулемета и 774 орудия[1]. Конечная цель Антанты заключалась в том, чтобы в результате наступления Колчака объединить силы восточной, северной и южной контрреволюций, а затем нанести удар по жизненно важным центрам Советской республики.

[1] 50 лет Вооруженных Сил СССР, стр. 71.

В начале марта 1919 года армии Колчака начали генеральное наступление на всем протяжении 600-километрового фронта. Тяжелое положение создалось на северном крыле Восточного фронта, прикрывавшем подступы к Вятке, Ижевску, Казани. Наступавшая здесь Сибирская армия белых под командованием генерала Гайды нанесла сильный удар в стык Второй и Третьей советских армий, с ходу захватив Оханск и Осу. Но дальнейшее ее продвижение было приостановлено упорным сопротивлением героических войск Третьей армии, укрепившихся в районе железной дороги Пермь — Вятка. На защиту Советской власти поднялись новые сотни и тысячи рабочих и беднейших крестьян Северного Урала. Вместе с красноармейцами они активно участвовали в обороне крупных населенных пунктов, лежавших на пути продвижения врага. Несмотря на большое превосходство в силах, колчаковцы долго не могли захватить Песковский завод, оборонявшийся Путиловским кавалерийским полком и местными рабочими. При поддержке населения мужественно сопротивлялись части Красной Армии в районе Кирсинского завода. Генерал Гайда писал впоследствии: «Левый фланг противника упорно защищает каждую деревню и отступает очень упорядоченно, оставляя слишком мало трофеев» [1].

К середине апреля положение на фронте Третьей армии относительно стабилизировалось. Белогвардейцам так и не удалось нанести окончательное поражение советским войскам и прорваться к Вятке. Сибирская армия Колчака вынуждена была вместо Вятки повести наступление основными силами на Казань.

На участке Второй армии, прикрывавшей дальние подступы к Казани, противник добился более существенных успехов. Этому во многом способствовали контрреволюционные кулацко-эсеровские восстания, которые вспыхнули в тылу советских войск. Переправившись через Каму, белогвардейцы с помощью мятежников овладели в первой половине апреля Воткинском, Сарапулом, Ижевском. Части Второй армии с тяжелыми боями отошли к реке Вятке. В мае войска Сибирской армии белых форсировали реку Вятку и открыли себе путь на Казань.

Направление главного удара Колчака обозначилось в центре Восточного фронта, где против Пятой советской ар-

[1] Л. М. Спирин. Разгром армий Колчака, стр. 96.

мии действовала Западная армия генерала Ханжина. Имея более чем четырехкратное численное превосходство, противник прорвал фронт и начал быстро продвигаться вперед. В течение первых десяти дней наступления он захватил Бирск, затем Уфу. В районе Уфы белогвардейское командование попыталось окружить и уничтожить обескровленные части Пятой армии. Однако героическое сопротивление войск 26-й и 27-й дивизий сорвало этот замысел. Бок о бок с красноармейцами сражались отряды рабочих. Только уфимский пролетариат послал на борьбу с Колчаком около 3 тысяч добровольцев. Наиболее стойко держались полки 26-й стрелковой дивизии. Несмотря на огромные потери, эта дивизия не только упорно оборонялась, но и наносила ответные контрудары. В сводках советского командования за неделю с 22 по 28 марта отмечалось, например, что в последних боях полкам 3-й бригады дивизии удалось занять несколько деревень, захватить 5 орудий, 5 пулеметов и около 500 пленных.

Продвижение вперед давалось белым очень дорогой ценой. За время боев в Уфимском районе с 15 марта по 5 апреля только 3-й Уральский корпус из армии генерала Ханжина потерял убитыми, ранеными и пленными более 3500 человек. Но и советские войска понесли тяжелые потери. В ходе оборонительных сражений под Уфой вышло из строя около половины личного состава Пятой армии. Как и в других районах прифронтовой полосы, здесь весьма отрицательно сказалась недостаточная устойчивость советского тыла. В ряде уездов Симбирской и Самарской губерний произошли кулацко-белогвардейские мятежи, к которым примкнула зажиточная часть среднего крестьянства, недовольная введением продовольственной разверстки. С огромным трудом сдерживая сильнейший натиск превосходящих сил противника с фронта и с тыла, войска Пятой армии продолжали отступать. В первой половине апреля они оставили Белебей, Бугульму, Бугуруслан. Западная армия белых двигались по направлению к Волге.

Нанеся поражение частям Пятой армии и продвигаясь к Самаре и Бузулуку, колчаковцы тем самым создали угрозу левому флангу Первой советской армии, действовавшей в районе Южного Урала, и вынудили ее также отступить. Одновременно на южном крыле Восточного фронта активизировала свои действия белоказачья Оренбургская армия Дутова, захватившая Актюбинск и отрезавшая от Совет-

ской России Туркестан. Контрреволюция торжествовала победу. Прорыв в центре Восточного фронта открывал перед империалистами Антанты реальную возможность для объединения в районе Волги армий Колчака и Деникина и совместного их наступления на Москву. А это угрожало самому существованию Советской Республики.

В результате весеннего наступления Колчака почти весь Урал оказался под властью белогвардейских оккупантов. Режим черносотенной диктатуры, выражавший классовые интересы помещиков, крупной торгово-промышленной буржуазии и иностранного капитала, оставил тяжелый след в жизни рабочего класса и трудового крестьянства. Конечно, реакционная сущность колчаковщины, которая прикрывалась флагом свободной торговли и частного предпринимательства, не сразу дошла до сознания широких мелкобуржуазных масс. Именно поэтому крестьянство Сибири и Урала сначала не только признало Колчака, но и помогло ему воевать с Советской властью. Колчак, указывал В. И. Ленин, привлек на свою сторону массу добровольцев из зажиточных крестьян. Его армия на первых порах была едина в классовом отношении и поэтому сильна. Однако чем дальше, тем больше реакционная политика колчаковщины приходила в резкое столкновение с жизненными интересами народных масс. И это было главной причиной ее последующего банкротства.

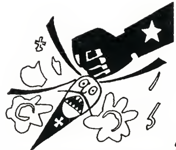
Диктатура Колчака, имевшая целью полную и окончательную ликвидацию всех завоеваний социалистической революции и восстановление всевластия крупного капитала, ударила, прежде всего, по рабочему классу. Колчак узаконил и довел до логического конца мероприятия своих меньшевистско-эсеровских предшественников по денационализации промышленности. Окончательно утвердившись в правах собственности, уральская буржуазия повела решительное наступление на жизненный уровень трудящихся масс. Происходит дальнейшее увеличение продолжительности рабочего дня, резкое сокращение реальной заработной платы, общее повышение цен в результате спекулятивных махинаций предпринимателей и торговцев. За время господства колчаковщины реальная заработная плата снизилась в среднем на 46—60 процентов. На Кыштымском заводе заработок рабочего составлял в конце января 1919 года от 6 до 10 рублей в день. В то же время фунт ржано-

го хлеба стоил здесь 1 рубль 30 копеек[1]. В Екатеринбурге на Верх-Исетском заводе заработная плата рабочих в марте 1919 года номинально оставалась прежней, а цены по сравнению с декабрем прошлого года повысились: на муку ржаную с 27 до 45 рублей и пшеничную — с 30 до 60 рублей за пуд. В целом при белогвардейских оккупантах цены на продукты и товары первой необходимости возросли в 5—10 раз и больше, а номинальная заработная плата рабочих увеличилась в среднем лишь в полтора-два раза.

Семьи рабочих были обречены на систематическое недоедание и, в конечном счете, на голодную смерть. Рабочие снова попали в полную кабалу к капиталистам. Колчаковские власти под страхом жестокого наказания запретили им вмешиваться в дела производства, требовать улучшения своего материального положения, устраивать стачки и забастовки. В феврале 1919 года забастовали рабочие-водники Тюмени. Генерал Гайда приказал в трехдневный срок возобновить работу, пригрозив всех неповинующихся предать военно-полевому суду, каждого десятого — расстрелять, а остальных — сослать на каторгу. Легальные профсоюзы, существовавшие при меньшевиках и эсерах, были разогнаны. В Уфе колчаковцы арестовали 400 активных членов профсоюза, из которых 150 человек отправили в сибирские тюрьмы и там многих замучили. За первую половину 1919 года численность профессиональных союзов металлистов и горняков на Урале сократилась более чем в три раза — со 125 000 человек до 36 831 человека.

Притесняя и терроризируя рабочих, Колчак всячески поддерживал капиталистов. Крупная буржуазия получила при нем огромные денежные средства на развитие производства. Общая сумма субсидий и дотаций, выданных промышленникам, торговцам и банкирам к 1 августа 1919 года, составила более 750 млн. рублей. В действительности эти средства не шли на поддержание промышленности и торговли, а их беззастенчиво присваивала буржуазия. Особенно услужливо диктатор оберегал интересы иностранного капитала. За военную и экономическую помощь интервентов он расплачивался золотом, пушниной, лесом, минеральным сырьем, хлебом. По требованию Антанты Колчак согласился уплатить все долги царского и Временного правительств, передать под иностранный контроль железные до-

[1] ГАСО, ф. 1956 с., оп. 1, д. 32, л. 177.



1) Если белогвардейщину не добьем совсем

2) Белогвардейщина снова встанет на ноги

3) Если пана добьем и сложим руки

4) Руку к рабочему протянет Врангель

5) Пока не укрепится красное знамя·,

Винтовка не может быть нами брошена

НАРКОМПРОС РОСТА № 149.

роги и речные пути, предоставить полную свободу действий иностранным дельцам и спекулянтам. Урал, Сибирь, Дальний Восток были отданы на разграбление империалистическим хищникам.

Урал, находясь под властью белогвардейских оккупантов, переживал глубокую хозяйственную разруху, усугублявшую нужду и бедствия трудящихся масс. Хищническое хозяйничанье временщиков-капиталистов, разграбление предприятий, запасов сырья, топлива и материалов, присвоение денежных ссуд и дотаций — все это привело к полной дезорганизации и упадку производства. В 1919 году из каждых пяти уральских заводов действовал только один, да и то с неполной нагрузкой. В результате производство железа и стали, например, упало до 9 процентов от уровня 1913 года, а выплавка чугуна — до 14 процентов. В тяжелом положении оказалась угольная промышленность. Полнейшая разруха царила на транспорте. Резко сократился подвижной парк, количество неисправных паровозов доходило до 75 процентов. Уменьшилась пропускная способность железных дорог, упала скорость поездов, так как паровозные топки чаще всего заправляли не каменным углем, а дровами.

В области аграрных отношений правительство Колчака взяло курс на денационализацию земли и защиту частнособственнических прав крупных землевладельцев. После ноябрьского переворота на Урале вступил в силу закон о денационализации земли, принятый еще Временным Сибирским правительством 6 июля 1918 года. Главный начальник Уральского края Постников, назначенный Колчаком, в циркуляре от 15 января 1919 года разъяснил земским управам, которые пытались сохранить в своих руках управление бывшими частнособственническими землями, следующее: «Постановлением Временного Сибирского правительства 4 июля все декреты Совета Народных Комиссаров, в том числе и касающиеся земельных вопросов, объявлены незаконными, а поэтому и ничтожными. Предлагается волостным управам в своих действиях руководствоваться этим постановлением» [1].

Колчаковские власти решительно поддерживали крупных собственников. Они, например, добились восстановления владельческих прав крупнейшего на Урале земельного

---

[1] ГАСО, ф. р.— 1956 с., оп. 1, д. 18, л. 10.

магната графа Строганова, которому до революции принадлежали имения во многих волостях Екатеринбургского, Пермского, Красноуфимского, Соликамского и Чердынского уездов. Особым распоряжением главного начальника Уральского края крестьянским обществам было запрещено покушаться на графскую собственность. В Воскресенской волости Екатеринбургского уезда крестьяне с разрешения земской управы попытались воспользоваться лесной дачей завода, принадлежащего помещице Вадарской. Помещица пожаловалась колчаковскому правительству. 20 января главный начальник Уральского края направил в адрес Воскресенской волостной управы предписание: «По действующим законам волостным управам не предоставлено права распоряжаться частновладельческими дачами, и выдача Воскресенской волостной земской управой разрешений на рубку леса является незаконной... В случае дальнейших выдач управою вышеуказанных разрешений, а равно и за выданные уже ею, она будет привлекаться к законной ответственности» [1].

При Колчаке широко развернулась купля-продажа земель, ставших частной собственностью. В результате земля, переданная крестьянской бедноте Советской властью, уплыла в руки кулаков. Крестьянские наделы снова распределились так, как было до Октябрьской революции. В 1919 году Колчак полностью возвратил землю церкви и казне. Только пары временно остались за новыми хозяевами. О состоянии землепользования при Колчаке можно судить по такому частному, но весьма красноречивому факту: в Камышловском уезде после изгнания оккупантов от крестьян сразу же поступило в уездный земотдел до тысячи жалоб на земельную необеспеченность.

Откровенно реакционная политика Колчака в аграрном вопросе вызывала глубокое недовольство крестьян. Опасаясь массовых крестьянских выступлений, местные власти вынуждены были обращаться к правительству с просьбой как-то урегулировать земельные отношения. Например, в докладной записке Пермского губернского земельного комитета от 14 февраля 1919 года говорилось: «С наступлением весны вопрос о порядке землепользования станет на очередь с особенной силой. Ввиду этого до окончательного разрешения земельного вопроса Всенародным законодатель-

---

[1] ГАСО, ф. р.— 1956 с., оп. 1, д. 18, л. 16.

ным собранием, вопросы временного землепользования должны быть разрешены сейчас же». В записке предлагалось далее издать декларацию, «которая твердо и категорически объявила бы, что немедленно — по окончании гражданской войны — земельный вопрос во всем его объеме будет поставлен на разрешение законодательных учреждений, причем при разрешении вопроса будут приняты в основание все нужды трудового народа», а «до решения земельного вопроса в законодательном порядке все земли сельскохозяйственного назначения должны быть оставлены в фактическом пользовании трудового населения» [1].

При всей своей реакционности Колчак отнюдь не чуждался демагогических методов правления. Он не мог не понимать, что его диктатура утвердилась в значительной мере благодаря поддержке мелкого собственника, который рассчитывал с помощью сильной власти сохранить в своих руках землю, уберечься от произвола со стороны крупных землевладельцев и военщины. Разрыв с крестьянством грозил резко сузить социальную базу колчаковского режима, ослабить его военный и экономический потенциал. Вот почему диктатор вынужден был опубликовать 8 апреля 1919 года специальную декларацию о земле, в которой говорилось: «Долгом правительства является создать спокойную и твердую уверенность земледельческого населения в том, что урожай будет принадлежать тем, кто сейчас пользуется землей, кто ее запахал и засеял» [2].

Декларация была явно рассчитана на обман крестьянских масс. Этим демагогическим приемом Колчак пытался ослабить нараставшее в тылу массовое аграрное движение. Но он вовсе не собирался затрагивать интересы земельных собственников. Более того, два дня спустя после опубликования декларации в официальном органе — газете «Правительственный вестник» — появилось такое заявление: «Впредь никакие самовольные захваты ни казенных, ни общественных, ни частновладельческих земель допускаться не будут, и все нарушители чужих земельных прав будут предаваться законному суду» [3].

Что касается уже захваченных крестьянских земель, то хотя Колчак и не осмелился перед лицом аграрных беспорядков отобрать их обратно, но поспешил провозгласить

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 841, л. 94.
[2] Там же, д. 834, л. 146.
[3] «Правительственный вестник». Омск, 10 апреля 1919 г.

собственностью государства, чтобы затем распорядиться ими в интересах крупных собственников, компенсировать последним тот ущерб, который они понесли в результате революции. Этот замысел откровенно раскрыл товарищ министра земледелия Ярмаш в речи на закрытом заседании Совета Министров 10 апреля 1919 года. «Мы считали необходимым,— заявил он,— получить право считать государственными земли, находящиеся в фактическом пользовании захватчиков, или, вернее,— внедрить в массы сознание, что хотя земля ими и захвачена, но все же она им не принадлежит. Если мы скажем, что земля принадлежит прежним владельцам, то мы не достигли бы цели, но, сказав, что эти земли переходят в распоряжение государства, мы облегчаем населению примирение с этим положением, что земля не их» [1].

Разоряла крестьянство и налоговая политика оккупантов. За первые полгода господства колчаковщины к началу мая 1919 года налоги возросли в 4 раза. За неуплату налогов производилась конфискация имущества. Еще более обременительной была система чрезвычайных контрибуций и конфискаций. Военные власти забирали у крестьян подчистую скот, лошадей, хлеб, одежду. Кроме того, на крестьян была наложена подводная повинность, которая тяжело отзывалась на их хозяйстве. Один из белогвардейцев в частном письме епископу Андрею Уфимскому рассказал о том, как военные власти ограбили население Златоустовского уезда. Крестьяне, писал автор, «ни на минуту не забывают, что их семьи остались без лошадей, коров, сбруи. Кто сейчас они, эти крестьяне? Они — большевики» [2].

Когда колчаковцы почуяли неминуемость своего поражения, они начали особенно свирепо грабить, жечь, уничтожать. Ворвавшийся в село Воскресенское, Челябинского уезда, казачий отряд вытоптал посевы и забрал всех лошадей. При отступлении белые подвергли село жестокому обстрелу, в результате чего сгорело 80 дворов, погибло в огне 9 человек [3]. Так было и в других селах и деревнях Челябинского, Златоустовского и Екатеринбургского уездов.

Упадок промышленности, невероятная дороговизна, которой на деле обернулась свобода торговли, недостаток

[1] Л. М. Спирин. Разгром армий Колчака, стр. 33.
[2] ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1430, л. 8.
[3] Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 241.

самых необходимых в хозяйстве и в быту товаров, тяжкие налоги, наглый грабеж военщины, осуществлявшийся в форме чрезвычайных поборов,— все это довело трудовое крестьянство до крайней степени разорения и нищеты.

Стремясь полностью возродить дореволюционные порядки, Колчак проводил в интересах помещиков и крупной буржуазии и национальную политику. Он снова провозгласил старый шовинистический лозунг «единой и неделимой России». Право на автономию, полученное от Советской власти башкирами, татарами, марийцами, казахами и другими национальностями, было ликвидировано. Колчаковцы столь ретиво насаждали царскую систему колониального угнетения нерусских народов, что оттолкнули от себя даже клику башкирских буржуазных националистов во главе с Валидовым, которая яро ненавидела Советскую власть и боролась против нее с оружием в руках. Сформированные националистами башкирские воинские части переходили на сторону Красной Армии. Жестоко подавляя всякое недовольство трудящихся масс в национальных районах, правительство Колчака вместе с тем пыталось найти общий язык с эксплуататорскими классами. Оно восстанавливало прежние сословные привилегии местных феодалов, буржуазии, кулаков, духовенства. Таким образом, трудовой народ снова оказался в тисках двойной эксплуатации. Оккупанты возродили также черносотенные еврейские погромы.

Экономическое и политическое господство крупного капитала восстанавливалось методом жестоких насилий. При Колчаке белогвардейский террор достиг чудовищных масштабов. Карательные органы хватали людей по малейшему подозрению и казнили их без всякого суда и следствия. В Кизеле колчаковцы расстреляли и сбросили в шахты множество рабочих. В Нижнетагильском и Надеждинском районах было казнено не менее 10 тысяч человек, а во всем Екатеринбургском округе — 25 тысяч человек. В Челябинске белогвардейские палачи расстреляли, замучили пытками и увезли в каторжные тюрьмы 9 тысяч человек, в Троицке — около 3 тысяч. На Юрюзанском заводе каратели уничтожили 300 рабочих и членов их семей. Сначала они зверски истязали свои жертвы, а затем полуживых, привязав им камни на шею, топили в заводском пруду. Расправы над гражданским населением приняли настолько массовый характер, что встревожили местные власти. Но они

были бессильны умерить произвол распоясавшейся военщины. Вот что писал начальник Уральского края Постников министрам колчаковского правительства: «Военные власти, до самых младших, распоряжаются в гражданских делах, минуя гражданскую непосредственную власть. Расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных «при побеге», аресты по доносам, передача гражданских дел военным властям, преследования по кляузам и доносам, а начальник края... может быть только свидетелем происходящего. Мне неизвестно еще ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном» [1].

Белый террор своим острием был направлен по-прежнему против наиболее активной, наиболее непримиримо настроенной по отношению к колчаковскому режиму части трудящихся — передовых рабочих, коммунистов, бывших советских и партийных работников, красноармейцев, деятелей большевистского подполья, участников партизанского движения. С ними и с теми, кто им сочувствовал, оккупанты расправлялись особенно жестоко. Колчак отличался от своих меньшевистско-эсеровских предшественников тем, что он, выполняя волю крупного капитала, помещиков, черносотенной военщины, вступил в конечном счете в непримиримый конфликт не только с рабочим классом, но и с мелкобуржуазными массами крестьянства. За малейшее сопротивление властям крестьян пороли поголовно целыми селами и волостями. В Екатеринбургском округе, например, порке подверглось до 200 тысяч крестьян, то есть почти 10 процентов всего населения. В деревнях белый террор свирепствовал с такой же силой, как в городах и заводских поселках. Всех заподозренных в сочувствии большевизму ждали тяжелые истязания и неминуемая смерть. Причем во внимание не принималось ничто — ни пол, ни возраст, ни семейное положение людей. В архиве сохранились списки крестьян Екатеринбургской губернии, убитых белогвардейскими карателями [2]. Вот несколько примеров по Верхотурскому уезду. Крестьянка Коптеловской волости И. А. Борисихина, 62 лет, беспартийная, расстреляна за то, что двое ее сыновей служили в Красной Армии. Беспартийный крестьянин той же волости А. П. Калинин, кото-

[1] Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 242.
[2] ГАСО, ф. 511, оп. 1, д. 171, лл. 1—73.

рого колчаковцы заставили зарывать трупы расстрелянных, осмелился сказать офицеру, что один из них жив. За это его тут же убили. В Махневской волости каратели расстреляли беспартийного крестьянина К. И. Скрыпина, 57 лет, за сочувственное отношение к Советской власти. По неполным данным, в Верхотурском уезде за время колчаковщины было расстреляно и замучено 246 коммунистов, 44 сочувствующих им и 162 беспартийных. Из общего числа убитых крестьяне составляли 201 человек. В Камышловском уезде погибло 367 человек, в их числе коммунистов и им сочувствующих 229, крестьян 208. Крестьянин И. В. Лихачев из Шаблинской волости за уклонение от мобилизации в белую армию был расстрелян и изрублен в куски шашками. В Илымской волости палачи забили насмерть дубинками беспартийного крестьянина Я. Ф. Филиппова, участвовавшего в организации местного Совета. Крестьянин Еланской волости В. И. Фомин, беспартийный, расстрелян, как видно из документа, за принадлежность к бедняцкому сословию. В Троицкой волости белые убили крестьянку Н. Е. Секачеву, 55 лет, муж которой состоял в большевистской партии. За сына-большевика приняла мученическую смерть престарелая жительница Квашнинской волости А. О. Михеева: ее расстреляли на скотском кладбище. В той же волости убили крестьянку У. С. Пульникову, которая при Советской власти купила с торгов корову кулака, сбежавшего к белым. В Квашнинской волости был расстрелян 13-летний мальчик П. Попов только за то, что не мог сказать, когда его старший брат служил в Чрезвычайной комиссии. Много жертв белогвардейского террора имелось и в других уездах губернии. Так, в 48 волостях Екатеринбургского и Красноуфимского уездов погибло самое малое 447 человек. В Режевской волости Екатеринбургского уезда белые убили 32 крестьянина, в Саранинской волости Красноуфимского уезда — 42 и т. д.

Эти списки, конечно, весьма не полные, но они позволяют проследить классовую направленность белогвардейского террора. Если рассмотреть причины террористических актов против крестьян хотя бы в Верхотурском уезде, то выходит, что здесь было убито за службу в Красной Армии 120 человек, за участие в работе советских учреждений — 71 человек, за принадлежность к Коммунистической партии или сочувствие ей — 222 человека. Жертвами террора становились не только коммунисты, советские работ-

ники, красноармейцы и их семьи, но и те, кто сочувствовал Советской власти, проявлял малейшее неповиновение или недовольство, протестовал против грабительских поборов, уклонялся от насильственных мобилизаций или просто был бедняком.

Вот в этом и состояла та страшная правда о Колчаке, которую пришлось узнать крестьянству на своем горьком опыте. В. И. Ленин писал: «Теперь правда о Колчаке (а Деникин — его двойник) раскрыта вполне. Расстрелы *десятков тысяч* рабочих. Расстрелы даже меньшевиков и эсеров. Порка крестьян целыми уездами. Публичная порка женщин. Полный разгул власти офицеров, помещичьих сынков. Грабеж без конца»[1].

Колчаковщина явилась жестоким уроком классовой борьбы для крестьянства Урала. Она окончательно рассеяла его соглашательские иллюзии. Мелкий собственник смог практически убедиться в том, что диктатура буржуазии несовместима с демократией, что она не может гарантировать сохранность не только его имущества, но и самой жизни. Это создало предпосылки для массового поворота крестьянства на сторону Советской власти, для развертывания в тылу белогвардейских оккупантов широкого движения сопротивления, которое ускорило крах колчаковщины.

3. Большевистское подполье действует

Контрреволюционный колчаковский режим не мог не вызвать подъема всенародной борьбы против белогвардейских оккупантов. Ряды борцов за восстановление власти Советов среди трудящихся Урала ширились из месяца в месяц. «Колчак дал нам,— говорил В. И. Ленин,— миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать»[2]. Нараставшая в тылу колчаковской армии революционная война становилась одним из решающих факторов победы над интервентами и белогвардейцами.

Центральный Комитет партии из месяца в месяц усили-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 47.
[2] Там же, стр. 241.

вал внимание деятельности большевистского подполья. Для более оперативного руководства его работой 17 декабря 1918 года было образовано Сибирское бюро ЦК в составе Ф. И. Голощекина, И. Н. Смирнова, А. Я. Нейбута и А. А. Масленникова [1]. Фактически бюро ЦК с начала и вплоть до августа 1919 года работало в составе двух членов — Ф. И. Голощекина и И. Н. Смирнова, так как остальные находились в тылу врага и вскоре погибли. Бюро должно было располагаться в том же месте, где и Реввоенсовет Пятой армии Восточного фронта, в частности в начале 1919 года оно обосновалось в только что освобожденной Уфе. Поскольку бюро руководило большевистским подпольем и на Урале, оно часто именовалось Урало-Сибирским.

Член бюро Ф. И. Голощекин в первых числах января 1919 года, находясь в Вятке, сформировал отделение Урало-Сибирского бюро ЦК, в которое вошли Н. И. Уфимцев (председатель), С. Ф. Баранов, а позднее А. А. Ляк и М. А. Беляев [2]. Отделение находилось в месте расположения Реввоенсовета Третьей армии, длительное время в Вятке. Бюро и отделение располагали небольшим штатом опытных коммунистов — таких, как Д. К. Гончарова, А. Я. Бакаев, М. И. Шмидт, М. А. Чистяков, С. А. Килин, М. А. Медведев. Для более целенаправленного руководства и оказания максимальной помощи большевистскому подполью бюро ЦК выделило 5 районов: преддверие Урала, Южный Урал, Северный Урал, Западная Сибирь и Средняя Сибирь. Отделение занималось Северным и Средним Уралом — по Челябинск и Кыштым включительно.

Центральный Комитет партии постоянно контролировал и направлял деятельность Сибирского бюро и его отделения. За их работой следили и большую помощь оказывали им лично В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, а также работники аппарата ЦК Е. Д. Стасова, К. Т. Новгородцева (Свердлова) и другие. В Москву неоднократно выезжали члены бюро и отделения, их сотрудники. Сибирскому бюро для подпольных организаций Урала и Сибири были переданы большие денежные суммы: в январе для начала работы 650 тыс., а вскоре еще 2 млн. руб. Несколько позднее бюро получило возможность использовать такую же сумму, спря-

---

[1] Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов в трех томах, т. 1, стр. 445.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1186, лл. 2—4; Гражданская война на Южном Урале, стр. 211—212.

тайную при отступлении советских войск в районе Миньяра. Отделение бюро получило от Уральского областного комитета партии и других органов с января по май включительно 2 398 897 руб. Следовательно, в течение пяти месяцев в распоряжении бюро и отделения имелось около 7 млн. руб. Даже при условии, что деньги тогда резко обесценивались, это была большая сумма.

Центральный Комитет партии помог бюро и отделению преодолеть большие затруднения в подборе опытных и стойких партийных работников. В разное время ЦК РКП(б) направил сюда для работы В. И. Хотимского, А. А. Григорьева, И. Б. Борисова (Цветкова), А. Я. Михееву, А. А. Карлова, Д. Д. Киселева и других. Но подавляющая часть работников для переправки во вражеский тыл была направлена из Уфы и Вятки членами бюро и отделения при содействии местных партийных организаций и политотделов войсковых соединений.

Одним из первых в Сибирское бюро прибыл З. И. Лобков, молодой, энергичный организатор, до начала гражданской войны один из руководителей Омской (Акмолинской) областной партийной организации. В распоряжение бюро поступили коммунисты Миньяра, Сима и других южноуральских заводов, находившиеся в Уфе,— К. М. Туманов, Ф. Фатеев, В. П. Заикин, М. В. Летучев, Е. Е. Энтальцев. В распоряжение отделения были откомандированы члены партии с большим партийным стажем: М. П. Туркин (с 1902 года), Н. С. Завьялова (с 1904 года), П. И. Смирнов, В. М. Лифанов, И. П. Маликов (с 1905 года), А. Ф. Фадеев (с 1907) и другие. Немало коммунистов из местных партийных организаций было принято по их личным и настоятельным просьбам. Подбор коммунистов производился и среди красноармейцев. Так, около 20 человек было направлено в отделение из Особой бригады Третьей армии.

Серьезные трудности в организации подпольной работы возникли в связи с тем, что, несмотря на всю конспиративность и принимаемые меры предосторожности, белогвардейцам очень скоро стало известно о существовании бюро ЦК и отделения.

Принимались энергичные меры для обеспечения лучшей конспирации во время подготовки и выполнения заданий. В этой подготовке участвовали все члены Сибирского бюро и отделения. Коммунисты переходили в тыл колчаковской армии под видом кооператоров, купцов, священников, сту-

дентов, крестьян-возчиков, бывших солдат, возвращающихся из германо-австрийского плена. Довольно часто их снабжали соответствующими документами и включали в партии военнопленных, большими группами переходивших фронт. Колчаковцы отмечали, что «при известной изворотливости агенты красных, снабженные документами оставшихся в Советской России военнопленных, не могут быть изобличены ни самими военнопленными, в среде которых они находятся, ни тем более на пропускных пунктах фронта при беглом, хотя бы и подробном опросе» [1].

По характеру заданий и предстоящей работы коммунисты делились примерно на такие группы: руководители подпольных организаций (резиденты), остальные участники подпольной работы, связные (курьеры, ходоки), разведчики и бойцы партизанских подрывных групп и отрядов, в которые входило немало и беспартийных. Для участников подполья была разработана система шифров и паролей, продумана система явок и встреч.

Для переправки коммунистов за линию фронта бюро ЦК использовало разъездных сотрудников — А. Я. Бакаева, М. И. Шмидта (Эзермана), Гольцмана и других. Они в первые же недели работы нащупали участки, наиболее удобные и безопасные для перехода в районе сел Никольского и Темясова. Отделение ввело штат резидентов при некоторых войсковых соединениях Третьей армии и переправляло коммунистов в тыл врага с их помощью.

Резидентом на участке 30-й дивизии был В. А. Иванченко, 29-й — А. А. Пастаногов, в Особой бригаде — ее комиссар М. Н. Миков [2].

Тем, кто направлялся в колчаковский тыл, приходилось преодолевать огромные трудности. Одними из первых в конце января 1919 года были направлены питерский рабочий И. Б. Борисов (Цветков) в Сибирь и один из старейших членов Миньярской организации большевиков К. М. Туманов — в Миньяр. Переправа была возложена на А. Я. Бакаева. Все трое выехали из Уфы через Архангельский завод в село Никольское. Вышедший отсюда первым И. Борисов благополучно добрался до Аша-Балашовского завода и связался с местной подпольной большевистской организацией. Он сообщил, что следом идет извест-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 10, д. 91, л. 22.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 504, лл. 263—264.

ный ашинцам К. М. Туманов и просил организацию помочь ему добраться до Златоуста, а затем до Челябинска. Но местные подпольщики, опасаясь провокации, решили подождать прибытия К. М. Туманова и выяснить личность прибывшего подпольщика. И. Б. Борисов был переведен в один из куреней, где и находился под строгим наблюдением. К. М. Туманов с проводником Гайтановым 1 февраля в 2 часа дня вышел на лыжах из деревни Зоринской и лесом направился в горы. Сначала все шло благополучно, но в районе деревни Средняя Лемеза на лесной дороге К. Туманову и Д. Гайтанову неожиданно встретились конные казаки — примерно 10 человек, они задержали подпольщиков и повели в расположение части.

В пути Туманов и Гайтанов, пользуясь сумерками, бросились в лес и скрылись. Далее пришлось продолжать путь по безлюдным лесным массивам. До Аша-Балашевского завода К. М. Туманов добрался лишь через два дня после прибытия туда И. Б. Борисова (Цветкова). После этого И. Б. Борисов был снабжен документами и отправлен на Златоуст — Челябинск. Пробыв некоторое время в Аше-Балаше, К. Туманов доехал до Миньяра.

На этот раз все обошлось благополучно. Но случалось и иначе. Весной 1919 года была подготовлена и переправлена группа коммунистов в 5 человек во главе с П. И. Смирновым для работы в Екатеринбурге. Они были схвачены в прифронтовой полосе колчаковцами, четверых из них расстреляли, а одного бросили в пермскую тюрьму.

В конце января через линию фронта на Урал, помимо К. М. Туманова, было направлено еще несколько работников: Алексеевский (Тренин), Филиппов, Удалов. С первыми переправленными коммунистами Сибирское бюро передало ряд важных указаний подпольным организациям, в частности о недопустимости принципиальных уступок эсерам, тем более объединения с ними. Однако контакты с частью из них нужно было использовать для усиления натиска на контрреволюцию. Члены бюро ЦК высказались против индивидуального террора, проведения экспроприаций, допускавшихся некоторыми организациями. Так предотвращалось распыление сил, сохранялись партийные кадры. Поскольку вооруженные восстания в отдельных городах вели к поражениям и большим потерям, бюро ЦК выступило против таких изолированных выступлений на большом удалении от фронта. Подпольным организациям предлага-

лось поднимать местные восстания рабочих, солдат и крестьян тогда, когда к данному городу приблизится фронт. Эти указания бюро ЦК были положены руководителями подполья в основу своей деятельности.

Исключительно большое значение придавало бюро ЦК руководству большевистским подпольем на Южном Урале в районе Челябинска и Златоуста. В этом направлении готовилось наступление Пятой армии. Успех борьбы за Челябинск и весь Южный Урал предопределялся освобождением Златоуста. З. И. Лобкову, прибывшему в Челябинск в первой половине марта 1919 года, поручалось создать в городе центр по руководству подпольной работой на всем Урале и в Западной Сибири. Направленный 18 февраля в Златоуст И. И. Антонов должен был образовать в Златоусте партийный комитет, военный штаб при нем, если потребуется — районные комитеты, организовать подпольные ячейки в городе, на заводах уезда и усилить их работу.

В середине февраля бюро ЦК выпустило 3 листовки: «Вставай, подымайся, рабочий народ!», «Солдаты и казаки», «Ко всем мобилизованным уральским рабочим и крестьянам». Предназначенные для распространения на оккупированной территории листовки призывали трудящихся готовиться к вооруженной борьбе. Бюро исходило из предположения о новом наступлении советских войск и подъеме революционных настроений масс, об усилении их борьбы в связи с мобилизацией в колчаковскую армию. Чтобы предотвратить стихийный взрыв и использовать революционный подъем трудящихся, бюро решило направить борьбу в организованное русло. При этом оно учитывало, что у Миньярской организации имеются большие запасы оружия, вплоть до артиллерийских орудий, много боеприпасов и взрывчатых веществ.

Приступая к подготовке южноуральских рабочих к вооруженному восстанию, Сибирское бюро ЦК делало ставку на Миньяр и ближайшие заводы. В Миньяр вслед за К. М. Тумановым была направлена группа в составе В. П. Заикина, Е. Е. Энтальцева, М. В. Летучева и отдельно Ф. Фатеев. Группе В. П. Заикина поручалось вместе с К. М. Тумановым и руководителями Миньярской организации создать штаб, который бы приступил к подготовке восстания и по указанию бюро начал его. Группа доставила в Миньяр также около 15 тысяч листовок, много номе-

ров «Правды» и «Известий»[1]. Эта литература была быстро распространена на уральских заводах, в городах, селах и среди солдат.

Миньярцы, коммунисты ближайшего района, готовясь к восстанию, одновременно организовали переход сотен трудящихся, в основном молодежи, через линию фронта для пополнения Пятой армии. 14 февраля, еще до выхода группы В. П. Заикина из Уфы, в распоряжение бюро прибыл отряд миньярцев — 39 человек, а 20 февраля еще 15 человек, в числе которых была и группа Заикина[2]. К концу месяца под носом у белогвардейских гарнизонов был сформирован отряд молодых рабочих Миньяра и Аша-Балаши в 170 человек. Все они были на лыжах и вооружены. 26 февраля отряд под руководством командира К. М. Туманова и комиссара — молодого коммуниста, бывшего члена Уралобкома Социалистического Союза рабочей молодежи В. Грачева тронулся в путь.

Погода не благоприятствовала переходу. Вначале была оттепель, беспрерывно падал мокрый снег. Вымокла одежда. Бойцы пробирались по бездорожью, по глубокому снегу, через крутые горы и чащобы, в обход сел и деревень. У подавляющего большинства лыжи были не охотничьи: не обшиты шкурами. При подъеме в гору они тянули лыжников назад. Приходилось то и дело снимать лыжи, идти пешком, проваливаясь по колено, а порой и по пояс в снег. Мокрый снег набивался в набухшие от сырости валенки, за ворот. И вдруг ударил 40-градусный мороз. Одежда лыжников покрылась ледяной коркой. Мороз обжигал лицо, сковывал дыхание. Коченели руки и ноги, сводило суставы. Не спасала и быстрая ходьба. К тому же на нее не хватало сил: шли уже несколько дней, почти не отдыхая. Кончились продукты, которых взяли только на двое суток. Положение стало предельно тяжелым.

Около четырех суток продолжался этот героический поход. 15 человек попало в плен к колчаковцам или погибло в пути, 10 человек настолько сильно обморозились, что потом стали инвалидами. Только 2 марта у села Никольского отряд встретился с Красной Армией. В этот период линию фронта перешло еще несколько небольших групп рабочих

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, лл. 8—9; д. 593, л. 30; оп. 6, д. 120, лл. 70, 75, 77.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 77, л. 232; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, лл. 7, 8, 16.

и крестьян. Из миньярцев и других рабочих бюро ЦК сформировало специальный отряд лыжников в 270 человек под командованием С. Д. Павлова. Отряд был хорошо вооружен, имел не менее 8 пулеметов. 8 марта он прибыл на участок 26-й стрелковой дивизии для перехода во вражеский тыл и организации там мощного вооруженного восстания, ибо наступление Пятой армии, как полагало ее командование, было подготовлено. Однако на деле оказалось, что противник имел огромный перевес сил и сумел опередить нашу армию. Начатое 4—6 марта 1919 года наступление полчищ Колчака сорвало планы бюро ЦК. Отряд С. Д. Павлова был передан в распоряжение 26-й дивизии и в ожесточенных боях понес тяжелые потери. К 9 апреля в нем осталось только 60 человек.

Во второй половине марта в связи с тяжелым положением на Восточном фронте и необходимостью направить партийных работников в войска Сибирское бюро было решением Центрального Комитета РКП(б) временно ликвидировано. Перед ликвидацией оно успело организовать и оставить в Уфе и других населенных пунктах группы коммунистов. 28 марта начальник военного контроля 6-го корпуса колчаковской армии сообщал, что в Уфе оставлено значительное количество большевиков, в задачи которых кроме агитации входит: срывать объявления военных властей, расклеивать свои прокламации, совершать террористические акты и, если обстановка будет благоприятной, подготовить вооруженное восстание.

В тех же направлениях, что и Урало-Сибирское бюро ЦК, вело работу в январе — марте 1919 года его отделение. Посылая партийных работников в различные районы Урала, отделение бюро стремилось опереться на группы, оставленные Уральским обкомом партии и отдельными местными коммунистами — например, в Екатеринбурге, Перми, Мотовилихе, Чусовской. Большое значение придавалось сохранению запасов оружия, оставленных на Урале в 1918 году. Отделение рассчитывало после создания сети резидентов, подпольных организаций, завершения основной работы по подготовке ими вооруженного восстания направить туда новые группы работников, денежные средства и, если удастся, оружие. Спрятанное в Екатеринбурге, Сысерти, в районе Перми оружие могло быть широко использовано несколькими отрядами восставших. Предполагаемое начало вооруженного восстания отделение, как и бюро,

приурочило к моменту наступления Красной Армии. 23 февраля был выпущен первый и единственный номер специальной газеты «Пламя восстания», изданной как «Орган Урало-Сибирского бюро ЦК РКП». Газету распространяли в тылу врага и среди солдат колчаковских войск посланцы отделения Урало-Сибирского бюро и политического отдела Третьей и Второй армий. Изо дня в день из Вятки к фронту отправлялись представители отделения. К 10 марта на Урал с различными поручениями отправилось 19 коммунистов: резиденты, работники-организаторы, ходоки. Некоторые из них получили задание установить связь с коммунистами, оставленными на Урале при отступлении Красной Армии.

В связи с временной ликвидацией Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК в начале апреля была произведена перестройка работы отделения. В его задачу вошло руководство военно-разведывательной и диверсионно-подрывной работой в тылу врага. Расширились и территориальные рамки работы отделения: оно взяло на себя руководство большевистским подпольем на Южном Урале и в значительной части Сибири, обеспечивало его кадрами и средствами. Отделение стало именоваться Урало-Сибирским бюро ЦК РКП(б).

Отделение стремилось установить прервавшиеся после весеннего провала связи с Сибирским областным подпольным комитетом. Центральный Комитет РКП(б) направляет в Вятку для засылки на постоянную работу в Сибири видных партийных работников. Вместе с тем серьезное внимание уделяется по-прежнему Уралу, особенно его северной части. По договоренности с Реввоенсоветом Третьей армии для налаживания разведывательной работы в тылу врага 5 апреля образуется военный отдел в составе отделения. Он должен был создать резиденции в Кунгуре, Перми, Екатеринбурге и Омске. Для дезорганизации тыла противника, выведения из строя коммуникаций готовились к отправке на Урал партизанские отряды и группы.

Первые два-три месяца работы Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК, его отделения, несмотря на отдельные упущения, несовершенство некоторых форм, в целом дали большие результаты. Руководство подпольными организациями, прежде всего на Урале, со стороны ЦК стало более оперативным и организованным. Подпольному центру, некоторым местным нелегальным большевистским орга-

низациям стали поступать деньги, литература, информация. Но особенно важное значение имело усиление помощи подпольным организациям кадрами и конкретными директивными установками, разрабатывавшимися в ЦК и в бюро с учетом опыта революционной борьбы коммунистов в тылу колчаковской армии.

Под руководством Центрального Комитета РКП(б), а затем и Сибирского (Урало-Сибирского) бюро и отделения подпольный обком партии из месяца в месяц повышал уровень руководства партийными организациями, прилагая большие усилия для анализа исторической обстановки, разработки тактики революционной борьбы и ее претворения. Подпольный центр продолжал практику созыва партийных конференций, решения которых играли большую роль в повышении организационно-политического уровня работы большевистских организаций, руководстве ими революционной борьбой трудящихся масс.

23 ноября 1918 года в Томске проходила II Сибирская партийная конференция. Урал был представлен на ней делегатом от Челябинска. Поскольку на конференции полнее, чем ранее, было представлено большевистское подполье Восточной Сибири, она получила наименование Общесибирской. Делегаты обсудили доклад Сибирского ОК о текущем моменте, доклады с мест, вопросы о партийной тактике, организационно-партийной и военной работе [1]. Определяя задачи и тактику подпольных большевистских организаций, конференция решила «поставить своей основной задачей подготовку восстания против буржуазной диктатуры в Сибири, восстания за восстановление власти Советов Рабочих и Крестьянских депутатов...» [2].

Конференция избрала новый состав партийного центра, названного Центральным Комитетом РКП(б) Сибири, во главе с А. Я. Нейбутом. Сибирско-Уральский партийный центр переехал в Омск. В решениях I Общесибирской подпольной конференции РКП(б) были разработаны важные политические и организационные вопросы деятельности подпольных организаций и коммунистов. Выполнение этих решений способствовало более успешному развертыванию

---

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 632, л. 7; Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). Документы и материалы. Новосибирск, 1959, стр. 55—56.

[2] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 37.

революционной борьбы рабочих, солдат и трудящихся крестьян против Колчака.

Но вот прошло несколько месяцев упорной борьбы коммунистов-подпольщиков. Произошли серьезные изменения в международной и внутренней обстановке, сдвиги в соотношении классовых сил. Жизнь, задачи революционной борьбы требовали конкретизации и дальнейшего развития тактики большевистского подполья. 20—21 марта 1919 года в Омске состоялась III Сибирская (II Общесибирская) нелегальная конференция РКП(б). В ее работе, в числе других принимали участие делегат Челябинской организации С. М. Рогозинский и делегат от Тюмени.

На повестку дня был вынесен большой круг вопросов: отчет ЦК; доклады с мест; текущий момент; о тактике; устав подпольных организаций. В резолюции «По вопросам тактики» уделялось большое внимание характеристике трудового крестьянства, активность которого постоянно росла. Перед рабочими ставилась задача всемерно укреплять военно-политический союз с трудящимся крестьянством, вовлекать его в активную революционную борьбу за восстановление Советской власти. Если в решениях предыдущей конференции шла речь о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством, совместном выступлении с ним, то теперь выдвигалась установка на союз со всем крестьянством, на использование всех промежуточных слоев населения.

Главным методом революционной борьбы конференция определила «организованные вооруженные восстания рабочих, крестьянских и солдатских масс, имеющие целью установить в обширных районах и, если возможно, во всей Сибири Советскую власть». В решениях по-прежнему проводилась идея об «Общесибирском рабоче-крестьянском восстании», близости его. Важное значение придавалось такой форме борьбы, как партизанское движение [1]. Большое значение имел принятый конференцией «Устав Российской Коммунистической партии большевиков для Сибири и Урала» и ряд инструкций. Выполняя указание бюро ЦК, конференция определила название избранного ею партийного центра как Сибирский областной комитет РКП(б). Председателем его был избран А. А. Масленников. В соответствии с Уставом при ОК создавались два бюро: Восточно-

---

[1] Партизанское движение в Западной Сибири, стр. 75—78.

Сибирское и Уральское. Последнее возглавила член ОК С. И. Дерябина, известная уральская революционерка. Белогвардейцы увезли ее из Самары на «поезде смерти» в Сибирь, но она бежала из тюрьмы и была делегирована на конференцию от Иркутской подпольной организации [1]. Как руководитель бюро Дерябина должна была отправиться на Урал и возглавить там партийную подпольную работу.

В решениях II Общесибирской конференции проявилась забота об обеспечении безраздельного партийного руководства всеми революционными выступлениями рабочих, солдат и крестьян. Она была пронизана идеей организации поражения Колчака, восстановления Советской власти в освобожденных районах, заботой о всемерном содействии боевым успехам Красной Армии. По ряду вопросов решения конференции, в сущности, совпали с решениями исторического VIII съезда партии, работавшего в Москве в те же дни. Прежде всего, это нашло выражение в определении политики по отношению к середняку.

Руководствуясь директивами ЦК, Сибирского бюро ЦК, решениями нелегальных конференций, поступившими позднее решениями VIII съезда партии, подпольные большевистские организации Урала, как и Сибири, усиливали борьбу против колчаковщины, повышали уровень руководства революционной борьбой трудящихся масс.

В авангарде революционной борьбы на Южном Урале шла быстро растущая челябинская организация РКП(б). 11 декабря 1918 года в Челябинске была проведена общегородская конференция, на которой присутствовало до 20 делегатов от подпольных организаций и групп предприятий города, в том числе заводов Столль, винокуренного, Челябинских копей, от железнодорожников и солдат. Конференция избрала комитет, в который вошли коммунисты В. И. Гершберг (председатель), Д. Д. Кудрявцев, О. П. Хотеенков, С. А. Кривая, С. М. Рогозинский, А. Н. Зыков и М. С. Иванов (члены). Кандидатами в члены были избраны В. Я. Екимов и А. И. Чикишев.

После конференции начинается новый этап в деятельности Челябинской организации, в ходе которого совершенствовалась система руководства организацией, созда-

---

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 6, лл. 2—5; д. 627, лл. 2, 14.

вались районные комитеты партии и военные штабы. Все это позволило достигнуть более высоких результатов в работе.

В Челябинскую организацию вовлекались все новые группы рабочих. Конспиративные ячейки существовали на всех предприятиях города, в некоторых учреждениях, отдельных профсоюзах, на всех участках станции Челябинск, среди учащихся. «Десятки» и «пятерки», входившие в состав Челябинской организации, продолжали создаваться и вне города: на угольных копях, на нескольких железнодорожных станциях и разъездах, в том числе в Шумихе и Мишкино, во многих селах.

Большую работу вели Челябинский комитет и военно-революционный штаб в колчаковских войсках. Весной 1919 года большевистское подполье имелось почти во всех частях гарнизона. К отдельным частям прикрепляли активных коммунистов. Так, к сформированному зимой 1919 года полку (куреню) им. Тараса Шевченко, названному так белогвардейцами в демагогических целях, был прикреплен В. Г. Киселев. С ним работали М. С. Иванов, И. Х. Васанов, И. С. Солодовников. Под руководством этих коммунистов в полку была создана подпольная организация, которую возглавил Революционный военный совет под председательством В. И. Орловского. Большинство солдат ненавидело колчаковщину, сочувствовало Советской власти. В марте 1919 года полк был распропагандирован и готов к вооруженному восстанию по призыву коммунистов. Подпольные организации и группы существовали также в 21-м и 141-м стрелковых полках, в штабах. Военные подпольные группы готовили переход на сторону Красной Армии, если часть будет отправлена на фронт. Так и случилось. Еще в январе 1919 года многие солдаты 21-го Челябинского полка, находясь в боях под деревнями Соколовской и Морозовкой, перешли на сторону красных. Позднее на сторону Красной Армии перешли солдаты 141-го и им. Шевченко полков.

Перед отправляющимися на фронт революционными солдатами ставилась задача вести агитацию за переход к красным не только в своих, но и в соседних частях. В белогвардейской сводке за 17—23 апреля 1919 года отмечалось: «На фронте в значительном количестве распространяются большевистские прокламации, из коих видно, что печатались они в Челябинске. Кроме фронтовых частей, прокла-

мации эти попадают и во вновь формируемые части войск» [1].

В результате разносторонней агитационной и организационно-политической работы в массах был достигнут быстрый рост организации. Численность большевистских ячеек в марте 1919 года только в Челябинске превысила 200 человек. Сотни подпольщиков имелись в частях гарнизона.

Особенностью подпольной работы коммунистов Челябинска зимой 1918—1919 годов было то, что они прибегали к помощи левых эсеров и анархистов. Отдельные ячейки, например на заводе Столль, даже слились. Некоторые левые эсеры и анархисты (Образцов, Берестов и др.) были привлечены к работе Центрального военно-революционного штаба.

Постоянную работу проводил в Челябинске Красный Крест, руководимый С. А. Кривой. Он оказывал помощь семьям красноармейцев, политическим заключенным, организовывал побеги арестованных, снабжал скрывающихся от преследования лиц документами, средствами, переправлял некоторых из них в другие города. В составе Красного Креста работало паспортное бюро, фабриковавшее различные документы. Наладилась разведывательная и контрразведывательная работа с участием И. С. Солодовникова, В. А. Вожакова, А. И. Чикишева, Г. И. Широкова и других.

Рабочие-железнодорожники выводили из строя паровозы и вагоны. Подрывная работа велась и непосредственно на предприятиях, в цехах железнодорожных мастерских. Рабочие затягивали ремонт машин и оборудования, подвижного состава. Отремонтировав один узел или механизм, они незаметно выводили из строя другой и вновь продолжали ремонт, а если поблизости не видно было начальства и доносчиков, вообще прекращали работу.

Несмотря на арест белогвардейцами в начале февраля 1919 года тринадцати подпольщиков-железнодорожников, подпольная работа в Челябинске достигла в марте наивысшего подъема. Этому в немалой степени содействовало установление связей комитета с Сибирским бюро ЦК. Представитель бюро ЦК З. И. Лобков, получивший задачу добиться вместе с коммунистами Челябинска оживления работы на всем Урале и в Западной Сибири, провел совещания членов комитета, штаба и партийного актива.

[1] ЦГАОР СССР, ф. 253, оп. 1, д. 142, л. 139.

В этот период первостепенной задачей челябинской организации стала подготовка восстания. На крупных предприятиях, на копях, в Железнодорожном районе формировались рабочие отряды. Их общая численность достигла многих сотен человек. Рабочие извлекали из тайников оружие, переносили его на подпольные склады. Для начала действий оружия и боеприпасов было достаточно. Организация имела даже пулеметы. Рабочих Челябинска должны были поддержать деревни уезда, куда для ознакомления местных подпольщиков с планом восстания, усиления работы по созданию нелегальных крестьянских дружин посылали представителей комитета, опытных коммунистов-организаторов, работников штаба.

О подготовке вооруженного восстания в Челябинске колчаковцы писали: «Усиленно ведется организация боевых дружин и обучение их обращению как с оружием, так и со взрывчатыми веществами... С особенной энергией добывается и разыскивается оружие. Непрерывно ведется наблюдение за различными складами оружия (пороховые погреба, вагоны, пакгаузы), причем главное внимание обращено на род и количество охраняющих склады караулов. Очевидно, большевики, имея достаточное количество оружия для вооружения ближайших членов своих организаций, обратили внимание на склады оружия, дабы в удобный момент, бросив демагогический лозунг в широкие солдатские и народные слои, поднять восстание под своим руководством. Немалое внимание обращено большевиками на вербовку лиц низшего медицинского персонала (фельдшеров), дабы через них доставать медикаменты, необходимые для изготовления взрывчатых веществ...» [1]. Примерно так в действительности и велась подготовка восстания, только размах ее был бо́льшим и выходил за пределы города и угольных копей.

Подпольная организация намеревалась поднять восстание в момент приближения к Челябинску советских войск. Как вспоминал член подпольной организации Р. Н. Черепанов, восстание предполагалось начать в ночь на 12 апреля. Однако наступление Красной Армии на Восточном фронте началось гораздо позднее. К тому же в последних числах марта Челябинскую подпольную организацию постиг страшный удар. Были разгромлены общегородской

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1499, л. 10.

комитет, военно-революционный штаб, некоторые райкомы и многие ячейки. За некоторыми видными челябинскими подпольщиками с помощью провокатора Барболина контрразведка вела слежку длительное время. Одним из первых был арестован работник военно-революционного штаба — левый эсер Образцов, который предал известных ему подпольщиков.

За несколько дней, начиная с 25 марта, были схвачены около 60 человек, в том числе и руководители подполья: З. И. Лобков, А. А. Григорьев, С. А. Кривая, В. И. Гершберг, Д. Д. Кудрявцев и другие, партийный актив на заводе Столль, копях и других предприятиях. Продолжались аресты и в последующие дни. По сообщению белогвардейской печати, всего задержали около 200 человек. 66 подпольщиков увезли в Уфу. В мае 1919 года по приговору военно-полевого суда свыше 30 человек было заколото, зарублено, расстреляно, другие — приговорены к каторге и отправлены в Сибирь, лишь 9 человек по суду «оправдали» [1]. Колчаковцы захватили винтовки, револьверы, пулеметы, патроны, взрывчатку, типографии, много паспортов, свыше 60 тысяч рублей денег. Следовательно, организация понесла потери не только в кадрах, но и утратила большие запасы оружия, боеприпасов, все типографии, большую часть денег.

Ареста в Челябинске удалось избежать только четырем членам подпольного комитета: О. П. Хотеенкову, С. М. Рогозинскому, А. Н. Зыкову и М. С. Иванову. О. П. Хотеенков успел выехать из города и намеревался перейти линию фронта. Однако в Златоусте он был арестован и расстрелян [2]. С. М. Рогозинский вернулся из Омска с подпольной конференции в самом начале арестов, числа 24 марта. Он успел скрыться и уехал обратно в Омск [3]. М. С. Иванов скрывался, на некоторое время выезжал в Златоуст, поддерживал связь с оставшимися на свободе коммунистами. С их согласия примерно 10 апреля он выехал в Омск для организационной работы, создания вновь партийных ячеек в связи с провалом и в этом городе. Затем Иванов должен был вернуться в Челябинск, проинформировать подпольщиков о положении в Омске и продолжать работу.

[1] ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 325, лл. 89—126; сборник «Колчаковщина на Урале», стр. 196—197.
[2] ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 10, д. 23, лл. 1, 7, 18.
[3] ПАЧО, ф. 595, оп. 1, д. 335, лл. 147—149.

Вынужден был скрываться и А. Н. Зыков, которого разыскивала контрразведка [1]. Таким образом, челябинские коммунисты, оставшиеся на свободе, оказались разобщенными. Подпольного центра в городе не было. Наступил спад подпольной работы.

В Троицке подпольная организация возникла сравнительно поздно — в феврале 1919 года. До этого времени в городе имелись только небольшие группы коммунистов [2]. В первых числах февраля из Челябинска «для основания подпольной большевистской организации» сюда направляется коммунист Н. С. Полухин. В городе началась организационная работа [3]. Примерно 10 марта проводилась общегородская подпольная конференция. Она избрала подпольный центр под названием «Военно-революционный штаб» в составе Н. С. Полухина (председатель), А. Я. Наумкина (товарищ председателя), Д. А. Пеньковского (секретарь и казначей) и других. В первых числах апреля, после сообщения о провале Челябинской организации, была экстренно созвана 2-я общегородская подпольная конференция, наметившая меры для предупреждения провала в Троицке и расширения организации. В апреле организация выросла до нескольких десятков человек. К ним примыкали беспартийные участники подпольной работы. Характерно, что за многие месяцы активной деятельности организация не имела ни одного массового провала. В одном из агентурных сообщений местной контрразведки в конце марта 1919 года говорилось: «В настоящее время в городе Троицке образовалась местная большевистская организация социал-демократов большевиков. Организация обставлена весьма конспиративно» [4]. Объяснялось это и умелой конспирацией, и тем, что по сравнению с другими городами здесь значительно лучше была поставлена контрразведывательная работа. В колчаковской милиции по поручению организации действовала большая группа подпольщиков во главе с П. П. Коптяковым. Некоторые из них участвовали даже в секретных заседаниях, проводившихся начальником

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 10, д. 23, л. 7.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 8, д. 19, л. 10; П. С. Лучевников. Гражданская война на Южном Урале (1918—1919 гг.). Челябинск, 1958, стр. 131.

[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 17—18; д. 2058, лл. 21—22. ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 323, л. 174.

[4] ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 1-я, л. 89.

контрразведки, и своевременно предупреждали о готовящихся арестах и установленной слежке за коммунистами. Группа Коптякова также снабжала организацию оружием.

Оживилась подпольная работа в Пермской губернии, прежде всего в Екатеринбурге. В захваченной колчаковцами в декабре 1918 года Перми осталось много коммунистов. Часть из них не успела выехать из города или попала в окружение и плен, другие были специально оставлены для подпольной работы. На Северный и Средний Урал стало засылать партийных работников отделение бюро ЦК. В Перми Уралобкомом партии была оставлена группа во главе с А. Я. Валеком.

С приездом А. Я. Валека в начале января 1919 года в Екатеринбург здесь начинается бурный подъем подпольной работы. Создается единая организация во главе с городским комитетом в составе А. Я. Валека (председатель), А. Я. Попова (товарищ председателя) и А. Самкова (секретарь). Екатеринбургское подполье строилось по принципу конспиративных «пятерок». Когда организация разрослась, город разбили на несколько районов. Районы, в свою очередь, делились на участки, а последние на кварталы. Каждое из этих звеньев возглавлялось руководящей «пятеркой»[1]. Пятерки имелись на крупных предприятиях — ВИЗе, заводе Ятеса, фабрике Макаровых, на мелких предприятиях и в мастерских, на мельницах, в типографиях, больницах, учебных заведениях, кооперативных и профсоюзных организациях, среди железнодорожников, в войсках, милиции, лагере бывших военнопленных-иностранцев и среди попавших в плен красноармейцев. Основные усилия организации направлялись на то, чтобы поднять на борьбу против Колчака широкие массы трудящихся. Екатеринбуржцы часто и упорно бастовали. Особенно энергично и организованно действовали рабочие заводов Верх-Исетского и Ятеса, где крепче и активней были подпольные группы[2]. Уже в декабре 1918 года на этих заводах происходили выступления, вызвавшие тревогу колчаковцев. На ВИЗе, например, несколько дней простояла мартеновская печь, забастовщики отказались работать, ссылаясь на «невыдачу зарплаты». В апреле 1919 года ви-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 1—2, лл. 101—102.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1216, л. 9.

зовцы вновь поднялись на забастовку. Работа на заводе почти полностью прекратилась.

Большой активностью отличались подпольные группы железнодорожников, которыми руководил член горкома А. Самков. Бывал в железнодорожном районе и А. Валек. Здесь возникла сеть «пятерок». Железнодорожники неустанно вели подрывную работу, выводили из строя подвижной состав, разбирали железнодорожное полотно, организовывали крушения воинских эшелонов. Диверсии железнодорожников облегчали положение Красной Армии на фронте.

Эффективно действовала зимой и весной 1919 года военная группа екатеринбургской подпольной организации во главе с А. Я. Поповым. Подпольщики разлагали колчаковские войска, способствовали росту дезертирства, готовили солдат, сочувствующих большевистской партии, к вооруженному восстанию. Командующий Сибирской армией Гайда в начале марта 1919 года вынужден был признать, что в последнее время замечаются в больших размерах самовольные отлучки и дезертирство солдат из войсковых частей. Немалую роль в разложении белогвардейских частей сыграла и комсомольско-молодежная группа, насчитывавшая до 20 человек и возглавлявшаяся А. и Ф. Луговых, В. Самодуровым, П. Кобловым.

Большевистская работа велась и в Екатеринбургском лагере военнопленных венгров и немцев. Одним из ее руководителей был Ф. О. Вальтер, непосредственно связанный с горкомом РКП(б). В общей сложности екатеринбургская организация весной 1919 года насчитывала не менее ста человек. В момент провала организации в конце марта и в апреле колчаковцами было арестовано до 300 членов подпольной организации и подозреваемых в этом лиц [1].

Коммунисты Екатеринбурга поддерживали связь с Туринском, Березовском, с Нижнетагильским, Полевским, Сысертским, Уфалейским заводами, с Пермью, Челябинском, городами Сибири. Интенсивные попытки наладить связи объяснялись тем, что Екатеринбургский комитет развернул подготовку вооруженного восстания и считал целесообразным выступить одновременно с Челябинском, Омском, Томском и другими городами. Выступление намечалось примерно на середину апреля. Это совпадало с на-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 11, д. 92, л. 8.

меченным сроком восстания в Челябинске. Очевидно, планы действий этих двух крупнейших уральских организаций согласовывались.

В самый разгар подготовки к вооруженному восстанию провал Челябинской организации дал нити к екатеринбургскому подполью. Арестованные в ночь на 28 марта несколько работников проявили стойкость, и организация осталась нераскрытой. Но когда арестовали Логинова, нити к которому контрразведка получила в Челябинске (он стал предателем), в ночь на 1 апреля были схвачены А. Я. Валек, М. О. Авейде, В. А. Вожаков, С. М. Буздес и другие. Аресты продолжались. В тюрьмах Екатеринбурга оказались сотни подпольщиков, рабочих и солдат, заподозренных в подпольной работе. Управляющий Пермской губернией министру внутренних дел в середине апреля писал, что в Екатеринбурге число арестованных составило 275 человек, часть которых уже повешена[1]. Погибли А. Я. Валек, М. О. Авейде и многие другие замечательные коммунисты.

Иначе сложилась судьба активных членов военной группы. В разное время, начиная с 10 апреля, были арестованы А. Попов. А. Чирухин, А. Глухих, В. Барышников, В. Птухин, П. Батин и П. Партин, которых содержали на Верх-Исетской гауптвахте, в «камере смертников». В ночь с 1 на 2 июня им удалось совершить смелый побег и вновь включиться в борьбу[2].

Массовые аресты привели к тяжелым последствиям. Сохранилось сравнительно небольшое число групп. Понадобилось длительное время, чтобы оставшиеся на свободе коммунисты возобновили организованную работу. В центральных районах Урала зимой и весной 1919 года продолжали действовать подпольные группы в Сысертском, Михайловском, Березовском, Полевском, Ревдинском заводах, в Алапаевске, Ирбите и других городах.

Зимой началась подпольная революционная работа в Кушвинско-Тагильском промышленном районе. Начальник Кушвинского гарнизона, руководивший борьбой против революционного движения в районе, 21 января 1919 года отмечал: «Настроение района весьма подозрительное, отряд постоянно излавливает комиссаров, и есть предположе-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 51, л. 149; ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 11, д. 95, л. 8; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 1499, л. 13.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 824, л. 76.

ния о имеющихся складах оружия. Организация большевиков в Н. Туринском заводе летучим отрядом подавлена»[1]. Но полностью подпольные организации и группы колчаковцам подавить не удалось. К весне 1919 года возникла подпольная организация в Верхней Туре. Ее создал член партии П. Н. Андреев, который в декабре 1918 года в Перми попал в плен, но бежал из концлагеря. В Нижнем Тагиле, как указывается в воспоминаниях одного из рабочих — И. В. Рубленова,— также имелась подпольная организация, которая была связана с екатеринбургским подпольем[2].

Большевистское подполье возникло и на севере Урала — в Надеждинском заводе. В числе его руководителей были члены партии М. Д. Соловьев и О. Н. Соловская, работавшие до осени 1918 года в омской организации. В подпольную работу включилось и несколько левых эсеров, стоявших на советской платформе. Среди них был А. И. Никитин, после освобождения завода вступивший в большевистскую партию. В начале апреля 1919 года колчаковцы схватили коммунистов М. Д. Соловьева, О. Н. Соловскую и других подпольщиков. Но большинство подпольных ячеек в Надеждинске в начале апреля сохранилось, и революционная работа продолжалась[3].

На Среднем и Северном Урале не прекращалась революционная борьба в деревне. Во многих случаях ее направляли сельские подпольщики, связанные с городскими организациями. Борьба трудящихся крестьян принимала самые различные формы — например, массовой порубки леса. Так, весной 1919 года крестьяне-башкиры Саринской волости вырубили леса в казенной Белокаменной даче[4]. Крестьяне все настойчивее сопротивлялись очередным мобилизациям в колчаковскую армию. Волнения во время февральско-мартовской мобилизации имели место в Знаменском, Ляпуновском, Байкаловском и других селах Ирбитского уезда. Мобилизуемые отказывались следовать в Ирбит. В села были посланы наряды милиции, произведены аресты, порка. В Шадринском уезде арестовывали за революционную агитацию десятки крестьян, состоявших в боль-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 3845, оп. 1, д. 14, л. 123.
[2] Нижнетагильский филиал ГАСО (НТФ ГАСО), ф. 195-р., оп. 1, д. 27, лл. 74—76.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 2, д. 79, л. 27.
[4] Там же, оп. 10, д. 2, л. 84.

шевистской партии или входивших до лета 1918 года в органы Советской власти. В селе Песчаном 19 февраля 1919 года был арестован Д. А. Вепров, который «агитировал в пользу Советской власти и принадлежал к партии большевиков»; несколько раньше были арестованы крестьяне села Ключевское М. Е. Еремеев, А. П. Благодарев, П. Я. Еремеев и другие [1].

На Среднем Урале, а также в смежных районах нарастал поворот на сторону Советской власти тех трудящихся масс крестьянства, которые прежде проявляли колебания или даже оказывали поддержку кулаку, контрреволюции. К весне 1919 года многие середняки сплотились вокруг рабочего класса и беднейшего крестьянства, отчасти это было результатом деятельности большевистского подполья. Подпольные организации и группы в рассматриваемый период действовали не только на Среднем и Южном Урале, они имелись и на Западном Урале. Правда, здесь их было сравнительно немного. В Перми и Мотовилихе были оставлены А. В. Марков, Верник и другие коммунисты [2]. Немало членов партии не смогли вовремя покинуть город, но избежать арестов удалось немногим. Приходилось или вовсе уезжать из города, или длительное время скрываться, не приступая к работе. И все же подпольная работа в городе к весне 1919 года постепенно налаживалась. Возникли группы на крупнейших предприятиях. Коммунист А. Котов, перешедший линию фронта, в докладе отделению Урало-Сибирского бюро ЦК сообщал, что активными были подпольные группы на заводах Балашова, Леснера и в Мотовилихе. Во главе подпольной группы Леснеровского завода стоял большевик Резвых. А. Котов входил в состав подпольной группы завода Балашова. Работа велась в речной флотилии, а также в городской милиции, состоявшей в значительной части из пленных красноармейцев. Подпольщики Перми, Мотовилихи срывали на предприятиях выполнение военных заказов, готовились к восстанию, располагая оружием, хранившимся в лесу, близ Камы, южнее завода Балашова [3].

Развернуть подпольную работу в Перми помогли работники, направленные сюда из-за линии фронта отделением

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 2, д. 824, лл. 83—85, 110.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 15-в, л. 263; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1191, л. 29.

[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, лл. 129—130.

бюро ЦК. Например, в марте здесь побывал коммунист В. А. Иванов. При участии нескольких работников, прибывших из-за фронта, была создана подпольная большевистская организация в 3-м батальоне морских стрелков, насчитывавшая 80 человек. К сожалению, в конце апреля 1919 года она подверглась частичному разгрому[1]. В марте — апреле 1919 года в Перми производились многочисленные аресты подпольщиков, но подполье не было уничтожено полностью. Отдельные группы сохранились и действовали. Подпольная работа велась в Кунгуре, Кизеле, Лысьве, Чусовой. Так, на Чусовском заводе работали коммунисты М. П. Щипанов, Д. К. Середенко; близ Лысьвы и на самом заводе вела работу группа во главе с коммунистом П. И. Куликовым, которая выпускала и распространяла листовки[2].

На Западном Урале, районы которого находились в руках врага около шести месяцев и меньше, также успело сложиться большевистское подполье. Однако оно было гораздо слабей, чем в других районах Урала, и состояло по преимуществу из небольших и разрозненно действующих групп в городах, на заводах.

С наступлением зимы 1918—1919 годов более активно проявило себя большевистское подполье в Зауралье, в частности в Тобольске. Усилилась деятельность тюменского подполья. Большое внимание уделялось здесь агитационной работе, для которой использовался даже Народный дом. Широко развернулась забастовочная борьба. По признанию белогвардейцев, забастовки в Тюмени внешне выглядели экономическими, но на самом деле возникали по политическим мотивам, в результате большевистской агитации[3].

Особенно крупной была забастовка тюменских водников с 18 февраля 1919 года по 7 марта, организаторами которой являлись Н. И. Татуров, Т. В. Хрусталев и другие[4]. Она имела огромное значение для политического воспитания рабочих Тюмени, оказала влияние и на трудя-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 15-б, л. 222.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1462, лл. 19—23. В пороховом дыму. Воспомииаиия участииков гражданской войны. Пермь, 1961, стр. 186—189.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 1429, оп. 1, д. 93, л. 65; д. 94, лл. 2, 6; д 95, л. 274.

[4] Там же, д. 96, лл. 3—21.

щихся других городов. Кроме того, был нанесен ощутимый удар по пароходным компаниям. С наступлением навигации выяснилось, что многие пароходы находятся в непригодном для эксплуатации состоянии, фактически не отремонтированы. Одновременно с забастовкой шла работа по подготовке восстания. Рабочие предприятий и железнодорожники добывали оружие. Так, по сведениям И. В. Онуфриева, подпольная группа на 7-м участке службы пути разоружила солдат, уничтожая тех, кто оказывал сопротивление [1]. В одном из сообщений белые отмечали, что из 800 рабочих депо службы тяги «до 60 человек... имели оружие» [2].

К исходу 1918 года усилилась тяга рабочих в подпольную организацию в Кургане [3]. Организация, действовавшая с лета, выросла. Она имела связи с Омским, Челябинским комитетами, коммунистами в Петропавловске. Курганский комитет возглавляли Г. Халин, В. Корюкина, М. Шинкаренко и другие. С группами он был связан через специальных представителей. К весне 1919 года общая численность городской организации превысила 60 человек [4]. Были созданы ячейки в Макушино, Лебяжьем, куда специально выезжали курганские коммунисты. Конспиративные группы — «десятки» образовались в частях гарнизона в 34-м пехотном полку, в 1-м авиапарке и других [5].

Курганская организация больше, чем какая-либо другая в Зауралье, уделяла внимание революционной работе в деревне. При подпольном комитете РКП(б) существовал небольшой, но постоянный штат опытных коммунистов для руководства нелегальной работой в деревне — таких, как В. Курчевский, А. Лебедкин. По некоторым данным, подпольные организации и группы в селах Курганского уезда, руководимые городским комитетом, уже в декабре 1918 года насчитывали около 200—250 членов. Весной 1919 года их стало больше. Комитет поддерживал непосредственные связи с 17 сельскими подпольными группами и руководил их работой [6]. С конца марта основной упор работы комму-

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1827, лл. 13—14.
[2] ЦГАОР СССР, ф. 1429, оп. 1, д. 94, л. 4.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 1-а, л. 3.
[4] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1826, л. 2; Партийный архив Курганского ОК КПСС (ПАКуО), ф. 5857, оп. 2, д. 5, л. 35.
[5] ПАКуО, ф. 5857, оп. 1, д. 5, л. 36; ф. 3219, оп. 2, д. 5, л. 10; ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 428, л. 2; д. 437, л. 12.
[6] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1826, л. 2.

нистов был перенесен в деревню. После многочисленных арестов в городе некоторые из коммунистов перебрались в села (провал был связан с арестами в Челябинске)[1]. Наибольшее число подпольных групп имелось в восточной части уезда: в Моршихе, Пьянково, Казаркино, Быково, Частоозерском, Долговском. Из всех направлений разнообразной деятельности сельских подпольщиков можно выделить их борьбу за срыв мобилизаций в колчаковскую армию. Агитация против мобилизации велась в Лопатинской, Моршихинской, Сусловской, Марайской, Солтосарайской, Брылинской и других волостях. Управляющий уездом в январе 1919 года доносил управляющему Тобольской губернии, что результатом большевистской пропаганды «явилось то, что некоторые общества отказывались дать армии новобранцев. Новобранцы, явившись на сборный пункт для принятия на службу, ушли с пункта обратно в свои села и деревни», а «...волостные и сельские власти в большинстве случаев были бессильны по задержанию агитаторов в связи с угрожающим поведением со стороны населения»[2]. Агитацию против вступления в колчаковскую армию вели подпольные группы и в других уездах Тобольской губернии.

Приведенные сведения о большевистском подполье на Урале и в Зауралье за сравнительно небольшой отрезок времени — конец ноября 1918 года — первую половину весны 1919 года — свидетельствуют об огромной по размаху и героической по духу работе коммунистов, всех участников подполья. Коренной задачей коммунистов была подготовка вооруженного восстания. В связи с тем, что ожидавшееся наступление Красной Армии не состоялось, а в ряде городов произошли провалы, крупнейшие подпольные организации Урала не подняли массы на вооруженные восстания. Однако несколько вооруженных выступлений в крае в марте произошло. Они были связаны с проводившейся в тот период мобилизацией в колчаковскую армию. В Троицке, например, в нем участвовало около 600 новобранцев. Восставшие, не имевшие оружия, потерпели поражение. Многие успели разъехаться по домам. Активные организаторы восстания, оставшиеся в городе, были жесто-

---

[1] ПАКуО, ф. 3219, оп. 1, д. 5, л. 25; ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 16, лл. 158, 170.
[2] ПАКуО, ф. 3219, оп. 2, д. 5, лл. 36—37.

ТОВАРИЩИ.

Все на Урал!

Смерть Колчаку и прочим приспешникам царя и капитализма

ко наказаны, некоторые из них расстреляны[1]. В Туринске восстание 400 мобилизованных привело к вооруженным стычкам с белогвардейскими солдатами и милиционерами. Из 19 человек, подвергнутых судилищу, 7 было расстреляно.

Вслед за событиями в Туринске произошло восстание в Тюмени, одним из организаторов которого был П. С. Кустинский — бывший матрос с корабля «Чесма»[2]. В подготовке восстания, агитации за него особо активное участие принимала группа местных рабочих — те, кто был уволен за участие в забастовочном движении из пароходной компании и из депо и мобилизован в белогвардейскую армию. 13 марта около 600 новобранцев захватили склад с оружием. К ним присоединились рабочие и более 200 бывших красноармейцев, освобожденных из лагеря. Повстанцы проявили смелость и самоотверженность в борьбе, но поражение было неизбежно: о подготовке восстания колчаковцы знали и расправились с повстанцами необычайно жестоко. Несколько сот человек было убито[3].

Зимой и весной 1919 года волнения среди мобилизованных и солдат имели место в Перми, Екатеринбурге, Камышлове, Уфе и других городах, а также на фронте и в прифронтовой полосе. Так, по сведениям агентурной разведки Восточного фронта Красной Армии, в январе 1919 года в селе Байки, Бирского уезда, произошло крупное выступление в 16-м Мусульманском полку, подавленное военной силой[4].

Городские восстания, выступления солдат на фронте влияли на рост революционного крестьянского движения. Но в уральской деревне в первые месяцы 1919 года значительных выступлений не было. Наиболее крупным восстанием с участием крестьян было Кустанайское. Оно имело большое значение для расшатывания белогвардейского тыла не только в Степном крае, но и на Урале. Начавшись в период наступления колчаковских войск, это восстание потерпело поражение, но оказало непосредственное и чрезвычайно сильное воздействие на белогвардейские части

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 254—259, 266—268; д. 2058, лл. 29—30.
[2] ЦГАОР СССР, ф. 1429, оп. 1, д. 93, л. 65.
[3] Там же, д. 95, лл. 4—5.
[4] ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 614, л. 80.

Восстания на Урале и в Сибири вспыхивали в разное время и в отдаленных друг от друга районах. Попытка руководителей большевистского подполья организовать всеобщее восстание в рассматриваемый период результатов не дала. Выступления носили стихийный или крайне слабо организованный характер. И тем не менее первые вооруженные выступления сыграли свою роль в подъеме трудящихся масс города и деревни на революционную борьбу, способствовали росту партизанского движения. Однако на Урале оно не было значительным. Крупные красногвардейские и возникшие в тылу белогвардейцев советские отряды в большинстве своем еще летом и в начале осени 1918 года прорывались через линию фронта и соединялись с Красной Армией. Те отряды, которым не удалось выйти из окружения, перестали существовать. Только в отдельных местах группы бойцов скрывались в лесах, нередко не предпринимая мер по борьбе с белогвардейцами. Кое-где на Урале в это время стали вновь возникать партизанские отряды и группы.

Одним из них был отряд, созданный под руководством подпольной группы Михайловского завода во главе с коммунистом Е. Н. Язьковой[1]. Сначала Михайловский отряд не превышал 25 человек. Зиму он пережил в Сабарском лесу. С наступлением весны отряд начинает бурно расти и вскоре объединяет 200 человек. Командиром отряда подпольная группа назначила И. П. Макарова, для политико-воспитательной работы среди партизанской молодежи в отряд был направлен коммунист Г. С. Власов. К этому времени стало легче маневрировать, скрываться от карателей, постоянно пытавшихся напасть на отряд врасплох и разгромить его. Часто приходилось менять свою базу. Отряд приступил к активным боевым действиям. В первых числах апреля часть его направилась в рейд до деревни Николаевка, близ Нязе-Петровска, где совершила нападение на военный склад. Охрана была разоружена, а склад уничтожен. Затем, вернувшись на свою базу, партизаны совершили диверсию на железнодорожной линии между Михайловским и Арсланово. Под откос был пущен воинский эшелон[2].

С февраля 1919 года существовал созданный подполь-

[1] ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 662, л. 4; д. 2488, л. 3; ГАСО, ф. 1200, оп. 1, д. 33, л. 206.
[2] ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 662, лл. 5—6.

щиками Юрюзанский партизанский отряд. В него входили рабочие Юрюзанского и Катав-Ивановского заводов. Он действовал преимущественно в полосе железной дороги [1]. Мелкие отряды имелись в южной части Екатеринбургского уезда в районе Кыштыма — Тютняр, где продолжали работать подпольные группы. Там из скрывавшихся в лесах бывших красноармейцев в апреле 1919 года был создан партизанский отряд, которым руководили П. Г. Пичугов и П. А. Никитин [2]. В том же районе действовала партизанская группа Н. А. Маркина из 13 человек. В феврале 1919 года она вышла к Златоусту, увеличилась до 25 человек и перешла линию фронта под Уфой, влилась в части Пятой армии [3]. Под Екатеринбургом, близ Пышминского тракта, в лесу имелась партизанская группа, деятельность которой направляли подпольщики Березовского Ф. Топорков и другие; два подпольных отряда, готовившихся к боевым действиям, было создано солтосарайской подпольной группой, руководимой Н. И. Куклиным: в один из отрядов входили крестьяне Солтосарайского, а в другой — Пьянково и соседних деревень [4].

На Урале и в Зауралье к середине весны 1919 года имелось немало партизанских отрядов, а чаще групп; они, как правило, формировались и возглавлялись большевистским подпольем и продолжали накапливать силы, готовились к решительной борьбе.

К весне 1919 года по числу членов организаций, особенно коммунистов, вступивших в партию до захвата власти контрреволюцией, по активности большевистское подполье вообще и в городах в особенности достигло наивысшего расцвета. Но наряду с важными достижениями в работе в этот период подпольные организации имели и крупные упущения, допускали ошибки. В частности, не получила большого размаха работа коммунистов в селах. В целом же успехи коммунистов-подпольщиков в руководстве революционной борьбой трудящихся масс, забастовочные выступления рабочих, вооруженные восстания в городах и селах, усиление партизанского движения на Урале помогало борьбе Красной Армии с белогвардейскими полчищами.

[1] Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 328.
[2] Из истории Южного Урала и Зауралья. Ученые записки Челябинского пединститута. Вып. II. Челябинск, 1967, стр. 70—71.
[3] ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 102, л. 9.
[4] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, л. 64; д. 713, лл. 46—47.

РАЗГРОМ КОЛЧАКОВЩИНЫ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Во имя победы

Продвижение колчаковских армий к Волге, наступление войск интервентов и белогвардейцев на других фронтах поставили Советскую Республику перед лицом новых тяжелых испытаний. Враг имел перевес в военных силах, превосходство в экономических ресурсах: в его руках оказались важнейшие промышленные, продовольственные и сырьевые базы Советской страны, армии интервентов и белогвардейцев опирались на экономику крупнейших империалистических держав мира. Обстановка была крайне сложная. И все же международное и внутреннее положение Республики Советов к весне 1919 года несколько улучшилось. Под влиянием великих идей Октября и первых успехов Советской власти усилилось международное рабочее и национально-освободительное движение. Во многих странах мира возникли коммунистические партии, объединившиеся в марте 1919 года в III, Коммунистический Интернационал. В Венгрии, Баварии и Словакии была провозглашена Советская власть. Хотя советские республики в этих странах просуществовали совсем недолго, их появление показало, что

диктатура пролетариата все больше становится международной силой. Под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» ширилось международное движение трудящихся в защиту нашей страны.

Укрепление внутреннего положения Советской Республики определял, прежде всего, начавшийся еще осенью 1918 года поворот среднего крестьянства в сторону Советской власти. Известно, что в начале гражданской войны значительная часть среднего крестьянства в силу своей двойственной экономической природы, под воздействием пропаганды меньшевиков и эсеров колебнулась в сторону буржуазии и белогвардейцев. В этих условиях Коммунистическая партия по отношению к среднему крестьянству вплоть до осени 1918 года проводила политику «нейтрализации», направленную на то, чтобы преодолеть его колебания и ускорить объективно неизбежный поворот на сторону пролетариата. Перелому настроений среднего крестьянства в большой степени способствовало направление в деревню рабочих продовольственных отрядов и создание комитетов бедноты. Важнейшим итогом их деятельности явилось сплочение наиболее эксплуатируемых слоев крестьянства, подрыв экономических и политических позиций кулачества и упрочение органов диктатуры пролетариата в деревне. Огромное значение имели также первые победы Красной Армии на фронтах гражданской войны, показавшие середняку, что в смертельной борьбе рабочего класса против буржуазии перевес оказывается на стороне пролетариата. Решающую роль в изменении настроений среднего крестьянства сыграл личный опыт крестьян, увидевших, что интервенты и белогвардейцы восстанавливают помещичье землевладение и старые порядки. Убедившись, что только Советская власть защищает интересы тружеников деревни, середняк стал оказывать ей поддержку. Хотя продовольственная разверстка существенно затрагивала его экономические интересы, основные массы среднего крестьянства поняли, что без временных жертв невозможно отстоять землю и добиться победы над интервентами и белогвардейцами.

С величайшей научной точностью определив происходивший в недрах среднего крестьянства поворот, В. И. Ленин в ноябре 1918 года в статье «Ценные признания Питирима Сорокина» выдвинул новый стратегический лозунг партии по отношению к крестьянству — «уметь достигать

соглашения с средним крестьянином — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту»[1].

Однако изменения, происходившие в политических настроениях среднего крестьянства, следовало развить и закрепить, тем более что процесс политической организации бедноты и в значительной мере обусловленный им поворот среднего крестьянства на сторону Советской власти произошел к весне 1919 года только в Центральной России. На Урале, в Сибири и в ряде других районов страны он к этому времени еще не завершился, и кулачество продолжало оказывать сильное влияние на середняцкие слои деревни. Контрреволюции еще удавалось использовать в борьбе против Советской власти недовольство значительной части крестьянства продразверсткой. Понадобилась длительная и напряженная политическая и организаторская деятельность партии для того, чтобы поворот среднего крестьянства в сторону Советской власти стал повсеместным, чтобы окончательно преодолеть его колебания, установить прочный союз пролетариата с середняцкими массами деревни.

Поворот основных масс среднего крестьянства в сторону Советской власти, нашедший свое выражение прежде всего в поддержке продовольственной политики Советского государства, создавал также благоприятные возможности для усиления Красной Армии. Только по РСФСР до 15 апреля 1919 года в ряды Красной Армии было призвано 1450 тыс. человек, главным образом крестьян.

Однако углубившийся к весне 1919 года продовольственный и топливный кризис сдерживал развитие вооруженных сил Советской страны. Из заготовленных органами Наркомпрода 91 млн. пудов хлеба большая часть — 53 млн. пудов — из-за недостатка топлива и разрухи на транспорте еще не была перевезена, находилась в Поволжье и Приуралье, подвергалась угрозе захвата наступавшими колчаковскими войсками. Во второй половине января 1919 года наряды на муку, крупу и жиры, выданные частям Красной Армии, удовлетворялись Наркомпродом лишь на 20—25 процентов, а на мясо и рыбу — на 12,5 процента.

Захват врагом Урала, военные действия в районе Донбасса, ухудшение снабжения промышленных городов Центральной России продовольствием, недостаток сырья и топ-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 195.

лива, подрывная деятельность меньшевиков, эсеров и других контрреволюционных элементов, пытавшихся использовать экономические трудности для возбуждения недовольства в отсталых слоях трудящихся,— все это привело к падению промышленного производства. Резко снизился выпуск вооружения и боеприпасов.

К этому времени в рядах Красной Армии насчитывалось около 1,8 млн. человек. Но в основном из-за недостатка продовольствия, вооружения, боеприпасов и снаряжения боевой состав Красной Армии вместе с пограничными частями, железнодорожной охраной, продармией и другими войсками вспомогательного значения составлял всего 625 тыс. человек. Из них непосредственно на фронте находилось лишь около 400 тыс. и в военных округах в составе формирующихся дивизий — 60 тыс. человек. Однако материальные ресурсы государства не обеспечивали потребностей действующей армии и в этом составе.

Тем не менее, несмотря на колоссальные трудности, Красная Армия к весне 1919 года представляла собой мощную боевую силу. Она насчитывала уже 125 стрелковых и 9 кавалерийских расчетных бригад, входивших в состав 19 армий, которые вели боевые действия на Северном, Западном, Украинском, Южном, Каспийско-Кавказском и Восточном фронтах. Хотя единой организации частей и соединений еще не было и повсеместно давали еще себя знать остатки партизанщины, накопленный опыт военного строительства, особенно на Восточном фронте, позволял в кратчайший срок завершить превращение Красной Армии в регулярную, строго дисциплинированную армию, полностью основанную на принципах, выработанных Коммунистической партией, способную противостоять вооруженным силам интервентов и белогвардейцев. Создание Красной Армии явилось крупнейшим фактором укрепления внутреннего и международного положения молодой Советской Республики.

Огромную роль в дальнейшем упрочении внутреннего и международного положения Советской страны, в укреплении Красной Армии сыграли решения VIII съезда партии, проходившего под руководством В. И. Ленина в Москве с 18 по 23 марта 1919 года.

Одно из центральных мест в работе VIII съезда партии занял вопрос об отношении к среднему крестьянству, ставшему в результате осуществления аграрных законов

Советской власти численно преобладающим социальным слоем деревни. Исход гражданской войны, успехи в социалистическом строительстве во многом определялись тем, кого поддержит среднее крестьянство: контрреволюцию или пролетариат.

В. И. Ленин считал, что установить правильные отношения с середняцкими массами крестьянства возможно только на основе теоретического обобщения опыта работы партии в деревне. Ценным был опыт практического осуществления перехода от политики нейтрализации среднего крестьянства к политике прочного союза с ним, накопленный в конце 1918 — начале 1919 годов партийными организациями Урала в тылу Восточного фронта. Именно здесь в момент белочешского мятежа и во время наступления колчаковских войск происходили сильнейшие колебания среднего крестьянства в сторону буржуазии и всей контрреволюции. Продолжая теоретическую разработку новой политики партии по отношению к среднему крестьянству, В. И. Ленин опирался на этот опыт, как и на опыт партийных организаций других районов страны, характеризовавшихся сложными условиями завоевания середняцких масс деревни на сторону Советской власти.

Обобщенный В. И. Лениным опыт партийных организаций лег в основу исторических решений VIII съезда РКП(б) о новой политике по отношению к среднему крестьянству. Утвердив сформулированный В. И. Лениным в ноябре 1918 года и прошедший проверку жизнью новый стратегический лозунг по крестьянскому вопросу, съезд закрепил переход партии от политики нейтрализации середняка к политике прочного союза с ним. Провозглашенная съездом новая политика партии в деревне предусматривала прочный союз рабочего класса с середняцкими массами при сохранении опоры на бедноту и продолжении непримиримой борьбы против кулачества. Руководящая роль в этом союзе отводилась рабочему классу.

Вскоре после съезда по инициативе ЦК партии Советское правительство приняло ряд декретов и постановлений, направленных на дальнейшее укрепление союза рабочего класса и трудового крестьянства: декрет о льготах середнякам по чрезвычайному налогу, декрет об амнистии трудящимся крестьянам за участие по несознательности в кулацких восстаниях и мятежах, декрет о льготах середнякам по натуральному налогу, декрет о содействии кустарной

промышленности, постановления о льготном снабжении крестьян лесом, о повышении пособий, получаемых семьями мобилизованных красноармейцев.

Выработанная VIII съездом РКП(б) научно обоснованная политика партии по отношению к различным слоям крестьянства, неуклонное претворение этой политики в жизнь явилось предпосылкой создания прочного военно-политического союза рабочего класса со всем трудовым крестьянством — не только беднейшим, но и средним. Этот военно-политический союз, основанный на общности коренных классовых интересов рабочих и трудящихся крестьян, сыграл решающую роль в успешном исходе гражданской войны и в разгроме иностранной военной интервенции.

Большое внимание съезд уделил военному вопросу, имевшему важнейшее значение для достижения победы молодой Советской Республики над многочисленными внешними и внутренними врагами. К этому времени был накоплен более чем годичный опыт строительства регулярной Красной Армии. Необходимо было обобщить этот опыт, определить пути ее дальнейшего укрепления.

Решения съезда по военному вопросу были направлены на укрепление Красной Армии и усиление руководящей роли партии в военном строительстве. В них указывалось на решающую роль военных комиссаров, политического аппарата и партийных организаций в создании боеспособной, регулярной рабоче-крестьянской армии, проникнутой духом строжайшей железной дисциплины.

В связи с начавшимся в марте наступлением интервентов и белогвардейцев на фронтах, усилением в тылу подрывной деятельности меньшевиков, эсеров и других антисоветских сил, использовавших тяжелое продовольственное положение страны, VIII съезд партии принял специальное обращение ко всем организациям, в котором призвал удвоить бдительность и энергию.

Вооруженная решениями своего съезда Коммунистическая партия развернула огромную работу по укреплению обороноспособности страны, организации отпора новому натиску интервентов и внутренней контрреволюции.

Тщательно проанализировав сложившуюся на фронтах обстановку, В. И. Ленин пришел к выводу, что интервенты и белогвардейцы действуют по единому плану. Осуществляя наступление одновременно на нескольких фронтах,

они наносят свой основной удар с востока. Поэтому главным, решающим фронтом Республики в данный момент должен быть объявлен Восточный фронт. 10 апреля 1919 года в письме к петроградским рабочим В. И. Ленин формулирует этот вывод. Он подчеркивает, что именно на Восточном фронте «решается судьба революции» и призывает рабочих Петрограда «*...поставить на ноги все, мобилизовать все силы* на помощь Восточному фронту» [1].

В тот же день Совет Народных Комиссаров по предложению В. И. Ленина принял декрет о призыве в Красную Армию рабочих и трудящихся крестьян 1890—1896 годов рождения в 9 центральных фабрично-заводских губерниях [2].

Развернутая боевая программа мобилизации всех сил Советской Республики на разгром Колчака была разработана В. И. Лениным и изложена им в «Тезисах ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта». 11 апреля 1919 года тезисы были утверждены Оргбюро Центрального Комитета партии и на следующий день опубликованы в «Правде».

ЦК предложил всем партийным организациям и профсоюзам оказать самую энергичную помощь в проведении объявленной 10 апреля общей мобилизации рабочих и крестьян пяти старших возрастов, привлечь к активному участию в обороне страны самые широкие слои рабочего класса. Обращаясь к партийным организациям и профессиональным союзам, Центральный Комитет РКП(б) призвал их взяться за работу по-революционному. «Надо напрячь все силы,— говорилось в тезисах,— развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны» [3].

13 апреля Пленум ЦК партии принял по докладу В. И. Ленина решение об укреплении Восточного фронта коммунистами. Осуществляя решение Пленума, ЦК РКП(б) объявил массовую мобилизацию коммунистов на фронт. Каждая партийная организация должна была направить на фронт от 10 до 20 процентов своего состава, а в прифронтовых губерниях — не менее 50 процентов.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 268.
[2] «Известия ВЦИК», 11 апреля 1919 г.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 274.

Ни на один день ЦК партии не упускает из поля своего зрения положения дел на Восточном фронте. Во второй половине апреля Политбюро ЦК шесть раз обсуждало вопросы, связанные с дальнейшей мобилизацией сил страны на отпор Колчаку. В связи с тем, что отправка коммунистов на фронт несколько ослабила сопротивляемость тыла контрреволюционным выступлениям, ЦК РКП(б) предложил всем местным партийным организациям приступить к созданию из коммунистов частей особого назначения (ЧОН), которые должны были стать их надежной опорой в подавлении любых происков врагов Советской власти, «защиты революции и ее завоеваний» [1]. Для оказания помощи местным партийным организациям в проведении общих мобилизаций и призыве добровольцев ЦК РКП(б) направил своих уполномоченных в 20 губерний страны. В уезды и волости было послано 800 курсантов агитационных курсов ВЦИК и Пролетарского университета. Перед отправляющимися на места выступил В. И. Ленин [2].

По указанию ЦК РКП(б) в конце 1919 года в восточные прифронтовые губернии страны с агитационно-инструкторским поездом «Октябрьская революция» выехал член ЦК РКП(б), председатель ВЦИК М. И. Калинин. Главной задачей его поездки было укрепление связи с массами, особенно трудовым крестьянством, развитие агитации за усиление помощи Восточному фронту.

Все партийные организации страны горячо откликнулись на призыв Центрального Комитета. На местах развернулась огромная работа по мобилизации на фронт коммунистов, призыву в армию рабочих и трудящихся крестьян по общим мобилизациям, замене на предприятиях и в учреждениях всех годных к несению военной службы членов профсоюзов и отправке их на фронт, усилению производства вооружения и снаряжения для Красной Армии. Развернулась напряженная работа по усилению железнодорожных перевозок, преодолению топливного и продовольственного кризиса.

Отовсюду шли сообщения об отправке коммунистов-добровольцев на фронт. Пролетарский Петроград в течение трех месяцев, с апреля по июнь, послал на фронт 7 тыс. коммунистов. Курский губернский комитет РКП(б) объ-

[1] «Правда», 23 апреля 1919 г.
[2] «Известия ЦК РКП(б)», 28 мая 1919 г.

явил 50-процентную мобилизацию коммунистов и 25-процентную — кандидатов в члены партии и сочувствующих. Иваново-Вознесенский губернский комитет партии постановил мобилизовать на борьбу с Колчаком 20—30 процентов всего состава организации. Самарский уездный комитет партии приступил к созданию Коммунистического полка и призвал рабочих и крестьян вступить в его ряды для борьбы с Колчаком.

С исключительным единодушием были восприняты тезисы Центрального Комитета РКП(б) коммунистами Урала. Обсудив тезисы ЦК, объединенное заседание Вятских губернских и городских советских, партийных и профсоюзных организаций, состоявшееся 15 апреля 1919 года, призвало трудящихся губернии к решительной борьбе с Колчаком. «Мы зовем всех рабочих и крестьян, не желающих восстановления помещичьего рабства,— говорилось в принятой на заседании резолюции,— идти в ряды Красной Армии... Мы провозглашаем: все для борьбы с контрреволюционными бандами Колчака, все для укрепления тыла армии...» [1]

16 апреля Вятский губком РКП(б) принял постановление о мобилизации на фронт половины состава губернской партийной организации. Это была далеко не первая мобилизация коммунистов Вятской губернии на фронт. Только в марте 1919 года во Вторую армию вступило 1200 коммунистов Ижевского и 1000 коммунистов Воткинского заводов [2]. Однако губернская партийная организация, работавшая в сложных условиях прифронтовой полосы, так перестроила свои ряды, что высвободила новые силы для фронта. По данным губкома, в течение апреля-мая из Вятского, Уржумского, Яранского, Слободского, Нолинского, Котельнического, Орловского и Глазовского уездов губернии прибыло в распоряжение губвоенкомата 5210 коммунистов и им сочувствующих. Кроме того, непосредственно в Третью армию Восточного фронта влилось 688 коммунистов и им сочувствующих. Таким образом, только по 8 уездам губернии в Красную Армию вступило 5898 коммунистов и им сочувствующих. В полном составе вступили во Вторую армию коммунисты Сарапульского и Елабужского уездов [3].

---

[1] «Известия Вятского губисполкома», 17 апреля 1919 г.
[2] Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 289.
[3] Е. И. Рябухин. В борьбе с контрреволюцией, стр. 130.

Выполняя решение, принятое объединенным заседанием губернских и городских партийных, советских и общественных организаций, Вятский военно-революционный комитет предложил всем местным Советам направить на фронт не менее 10 своих членов, а комсомольским организациям — всю молодежь, желающую идти на фронт и способную носить оружие. Было также решено мобилизовать на фронт всех находящихся в Вятке и уездах губернии коммунистов и членов исполкомов, эвакуированных из занятых белогвардейцами районов. Осуществление мобилизации было возложено на уездные и волостные военно-революционные комитеты.

Большая работа по мобилизации сил трудящихся на борьбу с Колчаком была проведена в Малмыжском уезде. В связи с приближением фронта уездный комитет РКП(б) и исполком уездного Совета призвали трудящихся уезда встать на защиту завоеваний революции. «Приближается и для нашего уезда время защиты революции...— говорилось в обращении исполкома Совета.— Пусть потомки наши в будущем скажут, что их предки были честные люди и сделали все, что от них зависело, для спасения революции... Так стойте же крепко, не падайте духом, и мы победим! Сильнее власти Советов нет ничего на свете!» [1]

В короткий срок под руководством уездного комитета партии из коммунистов, комсомольцев и рабочих-добровольцев был сформирован коммунистический батальон, влившийся в действующие части. 2 мая Малмыжский ревком принял решение о формировании второго коммунистического батальона. Уже 8 мая батальон в составе 400 бойцов под командованием А. Васильева отбыл на фронт.

В тяжелой обстановке борьбы с наступлением колчаковцев осуществляла свою деятельность на только что освобожденной части территории Уфимская губернская парторганизация. В марте в губернии была проведена массовая мобилизация коммунистов на фронт. 3 апреля 1919 года Уфимский губком РКП(б) и губревком, переехавшие в связи с продолжавшимся наступлением врага сначала в Белебей, а затем в Самару, объявили вторую мобилизацию коммунистов. Эта мобилизация с 7 по 25 апреля 1919 года дала фронту дополнительно не менее 925 членов РКП(б) и им сочувствующих.

[1] Е. И. Рябухин. В борьбе с контрреволюцией, стр. 129.

Объявленная Центральным Комитетом РКП(б) мобилизация прошла по всей стране с огромным подъемом. В центральных губерниях на фронт отправилось до 20 процентов, а в прифронтовой полосе — от 50 до 100 процентов членов партии. Уже к 23 мая 1919 года в Первую, Вторую, Четвертую и Туркестанскую армию, по далеко не полным данным, прибыло около 6 тысяч коммунистов. Из них примерно половина приходилась на армии Южной группы. Были укреплены также Вторая и Третья армии. Только в запасный полк Третьей армии к 15 июля 1919 года прибыло 1993 коммуниста, 121 член РКСМ, 3523 члена профсоюза, 210 членов волостных исполкомов и комбедов. В запасном батальоне армии число прибывших по партийной мобилизации составило к концу мая 600 человек. Кроме того, значительная часть членов партии влилась непосредственно в действующие части этих армий. Наибольшее количество мобилизованных было направлено в Пятую армию, сдерживавшую наступление колчаковских войск на главном направлении. Нередко прибывавшие сюда коммунисты прямо из эшелонов шли в бой.

В общей сложности мобилизация, объявленная Центральным Комитетом РКП(б), дала Восточному фронту около 15 тысяч коммунистов. Это значительно усилило партийную прослойку в боевых частях всех армий фронта. Вместе с тем коммунисты явились ядром вновь создаваемых в тылу Восточного фронта частей. М. В. Фрунзе, докладывая 8 мая 1919 года командующему Восточным фронтом о вновь сформированных в Самаре двух полках, отмечал, что «ядром того и другого полка являются коммунисты» [1].

Партийные мобилизации позволили усилить политическую работу в армиях фронта, способствовали внесению в них пролетарской организованности, стойкости и дисциплины, помогли преодолеть остатки партизанщины. Влившись в армии фронта, коммунисты своим примером беззаветного служения социалистическому Отечеству вдохновили бойцов на разгром зарвавшихся орд Колчака.

По призыву ЦК РКП(б) произвели мобилизацию своих сил на помощь Восточному фронту и профессиональные

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов. М., 1941, стр. 143.

союзы. Профсоюзы Петрограда приняли решение мобилизовать на борьбу с Колчаком не менее 10 процентов состава организации. Металлисты Москвы из 30 тысяч членов профессиональных союзов послали на фронт 5 тысяч передовых пролетариев, текстильщики Московской области — 10 тысяч. Московские железнодорожники направили на фронт добровольцев и бригады квалифицированных рабочих для обслуживания бронепоездов. Самарский губпрофсовет объявил все профсоюзы на военном положении. К 1 июня 1919 года в губернии было мобилизовано 4366 рабочих. Профсоюзы Симбирска решили мобилизовать на фронт всех членов союза и в короткий срок сформировали рабочий полк.

Широко развернулась профсоюзная мобилизация и в прифронтовых районах Урала. По далеко не полным данным, в течение апреля-мая 1919 года только из 8 уездов Вятской губернии — Вятского, Нолинского, Слободского, Советского, Яранского, Уржумского, Котельнического и Орловского — в Третью армию Восточного фронта прибыли 2472 члена профсоюза. Из Северо-Вятского горного округа за этот период на фронт ушло 1296 рабочих, из Глазова — 108.

Весной 1919 года профсоюзы Советской России дали Красной Армии не менее 60 тыс. человек.

По призыву партии на помощь Восточному фронту выступил Российский Коммунистический Союз Молодежи. 16 апреля было опубликовано решение ЦК РКСМ о мобилизации в прифронтовых губерниях — Вятской, Казанской, Сибирской и Саратовской — 20 процентов всего состава организации и передаче мобилизованных в распоряжение местных партийных комитетов. Отвечая на призыв Центрального Комитета партии, Петроградская организация РКСМ отправила на фронт 3 боевых отряда общей численностью около 800 человек. Из Новгорода выступил на фронт молодежный отряд в 200 человек. Отряды молодых патриотов формировались также в Москве и Витебске, в Саратове и других городах Поволжья.

Одними из первых выступили на помощь Восточному фронту комсомольцы Урала. В апреле 1919 года Вятский губком РКСМ объявил мобилизацию на фронт половины всего состава губернской комсомольской организации. «...Восточный фронт, — говорилось в обращении губкома РКСМ к молодежи губернии, — стал самым опасным и

важным. На хребтах Урала решается судьба трудящихся, их свобода и независимость. Все наши завоевания, фабрики и заводы, земли и леса, свобода и счастье молодежи будут отняты, если мы не сметем с лица земли Колчака. Наш лозунг: «Молодежь, на фронт, на борьбу против тиранов, победим или умрем!» [1]

С большим подъемом прошла мобилизация на фронт в Вятке. Как вспоминает активный участник гражданской войны Г. В. Маландин, все комсомольцы рвались на фронт, но отбирали самых достойных. «Долго еще не расходились комсомольцы из комитета, когда была закончена запись добровольцев,— пишет он в своих воспоминаниях.— ...А когда вышли на улицу в темную весеннюю ночь, то каждый, прежде чем пойти домой, оборачивался и глядел на освещенные окна комитета, понимая, что кончился какой-то период его юношества, что впереди ждут его трудности, лишения, тяжесть которых иногда не под силу и взрослому, а, может быть, ждет его и сама смерть» [2].

По неполным данным, Вятская организация РКСМ в апреле-мае 1919 года направила на фронт около 1000 комсомольцев, организация Союза молодежи Советского уезда — 81, Яранского — 58, Слободского — 39. Котельнического — 227, Орловского — 224, Нолинского — 15. Почти целиком влилась в части Третьей армии комсомольская организация Глазовского уезда.

Мобилизация, объявленная ЦК РКСМ, дала фронту не менее 3000 преданных защитников Советской власти.

Решимость выступить на борьбу с Колчаком высказали также трудящиеся зарубежных стран, находившиеся в Советской России. 18 апреля 1919 года в Самаре состоялось общее собрание иностранных трудящихся, вступивших в интернациональные части Красной Армии. Заслушав доклад по текущему моменту, самарские интернационалисты заявили, что «готовы выступить на защиту мировой революции и рабоче-крестьянской власти и не оставят Восточный фронт до тех пор, пока враг не будет разбит и положение на Восточном фронте окончательно не упрочится» [3].

---

[1] За власть Советов, стр. 248.

[2] Там же.

[3] Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с Советской Россией (1917—1922). Сборник документов. М., 1957, стр. 180.

В результате огромной по своим масштабам работы, проделанной под руководством Центрального Комитета РКП(б) местными партийными организациями, профсоюзами, комсомолом, Советами и ревкомами, на оборону страны были мобилизованы крупные людские и материальные ресурсы. В течение апреля-июня по декретам и постановлениям Совнаркома и Совета обороны, приказам Реввоенсовета Республики было призвано свыше 490 тыс. человек, а вместе с пришедшими по партийной, профсоюзной и комсомольской мобилизациям в ряды Красной Армии в эти месяцы влилось не менее 573 тыс. человек. На фронт с апреля по июнь 1919 года в составе вновь формируемых частей и маршевых рот было направлено 272 300 человек.

Большая часть маршевых рот и вновь формируемых частей направлялась на Восточный фронт. Только в ближайшем его тылу, начиная с мая 1919 года, в течение двух с половиной месяцев было сформировано более 60 пехотных полков, то есть почти столько, сколько их было на Восточном фронте до начала весеннего наступления Колчака. Всего, по неполным данным, Восточный фронт только с апреля по июнь 1919 года получил около 110 тыс. бойцов.

Накапливая силы для решительного разгрома Колчака, партия придавала большое значение не только количественному пополнению войск Восточного фронта, но и их политическому просвещению. Во исполнение решений VIII съезда РКП(б) на фронте и в тылу развертывалась широкая разъяснительная работа, направленная в первую очередь на повышение классовой сознательности крестьянских пополнений, укрепление единоначалия и воинской дисциплины.

Весной 1919 года организационная структура политорганов Красной Армии и их практическая деятельность в войсках были перестроены. О том, как это происходило в соответствии с решениями VIII съезда партии, можно судить по документам партийно-политического аппарата Третьей армии Восточного фронта. После окончания съезда, в конце марта 1919 года, состоялось расширенное совещание политработников армии. В его работе участвовали член Военного совета В. Т. Трифонов, заведующий политотделом армии А. К. Леппа, заведующие политорганами и члены бюро РКП(б) дивизий, работники политотдела

армии, делегаты VIII съезда партии А. Д. Ильин, Н. И. Чечушков, Т. Я. Евсеев, И. П. Козлов и другие.

Заслушав доклад о работе VIII съезда РКП(б), участники совещания полностью одобрили его решения. В результате подробного рассмотрения состояния партийно-политической работы в частях было признано необходимым сосредоточить в политорганах все руководство этой работой в войсках и предоставить политическим отделам право контроля за деятельностью военных комиссаров. «Совещание считает целесообразным,— говорилось в резолюции,— чтобы всей политической работой руководил политический отдел армии. Организация политотделов желательна следующая. Во главе политотдела армии должен быть или член Военного совета или заведующий политотделом (входит в Военный совет с совещательным голосом). Политотдел армии непосредственно подчиняется политотделу Военного совета Республики, а через него ЦК партии. Все военкомы подотчетны политотделу армии. Политотделы дивизий подчинены политотделу армии» [1]. Если ранее военкомы подчинялись лишь Военному совету армии, что порождало параллелизм в работе и даже трения между комиссарами и политорганами, то теперь устанавливалось централизованное руководство политическим воспитанием красноармейцев сверху донизу.

На совещании были разработаны и другие меры по улучшению партийной работы. В резолюции указывалось, что главное внимание партийных организаций должно быть сосредоточено на широкой партийно-политической работе среди красноармейцев для воспитания у них высоких морально-боевых качеств. На совещании подчеркивалось, что теперь партийные ячейки должны заботиться не только и не столько о количественном росте своих рядов, сколько о качественном улучшении состава партийных организаций. На основании решений VIII съезда РКП(б) было принято постановление о проведении перерегистрации членов партии с тем, чтобы тщательно проверить их боевые, моральные и политические качества, устанавливался порядок перерегистрации. Внимание партийного актива обращалось на необходимость строгого соблюдения требований партийной дисциплины, образцового выполнения каждым коммунистом своих служебных обязанностей, личного примера

[1] ЦГАСА, ф. 9, оп. 4, д. 41, л. 90.

политработников. В резолюции «О политической и партийной работе в армии» говорилось: «Военкомы, политические представители, равно как и все члены бюро... должны в критические моменты боя или вообще, когда весь полк находится в бою, быть в цепи, служить примером коммунистической доблести и самоотверженности»[1].

Мартовское совещание политработников Третьей армии имело большое значение для улучшения политической работы на фронте. В соответствии с решением совещания Военный совет армии утвердил 26 апреля 1919 года новую инструкцию военным комиссарам. Инструкция устанавливала, что все военкомы должны выдвигаться политическим отделом и утверждаться Военным советом, подробно излагала права и обязанности комиссаров. А 5 мая 1919 года Военный совет утвердил инструкцию о порядке отчетности военкомов перед политическим отделом армии.

Деятельность партийно-политического аппарата улучшилась в результате укрепления его новым отрядом коммунистов, мобилизованных в армию. По инициативе Центрального Комитета партии и В. И. Ленина на левый фланг Восточного фронта весной 1919 года было решено направить «ударную партийную группу». В мае Третья армия получила 1527 коммунистов, а к 10 июля 1919 года общее число коммунистов, прибывших на пополнение этой армии, составило 2005 человек.

Наиболее опытные коммунисты направлялись на командную, политическую, административно-хозяйственную работу. Так, в Пятой армии среди получивших такие назначения были мобилизованные Уфимским губкомом РКП(б) коммунисты А. П. Кучкин, назначенный военным комиссаром 27-й дивизии, В. А. Седенков — членом коллегии политотдела армии, В. Г. Бисярин — комиссаром бригады, Ф. И. Локацков — военкомом отдела снабжения армии, М. В. Котомкин — начальником снабжения армии, Б. Коврайский — командиром полка. Многие уфимские коммунисты стали комиссарами полков и батальонов, политруками рот[2]. Но подавляющее большинство прибывших на Восточный фронт по партийным мобилизациям было направ-

---

[1] ЦГАСА, ф. 9, оп. 4, д. 41, л. 93.

[2] З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.), стр. 435.

лено в действующие части и в маршевые роты рядовыми бойцами.

Особая забота проявлялась об укреплении состава военных комиссаров. На эту должность подбирали способных организаторов, политически зрелых членов партии, умевших творчески решать задачи партийно-политической работы, обладавших высокими морально-боевыми качествами, пользовавшихся авторитетом и уважением красноармейских масс. В Третьей армии на должность комиссаров были назначены в мае 1919 года 53 человека, в июне — 23, в июле — 12, в августе — 15. Тщательно изучая политические и деловые качества военкомов, политотдел армии производил перемещение комиссаров, выдвигая способных и освобождая тех, кто не справлялся со своими обязанностями.

Нередко сразу же после назначения военные комиссары включались в боевую деятельность частей. Активный участник гражданской войны П. Г. Сюткин, бывший политработник Второй армии Восточного фронта, вспоминает: «В Бикбардинском заводе в политотделе дивизии Аронштам И. Н.[1] предложил мне пойти комиссаром в 245-й Смоленский полк... В расположение полка, в район Чернушки, я прибыл во время боя. Во время боя пришлось и принимать полк. Тут же по приказу нам пришлось отходить на Бикбардинский завод. Из Бикбарды я доложил Азину (командир 28-й стрелковой дивизии) о прибытии части. Он приказал приготовить ужин и накормить людей. Не успели повара приготовить ужин, как поступил приказ полку занять позиции в районе Дубовой горы (около 10 км от Бикбарды). Только заняли их — опять переброска в новый район. Наконец остановились. Приехал комиссар бригады, привез боевой приказ полку захватить Усть-Шлыки. Бойцы после дневного боя и тяжелого марша сильно устали, многие ропщут: «Не можем идти, сил нет!» Вот где была горячая работа для комиссара и всех коммунистов полка. Где уговором, где примером или помощью слабым со стороны физически более крепких (поднести винтовку и т. п.) добивались перелома настроения красноармейцев.

[1] Речь идет о политотделе 28-й стрелковой дивизии. И. Н. Аронштам — член партии с июня 1917 года. До отъезда на Восточный фронт находился на партийной работе в Петрограде. Погиб в бою под Вятскими Полянами 18 мая 1919 г.

И добились! В ночном наступлении мы без больших усилий заняли Усть-Шлыки»[1].

Состояние политической работы в войсках всегда находилось в прямой зависимости от активности и боевитости партийных организаций, являвшихся, по определению В. И. Ленина, опорными пунктами партии для организационной и агитационной работы и масс[2]. В лице армейских коммунистов политорганы и военные комиссары находили самых надежных помощников в укреплении дисциплины и боеспособности частей. Политические отделы и военные комиссары постоянно заботились о росте и укреплении партийных организаций частей и подразделений. В марте 1919 года политический отдел Третьей армии направил для усиления партийных ячеек непосредственно на фронте более 100 коммунистов из числа руководящих штабных работников. Основная масса мобилизованных членов партии, прибывшая в армию весной 1919 года, численностью более двух тысяч человек, также была направлена в части в качестве рядовых бойцов. Во Второй армии прибывших по партийным мобилизациям коммунистов направляли по 10—30 человек в каждую маршевую роту.

Улучшению качественного состава партийных организаций во многом способствовала перерегистрация коммунистов, проводившаяся по решению VIII съезда партии. Из партии исключали трусов, паникеров — тех, кто не оправдывал высокого звания члена Коммунистической партии. Тех же, кто показывал слабую теоретическую подготовку, недостаточно разбирался в вопросах партийной политики, переводили из членов партии в сочувствующие. В группах сочувствующих они изучали Программу и Устав РКП(б), приобретали опыт политической работы среди красноармейцев, готовились к вступлению в члены партии.

Работники политорганов армий, военные комиссары, освобожденные секретари партийных комитетов проводили широкую разъяснительную работу среди личного состава, руководили подготовкой собраний, на которых решался вопрос о пребывании в партии каждого коммуниста. На высоком организационном уровне прошла перерегистрация в 259-м и 253-м полках 29-й стрелковой дивизии. Партий-

[1] На Южном Урале. Воспоминания участников гражданской войны, стр. 280—281.

[2] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 363.

ная организация 253-го полка «Красных орлов» уменьшилась при этом с 369 до 300 человек, или на 19 процентов. Всего же в результате перерегистрации в 29-й стрелковой дивизии из 3027 коммунистов в рядах партии осталось 2271 человек, то есть меньше прежнего на 25 процентов. В 30-й стрелковой дивизии из 2559 членов партии было оставлено 2019 коммунистов, или 79 процентов от прежнего количества. В целом по Третьей армии партийные организации уменьшились примерно на 18 процентов, но зато стали сильнее в качественном отношении. Подводя итоги работы по улучшению состава партийных организаций, политический отдел армии писал: «Перерегистрация в основном закончена и дала благоприятные результаты, так как оставила за бортом все сомнительные и колеблющиеся элементы и вместе с тем оживила после перевыборов деятельность большинства партийных коллективов, дала ей более правильное направление»[1].

На основе решений VIII съезда партии большая забота проявлялась об укреплении ротных партийных организаций. Они имелись в большинстве подразделений и насчитывали нередко несколько десятков коммунистов. В 22-м Кизеловском полку Особой бригады численность ротных ячеек в июле 1919 года составляла: 2-я рота — 34 члена партии, 2 кандидата в члены РКП(б), 10 сочувствующих; 7-я рота — 35 членов партии, 2 кандидата в члены РКП(б), 1 сочувствующий[2]. Чтобы укрепить коммунистами некоторые подразделения, производились их перемещения. Так, в 4-ю роту включили Тиминский военно-революционный отряд в количестве 46 человек, главным образом коммунистов. Такое же положение было и в других частях.

Мероприятия по укреплению партийно-политического аппарата и усилению руководящей роли коммунистов на фронте обеспечили необходимую моральную подготовку советских войск для решающей схватки с Колчаком.

Организуя создание боевых пополнений для фронта, Центральный Комитет партии, Совет обороны и Совнарком одновременно осуществили ряд экстренных мер по

---

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 2, д. 36, л. 206.

[2] ЦГАСА, ф. 9, оп. 1, д. 162, л. 60. Со второй половины 1918 г. во многих партийных организациях Красной Армии вводится кандидатский стаж для вступающих в РКП(б). Ю. П. Петров. КПСС — руководитель и воспитатель Красной Армии (1918—1920 гг), стр. 332.

снабжению Красной Армии всем необходимым. Для того чтобы обеспечить промышленные центры страны хлебом, по решению СНК с 18 марта по 10 апреля 1919 года на железных дорогах было прекращено пассажирское сообщение. 17 марта 1919 года Совет обороны ввел для рабочих важнейших предприятий, выпускавших продукцию для армии, красноармейский паек [1]. Совет обороны взял под свой непосредственный контроль снабжение Тульского, Подольского и Симбирского патронных заводов продовольствием, топливом, материалами, обеспечение заводов квалифицированными рабочими, ввел на предприятиях военную дисциплину. Совет обороны принял также решение об организации кустарного производства патронов [2].

Воодушевляющий призыв Коммунистической партии дать отпор наступавшему врагу, действенная помощь Центрального Комитета РКП(б), Совета обороны, Советского правительства нашли горячий отклик в сердцах рабочих. Несмотря на голод и холод, на нехватку самых необходимых предметов потребления, они самоотверженно помогали фронту. На предприятиях укрепилась трудовая дисциплина, стала повышаться производительность труда. Одним из ярких проявлений непреодолимой решимости рабочего класса одержать победу над Колчаком явились коммунистические субботники. Это был ответ передовых рабочих на призыв Центрального Комитета партии работать по-революционному.

В субботу, 12 апреля 1919 года, в день опубликования ленинских «Тезисов ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта», в депо станции Москва-Сортировочная Московско-Казанской железной дороги состоялся первый в стране коммунистический субботник. 7 мая 1919 года общее собрание коммунистов и сочувствующих подрайона Московско-Казанской железной дороги, обсудив вопрос о содействии победе над Колчаком, приняло решение ввести «коммунистическую субботу» до полной победы над Колчаком [3]. В. И. Ленин оценил первые коммунистические субботники как великий почин в повышении производительности труда, как ростки нового, коммунистического общества [4]. Поддержанные партией коммунистические субботни-

---

[1] История СССР, т. VII, М., 1967, стр. 505.
[2] Ленинский сборник XXIV, стр. 134—135.
[3] «Правда», 17 мая 1919 г.
[4] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 5—6.

ки вскоре получили распространение во всей стране и явились действенной формой всенародной помощи фронту.

В результате огромной организаторской и политической деятельности Коммунистической партии, трудового героизма рабочего класса производство военной промышленности за короткий срок значительно выросло. Выпуск винтовок в июле 1919 года по сравнению с апрелем того же года возрос более чем в 2,6 раза, пулеметов — более чем в 2,1 раза, орудий — в 2,5 раза, производство патронов — в 1,9 раза, снарядов— в 4,7 раза.

Увеличение производства вооружения, боеприпасов и снаряжения, самоотверженная работа железнодорожников позволили улучшить снабжение армий Восточного фронта. Количество орудий на фронте было доведено до 511, а пулеметов — до 2455. Это обеспечило превосходство советских армий в вооружении над войсками Колчака.

Реввоенсовет Восточного фронта, характеризуя помощь, идущую из тыла, в обращении к войскам писал: «Удар под Уфой всколыхнул все силы Советской России. Все Советы, партийные комитеты спешат на помощь Восточному фронту. «На Урал, на Восточный фронт, чтобы разбить белогвардейскую армию Колчака, чтобы не допустить его банды к Волге!» — вот общий клич, который пронесся теперь по всей Советской России. Тысячи мобилизованных коммунистов, десятки и сотни тысяч мобилизованных рабочих и крестьян, сотни орудий, тысячи пулеметов и десятки тысяч винтовок — все это широким, быстрым потоком, сотнями поездов хлынуло на Волгу. Голова этого потока уже перешла Волгу, и хотя хвост еще далеко позади, но наша армия на Восточном фронте стала сильнее белогвардейской армии Колчака, настолько сильнее, что мы можем не только дать им отпор и остановить их дальнейшее продвижение, но нанести колчаковцам громовой, сокрушающий удар» [1]

В начале апреля 1919 года командование Восточным фронтом разработало план организации отпора наступлению колчаковских войск. Однако этот план не отличался глубиной замысла, не обеспечивал разгрома сил врага и был отклонен Главным командованием. «В ваших распоряжениях,— указывало Главное командование в своей дирек-

---

[1] П. С. Лучевников. Гражданская война на Южном Урале, 1918—1919 гг., стр. 159—160.

тиве командованию Восточного фронта,— господствует стремление разбрасывать войска по всему фронту. Вы желаете все прикрыть и в результате ничего не прикроете». Командованию фронта было предложено за счет получаемых подкреплений и путем искусной перегруппировки частей создать против войск противника, наступавших со стороны Уфы, мощный ударный кулак [1].

10 апреля в Симбирске состоялось заседание Реввоенсовета Республики с участием Реввоенсовета Восточного фронта, на котором обсуждался вопрос о подготовке контрнаступления на Восточном фронте. Командованию фронтом — командующему С. С. Каменеву, членам Реввоенсовета С. И. Гусеву, И. Т. Смилге, М. М. Лашевичу — было предложено в течение 10 дней разработать план операции и представить Главнокомандующему для доклада Реввоенсовету Республики.

Для скорейшего усиления Восточного фронта пополнениями и материальными ресурсами Уральский и Приволжский военные округа временно подчинялись Реввоенсовету Восточного фронта. Армии фронта сводились в две оперативные группы — Южную (широкого состава) и Северную. В состав Южной группы, кроме ранее входивших в нее армий — Четвертой (командующий М. В. Фрунзе, члены Реввоенсовета В. В. Куйбышев, Ф. Ф. Новицкий, Р. И. Берзин) и Туркестанской (командующий Г. В. Зиновьев), включались и остальные армии фронта, расположенные южнее Камы — Первая (командующий Г. Д. Гай, члены Реввоенсовета Г. И. Теодорович и В. В. Кураев) и Пятая (командующий М. Н. Тухачевский, члены Реввоенсовета В. М. Смирнов и И. Н. Смирнов). Командующим группой был назначен М. В. Фрунзе, членами Реввоенсовета В. В. Куйбышев и Ф. Ф. Новицкий.

Северную группу составили две армии: Вторая (командующий В. И. Шорин, члены Реввоенсовета П. К. Штернберг, Г. Я. Сокольников, В. И. Соловьев, А. К. Сафонов, Д. Малютин) и Третья (командующий С. А. Меженинов, члены Реввоенсовета Н. И. Муралов и Н. Н. Кузьмин), а также действовавшая на Каме Волжская военная флотилия (командующий В. Н. Варваци, а затем П. И. Смирнов, члены Реввоенсовета А. Н. Васильев и Н. В. Русов). Командование группой возлагалось на В. И. Шорина. Чле-

[1] Из истории гражданской войны в СССР, т. 2, стр. 152—153.

нами Реввоеисовета были назначены С. И. Гусев, П. К. Штериберг и Г. Я. Сокольников. На Волге в районах Казаии, Симбирска, Самары и Саратова было предусмотрено создание укреплеииых райоиов.

Выполиеиие осиовиой задачи в подготовляемом контрнаступлении возлагалось иа войска Южной группы. Оперативиый плаи коитрнаступлеиия состоял в том, чтобы частью сил сковать с фроита главиую иаступающую группировку противиика — Западиую армию Хаижииа, иаиести решающий удар с юга иа север по ее левому флаигу, выйти в глубокий тыл Западной армии и уиичтожить ее. Севериая группа советских войск, развериув активные боевые действия против Сибирской армии геиерала Гайды, должиа была оказать содействие армиям Южной группы.

Разгром противиика в цеитральной части Восточного фроита вместе с тем поставил бы под удар тылы Сибирской армии Гайды, оперирующей иа северной половиие фроита, и тылы Южиой армейской группы генерала Белова, действующей иа левом флаиге Западиой армии Хаижииа. Таким образом, коитриаступление войск Южиой группы должио было привести к кореииому перелому в ходе боевых операций иа всем Восточиом фроите, стать иачалом разгрома всей колчаковской армии.

Призвав войска готовиться к решительиым боям, Реввоеисовет Южиой группы во главе с М. В. Фруизе осуществил ряд мер по укреплеиию армий, повышению боеспособиости частей, улучшеиию их материально-техиической осиащеиности. Была зиачительио усилеиа политическая работа в войсках и среди иаселеиия прифроитовых райоиов.

Разработав плаи предстоящих операций, командование Южиой группы иачало осуществлять перегруппировку войск. Оставив для обороиы Ореибурга и Уральска минимальиые силы, оио создало за счет высвобождеииых таким образом войск три удариые группы. В райоие Бузулука была сосредоточеиа осиовиая удариая группа, возглавляемая комаидующим Туркестаиской армией Г. В. Зииовьевым и состоявшая из 31-й стрелковой дивизии, 73-й бригады 25-й стрелковой дивизии и отдельиой кавалерийской бригады И. Д. Каширииа. С осиовиой удариой группой должны были взаимодействовать две вспомогательиые: одиа в райоие хутора Михайловского (Шарлык), состоявшая из 24-й стрелковой дивизии и возглавлявшаяся комаи-

дующим Первой армией Г. Д. Гаем; другая — северо-западнее Бузулука в составе 74-й и 75-й бригад 25-й стрелковой дивизии под командованием В. И. Чапаева.

Из перехваченных 17 апреля приказов противника было установлено, что колчаковские войска, действовавшие против Пятой и Первой советских армий, наступали в трех расходящихся направлениях: 2-й корпус белых — на Сергиевск, 3-й корпус — через Бугуруслан на Кинель и 6-й — на Бузулук. При этом, по данным разведки, между 6-м и 3-м корпусами белых образовался разрыв до 100 километров. М. В. Фрунзе блестяще использовал это выгодное для советских войск расположение сил противника и решил нанести удар вразрез между частями 3-го и 6-го корпусов противника, окончательно разобщить их между собой и разгромить по частям. «Основная идея операции Южной группы Восточного фронта,— докладывал он командующему фронтом,— удар вразрез между частями 3-го и 6-го корпусов противника, в общем направлении на Бугуруслан, Заглядино, Сарай-Гир с целью окончательного разобщения этих корпусов и разгрома их по частям» [1].

Отличительной особенностью разработанного М. В. Фрунзе плана контрнаступления было то, что он предусматривал не столько возврат захваченной врагом территории, сколько разгром его живой силы. План был смелым, решительным, результативным. Однако малейший просчет в оценке сил и возможностей борющихся сторон, в проведении намеченного плана таил огромные опасности для войск, осуществлявших контрудар: они сами могли оказаться отсеченными и окруженными. «Я припоминаю,— писал впоследствии видный деятель Коммунистической партии и талантливый военачальник Р. П. Эйдеман,— с каким напряжением мы в те дни, когда Колчак продвигался к Казани и Самаре, следили за действиями руководимой Фрунзе группы армий... Создавалось очень выгодное для контрудара, но вместе с тем крайне рискованное положение. Как будто сам по себе напрашивался удар с юга по тылам и флангам колчаковских армий, двигавшихся к Самаре... Но тут же для каждого, понимавшего обстановку тех дней возникал ряд серьезных опасений за судьбу группы тов. Фрунзе.

---

[1] М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. 1, стр. 176.

А что, если Колчак захватит Самару, отрежет эти армии от баз питания и они окажутся в окружении? А что, если эти армии, потеряв локоть с отступающим севернее их соседом, не выдержат, откатятся, стремясь установить с ним локтевую связь, как это неоднократно приходилось наблюдать в гражданской войне?

А возможен ли удар при том чрезвычайно растянутом фронте, который занимала группа тов. Фрунзе?..» [1].

Командование Восточного фронта одобрило разработанный М. В. Фрунзе план контрнаступления. Однако Троцкий склонялся к оборонительным действиям, полагая возможным даже отступление советских войск за Волгу. Главком поддерживал идею наступления, но считал необходимым отложить ее осуществление до подхода крупных подкреплений. Вопреки колебаниям главного командования, несмотря на бешеный напор противника, удерживавшего еще инициативу на всем фронте, М. В. Фрунзе твердо и неуклонно подготавливал решающее контрнаступление.

24 апреля белоказаки, пользуясь тем, что в связи с перебросками на главное направление численность советских войск на крайнем южном участке фронта резко уменьшилась, окружили Уральск. Создав четырехкратный численный перевес над советскими войсками, белоказаки создали также угрозу захвата Оренбурга. Однако ухудшение положения на крайнем южном участке фронта не поколебало уверенности М. В. Фрунзе. Осуществляя меры по отражению опасности на этом участке фронта, Реввоенсовет Южной группы настойчиво и целеустремленно готовил решительный удар на главном направлении.

21 апреля в районе р. Салмыш, в 40 километрах севернее Оренбурга, колчаковское командование бросило в наступление 4-й армейский корпус генерала Бакича, которому была поставлена задача совместно с белоказачьими войсками Дутова, наступавшими с востока и с юга от Оренбурга, овладеть городом и выйти в тыл Туркестанской армии. Части Первой советской армии героически отражали натиск превосходящих по численности сил врага. На помощь Красной Армии пришли пролетарии Оренбурга, сформировавшие под руководством городской партийной организации 2 полка. Двойным ударом 20-й стрелковой

---

[1] Р. Эйдеман. Руководитель и организатор Красной Армии. Воспоминания о Фрунзе, стр. 295—296.

дивизии с севера, частями Оренбургской группы советских войск с юга, при поддержке полков оренбургских рабочих корпус Бакича был разгромлен наголову[1]. За героизм в борьбе с Колчаком пролетариат Оренбурга был награжден Почетным Красным знаменем ВЦИК.

Почти одновременно со сражением на р. Салмыш 24-я стрелковая дивизия Первой советской армии, заканчивавшая сосредоточение в районе юго-западнее села Михайловское (Шарлык) нанесла на р. Дема поражение наступавшей против нее 12-й Уральской дивизии белых. Это обеспечило правый фланг Туркестанской армии, на фронте которой также завязались бои. Действовавшая здесь 11-я уральская дивизия 6-го корпуса белых имела своей ближайшей целью захват Бузулука. 73-я бригада 25-й стрелковой дивизии под личным руководством В. И. Чапаева в упорных боях с белыми на р. Боровка отбросила противника к северу. Тем самым был увеличен разрыв между флангами 6-го и 3-го Уральских корпусов белых. Инициативные действия 73-й бригады 25-й стрелковой дивизии под руководством В. И. Чапаева не только отвели угрозу району сосредоточения Туркестанской армии, но и положили начало осуществлению плана М. В. Фрунзе, предусматривавшего разгром по частям 6-го корпуса белых[2].

25—26 апреля был достигнут перелом и на правом фланге Пятой армии. Действовавшая здесь 3-я бригада 26-й стрелковой дивизии приостановила наступление 3-го Уральского корпуса белых[3].

Однако на левом фланге Пятой армии советские войска в это время продолжали отступать. 25 апреля белые захватили Чистополь. Их выход к Каме создавал угрозу тылу Второй советской армии. 26 апреля колчаковские войска захватили Сергиевск и устремились к Волге. Угроза, создавшаяся на левом фланге Пятой армии, побуждала М. В. Фрунзе ускорить начало нанесения решительного удара по врагу.

Характеризуя обстановку, в которой подготавливалось контрнаступление Южной группы, М. В. Фрунзе впоследствии писал:

---

[1] Е. А. Болтин. Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919), стр. 62—63.

[2] Там же, стр. 63—66.

[3] Там же, стр. 66.

«...Я припоминаю обстановку, в которой работал мой штаб в Самаре. Войска Колчака уже надвигались вплотную к Волге; мы едва удерживали Оренбург, окруженный с трех сторон; защищавшая его армия все время стремилась к отходу, к югу от Самары уральские казаки прорвали фронт и двигались на север, угрожая Самаре и железной дороге Самара — Оренбург. Почти всюду мы отходили, но я не могу сказать, чтобы мы сознавали себя более слабой стороной; но так как инициатива находилась в руках белых и так как ударами то в том, то в другом направлении сковывалась наша воля, то мы чувствовали себя не особенно приятно. И требовалась не только колоссальная воля, но и яркое убеждение в том, что только переход в наступление изменит положение, чтобы действительно начать таковое.

В тот момент пришлось считаться не только с отступательным настроением частей, но и с давлением сверху, со стороны Главного командования, стоявшего за продолжение отступления. Невзирая ни на что, мы перешли в наступление и начали блестящую операцию, приведшую к полному разгрому Колчака» [1].

2. Даешь Урал!

Общее контрнаступление войск Южной группы Восточного фронта началось на рассвете 28 апреля 1919 года. К этому времени собраны были далеко не все силы, намеченные для нанесения главного удара. 31-я стрелковая дивизия еще находилась в процессе сосредоточения. 2-я стрелковая дивизия лишь 24 апреля была передана фронтовым командованием в распоряжение М. В. Фрунзе и продолжала еще формироваться [2]. Однако всесторонне оценив обстановку, М. В. Фрунзе пришел к выводу о необходимости начать общее контрнаступление, не дожидаясь окончательного сосредоточения всех войск. При этом он исходил, во-первых, из того, что значительно ухудшилось положение советских войск на всем северном участке Восточного фронта: в связи с продолжавшимся

[1] М. В. Фрунзе. Избранные произведеиня, стр. 50.
[2] Е. А. Болтин. Контриаступленне Южиой группы Восточного фроита и разгром Колчака (1919 г.), стр. 67—68.

отступлением левого фланга Пятой армии возросла угроза выхода Западной армии Колчака к Волге; под натиском врага вынуждены были отходить Вторая и Третья советские армии. К тому же не была снята опасность нового натиска белоказачьих и армейских корпусов врага на Оренбург и Уральск в тылу ударной группы. Во-вторых, М. В. Фрунзе считал, что надо немедленно использовать и закрепить перелом в пользу советских войск, достигнутый на правом фланге и в центральной части фронта Южной группы, и, не давая врагу времени на перегруппировку сил, нанести по нему сокрушительный удар.

К этому времени путем умелой перегруппировки имевшихся войск самой Южной группы ее командованию удалось создать довольно мощные ударные кулаки. Действующие части ударной группы к началу контрнаступления насчитывали 23 700 штыков и сабель, а вместе с частями, находившимися в процессе сосредоточения и в резерве,— 42 400 человек. Общая численность войск Южной группы составляла 71,6 тыс. штыков и сабель при 233 орудиях и 1085 пулеметах. Противостоящие ей колчаковские войска имели 80 тысяч штыков и сабель, 254 орудия и 907 пулеметов [1].

Начавшееся 28 апреля 1919 года контрнаступление состояло из трех последовательно осуществленных крупных операций: Бугурусланской (28 апреля — 13 мая), Белебеевской (15—19 мая) и Уфимской (25 мая — 19 июня).

Накануне наступления М. В. Фрунзе обратился к войскам с призывом выполнить свой долг перед Советской Родиной и уничтожить ненавистного врага. «Рабоче-крестьянская Русь,— говорилось в обращении,— встрепенулась. Она с твердой верой смотрит на нас и шлет свою помощь. Колчаковские банды зарвались. Им подготовлен страшный удар... Каждый из вас должен выполнить свой долг... Смело вперед, на последний бой труда с капиталом! Вперед! За землю и волю, за свободу трудящихся в свободной социалистической стране!» [2]

На правом фланге Пятой армии вдоль Бугурусланской железной дороги противника атаковали части 26-й дивизии под командованием Г. Х. Эйхе и войска вспомогательной

[1] П. С. Лучевников. Гражданская война на Южном Урале, стр. 161.
[2] Из истории гражданской войны в СССР, т. 2, стр. 170.

ударной группы в составе 74-й и 75-й бригад 25-й дивизии под командованием В. И. Чапаева. Одновременно на левом фланге Пятой армии в районе Бугульминской железной дороги перешли в наступление части 27-й дивизии, сковавшие бугульминскую группу противника. Главный удар нанесли с юга из района Бузулука войска главной ударной группы в составе 31-й стрелковой дивизии, 73-й бригады 25-й дивизии и отдельной кавалерийской Оренбургской казачьей бригады И. Д. Каширина. Действия главной ударной группы поддерживались справа наступлением войск 24-й дивизии, имевших целью сковать находящиеся перед ними части 6-го корпуса противника.

В первые же дни контрнаступления крупных успехов добились войска, действовавшие на правом фланге Пятой армии, и Туркестанская армия. 30 апреля советские войска перерезали железную дорогу у станции Заглядино на пути от Уфы к Самаре. Белые, понеся большие потери, вынуждены были начать отход к Бугульме.

Однако на левом фланге Пятой армии — на Бугульминском направлении и в районе Сергиевска — противник, собрав в кулак свои силы, продолжал теснить наши части, стремился прервать их связь с Самарой.

В начале мая за счет подошедших подкреплений и возвращения из Туркестанской армии 73-й бригады 25-й дивизии Пятая армия была усилена и получила задачу нанести главный удар по врагу, окружить и уничтожить бугурусланскую, сергиевскую и бугульминскую группы противника. Ударной группе Туркестанской армии было поручено прикрыть этот маневр со стороны Белебея и Уфы.

4 мая после трехдневного упорного боя был освобожден Бугуруслан. 5 мая — Сергиевск. В тот же день десант Волжской речной флотилии освободил Чистополь. Враг утратил инициативу и стал отступать к северу.

Вся страна следила за наступательными операциями на Востоке. «Правда» почти ежедневно публиковала оперативные сводки штаба Южной группы. «Наши войска,— говорилось в сводке за 5 мая,— продолжают методически свое наступление, приготовляясь для решительного сражения на Восточном фронте... После взятия Бугуруслана, который открывает нам путь на Белебей и дальше на Уфу, сегодня утром нашими частями занят г. Сергиевск. Две неприятельские дивизии разгромлены. Эти успехи открывают новые перспективы перед нашим командованием, ко-

торое быстрыми маневрами и ударами может окончательно отрезать друг от друга разные расположения неприятеля, который сейчас отступает в панике по разным направлениям к северу»[1]. В этой же сводке указывалось, что только на участке Южной группы с 21 апреля по 4 мая советские войска взяли в плен 7283 солдата и унтер-офицера, 203 офицера, в том числе 2 генерала, захватили 10 орудий, 1 аэроплан, 2 тыс. винтовок, много повозок, лошадей и амуниции.

Колчаковское командование всеми силами пыталось восстановить положение. 9 мая перешедшая в наступление Западная армия Ханжина нанесла южнее Бугульмы сильный контрудар по советским войскам. Завязались упорные встречные бои, в ходе которых советские войска Пятой армии под командованием М. Н. Тухачевского нанесли тяжелое поражение противнику. 6-й Уральский корпус белых оказался полностью разгромленным, 2-му Уфимскому и 3-му Уральскому корпусам Западной армии Ханжина было нанесено серьезное поражение.

10 мая колчаковское командование бросило в район Белебея Волжский корпус генерала Каппеля численностью до 20 тыс. человек, предназначенный для захвата Москвы. Но и эта попытка приостановить стремительное наступление советских войск не удалась. Преследуя противника, 27-я дивизия пятой армии 13 мая освободила Бугульму. К середине мая, пройдя с боями от 120 до 150 километров, войска Пятой и Туркестанской армий вынудили Западную армию Ханжина отойти за реку Ик, то есть на тот рубеж, с которого она предприняла свое «решительное» наступление с целью «полного уничтожения» противостоящих ей советских войск и овладения Волгой.

Это была крупная победа Красной Армии, но враг обладал еще значительными силами и резервами. Западная армия Ханжина сохраняла способность к сопротивлению. К тому же колчаковское командование стремилось оказать ей содействие ударами на крайнем южном и северном участках Восточного фронта.

В мае 1919 года колчаковцы усилили натиск на Оренбург. Белогвардейцы пытались захватить город, но советские войска и рабочие полки мужественно оборонялись. В. И. Ленин внимательно следил за обороной Оренбурга.

---

[1] «Правда», 7 мая 1919 г.

12 мая он телеграфировал командованию Южной группы армий Восточного фронта о необходимости оказания помощи защитникам города [1].

6 мая белоказакам удалось снова сомкнуть кольцо вокруг Уральска. М. В. Фрунзе приказал командованию 22-й дивизии всеми силами защищать город, приняв меры помощи его защитникам. Областной комитет партии поднял на оборону Уральска всех трудящихся города. Почти два месяца уральцы стойко держали осаду. 16 июня В. И. Ленин направил на имя М. В. Фрунзе и Ш. З. Элиавы телеграмму, в которой говорилось: «Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом» [2].

Отвечая на телеграмму Владимира Ильича, командование гарнизона от имени всех защитников города заверило его, что части, обороняющие Уральск, «пренебрегая всеми лишениями и нуждами, выдержат эту осаду» [3]. Воины и трудящиеся Уральска сдержали свое слово. Вдохновленные призывом любимого вождя, они превратили Уральск в неприступную для врагов крепость.

Таким образом, попытка колчаковского командования ударами на Оренбург и Уральск сорвать начавшееся контрнаступление Южной группы Восточного фронта не удалась. Советские войска и рабочие полки под Оренбургом и Уральском грудью прикрыли тыл и фланг наступавших войск Южной группы.

В начале июня перешла в наступление Сибирская армия Колчака. На участке Второй армии против двух советских дивизий наступало семь дивизий врага. Исключительное мужество проявили воины 28-й дивизии под командованием В. М. Азина, оборонявшие район Елабуги. Ценой огромных потерь оплачивал противник каждый свой шаг вперед. В тяжелых оборонительных боях особо отличился 40-й полк дивизии под командованием В. И. Чуйкова, впоследствии прославленного Маршала Советского Союза. «Упорные атаки противника,— говорилось в оперативной

---

[1] В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). М., 1957, стр. 119.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 351.

[3] Из истории гражданской войны в СССР, т. 2, стр. 222.

сводке за 1 мая о боевых действиях на участке дивизии,— продолжаются, причем противник вводит в бой новые силы. Наши части, героически защищая каждую пядь земли, расстреляв патроны, переходят в штыковые контратаки, и только поредевшие ряды наших полков и громадный численный перевес противника заставляют подаваться назад»[1].

Бросив в бой шесть свежих полков, колчаковцам 2 мая удалось захватить Елабугу. 28-я дивизия отошла за р. Вятку и прочно закрепилась на ее правом берегу. Дальнейшее продвижение врага на фронте Второй армии было приостановлено. Третья армия, отойдя под натиском противника, вела упорные бои восточнее Глазова.

Своим героическим сопротивлением Вторая и Третья советские армии сорвали попытку колчаковского командования ударами на северном крыле фронта помешать развитию контрнаступления Южной группы войск Восточного фронта.

Империалисты пристально следили за боевыми действиями на Восточном фронте. Видя, что успешно развивающееся контрнаступление Южной группы советских армий срывает планы соединения войск Колчака и Деникина на Волге, империалисты Антанты предприняли новую попытку осуществить «северный» вариант наступления войск восточной контрреволюции: через Вятку на Вологду, на соединение с армией генерала Миллера и англо-американскими войсками. Обращение к этому плану объяснялось также тем, что именно в северной части фронта колчаковским войскам удалось еще сохранить инициативу. «Мы питаем надежды,— заявлял 25 мая 1919 г. в палате общин У. Черчилль,— что в ближайшем будущем произойдет соединение армий Колчака с русскими войсками Архангельской группировки...»[2]

В соответствии с планами Антанты нанесение главного удара во второй половине мая 1919 года было возложено на Сибирскую армию Колчака под командованием генерала Гайды.

Главное командование Красной Армии и командование Восточного фронта видели опасность прорыва колчаковцев

---

[1] Е. И. Рябухин. В борьбе с контрреволюцией, стр. 146.
[2] Цит. по книге: В. И. Чуйков. Закалялась молодость в боях. (Воспоминания о гражданской войне). М., 1968, стр. 101.

на Вятку, но не сумели найти наиболее правильный план ответных действий. К этому времени приказом Троцкого С. С. Каменев был отстранен от командования фронтом и вместо него назначен А. А. Самойло. 10 мая командование Восточного фронта отдало директиву о перенесении главных усилий против Сибирской армии Колчака. В связи с этим Пятая армия была выделена из состава Южной группы и направление ее наступления после взятия Бугульмы изменялось на более северное — на Мензелинск — для последующего удара через Каму во фланг и тыл Сибирской армии Колчака. На Южную группу армий возлагалась задача лишь содействия операциям Пятой армии.

М. В. Фрунзе отстаивал свой план развития операций, предусматривавший продолжение контрнаступления советских войск в центральной части Восточного фронта, нанесение главного удара по войскам Западной армии Колчака, отведенным за р. Ик в район Белебея. Главный удар, по мнению М. В. Фрунзе, по-прежнему должен был наноситься силами Южной группы, и в соответствии с этим в ее составе должны были оставаться все армии, входившие в нее во время Бугурусланской операции. Разгромив Западную армию Колчака в районе Белебея, советские войска, развивая успех, должны были форсировать р. Белую, овладеть Уфой и выйти в предгорья Урала.

Этот план не оставлял в стороне и опасности на южном и северном участках Восточного фронта. Прорыв на восток к предгорьям Урала советских войск, действующих в центральной части фронта, вместе с тем выводил их на тылы Оренбургской и Сибирской армий Колчака, создавал для них угрозу быть отрезанными от основных путей отхода. Следовательно, осуществление предложенного М. В. Фрунзе стратегического плана обеспечивало разгром основных сил врага, скорейшее освобождение Урала. Дальнейший ход событий подтвердил правильность плана М. В. Фрунзе, нецелесообразность перенесения главных усилий фронта против Сибирской армии Колчака, ненужность удара Пятой армии через Каму, настоятельную необходимость продолжения контрнаступления Южной группы.

15 мая войска Южной группы в составе Первой, Четвертой и Туркестанской армий начали Белебеевскую операцию. Их поддерживали с севера войска Пятой армии, вышедшие к рекам Каме и Белой. Туркестанская армия в ходе

ожесточенных боев нанесла поражение только что прибывшему корпусу Каппеля и 17 мая освободила Белебей. Колчаковцы под угрозой окружения отступили к Уфе.

Считая необходимым закрепить и развить успехи, достигнутые под Белебеем, М. В. Фрунзе выдвигает перед командованием Восточного фронта вопрос о немедленном проведении Уфимской операции. «Оставление противником Белебея и явное отсутствие серьезного сопротивления в районе нынешнего наступления наших войск,— писал он 19 мая в докладе командованию Восточного фронта,— выдвигают вопрос о необходимости немедленного проведения операции с целью овладения районом Уфы» [1].

Однако новый командующий фронтом А. А. Самойло предвзято относился к плану М. В. Фрунзе. К тому же он вступил в резкий конфликт с командующим Пятой армией М. Н. Тухачевским. Создалась угроза срыва успешно начатого контрнаступления Южной группы. Реввоенсовет фронта по инициативе С. И. Гусева информировал В. И. Ленина о создавшемся положении и просил восстановить С. С. Каменева на посту командующего фронтом. С. С. Каменев был вызван в Москву. Его принял В. И. Ленин. Постановлением ЦК РКП(б) приказ Троцкого был отменен, и С. С. Каменев 25 мая 1919 года восстановлен в должности. Сообщая об этом 29 мая Реввоенсовету фронта, В. И. Ленин подчеркнул в своей телеграмме необходимость продолжения решительных наступательных операций против Колчака. «Если мы до зимы не завоюем Урала,— писал Ленин,— то я считаю гибель революции неизбежной» [2]. В. И. Ленин призвал Реввоенсовет фронта напрячь все силы для скорейшего освобождения Урала [3].

После разгрома колчаковских войск под Белебеем командование Южной группы разработало план проведения Уфимской операции. 23 мая М. В. Фрунзе, оставаясь командующим Южной группой, принял непосредственное командование войсками Туркестанской армии, на которую была возложена задача овладения районом Уфы.

Западная армия Ханжина, отошедшая за р. Белую, создала на этой водной преграде свой оборонительный рубеж. На нем были сосредоточены три группы вражеских

---

[1] М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. 1, стр. 192.
[2] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 328.
[3] Там же.

войск, усиленных за счет подтянутых из тыла резервов: Уральская, действующая в районе Бирска; Уфимская — в районе Уфы и Волжская, занимавшая фронт между Уфимской группой и группой генерала Белова, оперировавшей в районе Стерлитамака. Белогвардейцы лихорадочно готовились к встречным боям, рассчитывая приостановить наступление Красной Армии на Урал.

Соотношение сил сторон накануне Уфимской операции было почти равным. Западная армия Колчака насчитывала 40 тыс. штыков и сабель, имела 119 орудий и 601 пулемет. Туркестанская армия и 26-я дивизия Пятой армии, принимавшие непосредственное участие в Уфимской операции, имели 37 652 штыка и 1979 сабель, то есть в общей сложности около 40 тыс. штыков и сабель, 121 орудие и 602 пулемета [1]. Однако моральный перевес был на стороне советских войск. В войсках противника под влиянием тяжелых поражений усилилось разложение, в его тылу росло и ширилось партизанское движение. Советские же войска испытывали все возрастающую поддержку тыла, с каждой новой победой возрастал их наступательный порыв. «Даешь Уфу! Даешь Урал!» — провозглашали советские воины.

25 мая 1919 года М. В. Фрунзе подписал приказ войскам Туркестанской армии о начале операции с целью разгрома Уфимской группы противника и овладения районом Уфы. Наступление Туркестанской армии поддерживалось действиями Первой армии к югу от Уфы и Пятой армии к северу от нее. На дальних подступах к Уфе развернулись упорные кровопролитные бои, в ходе которых обе стороны несли большие потери. Только с 19 мая по 3 июня, то есть за время боев на пути от Белебея до р. Белой, потери противника вместе с пленными и перебежчиками достигли 6500 человек. Потери Туркестанской и Пятой армий были почти вдвое меньшими, но и они составили 3500 человек [2].

Колчаковское командование силами подтянутого из Екатеринбурга ударного корпуса пыталось в районе севернее Мензелинска прорваться в тыл наступавшим войскам Пятой армии, окружить и уничтожить их. Но этот замысел был сорван смелыми действиями советских войск.

---

[1] Д. Рыбин. Уфимская операция. Труды военно-научного общества при военной академии, кн. 4, М., 1923, стр. 37.

[2] Там же, стр. 52.

28—29 мая 27-я и 35-я дивизии Пятой армии полностью разгромили ударный корпус белых.

29 мая 20-я дивизия Первой армии освободила Стерлитамак. 26-я дивизия Пятой армии, наступавшая на левом фланге 25-й дивизии, к 3 июня вышла к р. Белой, а 8 июня, форсировав эту водную преграду, овладела Бирском.

Овладение Стерлитамаком на юге, разгром ударного корпуса белых и освобождение Бирска на севере улучшили стратегическое положение продвигавшейся к Уфе Туркестанской армии: ее фланги были надежно прикрыты. 30 мая 1-я бригада 25-й Чапаевской дивизии под командованием И. С. Кутякова овладела железнодорожным узлом Чишма на ближних подступах к Уфе. 3 июня войска Туркестанской армии вышли к р. Белой.

Чтобы помешать захвату Уфы, колчаковцы взорвали железнодорожный мост через р. Белую. Укрепившись на высоком правом берегу, они намерены были дать решающий бой непосредственно в районе города. Оценив обстановку, М. В. Фрунзе решил нанести южнее и севернее Уфы два взаимосвязанные удара, форсировать Белую, выйти в тыл Уфимской группе противника и уничтожить ее. Нанесение главного удара было возложено на 2-ю и 24-ю стрелковые и 3-ю кавалерийские дивизии, действовавшие южнее города. Вспомогательный удар севернее города наносила 25-я стрелковая дивизия.

Разгорелись ожесточенные бои. Советским войскам, действовавшим на направлении главного удара, не удалось добиться успеха, все их попытки форсировать Белую были отражены. Но севернее Уфы, там, где наступала 25-я стрелковая дивизия, обозначился успех. М. В. Фрунзе немедленно принимает решение перенести нанесение главного удара с правого на левое крыло наступавших на Уфу войск. Для развития успеха туда была направлена находившаяся во втором эшелоне 31-я стрелковая дивизия. Прибыв в штаб 25-й дивизии, М. В. Фрунзе поставил перед частями дивизии задачу в ночь с 7 на 8 июня переправиться через Белую и освободить Уфу.

Первым начал переправу один из лучших полков дивизии — 220-й Иваново-Вознесенский полк, костяком которого были иваново-вознесенские ткачи. В полку насчитывалось 250 членов партии и более 500 сочувствующих. Сначала переправился 3-й батальон во главе с коммунистом

С. И. Ермиловым, за ним остальные батальоны полка и 217-й Пугачевский полк [1].

Противник значительными силами многократно переходил в контратаки. Вражеская авиация наносила бомбовые удары стремилась разрушить переправы, вызвать в советских войсках панику, сбросить переправившиеся части в Белую. М. В. Фрунзе был контужен. Пулей с самолета был ранен В. И. Чапаев. Находившийся в передовых цепях начальник политотдела Туркестанской армии В. А. Тронин получил ранение в грудь [2].

Обладая превосходством в силах, врагу удалось несколько потеснить головные полки. Но несмотря на ураганный огонь противника, на правый берег за день 8 июня переправились все части 25-й дивизии. В тот же день в районе Благовещенского завода переправились через р. Белую два полка 31-й дивизии.

При форсировании реки Белой всемерную помощь пехотинцам оказывали советские летчики. Так, А. Д. Казеннов, ранее уже награжденный орденом Красного Знамени, совершил несколько вылетов во время переправы наших войск. Преодолевая огонь противника, он сбрасывал бомбы на его расположение, чем приносил врагу большой ущерб, а своей храбростью воодушевлял бойцов и командиров.

Колчаковское командование, не считаясь с потерями, любой ценой пыталось удержать Уфу. На рассвете 9 июня оно предприняло новую попытку сбросить полки Чапаевской дивизии в Белую. В бой были брошены отборные офицерские части генерала Каппеля, начавшие «психическую» атаку. Чапаевцы, предупрежденные о наступлении отважным уфимским рабочим, с риском для жизни перешедшим через линию фронта, подпустили белогвардейцев на близкое расстояние и обрушили на них ружейный и пулеметный огонь. Вспоминая об этом бое, адъютант М. В. Фрунзе писал: «...С винтовками наперевес, молча, не стреляя, шли ударные батальоны генерала Каппеля. В темном английском обмундировании со значками скрещенных костей и черепа на фуражках, рукавах и погонах, все с георгиевскими крестами, они производили жуткое

---

[1] З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 443.

[2] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, стр. 168.

впечатление... Чапаевцы без выстрела подпускали их ближе. Мало патронов. В пулеметы закладывались последние ленты. И когда первые ряды каппелевцев были совсем близко, треск пулеметов нарушил напряженную тишину. Но сбить строй атакующих не удалось. На место «срезанных» каппелевцев вставали новые... Навстречу им поднялись чапаевцы. Это историческое сражение продолжалось почти три часа. То отступали чапаевцы, то офицерские батальоны Каппеля. Обе стороны дрались с непревзойденным упорством и смелостью. Тут на выручку к чапаевцам подоспел свежий полк. Сила «гвардии Колчака» была сломлена. Противник оставил на ржаном поле более трех тысяч убитых»[1].

Отразив «психическую атаку», части 25-й дивизии сами перешли в решительное наступление. Под ураганным огнем противника советские воины преодолевали ряды проволочных заграждений и укреплений, многократно переходили в штыковые атаки. После упорного боя вечером 9 июня 3-я бригада 25-й дивизии вступила в Уфу.

Беспримерны доблесть, мужество и массовый героизм, проявленные в боях за Уфу воинами 25-й Чапаевской дивизии. Лишь за два последних решающих дня боев ее потери составили 2000 человек. Колчаковцы же потеряли в полтора раза больше: 3000 солдат и офицеров[2].

Потерпев разгром под Уфой и понеся большие потери, Западная армия Ханжина 15 июня начала общий отход. 19 июня части Туркестанской армии вышли на рубеж р. Уфа.

Успешное контрнаступление войск Южной группы и Пятой армии предопределило перелом и в ходе операций на северном крыле Восточного фронта, где колчаковцы в течение почти всего мая продолжали удерживать инициативу. Осуществление намеченного империалистами плана наступления колчаковских войск на Москву и Петроград в северном направлении оказалось значительно затруднено.

Для того чтобы противодействовать угрозе из-за Камы с юга тылу и левому флангу Сибирской армии, колчаковское командование вынуждено было снять часть своих сил

[1] С. А. Сиротииский. Путь Арсеиия. Биографический очерк о М. В. Фрунзе. М., 1959, стр. 150—151.

[2] Е. А. Болтии. Коитриаступление Южиой группы Восточиого фроита и разгром Колчака (1919 г.), стр. 114.

с участка Второй советской армии на р. Вятке. Воспользовавшись этим, Вторая армия 25 мая перешла в контрнаступление.

Уже 26 мая части Второй армии освободили Елабугу. Пытаясь изменить обстановку на северном крыле фронта, генерал Гайда предпринял последнюю отчаянную попытку прорваться к Вятке. 3 июня 1919 года войска Сибирской армии заставили 29-ю дивизию Третьей армии отойти и захватили Глазов. В. И. Ленин с тревогой воспринял это известие и тотчас запросил Реввоенсовет Восточного фронта, приняты ли в связи с этим экстренные меры[1]. 6 июня он снова телеграфировал Реввоенсовету фронта: «Считаю величайшей опасностью возможное движение Колчака на Вятку для прорыва к Питеру. Обратите серьезнейшее внимание, извещайте чаще о фронте под Глазовом»[2]. По указанию В. И. Ленина, несмотря на тяжелое положение на Южном фронте, на пополнение Третьей армии было направлено 10 тысяч человек[3].

В результате продолжавшегося наступления войск Южной группы, а также Пятой и Второй советских армий стратегическое положение Сибирской армии Колчака с каждым днем ухудшалось, советские войска зашли в ее фланг. «Положение серьезно,— заявил командующий Сибирской армией генерал Гайда прибывшему на фронт члену правительства Колчака Гинсу.— Мы взяли Глазов, но мы будем отступать»[4].

1 июня войска Второй армии освободили Агрыз, 2 июня — Сарапул, 7 июня — Ижевск, 11 июня — Воткинск. Третья армия перешла в наступление 7 июня и в тот же день отбила у белых Глазов.

Уфимская операция явилась завершающим этапом контрнаступления армий Южной группы Восточного фронта. За время с 28 апреля по 15 июня 1919 года части Туркестанской и Пятой армий прошли с боями более 400 километров. В ходе контрнаступления была разгромлена ударная сила Колчака — Западная армия генерала Ханжина; от врага очищена огромная территория; взято в плен 220 офицеров, 12 000 солдат, захвачено 560 пулеметов,

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 337.
[2] Там же, стр. 342.
[3] Л. М. Спирин. Разгром армии Колчака. М., 1957, стр. 167.
[4] Г. К. Гинс. Сибирь, союзники и Колчак (Поворотный момент русской истории. 1918—1920 гг.). Пекин, 1921, ст. 2, стр. 232.

вок, 65 пулеметов, 19 орудий. Противник потерял 25 000 человек. Потери советских войск за это же время составили 16 тыс. человек убитыми и ранеными. «Уфимской операцией,— писал М. В. Фрунзе,— завершается блестящая страница боевой истории войск Южной группы в борьбе с Колчаком» [1].

За массовый героизм, проявленный бойцами и командирами в боях под Бугурусланом, Белебеем, Чишмой и Уфой, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223 224-й стрелковые полки и кавалерийский дивизион 25-й стрелковой дивизии Реввоенсовет Республики наградил Почетными революционными Красными знаменами. Начальник 25-й стрелковой дивизии В. И. Чапаев был награжден орденом Красного Знамени. Этой высокой правительственной награды был удостоен и М. В. Фрунзе — за умелое руководство армиями Южной группы Восточного фронта, успешное проведение наступательных операций и личную храбрость, проявленную при форсировании р. Белой и боях за освобождение Уфы.

Вторая армия к моменту завершения контрнаступления Южной группы прошла с боями около 200 километров, 22 июня в районе Ножовки форсировала Каму и заняла выгодные исходные рубежи для дальнейшего наступления. Отмечая заслуги Второй, Пятой и Туркестанской армий в борьбе с Колчаком, Совет обороны 25 июня 1919 года объявил особую благодарность красноармейцам и командному составу и постановил выдать всем частям этих армий, участвовавшим в боях, денежную награду.

Дальнейшее преследование Колчака было возложено на Пятую, Вторую и Третью армии, а подавление сопротивления белоказаков в районе Оренбурга и Уральска — на войска Южной группы в составе Первой и Четвертой армий под общим командованием М. В. Фрунзе. Туркестанская армия приказом Реввоенсовета Республики расформировывалась. Часть ее дивизий передавалась на усиление других армий Восточного фронта, часть направлялась на другие фронты.

Выход советских армий на Белую и Каму, освобождение Уфы, Стерлитамака, Бирска, Сарапула, Ижевска и других городов означал, что борьба за Урал вступает в решающую фазу. Советские армии в период контрнаступ-

---

[1] М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. 1, стр. 294.

ления Южной группы обрели боевой опыт и уверенность в победе. Красноармейцы, среди которых было много уроженцев Урала, рвались в бой за родные города, заводские поселки и села. Они были полны решимости добить опасного врага. Однако главком И. И. Вацетис с одобрения Троцкого отдал командованию Восточного фронта приказ: «По овладении реками Белой и Камой прочно закрепиться на них»[1] и прекратить наступление на Урал. Главком считал, что решающим фронтом должен быть признан Южный, где к этому времени развернулось наступление войск Деникина, и в соответствии с такой оценкой стратегического положения страны стал оголять Восточный фронт. Имея указание ЦК РКП(б) перебросить с Восточного фронта на Южный одну дивизию, Главное командование за май — июнь перебросило на Южный фронт 42 полка.

9 июня Реввоенсовет Восточного фронта по инициативе С. И. Гусева обратился к В. И. Ленину с докладной запиской, в которой высказал мнение, что приостановка наступления на Урал может свести на нет успехи, достигнутые Советской страной против Колчака, и настаивал на отмене директивы Главного командования. «Приостановить или даже замедлить в такой момент нанесение нашего решительного удара,— говорилось в докладной записке,— значит помочь Колчаку, дав ему возможность справиться с разложением армии и с тыловыми восстаниями... Мы считаем последнюю директиву Главкома крупнейшей фатальной ошибкой, которая нам может стоить революции...»[2].

ЦК РКП(б) согласился с мнением Реввоенсовета Восточного фронта и 15 июня предложил Главному командованию продолжать наступление на Урал. 20 июня В. И. Ленин телеграфировал Реввоенсовету Восточного фронта: «...*наступление* на Урал нельзя ослабить, его надо безусловно усилить, ускорить»[3]. Вместе с тем, учитывая тяжелое положение, создавшееся в это время на других фронтах, ЦК РКП(б) счел возможным снять часть сил с Восточного фронта. В связи с этим из подлежащей расформированию Туркестанской армии, кроме 31-й стрелковой

---

[1] З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 448.
[2] Из истории гражданской войны в СССР, т. 2, стр. 205.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 355.

дивизии, отправляемой на Южный фронт, была направлена под Петроград 2-я стрелковая дивизия.

Отменяя директиву Главного командования, ЦК партии сделал также вывод о необходимости укрепления Ставки главного командования — полевого штаба Красной Армии. Комиссаром полевого штаба — членом Реввоенсовета Республики был назначен С. И. Гусев, которому ЦК поручил подготовить предложения об улучшении работы Ставки.

Однако и после принятия Центральным Комитетом партии решения о продолжении наступательных операций на Восточном фронте Вацетис и Троцкий продолжали настаивать на возврате к их прежнему плану. 29 июня в связи с предстоящим обсуждением в ЦК РКП(б) положения на фронте С. И. Гусев сообщал в Реввоенсовет Восточного фронта: «В четверг заседание ЦК, Лев (Троцкий.— *Я. Н.*) настаивает на возврате к старому и развивает бешеную агитацию против Востфронта»[1]. Троцкий заявлял, что Восточный фронт уже «выдохся» и не способен на новые успешные наступательные операции. Дальнейшее общее наступление на Восточном фронте, по его мнению, становилось невозможным и потому, что на правом фланге фронта, в районе Оренбург — Уральск — Николаевск, активизировала боевые действия казачья армия Дутова. Положение на этом участке фронта Троцкий считал даже «катастрофой» или «неминуемой катастрофой»[2].

Развитие успехов противника в этом районе, взятие им Николаевска, безусловно, не могло не вызывать тревоги. Войска Деникина в это время продолжали начатое 19 мая наступление. Кавказская армия Деникина под командованием генерала Врангеля 30 июня овладела Царицыным и форсировала Волгу. Поэтому выход Дутова к Волге в районе Николаевска создавал опасность соединения уральских и оренбургских белоказаков с донскими, колчаковского фронта с деникинским.

Тем не менее положение не было столь мрачным, как его оценивал Троцкий. Восточный фронт обладал необходимыми возможностями для достижения победы над Дутовым. Командование Восточным фронтом и Южной группы армий разработало план нанесения удара по белоказачьим войскам

---

[1] Из истории гражданской войны в СССР, т. 2, стр. 230.
[2] Там же.

с севера в направлении на Уральск. Для осуществления операции еще в двадцатых числах июня была начата переброска из-под Уфы в район Бузулука одного из лучших соединений фронта — 25-й Чапаевской дивизии. Однако Главком И. И. Вацетис проявлял неверие в возможность достичь успеха в подготовляемой командованием Восточного фронта и Южной группы операции по разгрому Дутова. «Двинутая вами 25-я стрелковая дивизия,— говорилось в директивном указании Главного командования командующему Восточным фронтом от 29 июня 1919 года,— вряд ли в состоянии будет достичь решительного успеха над своим многочисленным конным противником...» [1].

Несмотря на отсутствие необходимой поддержки со стороны Главного командования, М. В. Фрунзе настойчиво проводил в жизнь намеченный план ликвидации угрозы на правом фланге Восточного фронта. Отвечая на телеграмму В. И. Ленина, требовавшего ускорить сосредоточение необходимых сил в связи с развитием успехов противника в районе Николаевска [2], М. В. Фрунзе 1 июля 1919 года телеграфировал ему, что переброска войск осуществляется «самым спешным порядком с напряжением всех сил и средств». Отметив, что в связи с отправкой на Южный и Западный фронты двух дивизий, силы Южной группы сократились и что направляемых под Бузулук войск недостаточно для полной ликвидации Урало-Оренбургского участка Восточного фронта, а использованию местных сил мешает недостаток оружия, М. В. Фрунзе вместе с тем выразил твердую уверенность в скорой ликвидации осады Уральска и освобождении от белогвардейцев Николаевска. «...Позволяю выразить надежду,— говорилось в телеграмме,— что не позже чем через 10—14 дней Уральск и весь север области будут очищены от белогвардейщины, в частности обратное занятие нами Николаевска считаю обеспеченным в ближайшее время... Прошу верить, что Ревсовет Южгруппы работает в чрезвычайно трудной обстановке, часто при очевидном непонимании Главным военным командованием проделанной им работы, исполнял и исполняет свой долг перед революцией» [3].

Как показал ход дальнейших событий, войска Южной группы под командованием М. В. Фрунзе успешно выпол-

[1] Из истории гражданской войны в СССР, т. 2, стр. 229.
[2] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 3—4.
[3] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, стр. 182.

нили возложенную на них задачу, нанесли поражение войскам Дутова и ликвидировали опасность соединения белоказаков Дона с уральским и оренбургским казачеством. Разгром Дутова еще раз подтвердил огромные возможности, которыми обладает Восточный фронт, и необходимость продолжения его наступательных действий.

Состоявшийся 3—4 июля Пленум РКП(б) внимательно рассмотрел положение на фронтах Республики. Пленум подтвердил необходимость продолжения наступления на Урал и окончательно отвергнул план Вацетиса — Троцкого. Вместе с тем Пленум признал необходимым, не приостанавливая наступления на Востоке, выделить часть сил для Южного фронта. Основная задача момента, говорилось в письме ЦК РКП(б) ко всем партийным организациям, написанном В. И. Лениным в связи с Пленумом,— «...отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армии на Урал и на Сибирь»[1]. В письме подчеркивалось, что «от *ослабления* наступления на Урал и на Сибирь *мы погибнем*, мы должны *усилить* это наступление... Ослаблять наступление на Урал и на Сибирь значило бы быть изменником революции, изменником делу освобождения рабочих и крестьян от ига Колчака»[2].

Пленум ЦК осуществил ряд новых мер по укреплению высших военных органов Республики. Было решено перевести полевой штаб Красной Армии из Серпухова в Москву, освободить И. И. Вацетиса от обязанностей главкома. На пост главкома был выдвинут командующий Восточным фронтом С. С. Каменев, а вместо него командующим фронтом 13 июля был назначен М. В. Фрунзе. Начальником полевого штаба был назначен начальник штаба Восточного фронта П. П. Лебедев. Эти перемещения, как и осуществленное незадолго до Пленума ЦК назначение С. И. Гусева в полевой штаб Красной Армии, организационно подкрепляли курс Центрального Комитета партии на быстрейший разгром контрреволюционных сил на Востоке страны.

Указания Центрального Комитета партии, решения Пленума ЦК РКП(б) о необходимости скорейшего овладения Уралом и полного разгрома колчаковских армий с

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 45.
[2] Там же, стр. 54—55.

воодушевлением были восприняты всеми воинами Восточного фронта.

В конце июня армии фронта начали общее наступление. Главный удар наносили войска Пятой армии, действовавшие в центральной части фронта. Перед ними была поставлена задача овладения Южным Уралом. На Вторую и Третью армии возлагалось освобождение Среднего и Северного Урала. На Первую и Четвертую армии — задача разгрома белоказаков в районах Уральска и Оренбурга. 24 июня войска Пятой армии форсировали р. Уфу и вступили на Уфимское плоскогорье. К этому времени войска Второй армии, форсировав Каму, продвинулись вперед до станции Куеда на железной дороге Казань — Екатеринбург. Третья армия, достигнув Камы в районе Осы и Оханска, форсировала ее.

Выход Пятой армии на Уфимское плоскогорье, форсирование Камы частями Второй и Третьей армий создавали новые условия для советских войск. Дальнейшие боевые операции предстояло осуществлять в значительно более сложных условиях, дающих определенные преимущества противнику. Во-первых, передвижение фронта на восток означало, что в распоряжении противника оказывалась сеть железных дорог, не только связывающих фронт с глубоким тылом, но и расположенных вдоль линии фронта. Обладая этими коммуникациями, колчаковское командование получало возможность подвозить свои резервы и быстро перегруппировать силы. Во-вторых, на пути советских войск вставал Уральский хребет. Наступательные действия в условиях горной местности значительно затруднялись. Противник же, наоборот, получал возможность удерживать небольшими силами свои рубежи, получал выгоду при отводе своих войск. Но советские воины были воодушевлены близкой перспективой освобождения Урала. Им не были страшны любые трудности. Красноармейцы буквально рвались в бой, проявляли чудеса мужества, храбрости и героизма.

Уже в первые дни общего наступления войска фронта добились крупных успехов. На северном крыле Восточного фронта части Второй армии 1 июля 1919 года заняли Кунгур. 4 июля войска Второй армии и 35-й дивизии Пятой армии совместными боевыми действиями разгромили ударный корпус белых и освободили Красноуфимск.

Успешно наступала Третья армия. 1 июля 29-я диви-

зия этой армии (начдив В. Ф. Грушецкий, военком В. М. Мулин) освободила крупный промышленный и административный центр Урала — город Пермь. В тот же день В. И. Ленин направил Реввоенсовету Восточного фронта телеграмму, в которой поздравил советские войска с победой. «Поздравляю геройские красные войска, взявшие Пермь и Кунгур. Горячий привет освободителям Урала» [1], — говорилось в телеграмме. Приветствуя войска, освобождающие Урал, В. И. Ленин требует от командования Восточным фронтом довершения разгрома врага. «Во что бы то ни стало, — говорится далее в ленинской телеграмме,— надо довести это дело быстро до полного конца» [2].

Одним из важнейших условий достижения окончательной победы над Колчаком В. И. Ленин считал пополнение армий фронта новыми силами. Он видел, что по мере освобождения Урала от колчаковцев тысячи восставших рабочих, бойцов партизанских отрядов и добровольцев вливались в ряды наступавших советских войск и считал жизненно необходимым, опираясь на революционный подъем масс, осуществить самое широкое привлечение трудящихся Урала в Красную Армию. Еще 29 мая 1919 года в телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта он указал на необходимость проведения поголовной мобилизации в Красную Армию населения прифронтовой полосы [3]. 9 июня в телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта В. И. Ленин подчеркивает, что в связи с ухудшением положения под Петроградом и на Южном фронте проблема пополнений за счет местных возможностей приобретает исключительное значение. Вместе с тем он указывает конкретные пути ее решения. «Сильное ухудшение под Питером и прорыв на юге,— говорится в телеграмме,— заставляют нас еще и еще брать войска с вашего фронта... Вам надо перейти к более революционной военной работе, разрывая привычное. Мобилизуйте в прифронтовой полосе поголовно от 18 до 45 лет, ставьте им задачей взятие ближайших больших заводов, вроде Мотовилихи, Миньяра, обещая отпустить, когда возьмут их, ставя по два и по три человека на одну винтовку, призывая выгнать Колчака с Урала. Мобилизуйте 75 процентов членов партии и профсоюзов.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 3.
[2] Там же.
[3] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 328.

Иного выхода нет, надо перейти к работе по-революционному»[1].

1 июля в телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта Ленин вновь указывает на необходимость мобилизации в Красную Армию населения прифронтовых районов, в первую очередь рабочих. «Крайне необходимо,— говорится в телеграмме,— мобилизовать немедленно и поголовно рабочих освобождающихся уральских заводов. Надо найти новые революционные способы тотчас включать этих рабочих в войска для отдыха уставшим и для отпуска на юг»[2].

Выполняя указания В. И. Ленина, местные партийные и советские органы совместно с командованием воинских частей и соединений, освобождавших Урал, проводят широкую мобилизацию трудящихся в Красную Армию, развертывают среди населения агитацию за добровольное вступление в ее ряды.

Раньше всего мобилизация и призыв добровольцев развернулись на Южном Урале. Широким потоком стали вливаться в боевые части Красной Армии рабочие южноуральских заводов. «Мобилизация Симского округа,— сообщал 11 июля В. И. Ленину Реввоенсовет Восточного фронта,— прошла очень хорошо, сейчас мобилизуется Усть-Катавский район. Создана комиссия, идущая вместе с армией и мобилизующая население сейчас же после занятия местности»[3]. Лишь за один месяц, с 9 июля по 9 августа 1919 года, по пяти уездам Уфимской губернии было призвано в армию и вступило добровольно более 59 тыс. человек.

Большую организаторскую и политическую работу, направленную на подготовку пополнений для наступающей армии, провел Вятский губком РКП(б). В губернии была объявлена неделя агитации за создание боевых резервов, для проведения которой губком партии послал в деревню своих уполномоченных. Они вели агитационную работу среди мобилизованного в Красную Армию населения прифронтовой полосы, среди возвратившихся из плена фронтовиков, среди пришедших домой дезертиров. В результате проделанной коммунистами работы был полностью

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 343—344.
[2] Там же, т. 51, стр. 3.
[3] Из истории гражданской войны в СССР, т. 2, стр. 238.

укомплектован расположенный в Глазове запасный батальон. По мере поступления оружия формировались маршевые роты, которые немедленно направлялись на пополнение наступавших войск.

24 июля вопрос о мобилизации трудящихся в Красную Армию обсуждался на расширенном заседании Военного совета Третьей армии совместно с представителями Пермского и Екатеринбургского губревкомов. Заседание обязало провести в трехнедельный срок мобилизацию рабочих и крестьян. Для этой цели была развернута широкая агитация, которую вели выделенные из частей Третьей армии коммунисты. Пермскому губвоенкому поручалось немедленно начать всеобщее военное обучение заводских рабочих.

Общее число вступивших в Красную Армию на Урале с лета по декабрь 1919 года составило около 200 тыс. человек.

Рабочие освобожденных Красной Армией заводов усиливали всестороннюю помощь наступавшим советским войскам. С удвоенной энергией взялись за восстановление своих предприятий и налаживание выпуска винтовок рабочие Ижевска и Воткинска. «Чтобы не допустить порабощения трудящихся масс,— говорилось в резолюции 5-тысячного собрания рабочих Ижевских заводов 11 июня 1919 года,— мы, рабочие заводов, в знак благодарности нашим освободителям будет изготовлять винтовки с удвоенной энергией, ибо мы знаем, что только вооруженный народ может быть свободным, только с оружием в руках и может добиться конечного торжества труда над капиталом»[1].

Армии Восточного фронта, получая мощную поддержку рабочего класса и трудового крестьянства освобожденных районов Урала, усиливали свой натиск на врага.

Особо трудные задачи в развернувшемся наступлении ложились на Пятую советскую армию под командованием М. Н. Тухачевского. Ей предстояло преодолеть Уфимское плоскогорье и горные хребты Южного Урала. Этой армии, насчитывавшей 22 тыс. штыков и сабель, противостояла Западная армия Ханжина, имевшая в своем составе 27 тыс. солдат и офицеров.

Используя естественные преграды, колчаковское коман-

---

[1] Из истории гражданской войны в СССР, т. 2, стр. 208.

дование было намерено на дальних подступах к Златоусту дать бой советским войскам с тем, чтобы затем перейти в контрнаступление. Наиболее важный в стратегическом отношении район вдоль Самаро-Златоустовской дороги оборонял корпус генерала Каппеля. Он занял труднодоступные позиции у станции Аша-Балашовская. Западнее Златоуста в районе Сулея — Айлино — Насибаш, там, где сходятся пути, ведущие на Златоуст, Бирский тракт и Самаро-Златоустовская железная дорога, был сосредоточен резервный корпус генерала Войцеховского. Восточный берег р. Уфы в районе Бирского тракта обороняла Уральская группа Западной армии Ханжина.

Командование Пятой армии тщательно разработало план предстоящей операции. План был смелым и рассчитанным на достижение решительной победы. Он предусматривал создание трех групп войск: на правом фланге через горные хребты в направлении на Катав-Ивановский и Белорецкий заводы, на Верхне-Уральск должна была наступать 24-я Железная дивизия; в центре, вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги, должны были продвигаться войска 3-й кавалерийской бригады И. Д. Каширина. На эту группу возлагалась задача наступлением на Ашу и Кропачево сковать корпус генерала Каппеля; на левом фланге, по Бирскому тракту и далее вверх по ущелью р. Юрюзань, должна была наступать ударная группа Пятой армии в составе 27-й дивизии и 1-й и 2-й бригад 26-й дивизии. Действия ударной группы прикрывала с севера 35-я дивизия.

Основная идея замысла советского командования состояла в том, чтобы силами ударной группы нанести поражение Уральской группировке белых и выйти в тыл корпусу Каппеля.

В ночь на 24 июня 1919 года две бригады 26-й дивизии (начдив Г. Х. Эйхе, военком Н. К. Гончаров), наступавшие по Бирскому тракту, начали форсирование р. Уфы. Первыми преодолели водную преграду 229-й Петроградский и 228-й Карельский полки. Отразив натиск противника, советские части закрепились на восточном берегу реки. За героизм, проявленный при форсировании Уфы, полки были награждены Почетными революционными Красными знаменами [1].

[1] Боевые подвиги частей Красной Армии (1918—1922 гг.), стр. 66—67.

Преодолевая трудности горного пути, 26-я дивизия за три дня прошла 120 километров и неожиданно для колчаковцев вышла в расположение их резервного корпуса. 2—4 июля в районе деревни Насибаш разгорелись ожесточенные бои. В условиях почти полного окружения дивизия нанесла белым поражение и заняла ст. Кропачево.

Продвигавшаяся по Бирскому тракту 27-я дивизия (начдив А. В. Павлов, политком В. Г. Бисярин), преодолев сильное сопротивление противника, 5 июля достигла района села Верхние Киги. Вступив в бой с частями резервного корпуса белых, дивизия разбила их и отбросила к Златоусту. Однако отрезать пути отступления корпусу Каппеля не удалось. На подступах к Златоусту колчаковское командование собрало все свои наличные силы. В штаб Западной армии, расположенный на станции Бердяуш, прибыл с группой высших офицеров адмирал Колчак. 6 июля белогвардейцы перешли в наступление. Завязались многодневные ожесточенные бои, в ходе которых советские войска заняли важный стратегический пункт — станцию Сулея.

10 июля 26-я и 27-я дивизии при поддержке подошедшей к Златоусту 35-й дивизии возобновили наступление. Попытка колчаковцев укрепиться на ближних подступах к Златоусту была опрокинута. 13 июля 1919 года полки 1-й бригады 27-й дивизии под командованием К. А. Неймана ворвались с северо-востока в Златоуст. Одновременно с юго-востока в город вступили полки 26-й дивизии. Белогвардейцы в беспорядке отступили к Челябинску[1]. 26-й дивизии, отличившейся при взятии города, приказом Реввоенсовета Республики было присвоено наименование «Златоустовской».

Наступательные операции ударной группы были поддержаны успешными боевыми действиями остальных двух групп Пятой армии. 24-я дивизия (начдив Павловский, военком Драгилев), наступавшая через труднодоступные горные хребты, в начале июля освободила Катав-Ивановский, Белорецкий, Тирлянский и Юрюзанский заводы. 3-я бригада 26-й дивизии и 3-я кавалерийская бригада И. Д. Каширина, наступавшие вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги, при активной поддержке рабочих, партизанских отрядов в начале июля освободили Симский,

[1] Материалы по истории Златоуста. Златоуст, 1958, стр. 109.

Миньярский, Аша-Балашовский и Усть-Катавский заводы.

Оценивая достигнутые в центральной части Восточного фронта победы, Реввоенсовет фронта 17 июля 1919 года сообщал: «Доблестные войска 5-й армии под искусным водительством командира Тухачевского после упорнейших боев, разбив живую силу врага, перешли через Урал» [1].

Успехи Пятой армии, действовавшей на главном направлении, сочетались с успешным наступлением других армий Восточного фронта. Быстро продвигались вперед части Второй и Третьей армий. 4 июля конная группа под командованием оренбургского казака Н. Д. Томина, выделенная из состава 29-й и 30-й дивизий Третьей армии, вышла в тылы колчаковцев и, действуя в районе горнозаводской ветки Пермской железной дороги, в течение трех дней освободила Верхний Тагил, Невьянский, Висимо-Шайтанский и другие заводы Северного Урала. Затем группа Н. Д. Томина продолжила свой рейд в направлении Камышлов — Шадринск — Курган. Особо отличился в рейде конной группы полк «Красных гусар».

Вторая армия в это время вела бои на Среднем Урале. 14 июля в 23 часа полки прославленной 28-й стрелковой дивизии под командованием В. М. Азина (военком Г. Н. Пылаев) вступили в Екатеринбург. Одновременно в город вошли полки 21-й Пермской стрелковой дивизии (начдив — Г. Овчинников)[2]. Вслед за частями 21-й и 28-й дивизий в город вступила 30-я дивизия.

В эти же дни была достигнута крупная победа на правом фланге Восточного фронта. Переброшенная под Уральск после завершения Уфимской операции 25-я стрелковая дивизия 11 июля перешла в наступление. Прорвав вражеское кольцо, она соединилась с защитниками города. Героическая оборона Уральска, длившаяся два с половиной месяца, завершилась победой советского оружия. Противник был отброшен к югу от железной дороги Саратов—Уральск. Однако окончательное подавление сопротивления белоказаков в Уральской и Оренбургской областях потребовало еще длительного времени.

В. И. Ленин поздравил войска Второй и Пятой армий

---

[1] 50 лет Вооруженных Сил СССР, стр. 84.
[2] ЦГАСА, ф. 1293, оп. 2, д. 66, л. 44 об. и 45.

с победами [1]. Совет обороны специальным постановлением отметил героизм и стойкость воинов Четвертой армии, выдержавших осаду Уральска, и объявил им благодарность. В постановлении говорилось: «В упорной борьбе за рабоче-крестьянскую власть доблестные части IV армии, окруженные со всех сторон озлобленным врагом, выдержали в г. Уральске двухмесячную осаду. Терпя лишения, подвергая свою жизнь постоянной опасности, защитники Уральска показали пример истинной преданности делу революции» [2].

Высокий наступательный дух красных воинов обеспечивался неуклонно возраставшим влиянием коммунистов. В. И. Ленин придавал этому фактору особенно важное значение. В телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта от 29 мая 1919 года он указывал на необходимость всемерного усиления политработы в армии [3].

Содержание и методы партийно-политической работы в войсках фронта в этот период определялись как общими задачами, вытекавшими из решений VIII съезда партии, так и конкретными задачами освобождения Урала. Об этом можно судить на примере Третьей армии.

Основное внимание в политико-воспитательной работе политорганов и военкомов, в деятельности штатных и нештатных агитаторов [4] уделялось разъяснению красноармейцам решений VIII съезда РКП(б) и принятой съездом новой Программы партии, содержание которых надо было довести до каждого воина. Активную работу среди красноармейцев 253-го стрелкового полка вели агитаторы политического отдела 29-й дивизии Мартюшев, Кузнецов, Борковой. Они регулярно проводили собеседования и чтения, обсуждали с бойцами интересующие их вопросы — особенно о положении в деревне, о союзе рабочего класса со средним крестьянством, о задачах, которые ставила Коммунистическая партия по улучшению жизни трудящихся. Для разъяснения решений съезда привлекали его

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 15—16.

[2] Ленинский сборник XXXIV, стр. 199—200.

[3] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 328.

[4] В 3-й армии при каждом политотделе имелись группы агитаторов. Кроме этого, летом 1919 г. в 30-й дивизии распространяется опыт назначения нештатных агитаторов-красноармейцев во взводах, что значительно усиливало агитационную работу. — См. ЦГАСА, ф. 185, оп. 2, д. 594, л. 195.

делегатов: А. А. Юдина, И. П. Козлова, А. Д. Ильина, В. Ф. Старкова и других. В Особой бригаде в агитационно-массовых мероприятиях активно участвовали делегаты В. Ф. Старков и М. И. Сологуб. По воспоминаниям очевидцев, их яркие выступления об участии в работе VIII съезда партии вызывали неизменный интерес у красноармейцев.

Состояние пропаганды решений VIII съезда партии периодически обсуждалось на совещаниях политработников, в парторганизациях частей и подразделений. Например, на партийном собрании 4-й батареи 30-й стрелковой дивизии было решено силами коммунистов регулярно проводить с красноармейцами беседы по отдельным разделам Программы РКП(б). Выполнение этого постановления позволило более глубоко и обстоятельно изучить важнейший партийный документ, выяснить все непонятные вопросы, что в конечном счете способствовало повышению политической сознательности красноармейцев-артиллеристов.

Кроме таких испытанных форм массово-политической работы, как собрания, митинги, лекции, доклады, беседы, коллективные чтения, в частях, находившихся непосредственно на передовых позициях, особое значение имели индивидуальные беседы по различным вопросам текущей политики. Нередко политработникам приходилось их вести не только с рядовыми бойцами, но и с командирами. Бывший военный комиссар 269-го полка 30-й стрелковой дивизии А. В. Бархатов в своих воспоминаниях с большой теплотой отзывается о командире батальона Е. Бусыгине. Бусыгин безгранично верил Владимиру Ильичу Ленину и глубоко уважал его. К комиссару он постоянно обращался с просьбой дать газету с речью или статьей В. И. Ленина. Часто командир и комиссар беседовали на политические темы [1].

Такая работа комиссаров обеспечивала идейный рост командных кадров, расширяла их политический кругозор, рассеивала предубеждения многих бывших офицеров против Коммунистической партии и Советской власти, помогала им встать на путь верного служения новому общественному строю. Весной и летом 1919 года случаи перехода военных специалистов на сторону Колчака становились все более редкими. Наоборот, в боевых документах и в перио-

[1] В боях и походах. Воспоминания участников гражданской войны на Урале, 1959, стр. 270.

дической печати этого времени все чаще встречаются сведения об образцовом поведении бывших офицеров на поле боя. Героически сражался с белогвардейцами командир кавалерийского батальона 30-й стрелковой дивизии К. К. Рокоссовский, впоследствии Маршал Советского Союза. «Товарищ Рокоссовский,— говорилось в докладе политотдела дивизии,— несмотря на свою молодость, отличается храбростью и мужеством, он является тем пролетарским командиром, в которых Красная Армия так нуждается»[1]. За героизм в боях с колчаковцами К. К. Рокоссовский получил первую боевую награду — орден Красного Знамени. Храбростью и отвагой славился в Северном экспедиционном отряде командир батальона Бабинцев, в 451-м полку 51-й стрелковой дивизии героически сражались с врагом красные офицеры Попов и Загоскин.

Важнейшей составной частью партийно-политической работы, обеспечивавшей успех боевых действий, была борьба за укрепление сознательной воинской дисциплины. Накануне перехода в наступление политотдел Третьей армии обратился к военным комиссарам со специальным письмом, указав, что на них возлагается главная ответственность за успех предстоящего наступления. Особое внимание обращалось на состояние воинской дисциплины в частях. Политотдел писал: «Комиссары, вашими помощниками в наступлении должны быть коммунисты. Разбейте их равномерно, по ротам, командам, свяжитесь с ними, на них опирайтесь, их ведите за собой... Дисциплина должна быть товарищеской, но стальной»[2]. В письме выражалась твердая уверенность, что коммунисты обеспечат высокую организованность войск, твердую революционную дисциплину, с честью выполнят поставленные задачи.

О том, как выполнялись эти требования, рассказывают скупые строчки донесений и политсводок армии:

«263 полк 30 дивизии. До выступления части на позиции агитаторами, членами комячеек и другими политработниками велись с красноармейцами беседы о дисциплине...»[3]

«1 легкая батарея 51 дивизии. Ячейка работает в контакте с военкомом по укреплению дисциплины...»[4]

[1] ЦГАСА, ф. 176, оп. 2, д. 36, л. 110.
[2] ПАКО, ф. 82, оп. 1, д. 2, л. 41.
[3] ЦГАСА, ф. 176, оп. 2, д. 62, л. 6.
[4] Там же, д. 47, л. 105.

«Армейский резерв. Военкомами, коллективами и агитаторами ведется совместная работа по укреплению в красноармейской среде товарищеской солидарности и дисциплины...»[1]

«30 дивизия. 268 полк. 8 июля было устроено собрание командного состава с участием комдива 30. На собрании, в частности, обсуждался вопрос о воинской дисциплине»[2].

Коммунисты настойчиво боролись за твердый революционный порядок, старались предостеречь бойцов от самоуспокоенности и благодушия, возникавших порой под влиянием боевых успехов. Так, в письме политического отдела 30-й стрелковой дивизии, направленном партийным организациям в разгар летнего наступления, указывалось, что победы Красной Армии на Восточном фронте вскружили головы некоторым командирам, породили беспечность среди части красноармейцев, а это, в свою очередь, отрицательно сказалось на действиях частей и подразделений. Письмо заканчивалось патриотическим обращением к политическим работникам и членам партии: «Товарищи комиссары и коммунисты! Ваш долг удерживать и всеми силами бороться против забывающихся и ведущих себя вызывающе с населением товарищей. Поставьте им на вид, что гражданская война находится в периоде решительной схватки; пусть все будут тверды, дисциплинированны и в любую минуту готовы для поражения еще живого врага»...[3]

Интересные сведения о том, как велась политическая работа по укреплению дисциплины и повышению боеспособности части, приводятся в докладе военкома Красногусарского полка 30-й стрелковой дивизии П. Шардина. Проверив организацию боевой службы в одном из подразделений, военный комиссар добился устранения всех недостатков. В каждом взводе по его указанию и при личном участии прошли митинги и собрания красноармейцев. Выступая перед бойцами, комиссар рассказал о боевых успехах Красной Армии, о революционном движении в капиталистических странах, обстоятельно разъяснил необходимость поддержания строгой революционной дисциплины. После митингов П. Шардин вел со многими красноармейцами

---

[1] ЦГАСА, д. 176, оп. 2, д. 62, л. 105.
[2] ЦГАСА, ф. 9, оп. 1, д. 162, л. 53.
[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 760, лл. 98—101.

задушевные беседы в самой непринужденной обстановке, подчиняя их подготовке к предстоящим боям. Конкретная, целеустремленная работа комиссара способствовала укреплению части, лучшему решению боевых задач. Кавалеристы дивизии сыграли немалую роль в разгроме колчаковщины на Урале. Подобную работу вели и военкомы других частей.

Активную поддержку коммунистам в укреплении воинской дисциплины оказывали товарищеские суды. В их создании участвовали представители военно-юридических учреждений. Так, в марте 1919 года в Особую бригаду был направлен из фронтового суда Г. П. Липкин. Военком бригады М. Н. Миков обязал всех командиров и политработников оказывать ему полное содействие. В короткий срок товарищеские суды были созданы во всех частях и подразделениях и начали активную работу. С помощью и под руководством коммунистов хорошо работали товарищеские суды в 253-м и 256-м полках 29-й стрелковой дивизии. В донесении политотдела армии за июнь 1919 года отмечалось, что они эффективно воздействуют на нерадивых и недисциплинированных бойцов. К сожалению, так было не везде. В некоторых частях Третьей армии товарищеские суды не справлялись со своими обязанностями, их состав приходилось переизбирать. Это было сделано в 265-м и 267-м полках 30-й стрелковой дивизии, в артиллерийском дивизионе 29-й стрелковой дивизии и в других частях. В результате перевыборов в составе товарищеских судов и следственных комиссий значительно выросла партийная прослойка. В целом по Третьей армии она равнялась примерно тридцати процентам.

Несмотря на сложность фронтовой обстановки, все больший размах приобретала культурно-просветительная работа, игравшая немалую роль в воспитании красноармейцев. При культурно-просветительных отделениях политотделов действовали семинары и совещания работников культурного фронта, издавались различного рода инструкции, положения, наглядные пособия. Самым важным делом была борьба с неграмотностью — этим тяжелым наследием царизма. В Третьей армии неграмотные составляли 25 процентов, а малограмотные — 36 процентов личного состава. А это являлось большим препятствием на пути повышения его политической сознательности. Чтобы исправить положение, была значительно увеличена сеть школ.

Так, в апреле 1919 года в частях и подразделениях Третьей армии функционировало около 40 школ, а в июне их стало 88, в июле — 104. Занятия в школах тесно увязывались с разъяснением политики Коммунистической партии и Советского правительства, целей и задач гражданской войны. Проводились занятия в самой различной обстановке — в землянках и окопах, на привалах во время марша, в вагонах, в домах городов и поселков, только что отбитых у врагов. Занятия чаще приходилось вести наиболее грамотным политработникам или бойцам — штатных учителей не хватало, да они и не всегда поспевали за продвигавшимися с боями частями. В Северном экспедиционном отряде широко были распространены «окопные школы»: вокруг грамотного красноармейца группировались его товарищи по окопу, с его помощью учились писать и читать.

Быстро росла сеть библиотек. В Северном экспедиционном отряде практически каждый красноармеец мог пользоваться книжным фондом. В апреле 1919 года здесь было 22 ротных и одна отрядная библиотека. А всего в Третьей армии насчитывалось 204 библиотеки. В них красноармейцы знакомились с произведениями общественно-политической, военной, естественнонаучной, художественной литературы. Удовлетворению культурных запросов бойцов способствовала деятельность красноармейских клубов, театральных и концертных трупп, драматических кружков. Летом 1919 года в Третьей армии действовало 11 клубов и 12 кинематографов.

Но самым могучим средством воздействия на красноармейцев был, пожалуй, личный пример политработников, военных комиссаров, членов Коммунистической партии в бою. Многие из них погибли, защищая завоевания социалистической революции. В сражении у станции Ляминской пал смертью храбрых один из лучших агитаторов 29-й стрелковой дивизии Дмитрий Снопков. Командование Особой бригады в начале июня 1919 года сообщало в политотдел армии, что «политпредставители во время боев ведут себя великолепно, являясь живым примером геройства» [1]. Бойцов 29-й стрелковой дивизии восхищали смелость и хладнокровие военного комиссара А. Л. Борчанинова. На одном из участков фронта в период летних боев 1919 года А. Л. Борчанинов вел за собой группу бойцов. Он спокой-

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 723, л. 132.

но ехал на лошади. Но как только был обнаружен противник, комиссар преобразился. Четко прозвучала его команда, красноармейцы атаковали врага. Умело руководя боевыми действиями, военком обеспечил разгром колчаковцев. С тех пор бойцы говорили: «Если комиссар так спокоен перед боем, то победа обеспечена»[1]. Мужество и отвагу в боях с белогвардейцами проявлял военком 22-го Кизеловского полка Особой бригады Г. Л. Исупов. В бою у Залазнинского завода полк натолкнулся на опорный пункт белых, прикрываемый пулеметным огнем. Красноармейские цепи вынуждены были залечь. Прибывший на передний край комиссар полка лично повел бойцов в атаку. В бою его ранили, но он довел атаку до конца. Опорный пункт колчаковцев был взят[2]. Героически сражались с врагом и отдали свою жизнь в боях за освобождение Урала комиссар бригады А. А. Юдин — бывший военком полка «Красных орлов», военный комиссар Путиловского кавалерийского полка А. П. Огарков, политработники 30-й стрелковой дивизии Смирнов, Орлов, Томилин и многие другие.

В период контрнаступления Красной Армии усилилась работа политорганов по разложению войск противника. Только в мае 1919 года политотдел Третьей армии выпустил свыше 600 тыс. различных листовок и воззваний к солдатам белой армии[3]. Вместе с газетами их распространял личный состав частей, действующих непосредственно на передовых позициях. Для этого в тыл врага направлялись подготовленные коммунисты, которые с риском для жизни несли слова большевистской правды солдатам колчаковских войск. Работа среди солдат противника давала большие результаты. Большевистская агитация вызывала у рабочих и крестьян, насильственно мобилизованных в белую армию, чувство ненависти к колчаковщине. Под влиянием большевистской пропаганды солдаты белой армии сдавались в плен большими группами и даже целыми частями переходили на сторону советских войск.

Однажды на участке боевых действий полка «Красных орлов» красноармейцам-активистам стало известно, что многие солдаты противника боятся переходить на сторону советских частей, опасаясь расстрела. Тогда по решению

[1] Е. Н. Лукьянова. Александр Борчанинов. Пермь, 1957, стр. 59.
[2] В боях и походах, стр. 461.
[3] ЦГАСА, ф. 8, оп. 1, д. 163, л. 276.

партийного бюро к белогвардейцам была направлена агитационная литература и письма красноармейцев. Результат сказался быстро. Через несколько дней группа солдат противника в количестве 90 человек перешла линию фронта и сдалась в плен. Все белогвардейцы имели на руках переправленные накануне листовки и письма. В докладе политотдела Третьей армии за июль 1919 года указывалось, что на участке фронта армии во время развития успеха под Пермью сдались в плен белогвардейцы пяти полков. Только в районе боевых действий 254-го Камышловского полка на сторону Красной Армии перешли три полка противника численностью около 1500 человек, с двумя орудиями и 25 пулеметами. При этом революционно настроенные солдаты перебили колчаковских офицеров. Не случайно Колчак в приказе от 13 июля 1919 года вынужден был указать в числе главных причин ослабления фронта «сильнейшую агитацию и пропаганду большевизма со стороны «красных» [1].

Весной и летом 1919 года в связи с успешным наступлением советских войск партийно-политический аппарат усилил агитационно-массовую работу среди населения прифронтовой полосы, особенно среди крестьянства. На Восточном фронте раньше, чем в других объединениях, при политорганах армий и дивизий были созданы специальные крестьянские отделения, на которые возлагалась работа в районах, освобожденных от колчаковцев. В прифронтовой полосе проводили агитационно-массовые мероприятия 15 агитаторов 30-й стрелковой дивизии, 12 агитаторов 29-й стрелковой дивизии, 6 агитаторов — 51-й дивизии. Отчитываясь о своей работе, политический отдел Северного экспедиционного отряда сообщал: «Как в Кирсинском заводе, так и в Кае политотдел руководил и указывал правильную линию партийной и советской работы, имел постоянного работника среди гражданского населения» [2].

Трудящиеся хотели знать о новой Программе партии, о решениях VIII съезда РКП(б) по крестьянскому вопросу. Агитатор Особой бригады Ф. И. Голиков записал в дневнике: «24 августа 1919 года. Село Тугулым... Читал лекцию «Программа РКП(б)». На всех собраниях полно народу. Интерес небывалый. Просят газет, журналов,

[1] Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 318.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 713, л. 81.

книг»[1]. Подобную работу проводили многие агитаторы, умело используя все разнообразные формы агитации. Политорганы Третьей армии распространяли среди населения десятки тысяч газет, воззваний, листовок, политических брошюр. Только в августе 1919 года в прифронтовые районы было направлено более 133 тыс. экземпляров воззваний. Помимо газет и воззваний, сюда отправляли библиотеки-передвижки. За короткий срок политотдел 30-й дивизии распространил среди крестьян 11 132 экземпляра книг. Политотдел отмечал, что особенно большим спросом у трудящихся пользуются Программа РКП(б), Конституция РСФСР и декрет о сельскохозяйственных коммунах. В прифронтовой полосе проводились и культурно-просветительные мероприятия, создавались школы, клубы, библиотеки, ставились спектакли, демонстрировались различные кинофильмы. Так, на проведенном политотделом 29-й дивизии собрании учителей Еланской волости в июне 1919 года подробно обсуждались вопросы деятельности школ, трудового воспитания учащихся, обеспечения школьников теплой одеждой, учебными пособиями. Коммунисты призвали учителей принять активное участие в организации культурно-массовой работы среди местного населения.

В ходе успешного наступления перед командованием и партийно-политическим аппаратом Красной Армии встала проблема восстановления Советской власти на Урале. В районах, освобожденных от колчаковцев, представители воинских частей создавали временные органы власти — военно-революционные комитеты (ревкомы). Подбор коммунистов в ревкомы осуществляли партийные бюро и военные комиссары. Председатель ревкома назначался непосредственно военкомом части, освободившей тот или иной населенный пункт. После налаживания работы ревкомов или проведения выборов в местные Советы политработники обязаны были вернуться в свои части. Срок работы представителей воинских частей в качестве членов ревкомов не должен был превышать 7 дней, а в качестве председателей ревкомов — двух недель.

За период с апреля по ноябрь 1919 года силами партийно-политического аппарата и партийных организаций 29-й дивизии было создано 5 уездных ревкомов, 135 воло-

---

[1] Ф. И. Голиков. Красные орлы (из дневников 1918—1920 гг.), стр. 276—277.

стных исполкомов, 757 сельских Советов, 37 волостных партийных организаций, 13 союзов молодежи. Непосредственно в волостях армейские коммунисты провели 1120 сходов по выборам волостных и сельских Советов, 95 волостных съездов, 20 собраний партийных организаций. В Шадринском уезде Екатеринбургской губернии армейские политработники принимали участие в создании 61 ревкома из 62. Характеризуя деятельность коммунистов запасного батальона Северного экспедиционного отряда в освобожденных районах, политотдел Третьей армии в докладе за июль 1919 года отмечал: «Работа среди населения выразилась в устройстве митингов, в организации ревкомов, союзов молодежи. Устроены митинги, организованы ревкомы в волостях: Большой Язвицкой, Рождественской, Ильинской» [1].

Наряду с проведением политической работы в прифронтовой полосе, командиры и политработники часто мобилизовывали красноармейцев на оказание непосредственной хозяйственной помощи населению. В донесении политотдела 30-й дивизии за май 1919 года сообщалось, что военком запасного батальона «вменил в обязанность красноармейцам в свободное время пахать землю местных крестьян на ротных лошадях» [2]. Бесплатно помогали крестьянам на полевых работах красноармейцы-артиллеристы 29-й дивизии. Значительная помощь продовольствием была оказана рабочим Сосьвинского завода. Один только артиллерийский дивизион 30-й дивизии выделил для этого 64 пуда 16 фунтов хлеба и 1034 рубля 75 копеек денег.

В результате принимаемых мер трудящиеся Урала все более убеждались в том, что Красная Армия защищает интересы рабочих и крестьян, их собственные интересы. Это способствовало дальнейшему укреплению советского тыла, боевым успехам на фронте.

В то время как Красная Армия, повышая свою политическую сознательность и организованность, опираясь на более прочную поддержку советского тыла, непрерывно усиливала удары по врагу, в лагере контрреволюции наблюдалось обратное явление. Армии Колчака под воздействием сокрушительных поражений на фронте, а также в результате нарастания массового революционного движе-

[1] ЦГАСА, ф. 9, оп. 1, д. 162, л. 70.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 723, л. 117.

ния в тылу теряли прежнюю боеспособность. Успешное контрнаступление Красной Армии весной и летом 1919 года было обусловлено не только ее небывало возросшим военным, материально-техническим и морально-политическим превосходством, но и слабостью белогвардейского тыла. К этому времени на оккупированной территории Урала и Сибири завершался, как известно, поворот основной массы трудового крестьянства на сторону Советской власти. Он выразился в повсеместных и более активных выступлениях трудящихся против колчаковских порядков, против насильственных мобилизаций и грабительских поборов, в развертывании широкой партизанской борьбы. Во много раз усилилось сопротивление промышленного пролетариата, который выступал во главе революционных масс. Особенно упорно боролась за восстановление Советской власти деревенская беднота. Все это создало более благоприятную обстановку для ведения подпольной работы, главной целью которой становится подготовка всеобщего вооруженного восстания в тылу белогвардейских оккупантов, создание многочисленных партизанских отрядов, оказание прямой помощи Красной Армии в ее наступлении на Урал.

На завершающем этапе борьбы с Колчаком Центральный Комитет нашей партии уделял подпольным организациям особенно большое внимание. Руководство подпольной работой на Урале осуществлялось в это время через Сибирское бюро ЦК, возобновившее свою деятельность в начале июня 1919 года, и через его отделение, которое продолжало непрерывно функционировать.

Прежде всего необходимо было укрепить большевистское подполье кадрами. Весной и летом 1919 года отделение Сибирского бюро ЦК направило во все районы Урала новые группы коммунистов во главе с резидентами. В Челябинский район были направлены член партии с 1905 года Г. Л. Гудырев и его жена Фаина (Сусанна), а также коммунисты Ф. Ф. Вожаков, Г. А. Кантуганов и Х. К. Богданов, в Златоуст — И. С. Белостоцкий и Д. Т. Богатов, в Екатеринбургский район — Ф. Г. Коркодинов и специально для постановки издания подпольной газеты — В. Н. Воробьев и А. Ф. Ивакин. На Северный Урал отправилась группа коммунистов из 6 человек под руководством А. П. Усатова. Она имела поручение создать подпольные большевистские ячейки в районе Надеждинска и других заводов, установить и поддерживать между ними связь и

вести подготовку к вооруженному выступлению. Позднее для боевой и партийной работы в Богословском и Гороблагодатском округах перешли линию фронта еще 7 коммунистов во главе с В. А. Сильных. В Перми в конце июня обосновались А. Ф. Фадеев и А. И. Дубовцева, которые многое сделали для спасения оборудования Мотовилихинского завода.

Посылали на Урал и других работников. В одном из докладов руководители отделения отмечали, что «Средний и Северный Урал, отчасти и Южный нами теперь обеспечены хорошими партийными силами» [1]. Примерно к концу мая отделением было послано для постоянной работы до 50 коммунистов.

Сибирское бюро ЦК из коммунистов, прибывших с поручением от отделения и из Казани, образовало «группу № 107» в составе 9 человек во главе с В. А. Аристовым и И. П. Маликовым и направило ее на Южный Урал. Некоторые коммунисты по пути следования связались с крестьянскими подпольными революционными группами в селах Александровка, Николаевка и Емангулово (руководителями в двух последних селах были крестьяне Подкорытов и Макар Хромой) и оказали им помощь в налаживании работы. Группа приняла участие в работе большевистского подполья в Челябинске и в Сибири. Несколько человек бюро послало в Курган и Камышлов.

Связь между подпольными организациями и общее руководство работой на Урале и в Сибири должен был осуществлять член отделения С. Ф. Баранов, который выезжал за инструкциями в Москву в Центральный Комитет партии и был направлен в колчаковский тыл Сибирским бюро ЦК. Подпольным организациям Сибирское бюро послало несколько миллионов рублей денег.

Большое внимание было уделено сбору разведывательной информации о противнике. Отделение посылало коммунистов для укрепления агентурных отделов в Перми и Кунгуре. Намечалось отправить работников с той же целью в Екатеринбург и Омск. В тыл врага один за другим отправляются ходоки и разведчики. В начале апреля линию фронта перешел ответственный сотрудник отделения бюро С. А. Килин. За полтора месяца он успел побывать во многих городах Урала: Перми, Кунгуре, Челябинске, Уфе, Бир-

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 885, л. 42.

ске и Мензелинске и собрать ценнейшие сведения. В конце июня бюро ЦК направило с разведывательными целями в район Златоуста — Челябинска — Екатеринбурга коммунистов Морского и Федорова, прибывших из Москвы. Только отделением бюро за линию фронта были посланы полтора десятка ходоков-разведчиков.

Основные усилия большевистского подполья были сосредоточены на организации вооруженной борьбы трудящихся. Еще в апреле отделение бюро ЦК с участием Реввоенсовета Третьей армии начало готовить и переправлять через линию фронта партизанские отряды. Отряды, каждый из которых насчитывал около 30 бойцов, возглавляли А. С. Пушвинцев, И. Ковальчук. 3 человека состояло в боевой группе В. Ф. Трушкова.

В июне Сибирским бюро ЦК был сформирован кавалерийский отряд. Он состоял в основном из миньярцев и ашабалашовцев, входивших прежде в отряд С. Д. Павлова, и насчитывал 57 человек. Командовал кавалеристами член партии с 1905 года П. В. Гузаков. Переодетые в белогвардейскую форму, партизаны отправились на выполнение задания и через несколько дней вышли на Воробьиные горы, в 7 километрах от Миньяра. Через бойцов отряда А. В. Брагина, В. П. Заикина и других была установлена связь с близлежащими заводами. От имени бюро ЦК связные дали указание местным коммунистам провести тайную мобилизацию добровольцев и незаметно прибыть в пункт сосредоточения для формирования отряда. Пока прибывали люди, П. В. Гузаков и другие руководители отряда приняли решение начать подрывную работу в районе железной дороги, чтобы внести замешательство в ряды противника и помешать ему организованно отступить. Одновременно устанавливались связи с большевистским подпольем и партизанскими отрядами других населенных пунктов. Партизаны взорвали мост через речку Ерал, близ станции Симская, разрушили железнодорожную линию и телеграфно-телефонную связь в целом ряде мест, совершили нападение на караулы. После операции подрывные отряды вернулись к Миньяру.

Отряду Гузакова приходилось действовать в исключительно сложной обстановке. С каждым днем приближался фронт. На заводах в большом количестве скапливались войска. Белогвардейцы знали о переходе отряда бюро ЦК через линию фронта и о его задачах. Но попытки разгро-

мить отряд результатов не дали. Очень скоро сформировался отряд миньярцев, насчитывавший до 300 человек. Командиром его стал рабочий М. Т. Фатеев. Отряду были выданы винтовки, патроны и пулеметы с лентами из лесных запасов. Успешно шло формирование Симского отряда, которым командовал коммунист Н. А. Масленников. Отряд был вооружен более чем наполовину винтовками и одним пулеметом. В нем насчитывалось до 150—200 человек.

Двигаясь навстречу фронту, отряды П. В. Гузакова и М. Т. Фатеева одержали несколько побед над отступавшими под ударами Красной Армии белогвардейцами. Около Гремячихинских казарм был разгромлен конный казачий отряд. Затем партизаны устроили засаду, обошли с флангов отступавшую часть противника и нанесли по ней стремительный удар. Разгром был полный, около 150 белогвардейцев попали в плен. Партизанам достался огромный обоз с оружием, продовольствием, обмундированием, телефонной аппаратурой, а также кухни и скот, который угоняли с собой колчаковцы. На другой день произошла встреча с Красной Армией. Вместе с красноармейцами партизаны приняли участие в освобождении Миньяра и в последующих боях. Из района Кропачево они возвратились на свои заводы.

Симский отряд лесом вышел к линии фронта и присоединился к 3-й кавалерийской бригаде 26-й дивизии. Знакомыми тропами партизаны вывели красных казаков на исходные позиции для штурма Симского завода, который занимали части противника с артиллерией. 2 июля совместной атакой красноармейцев и партизан завод был освобожден.

Вооруженную борьбу с колчаковцами активно вели рабочие и крестьяне других районов Уфимского и Златоустовского уездов Уфимской губернии. Они помогли частям Пятой армии совершить быстрый бросок в Златоустовском направлении, захватить много пленных, огромные трофеи, помешать белогвардейцам эвакуировать большую часть оборудования, сырья и продукции заводов. В. И. Ленин высоко оценил революционный подвиг уральских рабочих. В начале июля 1919 года он писал: «Красная Армия, геройски продвигаясь на Урале при помощи восстающих поголовно уральских рабочих, приближается к Сибири...» [1]

[1] **В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 44.**

С помощью Центрального Комитета партии большевистское подполье на Урале постепенно оправилось от неудач и к лету 1919 года снова развернуло активную работу. В Челябинске положение подпольной организации после весеннего провала было весьма тяжелым. Однако с прибытием новых работников, направленных Сибирским бюро ЦК, Омской большевистской организацией при поддержке Троицкого военно-революционного штаба, организация оправилась от удара. В подпольный комитет входили И. А. Медведев, И. С. Солодовников, А. Н. Зыков. Видную роль играли посланцы Сибирского бюро ЦК Л. Богословский и сибирско-уральского подпольного центра И. Буткевич.

В революционную борьбу вовлекались новые слои рабочих, железнодорожников, горняков. 11 июля 1919 года контрразведка Западной армии получила сведения «о сильном брожении среди рабочих каменноугольных копей вблизи города Челябинска... о предполагаемом рабочем собрании с антиправительственной целью».[1]. Когда началась эвакуация копей, рабочие под руководством подпольщиков приложили все силы, чтобы сорвать демонтаж оборудования, погрузку его в вагоны и отправку на восток. И не случайно Челябинские копи сразу же после освобождения начали действовать вновь. Усиленная агитация развернулась в селах Челябинского уезда. В селе Шигаевском, например, ее вели С. Т. Гладких, Морозов и другие члены подпольной группы. Активно действовали агитаторы в селе Ново-Кочердык. В селе Косолаповском на подпольном собрании часть крестьян вынесла постановление о непризнании власти Колчака.

Троицкая большевистская организация также готовила трудящихся к вооруженному восстанию. Не имея возможности получать листовки из Челябинска, коммунисты Троицка наладили массовый выпуск их собственными силами. Агитация в городе, среди солдат гарнизона давала свои плоды. Революционное движение усиливалось. Росла и сама организация. В июле в ней только «по твердому списку», то есть официально оформленных членов, было 76 человек.

Троицкая организация успешно вела работу среди крестьян уезда. Упрочились связи с подпольными группами в

[1] ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 437, л. 43.

селах Новотроицком, Андреевском, Рождественском, Писклово, Андреевской волости, и других.

К лету 1919 года большого размаха достигла подпольная работа в Пермской губернии, включая и ее северные районы. Сначала в Перми действовали разрозненные подпольные группы, избежавшие провала. Но перед изгнанием колчаковцев в Перми и Мотовилихе были сделаны некоторые шаги к укреплению подполья и расширению его деятельности. Это являлось заслугой отделения Урало-Сибирского бюро ЦК и других партийно-политических органов. В июне белогвардейская контрразведка отмечала: «Пермь заполнена большевистскими агитаторами и разведчиками преимущественно под видом наших военнопленных, возвращающихся домой»[1].

Пермские рабочие много сделали для спасения оборудования предприятий. 26 июня мотовилихинские рабочие получили приказание колчаковских властей разобрать электромашины, станки, оборудование, все ценное упаковать в ящики, срезать все ремни со станков. Рабочие по указанию представителя отделения бюро А. Ф. Фадеева спрятали оборудование, а в ящики складывали металлолом и испорченные детали машин. Таким образом, завод почти совершенно не пострадал и был пущен через несколько дней после освобождения Красной Армией.

Летом 1919 года в Перми велась большая революционная работа в белогвардейских частях. Оживилась деятельность подпольщиков в Кунгуре. В июне контрразведка сообщала о фактах массового распространения листовок, в которых трудящихся призывали готовиться к вступлению в Красную Армию, вести активную борьбу с колчаковцами. Несколько агитаторов-большевиков было арестовано[2].

Подпольная революционная деятельность — большевистская агитация, борьба за спасение оборудования, организация диверсий на железной дороге — развертывалась в Лысьве, Кизеле, Александровском заводе и их районах. Так, александровцы спустили под откос эшелон с орудиями, боеприпасами, снаряжением и продовольствием, вызвав немалую панику в рядах отступавших белогвардейцев[3].

Шла подготовка к вооруженному выступлению в На-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 11, д. 95, лл. 11—12.
[2] Там же, л. 12; оп. 8, д. 28, л. 59.
[3] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1970, лл. 11—14.

деждинске. 20 июня управляющий Пермской губернией сообщал в Омск, что в «Надеждинском заводе Верхотурского уезда четверо рабочих уличены в агитации и организации тыловой боевой дружины... Скрытая же агитация в пользу большевизма безусловно ведется, т. к. сочувствующих большевикам и даже мечтающих о возвращении их к власти немало»[1]. Но несмотря на аресты, подпольную дружину удалось сохранить и усилить.

В южных районах Пермской губернии большевистское подполье действовало еще более активно. В Екатеринбурге после разгрома организации оставшиеся на свободе члены партии продолжали вести борьбу с оккупантами. В мае они уже добились существенных успехов. Особенно оживилась революционная работа на Верх-Исетском металлургическом заводе, механическом заводе Ятеса, на других предприятиях, где аресты не были столь значительными, а также среди железнодорожников. На предприятиях постоянно проводились тайные собрания. 28 мая за Верх-Исетским заводом состоялось собрание 10 представителей различных предприятий. Некоторые подпольные собрания рабочих носили массовый характер и проходили с участием солдат гарнизона, где также велась революционная работа[2]. Наряду с ячейками в воинских частях, на предприятиях продолжали существовать и работать районные и квартальные пятерки. Заметно повысилась роль венгерско-немецкой подпольной организации, которой руководили Ф. Ф. Пакерт и И. И. Беккэ. Она вела «пропаганду большевистского характера» и поддерживала связь с большевистским подпольем города.

В июне-июле подпольщики усилили подготовку вооруженного восстания. Но провести его не удалось. В середине июня в городе начались новые массовые аресты, продолжавшиеся почти целый месяц, вплоть до прихода Красной Армии. Начальник контрразведки Сибирской армии сообщал 1 июля, что «в связи с раскрытием в настоящее время большевистских организаций среди воинских частей, военнопленных и рабочих уже есть значительное количество арестованных»[3]. Но и в этих условиях мужественная борьба екатеринбургских рабочих продолжалась. 10 июля

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 8, д. 20, л. 30.
[2] Там же, ф. 1437, оп. 1, д. 181, лл. 10, 12, 13.
[3] Там же, ф. 3825, оп. 1, д. 24, л. 899.

в 12 часов дня на ВИЗе собрался митинг, на котором присутствовали все рабочие. Белогвардейская агентура доносила, что на митинге «держались речи, исключительно направленные против существующей власти». Участники митинга почти единогласно вынесли резолюцию о «предпочтении народной Советской власти» и о принятии «всех зависящих мер для должной встречи в «Красном Екатеринбурге» Советской власти» [1].

Рабочие Екатеринбурга много сделали для спасения оборудования. Им помогали железнодорожники. Спасая станционное имущество, подвижной состав, они одновременно выводили из строя ту его часть, которую пытались использовать колчаковцы. Многие паровозы, предназначенные для эвакуации белогвардейцев, оказались испорченными. Так, 16 июля на станции Пышминской был брошен на произвол судьбы эшелон солдат-новобранцев ввиду «порчи паровоза» [2].

Для июня — июля 1919 года, когда происходило освобождение Урала Красной Армией, характерна высокая революционная активность трудящихся и прежде всего рабочих. Усилилось забастовочное движение, причем забастовки приобрели ярко выраженный политический характер. Во второй половине июня забастовали тысячи рабочих на предприятиях и приисках Кыштымского, Нижнетагильского и других округов Среднего Урала.

Широкий размах приобрело революционное движение крестьянских масс. К примеру, в Шадринском уезде в связи с попыткой колчаковцев провести в июле 1919 года мобилизацию подпольщики развернули агитацию, охватившую все волости. В селе Батуринском большевик И. И. Утусиков и другие подпольщики призывали крестьян не ходить на службу к Колчаку, а ждать Красную Армию и вступать в нее [3]. Настроение в селах было явно большевистское. Агитация велась и на сборном пункте в Шадринске. Крестьяне, насильно привезенные из отдельных волостей, разбившись на группы, обсуждали вопросы о положении на фронте, о том, скоро ли придет Красная Армия и как скрыться от колчаковцев. Мобилизуемые отказывались

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 1437, оп. 1, д. 182, л. 11.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 1437, оп. 1, д. 182, л. 13; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 787, лл. 14—16.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 1476, оп. 1, д. 21, л. 2.

ехать из своих сел в город, разбегались по окрестным лесам, брались за оружие [1].

Не менее активно выступали за восстановление Советской власти трудящиеся крестьяне Зауралья, где не прекращалась подпольная деятельность коммунистов. Крупные организации имелись в Моршихе, Суслово и других восточных волостях Курганского уезда. Выделялись своей активностью группы в Казаркино. Подпольщики вели агитацию, призывая крестьян скрываться от мобилизации, прятать в лесах скот, лошадей, не давать белогвардейцам подвод, снабжали пищей группы скрывающихся в лесах. Сусловская подпольная группа во главе с И. Н. Малыгиным, Р. С. Световцевым и другими разрушила железнодорожное полотно у разъезда, организовала крушения воинских эшелонов [2]. Так же действовала подпольная организация в селах Долговское, Частоозерское, Быково, которую возглавляли А. Волосняков, А. Лесников и Я. Черепков.

Белогвардейцам удалось раскрыть организацию. Арестованные крестьяне-подпольщики вели себя стойко. Например, А. С. Волосняков на последнем допросе перед расстрелом, убедившись, что колчаковцы многое знают, заявил: «Что вы знаете относительно нашей организации, то и будете знать, но от меня вы ничего не узнаете. Лучше я умру один, а остальные, оставшиеся на свободе, смогут сделать пользу для трудящегося класса. Сегодня я умру, а завтра вы; если же я выдам своих идейных работников, то у нас никогда народ не достигнет того, чего уже добивается десятки лет. Больше вам сказать ничего не могу, а сейчас могу умирать!» [3]

Чрезвычайно важное значение для победы Красной Армии имела революционная работа уральских коммунистов в войсках противника. Состав армии Колчака весной 1919 года резко изменился. К этому времени в ней преобладали трудящиеся крестьяне. Колчак мобилизовал и фронтовиков — участников первой мировой войны, настроенных большевистски. В армию была призвана также часть рабочих. Все это благоприятствовало революционизированию солдатских масс. Борьба за войско являлась борьбой за укрепление союза пролетариата и крестьянства. Революци-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 1476, оп. 1, д. 4, л. 16.
[2] ПАКуО, ф. 5857, оп. 1, д. 6, лл. 13—15; д. 74, лл. 10—15; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1826, л. 2.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 236, оп. 1, д. 389, лл. 25—39.

онная деятельность коммунистов в колчаковских частях ускоряла рост классового сознания солдат, а это оказало огромное политическое воздействие на широкие массы крестьянства.

На Урале революционная работа среди солдат велась наиболее активно в Челябинске, Екатеринбурге и Перми, где стояли крупные гарнизоны. В Екатеринбурге революционной работой был охвачен весь гарнизон. В первой половине июня 1919 года контрразведка штаба Сибирской армии с тревогой доносила командующему армией: «Большевистское движение среди войск принимает все более угрожающие формы. Солдаты открыто возненавидели все офицерство, следя тщательно за их поведением»[1]. Исключительно сильными были подпольные революционные организации в 49-й артиллерийской бригаде, в команде, охранявшей артиллерийские склады, и инженерном батальоне. В июне солдаты-подпольщики инженерного батальона обсуждали общий план вооруженного выступления. Этот вопрос был предметом обсуждения и в других частях. Подпольщики из команды артиллерийских складов не только готовили солдат к восстанию, но и посылали десятки своих агитаторов в другие города и села для революционной работы. В конце июня белогвардейцам удалось раскрыть данную и некоторые другие подпольные организации. В связи с этим намечавшееся вооруженное восстание не произошло.

Агитация среди солдат велась не только в гарнизонах, но и в действующих частях. Начальник контрразведывательного отделения штаба 1-го Волжского армейского корпуса в докладе «О росте большевистской агитации в войсковых частях и мерах борьбы с ней» отмечал, что «агитация приняла угрожающие размеры. Особенно эти размеры стали ощутимы теперь в связи с разрухой — агитация в частях ведется открыто, без стеснения и при полном сочувствии многих солдат».

Подпольщики подготовили и успешно провели несколько вооруженных выступлений солдат. 20 апреля 1919 года под Оренбургом, у станции Чебеньки, на сторону Красной Армии организованно перешло около 3 рот солдат 7-го и 42-го стрелковых полков. Особенно крупным было восстание солдат нескольких полков в дер. Кузькино, южнее станции Сарай-Гир Самаро-Златоустовской железной дороги.

[1] ЦГАОР СССР, ф. 1437, оп. 1, д. 181, л. 12.

Активную роль в нем сыграл Украинский курень (полк) им. Т. Г. Шевченко, в котором подпольная работа была налажена еще в Челябинске. Восстание началось вечером 1 мая 1919 года, через несколько часов после прибытия полка на фронт и получения оружия. К нему примкнули многие солдаты расположенных тут же 46-го Исетского, 41, 43, 22-го Златоустовского белогвардейских полков и егерского батальона. Восстанием руководили подпольщики шевченковского полка В. Г. Киселев, В. И. Орловский, С. Пацык и другие, а также солдаты Исетского полка — К. Белов, И. Кокин, А. Латков и другие[1]. Восставшие уничтожили многих офицеров и добровольцев и дезорганизовали фронт на большом протяжении. Поздно вечером 1 мая 2500 солдат с артиллерией, пулеметами, огромным обозом с пением «Интернационала» двинулись на соединение с Красной Армией. По просьбе революционных солдат полка им. Шевченко их части было присвоено официальное наименование «210 стрелкового Украинского имени В. И. Ленина полка». Дезорганизация белогвардейского фронта существенным образом облегчила командованию Южной группы советских войск осуществление плана разгрома Западной армии Ханжина.

Никакие меры колчаковцев не могли пресечь дальнейшее революционизирование солдат, их переход к красным и массовое дезертирство из белой армии. Только за 1—15 августа 1919 года из 12-й стрелковой дивизии дезертировали и перешли на сторону красных многие сотни солдат, так что в полках осталось по 150—300 штыков. За время отступления в 47-м Тагильском полку перебежало к красным около 300 и дезертировало около 100 солдат. В 48-м Туринском полку массами разбегались солдаты, мобилизованные в татарских и башкирских селах Уфимской губернии.

Революционная работа проводилась и в иностранных войсках. Летом 1919 года в Екатеринбурге находился сербский «1-й Королевский партизанский отряд». В нем действовала подпольная организация, которую возглавляли Петрович, Радакович, Малбашич, Ваљаджия, Петровский, М. Волжанин и другие. Большая часть солдат была распропагандирована и готова к вооруженному восстанию.

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 1453, оп. 2, д. 74, лл. 141—145; д. 52, л. 63; ЦГАСА, ф. 238, оп. 3, д. 26, лл. 35—36.

Все попытки командования направить отряд на фронт ни к чему не привели. Солдаты открыто требовали отправки на родину, прекращения войны. Они оказались «непригодными» и для несения службы охраны арестованных. В ночь на 4 июля подпольная организация подняла восстание, но оно потерпело поражение. Часть подпольщиков успела скрыться, дождалась прихода Красной Армии и приняла участие в восстановлении в Екатеринбурге Советской власти. Трудней поддавались воздействию большевистской агитации солдаты Сербского полка в Челябинске, но и здесь она дала результаты. К июлю 1919 года многие солдаты полка были уже распропагандированы и деморализованы. В момент боев за город полк почти весь распался, солдаты разбежались.

Таким образом, в результате героической деятельности большевистского подполья ослаблялась главная опора колчаковского режима — армия.

С приближением советских войск и оживлением подпольной работы все больше нарастал размах вооруженной борьбы трудящихся Урала. В городах и селах то и дело вспыхивают восстания, которые колчаковцам не удается подавить. Ширится партизанское движение. Повсюду возникают новые отряды из скрывающихся в лесах дезертиров, из рабочих и крестьян, уклонявшихся от колчаковской мобилизации. Такой отряд возник, например, в районе Сысертского завода, близ Новоипатово. К июлю он достиг 250 человек. Отряд состоял из крестьян и рабочих, бежавших из колчаковской армии, возглавлял его бывший председатель Новоипатовского волостного Совета И. Е. Сумин. Мелкие партизанские отряды, правда, не всегда достаточно организованные и активные, имелись близ Верхней Туры, Березовска, Первоуральска, Камышлова, Нязепетровска, Шадринска, Алапаевска и других городов. Они причиняли белым большое беспокойство, выводили из строя железную дорогу, разрушали мосты, совершали нападения на отдельные части, воинские обозы. Так, в апреле 1919 года партизаны «снесли» часть моста через реку Чусовую, чтобы помешать доставке провианта и снаряжения для северного участка фронта, а также сожгли деревянные мосты — один на Алапаевской ветке через реку Черная, в результате чего потерпел крушение воинский эшелон с продовольствием и фуражом, другой — около станции Самоцвет Северо-Западной Уральской железной дороги.

Из ранее возникших отрядов, сыгравших большую роль в партизанском движении на Урале, можно назвать Михайловский, Уральский (Карабашский), Тюбелясский и Юрюзанский. Михайловский отряд продолжал расти и весной достиг 300 человек. В начале мая отряд разгромил карателей в районе Первых Михайловских углевыжигательных печей, захватил оружие и снаряжение. В конце месяца было организовано крушение эшелона с войсками на перегоне между Нижними Сергами и Бажуково. Погибло немало белых солдат и офицеров. После этой диверсии колчаковцы вынуждены были усилить охрану на железной дороге. Летом партизаны напали около дер. Половинка на белогвардейский конвой, сопровождавший политзаключенных, и освободили 15 человек. В середине июня белые предприняли карательную операцию против части михайловских партизан, базировавшихся в то время в верховьях пруда близ устья реки Демид. Весь карательный отряд, примерно 14 человек, во главе с палачом Соколкиным был уничтожен[1]. Командующий Сводным конным корпусом белых генерал Волков сообщал 2 июля в ставку колчаковских войск: «Сегодня около 3 часов на перегоне между станциями Михайловский и Сергинский вследствие злоумышленной порчи пути эшелон штаба группы потерпел крушение. Разбиты паровоз и пять вагонов. Много убитых и раненых»[2]. Очевидно, и эта операция была делом рук Михайловского отряда. Правда, в районе Михайловского и Сергинских заводов имелись и другие отряды, но они были мелкими и малоактивными.

С Юрюзанским и Тюбелясским отрядами связал свою судьбу представитель Сибирского бюро ЦК И. И. Антонов. Покинув Златоуст и вступив в Юрюзанский отряд, он начал вербовать новых добровольцев. Но оружия на всех не хватало. Антонов выезжал в Сатку, встречался с руководителями подполья. Однако и у них оружия было мало. Отряд совершал диверсионные операции на железной дороге, выводил из строя связь, нападал на мелкие группы солдат. Когда на юрюзанцев напал батальон егерей, почти безоружные партизаны вынуждены были рассеяться, но вскоре борьбу возобновили. И. И. Антонов перешел в Тю-

---

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 161; ф. 221, оп. 2, д. 662, л. 9 об.

[2] Л. М. Спирин. Разгром армии Колчака, стр. 195.

белясский отряд и в его составе сражался вплоть до прихода частей Красной Армии.

Карабашский (Уральский) отряд, которому челябинские и троицкие подпольщики оказывали большую помощь, вырос летом 1919 года до 50 человек. Он провел ряд операций, чтобы вывести из строя железнодорожное полотно, нарушить телеграфно-телефонную линию связи, нападал на мелкие отряды и обозы противника и т. д. Карабашским партизанам удалось захватить немало оружия и около 100 пленных. Вместе с 308-м стрелковым полком 35-й дивизии отряд освобождал Карабаш.

Еще более успешно сражался Нижнеуфалейский отряд, сформировавшийся из восставших рабочих. В бою он добыл около 200 винтовок и 2 пулеметов. В течение двух дней Нижнеуфалейский отряд отбивал нападения отступавших на восток колчаковцев, пока не подошли авангардные части Красной Армии [1].

На Северном Урале летом 1919 года образовалось до десятка партизанских отрядов. Несколько из них действовало в районе Кизела и Лысьвы. Надеждинцы создали отряд, которым командовал А. И. Никитин. В середине июля он успешно действовал на линии Надеждинск — Верхотурье. Так, на станции Верхотурье отряд захватил более 50 пленных, много винтовок и обмундирования, паровозы и вагоны [2]. Небольшие группы и отряды партизан появились в Верхотурском и Ирбитском уездах. В районе Ирбита оперировал вооруженный отряд А. М. Проскурнина. Он был связан с городским подпольем, получал от него разведывательные сведения, оружие и боеприпасы. 17 июля колчаковцы приступили к эвакуации 500 заключенных из Ирбита. Отряд Проскурнина напал в селе Городище на конвой и освободил пленных. Около сел Голубково и Ницинское успешно действовал партизанский отряд А. К. Барышникова. Партизанское движение развернулось также в районе Алапаевска, где подпольщики вели активную агитацию среди рабочих и солдат. В середине июля близ города создается партизанский отряд в 200 человек. Им командовал Г. Черепанов. 20 июля отряд Черепанова и присоединившиеся к нему рабочие освободили Ала-

---

[1] ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 106, лл. 256—257.

[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2049, лл. 3—4; ГАСО НТФ, ф. 195-р, оп. 1, д. 27, лл. 68—69.

паевск. Партизаны отбили также у врага Алапаиху, Н. Шайтанский завод, Верхнюю и Нижнюю Синячиху. Передовой сотне красных разведчиков, а затем основным силам наступающей Красной Армии была устроена торжественная встреча.

В борьбу с врагом вступили и тагильские рабочие. В белогвардейской газете отмечалось, что при отступлении через Тагильский завод особенно пострадала Воткинская дивизия, т. к. на одну из ее частей во время отдыха напали восставшие рабочие. Такие случаи имели место и на других ближайших заводах. 14 июля восстали рабочие Висимо-Шайтанки. Они напали на белогвардейцев, остановившихся на заводе, но затем под их нажимом вынуждены были, отстреливаясь, отступить.

Большое количество партизанских отрядов, состоявших преимущественно из крестьян и дезертировавших солдат белой армии, образовалось в восточной части Челябинского уезда, а также в Шадринском и Камышловском уездах, в Зауралье. Многие из них носили название «кустарных». Из белогвардейских донесений известно, что в Шадринском уезде, около деревень Кнутово и Лаптево летом 1919 года появился отряд «кустарников» численностью до 1000 человек, с двумя пулеметами. Недалеко от села Песчанское действовал другой отряд, в котором насчитывалось около 300 бойцов. Большинство подобных отрядов возникало стихийно и большой роли в партизанском движении не играло. Но были и такие, что создавались подпольными организациями и группами. Так, в селе Балинском партизанский отряд сформировался по инициативе членов Камышловской организации большевиков В. Е. Черноскутова и П. С. Табачникова. Отряд освободил свое село, но затем вынужден был покинуть его. 19 июля 1919 года, в день встречи с Красной Армией, 30 партизан вступили в ее состав. Коммунистами села Каргаполье, которых возглавлял рабочий Богатов, тоже был создан партизанский отряд. До 300 человек насчитывал партизанский отряд, организованный подпольной группой в Далматовской волости.

Весной и летом 1919 года на Урале действовало несколько десятков партизанских отрядов. По приблизительным подсчетам, в партизанском движении здесь участвовали почти 10 тысяч рабочих, трудящихся крестьян и дезертировавших солдат белой армии. Наиболее эффективную помощь Красной Армии оказали отряды, сформировавшиеся

и действовавшие под руководством подпольных большевистских организаций. Эти отряды полностью или в значительной мере состояли из рабочих. Стихийно возникшие отряды, которые объединяли главным образом дезертиров и уклонявшихся от мобилизации крестьян, проявляли недостаточную активность. По масштабам партизанской борьбы Урал отставал от Сибири, где имелись крупные, хорошо организованные отряды и целые соединения партизан. Дело в том, что на Урале, по территории которого проходила линия фронта, концентрировались большие массы белогвардейских войск. Это затрудняло развертывание революционного движения. Следует учесть также, что наиболее активная часть трудящихся до оккупации края влилась в ряды Красной Армии. Были и другие причины социального и политического характера, о которых говорилось выше.

Глубокое разложение белогвардейского фронта и тыла способствовало ускорению темпов контрнаступления советских войск и завершению разгрома колчаковщины на Урале.

После освобождения Златоуста, Екатеринбурга, Уральска войска Восточного фронта под общим командованием М. В. Фрунзе продолжили наступление.

Упорное сопротивление оказывал враг на Челябинском направлении. Он пытался всеми силами удержать в своих руках Челябинск, являвшийся важнейшим стратегическим пунктом на путях в Сибирь. 16—20 июля на подступах к Челябинску в районе Миасс — Чебаркуль разгорелись ожесточенные бои. 24 июля два полка 27-й дивизии — 243-й Петроградский полк под командованием А. М. Шеломенцова и 242-й Волжский полк под командованием С. С. Вострецова — прорвались к Челябинску. Одновременно с тыла со стороны железнодорожной станции по колчаковцам ударили вооруженные рабочие отряды. Совместными усилиями частей 27-й дивизии (начдив Павлов, военком Сапальский) и вооруженных рабочих Челябинск к исходу дня был освобожден. При взятии Челябинска советские войска захватили 1500 пленных, 3000 вагонов с трофеями, 32 исправных паровоза. Общая стоимость трофеев исчислялась в 1 млрд. рублей.

Отмечая заслуги 243-го Петроградского полка, первым ворвавшегося в город, Реввоенсовет Пятой армии наградил командира полка А. М. Шеломенцова орденом Красного Знамени.

Стараясь во что бы то ни стало вернуть Челябинск, колчаковское командование стянуло к городу три свежие сформированные в Сибири, хорошо вооруженные с помощью Антанты дивизии. Колчак решил дать здесь генеральное сражение за Урал. Он рассчитывал силами ударных группировок — северной, которую возглавил генерал Войцеховский, и южной под командованием генерала Каппеля — окружить и уничтожить в районе Челябинска главные силы Пятой армии. Руководство челябинской операцией возглавил Колчак.

С 25 июля по 1 августа 1919 года под Челябинском с неослабевающей силой шли тяжелые кровопролитные бои, в которых с обеих сторон участвовало до 80 тысяч человек. 26-я и 27-я дивизии с трудом сдерживали наступавшие части белых. В этих боях советские войска проявили беспримерное мужество. Отбрасывая штыками неприятельские цепи, они по несколько раз в день переходили в контратаки. Однако 28 июля белогвардейцам ценой огромных потерь удалось приблизиться к городу. В этот критический момент Челябинский ревком и политотдел 27-й дивизии призвали рабочих Челябинска и шахтеров Копейска выступить на защиту города. В городе загудели призывные гудки. В первый же день в Красную Армию записалось 1200 добровольцев. В течение нескольких часов был сформирован и вступил в бой рабочий батальон. Командование 27-й дивизии сообщало о нем Реввоенсовету Пятой армии: «Особенно доблестно сражался рабочий батальон, сформированный в течение 4 часов, бросившийся в бой с пением «Интернационала» [1]. Утром следующего дня, когда колчаковцы прорвались уже на окраину города, в советские полки влилось еще 3200 вооруженных рабочих, в том числе много шахтеров близлежащих копей. Это предрешило исход сражения. Колчаковские войска были смяты и отброшены от города. За героизм, проявленный шахтерами Копейска в защите Республики от интервентов и белогвардейцев, Советское правительство наградило Копейск орденом Красного Знамени.

Челябинская операция завершилась полной победой советских войск. В боях под Челябинском Пятая армия разгромила три белогвардейские дивизии, разбила все его резервы. Только пленными враг потерял 15 тысяч человек.

[1] П. С. Лучевников. Гражданская война на Южном Урале, стр. 174.

Колчаковское командование начало поспешный отвод своих войск в Сибирь.

В дни боев за Челябинск шло освобождение Верхнеуральска. Действовавшая здесь 24-я стрелковая Железная дивизия (начдив Павловский, военком Драгилев) 25 июля вступила в город. И здесь, как и всюду, бойцы и командиры проявляли высокое мужество и героизм как при взятии города, так и при отражении попыток неприятеля вернуть его. Вот один из примеров. Красноармеец А. А. Панфилов, будучи дважды ранен, не ушел с поля боя, а продолжал отстреливаться от наступавших врагов. Своим примером и горячими призывами он сдерживал ряд товарищей, чуть было не поддавшихся панике при виде превосходящих сил врага. Под его водительством группа красноармейцев стойко продержалась до прихода подкреплений и вместе с ними пошла в штыковую атаку. Отважный боец был награжден орденом Красного Знамени [1]. 4 августа части Пятой армии заняли Троицк, расчленив тем самым северную и южную группы войск Колчака. Это было началом конца колчаковской армии.

Развивая наступление вдоль Сибирской железнодорожной магистрали, войска Пятой армии 16 августа 1919 года вступили в Курган, завершив освобождение Урала.

Бои за Златоуст и Челябинск, освобождение южноуральских заводов, Верхнеуральска, Троицка, Кургана и других городов показали, что Пятая армия, созданная всего год тому назад, превратилась в одну из лучших армий Советских Вооруженных Сил. Приветствуя войска Пятой армии с годовщиной ее создания, Совет обороны отметил, что она «стала армией, сильной революционным порывом, сплоченной в победоносных боях при защите Волги и разгроме колчаковских отрядов» [2]. Совет обороны объявил благодарность красноармейцам и командному составу армии.

Задача завершения разгрома южной группировки колчаковских войск была возложена на вновь созданный 13 августа 1919 года Туркестанский фронт в составе Первой и Четвертой армий. Командующим фронтом был назначен М. В. Фрунзе, членом Реввоенсовета — В. В. Куйбышев. Вторая армия была направлена на усиление Южного

---

[1] ЦГАСА, ф. 157, оп. 1, д. 11, л. 276 об.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 330—331.

фронта. Третья и Пятая армии начинали новый этап вооруженной борьбы с интервентами и белогвардейцами — освобождение Сибири.

В начале августа 1919 года красноармейцы Восточного фронта обратились к В. И. Ленину с письмом. «Дорогой товарищ и испытанный верный наш вождь! — писали они.— Ты приказал взять Урал к зиме. Мы исполнили твой боевой приказ. Урал наш... Не первый раз нам приходится по твоей команде вступать в бой с неравным врагом, всегда мы побеждали, сильные верой в правоту нашей борьбы, в торжество революции. Раздался твой мощный голос остановить зарвавшегося врага, не отдавать ему главного нерва Советского Российского организма — Волгу. Мы дали отпор, и о наше сопротивление разбились полчища сибирской контрреволюции. Мы перешли потом в наступление и прогнали врага от Поволжья, теперь мы гоним его в Сибирь, за Уралом... Больше Урал не перейдет в руки врагов Советской республики. Мы заявляем это во всеуслышание. Урал с крестьянскими хлебородными местами и с заводами, на которых работают рабочие, должен быть рабоче-крестьянским...

Наш вождь, мы победили врага у себя на Восточном фронте, но есть еще у Республики враг на Юге, там также борются наши братья. Передай им наш коммунистический боевой привет, укажи, какой тернистый путь выдержали мы, и как мы пришли к победе, каких усилий стоило нам разбить врага. Скажи им, что они не одни, что они будут поддержаны всеми силами, которые могут быть нами, без ущерба для дела, мобилизованы» [1].

---

[1] Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919. Сборник документов и материалов, стр. 358—369.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

28 августа 1919 года в «Правде» было опубликовано знаменитое ленинское «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком». В. И. Ленин выразил величайшее удовлетворение в связи с освобождением Урала от белогвардейских оккупантов, расценивал это как выдающийся успех рабочих и трудящихся крестьян Советской России в трудной борьбе с силами международного империализма. Вместе с тем он предупреждал, что борьба не кончилась, что враг не уничтожен и даже не сломлен окончательно, что нужно приложить еще немало усилий для достижения полной победы над интервентами и белогвардейцами и изгнания их с территории нашей страны. В этом письме, а также в других своих выступлениях вождь Коммунистической партии и Советского государства глубоко вскрыл социальные, политические и военные причины, которые привели к временному торжеству контрреволюции. Он призывал рабочих и крестьян извлечь практические уроки из опыта гражданской войны, чтобы не допустить больше повторения колчаковщины.

Прежде всего, история борьбы с контрреволюцией на Урале выявила необходимость всемерного укрепления Красной Армии. Коммунистическая партия, по словам Ленина, доказала на деле, что она может создать могучую армию, способную защищать Советскую власть от капиталистов и помещиков. Ей удалось решить труднейшую задачу привлечения к военному строительству бывших офицеров старой армии. Опыт войны подтвердил, что без широкого использования старых специалистов, поставленных под строгий контроль военных комиссаров, нельзя было научиться побеждать генералов царя и Антанты. В. И. Ленин особо предупреждал против проявлений партизанщины, которая явилась немаловажной причиной организационной слабости советских войск на Урале.

На протяжении всей истории вооруженной борьбы с контрреволюцией партийные и советские организации Урала отдавали максимум сил делу создания, укрепления и политического просвещения Красной Армии. Первоначально защиту Советской власти взяли на себя добровольческие отряды трудящихся, возникшие по инициативе коммунистов. Добровольцы обладали высоким моральным духом, но большинство из них не умело воевать. Поэтому многочисленные, лучше организованные и обученные войска интервентов и белогвардейцев наносили им поражения. Опыт неудачных боев с чехословаками летом 1918 года ускорил процесс объединения разрозненных отрядов в крупные соединения, организованные по регулярному образцу и подчиненные единому командованию, ускорил переход от добровольческого принципа комплектования армии ко всеобщей воинской повинности трудящихся. Под непосредственным руководством Центрального Комитета партии и при его постоянной поддержке коммунисты Урала в короткий срок проделали огромную работу по мобилизации революционных сил, формированию регулярных полков и дивизий Красной Армии, ядро которых составили добровольческие части, наиболее стойкие идейно и морально. Большая работа была проделана по укреплению воинской дисциплины, созданию единого аппарата управления и снабжения, подготовке командных и политических кадров. Это дало свои положительные результаты. Уже осенью 1918 года в упорнейших сражениях за Волгу и Урал советские войска Восточного фронта, на котором в то время решалась судьба социалистической революции, впервые одер-

жали ряд крупиых побед иад армиями иитервеитов и белогвардейцев.

Опыт граждаиской войиы иа Урале показал исключительиую важиость систематического руководства воеиным строительством со стороиы Коммунистической партии. Ослаблеиие партийного влияиия в войсках иеизбежно вело к поражеииям. Поэтому наша партия, В. И. Леиии проявляли такую заботу об отправке иа фронт иаибольшего числа испытаииых коммуиистов, передовых рабочих, об укреплеиии иистнтута воеииых комиссаров, о создаиии в воииских частях разветвлеииой сети партийиых ячеек, сильиого и авторитетиого партийио-политического аппарата. Коммуиисты составляли оргаиизациоиое ядро Красиой Армии, ее руководящий, мобилизующий и воспитывающий аваигард. Действуя личиым примером и пламеииым большевистским словом, оии сплачивали и идейио воспитывали красиоармейцев, увлекали их иа свершеиие героических подвигов во имя защиты великих завоеваний Октября. Мобилизоваииые иа фроит коммуиисты стали главиой опорой партии в строительстве регулярной, строго дисциплииированной и высоко сознательиой Красиой Армии. Одиако пережитки отрядиой системы давали себя зиать долго. Их живучесть иа Урале в зиачительиой мере объясиялась сильиым влияиием мелкобуржуазных партий, особеиио эсеров, ие признававших иеобходимости регуляриой воениой оргаиизации, вносивших в армию элемеиты аиархизма и самостийиости. Только в результате окоичательиого разоблачеиия соглашателей как прислужииков буржуазии Коммуиистической партии удалось парализовать это вредное влияние.

В. И. Леиии иеоднократио подчеркивал большое зиачеиие для строительства Красиой Армии использоваиия старых воеиных специалистов, которые обучали рабочих и крестьяи техиике ведеиия совремеииой войны. На Урале опыт привлечеиия офицеров старой армии иа службу Советской власти получил широкое распростраиеиие. Сотии специалистов были иаправлеиы в аппарат воеииых комиссариатов. Еще больше непосредствеиио мобилизовывалось иа фроит в качестве штабиых работников, а также для пополиеиия младшего и средиего комсостава. Наиболее крупиые воениые специалисты, перешедшие иа стороиу Советской власти, стаиовились руководителями осиовиых иаправлений фроита, начальниками штабов, командирами полков,

бригад, дивизий и даже командующими армий. Конечно, среди старых офицеров были и изменники, что особенно наглядно продемонстрировал неудачный исход боев за Пермь в декабре 1918 года. Это породило отрицательное отношение к старым специалистам со стороны некоторых руководящих партийных работников Урала и привело их в ряды «военной оппозиции».

Ленин учил, что многомиллионную Красную Армию, способную противостоять полчищам белогвардейцев и интервентов, нельзя создать без активного участия широких трудящихся масс, особенно крестьянства, составлявшего главный контингент красноармейцев. Между тем на Урале вся тяжесть борьбы с контрреволюцией первоначально лежала на плечах рабочего класса и деревенской бедноты. Среднее крестьянство или занимало выжидательную позицию, или прямо поддерживало врагов Советской власти. В силу этого обязательные мобилизации на Урале зачастую давали только количественные, но не качественные результаты, ибо крестьяне, призванные в армию в порядке воинской повинности и не осознавшие еще своего гражданского долга перед Советским государством, воевали плохо, массами дезертировали и переходили на сторону противника. Именно поэтому белогвардейцы имели на Восточном фронте постоянное численное превосходство, в то время как Красная Армия испытывала хронический недостаток надежных резервов. Нежелание зажиточного крестьянства Урала и Сибири с оружием в руках защищать завоевания Октябрьской революции привело к поражению Советской власти, к установлению колчаковской диктатуры. Только испытав на себе дикий произвол капиталистов, помещиков и черносотенной военщины, распознав на горьком опыте классовую сущность белогвардейщины, крестьяне убедились в необходимости вооруженного отпора контрреволюции. В. И. Ленин писал: «...всякий, кто серьезно хочет избавиться от колчаковщины, должен все силы, все средства, все уменье целиком отдать делу создания и укрепления Красной Армии. Не за страх, а за совесть исполнять все законы о Красной Армии, все приказы, поддерживать дисциплину в ней всячески, помогать Красной Армии всем, чем только может помогать каждый,— таков первый, основной и главнейший долг всякого сознательного рабочего и крестьянина, не желающего колчаковщины» [1].

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 152.

Опыт борьбы с колчаковщиной показал далее, что Красная Армия не может быть крепкой без больших государственных запасов хлеба. В условиях острой хозяйственной разрухи и экономической блокады Советское государство вынуждено было запретить свободную торговлю хлебом и ввести продовольственную разверстку, чтобы прокормить армию и рабочих. Однако крестьяне Урала и Сибири, которых Ленин называл «наиболее сытыми», не захотели поделиться своим достатком с голодающими. Ленин говорил, что контрреволюция одержала наибольшие успехи там, где было много излишков хлеба. Когда большевики стали добиваться передачи государству этих излишков по твердым ценам, крестьянство Урала, Сибири, Украины повернуло к Колчаку и Деникину. Колчаковщина достаточно убедительно доказала, что от свободной торговли наживается лишь кучка богачей и спекулянтов, а рабочая масса остается голодной. Ленин подчеркивал неразрывную связь между свободной торговлей, которая вела к восстановлению капитализма, и насилиями над трудящимися. «Свободная торговля хлебом есть экономическая программа колчаковцев,— говорил он,— расстрел десятков тысяч рабочих (как в Финляндии) есть необходимое средство для осуществления этой программы, потому что рабочий не отдаст даром тех завоеваний, которые он приобрел»[1]. Чтобы утвердить господство крупного капитала, Колчак неизбежно должен был встать на путь самых жестоких репрессий не только против рабочего класса, но и против мелкобуржуазных масс, главным представителем которых являлось крестьянство. Колчак обманул крестьян. Он обещал им свободу торговли, а на деле вышла свобода восстановления капитализма. В. И. Ленин призывал трудящихся до конца осознать необходимость передачи в ссуду Советскому государству всех излишков хлеба, ибо только тогда можно будет восстановить промышленность, укрепить рабоче-крестьянскую власть и не допустить возвращения капиталистов и помещиков. «Всякий сознательный рабочий и крестьянин должен знать и помнить,— писал он,— что главная причина недостаточно быстрых и прочных успехов нашей Красной Армии состоит теперь именно в недостатке государственных запасов хлеба. Кто не сдает излишков хлеба государству, тот помогает Колчаку, тот изменник и преда-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 364.

тель рабочих и крестьян, тот виновен в смерти и мучениях лишних десятков тысяч рабочих и крестьян в Красной Армии»[1].

Важным уроком колчаковщины Ленин считал полный и окончательный крах политики соглашательства с буржуазией, которую пытались продолжать меньшевики и эсеры во время гражданской войны. Соглашательские партии, указывал Ленин, прямо содействовали победе белогвардейцев, повлекшей за собой неисчислимые бедствия для трудящихся. Это они всячески пугали колеблющиеся массы диктатурой пролетариата, обвиняли большевиков в нарушении демократии, в насилии над крестьянством. Это они взбунтовали кулаков, спекулянтов, мелких собственников, когда Советская власть стала отбирать хлебные излишки, чтобы спасти рабочих от голодной смерти. Они заключили военный союз с Антантой, чехословаками и белогвардейцами, помогли свергнуть большевиков в Поволжье, на Урале, в Сибири. Соглашатели внушали неискушенным в политике людям, что только Учредительное собрание есть настоящая власть народа, что можно будто бы обойтись без господства одного класса над другим и построить независимое государство, что свободная торговля является неотъемлемым правом демократии. Разогнав с помощью чехословаков Советы, меньшевики и эсеры попытались создать новую власть по этому образцу и торжественно провалились с нею прямо к диктатуре Колчака. На поверку они оказались жалкими болтунами, безвольными марионетками в руках буржуазии и реакционной военщины. Почувствовав свою силу, буржуазия бесцеремонно прогнала соглашателей и поставила у власти Колчака.

Почему так получилось? Почему мелкобуржуазные массы, которые прежде активно поддерживали меньшевистско-эсеровских лидеров, теперь отшатнулись от них? «Потому,— отвечал В. И. Ленин,— что все их слова, все их дела были только обманом и ложью. Потому, что они не сдержали своего слова, не дали народу ни Учредительного собрания, ни народной власти, ни какой бы то ни было другой демократической власти; они учредили у себя диктатуру помещиков и офицеров»[2]. Миллионы крестьян Сибири и Урала звали меньшевиков и социалистов-революционе-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 153.
[2] Там же, стр. 177.

ров, сажали их на власть, а из этого вышла старая русская монархия, старая «держиморда», которая принесла народу неслыханное насилие. Опыт чехословацкого восстания и колчаковщины до конца разоблачил классовую сущность соглашательства. Ленин писал: «В России сознательные рабочие и крестьяне поняли, что меньшевики и эсеры суть пособники белогвардейцев, одни — сознательные и злостные, другие — по неразумию и по упорству в старых ошибках, но все — пособники белогвардейцев» [1].

Анализируя уроки гражданской войны, Ленин требовал от тех, кто прежде колебался между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии, сделать окончательный выбор в пользу рабочего государства. Жизнь подтвердила абсолютную правоту большевиков, которые всегда говорили: может быть только две власти — либо диктатура рабочего класса, либо диктатура капиталистов и помещиков, третьего нет. Крестьяне Урала и Сибири имели возможность практически сравнить эти две власти. В свое время, указывал В. И. Ленин, они были недовольны большевиками, заставлявшими их нести тяготы войны. Но потом увидели, что «большевики брали одну лошадь, а колчаковцы брали все,— и лошадей и все остальное, и вводили царскую дисциплину» [2]. Опыт войны показал, что большевистские тяготы были тяготами для победы над эксплуататорами, что диктатура пролетариата была одобрена рабочими и крестьянами, ибо без нее нельзя справиться с капиталистами и помещиками.

В ходе гражданской войны и иностранной интервенции сложился прочный военно-политический союз рабочего класса со всей массой трудового крестьянства. Испытав на себе тяжелый гнет колчаковщины, крестьяне Урала и Сибири становились сознательными сторонниками большевизма. Это в первую очередь отразилось на моральном состоянии и боеспособности белогвардейских армий. Пока Колчак опирался на добровольцев из среды зажиточных крестьян, ненавидевших диктатуру пролетариата, он одерживал успехи. Но как только его армии стали пополняться за счет принудительных массовых мобилизаций, они потеряли свою классовую однородность, а следовательно, и силу. Насильно мобилизованные крестьяне, которых озло-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 157.
[2] Там же, стр. 41.

била политика Колчака, не хотели защищать власть помещиков и капиталистов, а лишь разлагали колчаковские войска. Отход крестьянских масс от Колчака вызвал полную дезорганизацию белогвардейского тыла, мощную волну народного движения сопротивления. Все это облегчило наступление Красной Армии и ускорило военный разгром колчаковщины.

Окончательный поворот уральского крестьянства на сторону Советской власти, который произошел примерно весной 1919 года, не был чисто стихийным процессом. Уроки колчаковщины создали лишь объективные условия для такого поворота. Он был ускорен и закреплен последовательной целеустремленной борьбой Коммунистической партии за массы, правильной ее политикой по отношению к трудовому крестьянству. Важнейшую роль в этом деле сыграла революционная деятельность партии в тылу врага. В условиях жесточайшего белогвардейского террора, ежеминутно рискуя жизнью, большевики-подпольщики настойчиво просвещали и сплачивали трудящиеся массы, помогали им быстрее осознать классовые цели буржуазной диктауры, убеждали в необходимости активного сопротивления реакционной политике оккупантов. Партия явилась руководящей и организующей силой всенародной борьбы за восстановление Советской власти, которая охватила оккупированную территорию Урала на заключительном этапе войны. Не менее важное значение для перехода крестьянства на сторону сознательного пролетариата имели исторические решения VIII съезда РКП(б). Курс на союз с середняком, провозглашенный съездом в качестве практической задачи партии, окончательно убедил крестьян в том, что только Советская власть может оказать им необходимую поддержку, гарантировать землю, защитить от кулака и помещика.

В речи, посвященной двухлетней годовщине Октябрьской революции, В. И. Ленин напомнил, какие величайшие трудности пришлось преодолеть в борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте. В эту борьбу были вовлечены все силы Антанты. Сотни миллионов рублей были употреблены на помощь Колчаку. Его поддерживали не только эксплуататорские классы, но и сибирские крестьяне, которые поверили белогвардейцам, так как не знали, что такое власть помещиков. Против Советской власти единым фронтом с буржуазией выступали меньшевики и эсеры. Колчак

начал устанавливать свою диктатуру в союзе с ними. Чего же не было на его стороне? «Все было,— говорил Ленин.— Все, что есть у могущественных держав мира, крестьянство и громадная территория, где промышленного пролетариата почти не было. Отчего же все это разбилось? Оттого, что опыт рабочих, солдат и крестьян еще раз показал, что большевики в своих предсказаниях, в своем учете соотношения общественных сил были правы, говоря, что союз рабочих и крестьян трудно осуществляется, но во всяком случае является единственным непобедимым союзом против капиталистов»[1].

Уральским рабочим и трудящимся крестьянам близки и понятны были речи вождя, в которых раскрывалась подлинная правда о Колчаке. И они действительно извлекли для себя практические уроки из пережитого опыта. После изгнания белогвардейских оккупантов советский Урал мобилизовал все силы, чтобы укрепить оборону страны, оказать всяческую помощь Красной Армии.

* * *

Победа на Урале была достигнута в грозный, как определял В. И. Ленин, наиболее критический момент в жизни Советского государства. Видя неминуемое поражение Колчака, империалисты Антанты и белогвардейцы начали в июле 1919 года новый вооруженный поход против молодой Советской республики. Войскам Деникина, являвшимся главной ударной силой нового похода, удалось к этому времени захватить Донбасс и важнейшие продовольственные районы Юга. В создавшейся обстановке использование промышленных, сырьевых, топливных и продовольственных ресурсов Урала имело решающее значение для судеб Советского государства. Освобождение края позволяло также укрепить Красную Армию десятками тысяч новых бойцов.

Однако превращение Урала в оборонную базу фронта представляло огромные трудности. Колчаковцы, отступая под ударами Красной Армии, в корне подорвали экономику края. Они вывезли в Сибирь все наиболее ценное оборудование заводов и фабрик, рудников и шахт, готовую продукцию и запасы материалов, модели и техническую документацию — плод многолетнего кропотливого труда

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 300.

инженеров и рабочих. То, что белогвардейцы не могли вывезти, варварски уничтожили. Они затопили рудники Сойманoccкой долины, шахты Челябинского, Кизеловского и других угольных районов края. Около 70% всех предприятий Урала было разграблено, до основания разрушено врагом. Лишь стремительное наступление Красной Армии и самоотверженная борьба рабочих, с оружием в руках отстаивавших народное добро, помешали окончательному уничтожению уральской промышленности. Общие потери уральской промышленности, по далеко не полным данным, составили свыше 539 млн. рублей золотом. Характеризуя состояние промышленности Урала тотчас после изгнания колчаковцев, А. А. Андреев писал: «Не работало ни одного завода, ни одного рудника, ни одной доменной печи. Горнозаводский Урал, на который мы устремляли надежды, по существу был мертв» [1].

Тяжелые разрушения были произведены на железнодорожном и водном транспорте. Колчаковцы угнали в Сибирь большую часть исправных паровозов и вагонов, сожгли при своем отступлении тысячи вагонов, взорвали мосты, разрушили водоснабжение, железнодорожные депо и другие сооружения. Только на Пермской дороге было взорвано 179 мостов. При своем отступлении колчаковцы сожгли 114 судов и вывели из строя 234 парохода Камского флота, разграбили и разрушили мастерские. «Положительно все, что можно было увезти, увезено, и что можно было испортить, испорчено бежавшими белогвардейцами»,— писал пермский журнал «За коммунизм» [2].

Для того чтобы поднять из руин разрушенное врагом народное хозяйство Урала, поставить его на службу фронту, необходимы были поистине героические напряженные усилия рабочего класса, трудового крестьянства, всех трудящихся. Важнейшей предпосылкой разрешения этой задачи являлось укрепление вышедших из подполья партийных организаций, восстановление во всем крае органов Советской власти, объединение масс в профсоюзные, комсомольские и другие общественные организации.

С помощью Центрального Комитета РКП(б), приславшего на Урал большую группу работников, среди которых были видные деятели партии А. А. Андреев, Е. М. Ярос-

---

[1] «Профессиональное движение», 27 ноября 1919 г.
[2] «За коммунизм», 1920, № 1.

лавский, Р. И. Эйхе, В. Я. Чубарь, Д. Е. Сулимов, уральские коммунисты в короткий срок перестроили и укрепили свои ряды, создали широкую сеть новых партийных организаций на предприятиях и в селах края. Решающую роль в укреплении партийных организаций Урала сыграла партийная неделя, объявленная Центральным Комитетом РКП(б) в конце сентября 1919 года. В это трудное время, когда войска Деникина прорвались к Туле и создали угрозу Москве, а войска Юденича осаждали Петроград, Коммунистическая партия призвала рабочих, крестьян, красноармейцев вступить в ее ряды. Около 200 тыс. рабочих и крестьян Советской Республики стали в дни партийной недели коммунистами.

С большим политическим подъемом в октябре-ноябре 1919 года прошла партийная неделя на Урале. Митинги и собрания рабочих и крестьян, на которых разъяснялись цели и задачи партийной недели, вылились в яркую демонстрацию нерушимого единства трудящихся с Коммунистической партией. В Уфимской губернии в партию вступило 3876 человек, более чем удвоив численность губернской партийной организации, в Пермской губернии — 10 079. В Екатеринбургской губернии в партию вступило 17 700 рабочих и крестьян. По числу новых членов, вступивших в ряды партии в дни партийной недели, Екатеринбургская губерния стояла на первом месте среди всех губерний страны. По всему Уралу в дни партийной недели в Коммунистическую партию вступило более 42 тыс. рабочих, крестьян, красноармейцев.

Одновременно с перестройкой выходивших из подполья и организационным оформлением вновь создаваемых партийных организаций шло создание органов государственной власти, восстановление профессиональных, комсомольских и других общественных организаций. В обстановке прифронтовой полосы вся полнота власти на Урале была временно сосредоточена в руках губернских, уездных, заводских, волостных, сельских и станичных военно-революционных комитетов (ревкомов), создаваемых на основе представительства партийных и общественных организаций трудящихся, а также военных властей. К середине осени 1919 года Урал уже оказался вне прифронтовой полосы. Армии Восточного фронта, отошедшие в ходе контрнаступления Колчака к Тоболу, 14 октября 1919 года сами перешли в решительное наступление и за месяц боев продвину-

лись в глубь Сибири почти на 600 километров. К этому времени ревкомы, восстановив советское законодательство, подавив сопротивление буржуазии, укрепив тыл Красной Армии, оказав первоочередную помощь трудящимся, уже выполнили свои задачи. Создалась возможность перехода к предусмотренным Советской Конституцией выборным органам государственной власти.

Избирательная кампания по выборам в Советы проходила в обстановке острой классовой борьбы с меньшевиками, эсерами и другими врагами трудящихся. Она потребовала от партийных организаций края проведения большой политической и организаторской работы в массах.

Большую помощь партийным и общественным организациям Урала в проведении избирательной кампании оказали прибывшие по направлению Центрального Комитета партии и Советского правительства на агитационно-инструкторском пароходе ВЦИК «Красная Звезда» Н. К. Крупская, Б. М. Волин и другие представители ЦК РКП(б), ряда народных комиссариатов, ВЦСПС, ЦК РКСМ, Московского и Петроградского Советов.

В. И. Ленин придавал очень большое значение рейсу агитационно-инструкторского парохода в Поволжье и на Урал. «Перед отъездом,— пишет в своих воспоминаниях о Ленине Н. К. Крупская,— мы долго толковали с Ильичем, как и что надо будет делать, чем помогать населению, на каких вопросах больше всего останавливаться, во что особенно вглядываться. Ильича самого тянуло поехать, да нельзя было работы ни на минуту бросить. Накануне отъезда проговорили всю ночь, поехал Ильич провожать нас на вокзал, заказал регулярно писать ему, разговаривать с ним по прямому проводу» [1]. Проведя большую агитационную работу среди трудящихся, работники агитпарохода вместе с тем ознакомили местных партийных и советских работников с опытом партийного, советского и хозяйственного строительства, накопленным в стране, помогли им исправить допущенные ошибки, укрепить революционную законность, наметить конкретные пути претворения в жизнь решений VIII съезда партии, декретов и постановлений Советского правительства.

Итоги выборов в Советы показали возросшую полити-

---

[1] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 424.

ческую активность и сознательность рабочих и крестьян Урала, прочную поддержку ими политики Коммунистической партии и Советского государства, полную политическую изоляцию меньшевиков и эсеров. Переход от системы назначаемых ревкомов к выборным снизу доверху Советам означал дальнейшее развитие советской демократии, способствовал развитию политической активности масс, более широкому их участию в социалистическом строительстве и в обороне страны.

Тотчас после отступления колчаковских войск началось восстановление промышленности и транспорта. Рабочие, возглавляемые коммунистами, брали управление предприятиями в свои руки и начинали восстанавливать разрушенное.

ЦК партии, Советское правительство, лично В. И. Ленин оказывали трудящимся Урала большую помощь в возрождении экономики края. На Урал было направлено несколько больших групп хозяйственников и инженерно-технических работников. Только осенью 1919 года ВСНХ командировал на предприятия края 146 хозяйственников, в том числе 44 инженера и 23 техника. Проявляя заботу о нуждах рабочих Урала, В. И. Ленин 20 ноября 1919 года предписал военным властям, руководству Пермской железной дороги и продорганам «во что бы то ни стало снабдить всех рабочих Урала, особенно Екатеринбургский район, Кизел и другие угольные районы полным запасом необходимого продовольствия»[1]. Проверяя 15 декабря 1919 года выполнение этой директивы, В. И. Ленин требует регулярной (2 раза в месяц) присылки отчетов[2].

Благодаря самоотверженности и героизму рабочего класса, помощи трудового крестьянства, к концу 1919 года были восстановлены Златоустовский, Мотовилихинский и многие другие заводы Урала, пущены в ход 14 доменных и 16 мартеновских печей, 49 прокатных станов. Серьезные успехи были достигнуты в восстановлении транспорта. На Уфимском участке Самаро-Златоустовской железной дороги был восстановлен большой мост через р. Белую. Получив сообщение об открытии движения по Бельскому мосту, В. И. Ленин 10 октября 1919 года горячо поздравил всех участников восстановительных работ и передал им благо-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 85.
[2] См. Ленинский сборник XXXIV, стр. 245.

дарность Совета обороны. На Пермской железной дороге к началу 1920 года было восстановлено более 85 мостов. Пермские водники подняли 18 пароходов, сожженных и затопленных колчаковцами, восстановили 59 пароходов, с которых белогвардейские банды увезли важнейшие механизмы, отремонтировали 132 парохода, 85 барж и дебаркадеров. Тюменские водники восстановили пароход «Алтай» и выстроили новый двухпалубный пароход «Товарищ Усиевич». Оценивая проделанную рабочим классом работу по восстановлению промышленности и транспорта, А. А. Андреев после своей поездки по Уралу в октябре 1919 года писал: «Необходимы были какие-то чудеса для того, чтобы оживить этого гиганта (горнозаводский Урал.— *Я. Н.*), который необходим Советской России. И эти чудеса были проявлены. Рабочая самодеятельность в оживлении промышленности двигала горами...» [1]

Ярким проявлением героизма рабочего класса, его стремления помочь фронту явились коммунистические субботники. В конце августа 1919 года на Чусовском заводе, в Екатеринбурге и Челябинске состоялись первые на Урале коммунистические субботники, а уже в сентябре они получили широкое распространение на всем Урале. Став действенным средством борьбы с разрухой, коммунистические субботники вместе с тем явились могучим фактором коммунистического воспитания масс.

Своей героической борьбой за восстановление промышленности и транспорта рабочий класс Урала уже во второй половине 1919 года внес крупный вклад в оборону страны. Рабочие Ижевского завода, начав в июне производство винтовок, довели их выпуск к концу года до 20 300 штук в месяц. Мотовилихинский завод дал фронту 40 орудий, более 2,5 тыс. снарядов крупного калибра и другую военную продукцию. В этот период, когда от Советской страны был отрезан Донбасс, Урал был единственной крупной угольно-металлургической базой Республики. Во второй половине 1919 года на заводах края было выплавлено более 2 млн. пудов чугуна и более 3 млн. пудов стали. С момента освобождения Урала до конца 1919 года с учетом старых запасов, имевшихся на заводах, в центральные районы было вывезено около 2,5 млн. пудов чугуна, железа, полуфабрикатов, рельсов, специальных сталей, меди и различных ме-

[1] «Профессиональное движение», 27 ноября 1919 г.

таллических изделий. Шахтеры Урала работали под лозунгом: «Каждый добытый пуд угля — снаряд, который разбивает полки неприятеля». Получение уральского металла и угля предотвратило неизбежную остановку железнодорожного транспорта и оборонных заводов Центральной России и сыграло важную роль в разгроме второго объединенного похода Антанты.

Еще больше возрос вклад уральцев в укрепление обороноспособности страны весной 1919 года в период мирной передышки. Вскоре после IX съезда партии в крае было учреждено Уральское бюро ЦК РКП(б), объединившее деятельность партийных организаций Екатеринбургской, Пермской, Челябинской, Уфимской и Тюменской губерний. Был создан также областной экономический орган — Уральское промышленное бюро ВСНХ.

Воодушевленные перспективой мирного хозяйственного строительства, трудящиеся Урала, руководимые партийными организациями, отдавали все свои силы борьбе с разрухой. Большой победой трудящихся Урала в этот период явилось восстановление на два месяца раньше срока крупнейшего Камского моста у Перми. «Вот пример горячего стремления защищать Советскую Россию не только с оружием в руках, но и на пути мирных завоеваний»,— писала газета «Известия»[1]. 27 февраля 1920 года Совет труда и обороны принял подписанное В. И. Лениным постановление, в котором отметил исключительную энергию и дисциплину труда, проявленные строителями моста, и решил выдать им денежное вознаграждение[2].

12 марта на месяц раньше срока вступил в строй мост через Каму у Сарапула, восстановленный героическими усилиями рабочих и красноармейцев Запасной армии Республики.

В период мирной передышки разрозненные коммунистические субботники выливаются во всеуральские субботники и воскресники, в трудовые недели и месячники. С огромным подъемом по призыву партийных организаций края с 1 по 30 апреля прошел на Урале трудовой месячник, завершившийся участием во Всероссийском воскреснике 1 мая 1920 года.

Более 450 тыс. рабочих и крестьян Урала приняло уча-

---

[1] «Известия ВЦИК», 22 февраля 1920 г.
[2] См. Ленинский сборник XXIV, стр. 270.

стие в трудовом месячнике. «Результаты трудового месяца, инициатива которого исходила из глубин самих рабочих масс,— писала «Правда»,— ясно показывают, что рабочий класс Урала готов на новую борьбу для налаживания всех сторон нашей экономической жизни» [1].

Мирная передышка оказалась кратковременной, уже в конце апреля она была прервана третьим объединенным походом империалистов против Советской Республики. Снова по зову Коммунистической партии поднялась на борьбу с врагом трудовая страна. Самоотверженно боролись за победу железнодорожники Урала. К лету 1920 года Пермская железная дорога, несмотря на колоссальные разрушения, причиненные ей колчаковцами, стала в ряд лучших железных дорог страны. В 1920 году на дороге было перевезено 244 101 вагон различных грузов, то есть более чем в два с четвертью раза больше, чем в 1919 году [2].

Крупное оборонное и народнохозяйственное значение имело открытие 1 июля 1920 года в назначенный Советом обороны срок движения по новой железнодорожной линии Казань — Екатеринбург, значительно улучшившей связь Урала и Сибири с центральными районами страны.

Отвечая на новый поход империалистов, усилили снабжение фронта вооружением оборонные заводы края. Мотовилихинский завод в 1920 году дал Красной Армии 283 орудия, более 10 тыс. снарядов крупного калибра и другое вооружение. Много оружия и боеприпасов дал фронту Златоустовский завод. В начале 1920 года В. И. Ленин обратился к рабочим завода с телеграммой, в которой от имени Советского правительства призвал их усилить производство оружия и снаряжения для армии. Воодушевленные обращением вождя, рабочие превысили на 15% производительность труда довоенного времени и с честью выполнили задание Советского правительства. Красная Армия получила в 1920 году более 70 тыс. знаменитых златоустовских шашек и кинжалов, более 45 тыс. саперных лопат и 726 фугасных бомб и шрапнелей.

Много военной продукции дали и другие заводы Урала. Верхнетуринский завод изготовлял бомбометы и ремонтировал пулеметы, Верх-Нейвинский, Нижнеисетский, Ниж-

[1] «Правда», 8 мая 1920 г.

[2] Статистический ежегодник 1918—1920 гг. Вып. I. М., 1921, стр. 24—25; «Серп и молот», № 6—7, апрель 1921, стр. 99.

несергинский, Ревдинский, Кусинский, Симский и ряд других заводов дали Красной Армии более 2,5 тыс. военных повозок, походных кухонь, дезинфекционных камер. На предприятиях Урала было изготовлено более 215 тыс. пар армейской обуви, текстильные фабрики края дали для пошива обмундирования около 700 тыс. метров сукна.

Огромную роль в укреплении обороноспособности страны сыграла угольная и металлургическая промышленность Урала. В 1920 году копи Урала дали стране около 57,5 млн. пудов каменного угля. На заводах края было выплавлено более 5 млн. пудов чугуна, 7,2 млн. пудов стали и получено более 8,5 млн. пудов проката. Это составляло более 70% всего выплавленного в стране чугуна, около 73% выплавленной стали, почти 100% произведенных в стране рельсов и 62% другого проката. Таким образом, в период отражения третьего объединенного похода Антанты, как и в период разгрома второго похода, военная экономика Советской страны опиралась на промышленные ресурсы Урала.

В этот период Урал явился также крупной продовольственной базой Советского государства. В 1919/20 хозяйственном году только заготовки хлеба и зернового фуража составили на Урале 40,3 млн. пудов, а в 1920/21 хозяйственном году — 44,6 млн. пудов. Поставки продовольствия Советскому государству явились одним из самых надежных свидетельств укрепления военно-политического союза рабочего класса и крестьянства, прочной поддержки Советской власти тружениками уральской деревни, их все более активного участия в обороне страны и в социалистическом строительстве.

Укрепляя военную экономику Советской страны, трудящиеся Урала ни на минуту не забывали о необходимости пополнения Красной Армии резервами. Решающую роль в подготовке боевых пополнений для фронта сыграл вдохновляющий пример коммунистов. Только с октября 1919 по ноябрь 1920 года в результате партийных мобилизаций, объявленных Центральным Комитетом партии, ушло на фронт свыше 8 тыс. уральских коммунистов. Это составляло более $^1/_7$ общего числа коммунистов, мобилизованных в этот период всеми партийными организациями страны (без Украины). Кроме того, партийные организации Урала направили на укрепление формировавшихся в крае воинских частей еще несколько тысяч коммунистов.

На вооруженную борьбу с врагом вместе с коммуниста-

ми ушло также много комсомольцев. В Пермской губернии осенью 1919 года на фронт отправилось 459 комсомольцев, в Екатеринбургской — около 3 тыс., то есть 60% всего состава губернской комсомольской организации. В 1919—1920 гг. комсомол Урала дал фронту не менее 10 тыс. стойких защитников Советской Родины.

По примеру коммунистов шли добровольцами на фронт беспартийные рабочие и крестьяне. Только в Уфимской губернии в период борьбы за разгром второго объединенного похода Антанты на фронт ушло более 10 тыс. добровольцев.

Большая политическая и организаторская работа партийных и советских организаций в массах, подкрепленная вдохновляющим примером коммунистов и добровольцев, смело идущих на бой с врагом, обеспечили успешное проведение в крае всех общегражданских мобилизаций в Красную Армию. Общее число мобилизованных с лета 1919 до конца 1920 года составило на Урале более 325 тыс. человек. Подготовка боевых пополнений проходила в десяти дислоцированных на Урале запасных частях, давших фронту около 610 маршевых рот, батарей и эскадронов с общим числом более 89 тыс. красноармейцев. На Урале были вновь сформированы три стрелковые и одна кавалерийская дивизия, пять отдельных бригад, два отдельных полка и другие части. Созданные на Урале боевые части и соединения доблестно сражались с врагом на Восточном, Южном и Западном фронтах. За мужество и героизм Отдельная башкирская стрелковая бригада и другие части, сведенные в «Башкирскую группу войск», были награждены Красным знаменем Петроградского Совета. За героизм и отвагу, проявленные при штурме твердынь Крыма, 51-й стрелковой дивизии под командованием В. К. Блюхера было присвоено наименование «Перекопской». Сформированный Тюменским губкомом РКП(б) из коммунистов и беспартийных добровольцев кавалерийский эскадрон отличился в боях и за прорыв врангелевского фронта в Донбассе был награжден орденом Красного Знамени.

Своей самоотверженной героической борьбой на фронтах гражданской войны и за создание прочного тыла Красной Армии трудящиеся Урала внесли достойный вклад в защиту завоеваний Октябрьской революции. В период второго и третьего объединенных походов Антанты Урал с честью выполнил свою историческую роль опорной оборон-

ной базы Советской страны. На промышленные, сырьевые, продовольственные ресурсы Урала, на его боевые пополнения опиралась Красная Армия, довершая на просторах Сибири разгром Колчака, громя войска Деникина, белополяков, Врангеля.

Уральцы свято хранят свои революционные традиции. В годы предвоенных пятилеток под руководством ленинской партии они гигантски развили экономику своего края, который в тяжелый период Великой Отечественной войны стал могучим арсеналом фронта. Разгром контрреволюции в годы гражданской войны, историческая победа советского народа над силами империализма в войне 1941—1945 гг. показывают непобедимость народа, взявшего в свои руки власть и руководимого Коммунистической партией. «Никогда не победят того народа,— говорил Ленин,— в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда» [1].

Под водительством Коммунистической партии, под знаменем великого Ленина вместе со всем советским народом строят уральцы светлое здание коммунизма.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315.

СОДЕРЖАНИЕ

О. А. Васьковский, М. А. Молодцыгин,
Я. Л. Ниренбург, И. Ф. Плотников,
В. С. Скробов

Гражданская война и иностранная интервенция на Урале

Редактор Л. Адамова
Художник М. Заводчиков
Художественный редактор Б. Тюфяков
Технический редактор К. Проскурникова
Корректоры К. Ушакова, Н. Давыдова

Сдано в набор 24/II 1969 г. Подписано в печать 19/V 1969 г. НС 14 620. Бумага типографская № 2. Формат 84×108/32. Уч.-изд. л. 22,29. Усл. печ. л. 20,58. Тираж 5300. Заказ 161. Цена 94 коп.

Средне-Уральское Книжное Издательство, Свердловск, Малышева, 24

Типография издательства «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

94 коп.

СРЕДНЕ-
УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК
1969

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА УРАЛЕ